

Г. Д. Алексеева

КРИТИКА
эсеровской
концепции
Октябрьской
революции

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

Г. Д. Алексеева

КРИТИКА
эсеровской
концепции
Октябрьской
революции

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. В. ГУСЕВ

МОСКВА НАУКА 1989

ББК 63.3(2)71
А47

Рецензенты:

доктор исторических наук

А. И. ЗЕВЕЛЕВ,

доктор исторических наук

Л. М. ГАВРИЛОВ

А $\frac{0503020400-415}{042(02)-89}$ КБ-35-34-88

ISBN 5—02—008497—2 © Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую страницу всемирной истории, указав эксплуатируемым массам всего мира истинно революционный путь борьбы за радикальное решение важнейших социальных проблем в интересах трудящихся. Она, как подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, явилась «переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией»¹.

«Революция в России стала как бы вершиной освободительных устремлений, живым воплощением мечтаний лучших умов человечества — от великих гуманистов прошлого до пролетарских революционеров XIX и XX веков»².

Великий Октябрь со всей очевидностью показал, что при наличии в стране необходимых объективных и субъективных предпосылок непременным условием победы пролетариата является последовательная борьба Коммунистической партии с противниками марксизма-ленинизма и социализма. «Партия нового типа создавалась и крепла в непримиримых схватках с ревизионизмом и правым оппортунизмом, догматизмом и левацким авантюризмом»³. Победа социалистической революции в России в 1917 г. стала торжеством марксизма-ленинизма над различными течениями и формами чуждой пролетариату идеологии, продемонстрировав его преимущества как подлинно научной теории общественного развития.

Весь ход истории XX в. — победа социализма в СССР и других странах, распространение идей марксизма-ленинизма, рост коммунистических и рабочих партий, образование мировой системы социализма, крах колониализма — свидетельствует о неодолимом движении человечества к коммунизму. «Нынешний социально-политический облик мира — закономерный результат исторического процесса, начало которому положил Октябрь»⁴.

В условиях бурного развития мирового коммунистического и рабочего движения, демократических движений, национально-освободительной борьбы трудящихся первостепенное значение имеет исторический опыт первой в истории победоносной социалистической революции.

Деятельность Коммунистической партии по руководству трудящимися массами в ходе подготовки и осуществления буржуазно-демократической, а затем социалистической революций, борьба за утверждение в рабочем движении научной концепции революции, заключение соглашений на различных этапах революции с непролетарскими партиями, завоевание средних слоев на сторону пролетариата — все это является неотъемлемой частью мирового революционного опыта российского пролетариата, без изучения и использования которого невозможен научный подход к решению насущных проблем социального и национального освобождения трудящихся. Подводя итоги идейной борьбы и обобщая опыт деятельности партии большевиков, В. И. Ленин сделал в 1920 г. вывод, имеющий громадное практическое значение для всего коммунистического и рабочего движения. «Все дело теперь в том,— писал В. И. Ленин,— чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и «левым» доктринерством, так и *конкретные особенности*, которые эта борьба принимает и неизбежно должна принимать в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры...»⁵

Как известно, современный революционный процесс представляет собой весьма сложное явление. Это определяется составом участвующих в нем классов и социальных групп, характером деятельности возглавляющих их политических партий и организаций, их идеологически, программными и тактическими установками, средствами и формами борьбы.

Включение в антиимпериалистический фронт борьбы широких непролетарских масс создает питательную среду для распространения мелкобуржуазной идеологии, с присущим для этих слоев типом мышления, их взглядами на процесс общественного развития, пути и формы борьбы. Во многих развивающихся странах, где преобладает крестьянское население, получают распространение различные концепции крестьянского утопического социализма народнического толка. Для них характерны идеализация мелкого

собственника и его частного хозяйства, преувеличение революционных потенций средних слоев, вера в возможность достижения социализма на основе кооперирования сельского хозяйства при сохранении позиций капитализма в промышленности, проповедь классового союза с буржуазией и т. п. В ряде стран появляются теории «демократического», «национального», «этнического» социализма, предпринимаются попытки найти предпосылки социализма в отживших формах прошлого⁶. Вновь получают распространение отвергнутые жизнью идеи о возможности изменения классового характера современного общества и «усовершенствования» буржуазного строя посредством «новой» идеологии и морали, путем утверждения «идеалов гуманизма и справедливости», использования достижений культуры и научно-технической революции. Все эти концепции по существу возрождают утопические теории прошлого, идеализируют архаические отношения и формы без учета характера и закономерностей современной эпохи, ее ведущих тенденций⁷.

В развивающихся странах идеологи мелкобуржуазных слоев усиленно пропагандируют идеи о перенесении центра мирового революционного движения в аграрные регионы этих стран, а мелкой буржуазии приписывают роль лидера и главной движущей силы современного революционного процесса. При этом они противопоставляют город деревне, а пролетариат другим социальным слоям общества⁸. В ряде стран в сознание масс усиленно внедряются представления о том, что якобы интеллигенция, а не рабочий класс является руководящей и направляющей силой современного революционного движения, что именно она выражает интересы трудящихся, борющихся за демократию и социализм.

Среди различных слоев молодежи капиталистических стран имеет место увлечение мелкобуржуазным радикализмом, теорией и практикой индивидуального террора, что используется современным экстремизмом, неофашизмом и реакционной буржуазией для борьбы против революционного движения⁹.

Распространяющиеся концепции потери пролетариатом роли гегемона в борьбе за демократию и социализм, возможности достижения социализма лишь через реформы, совершенствования буржуазной демократии, изменения интеллектуально-нравственного содержания общественной жизни и деятельности людей и т. д. широко поддерживаются и утверждаются средствами массовой пропаганды

Запада, борющимися против социализма, мирового рабочего и коммунистического движения¹⁰. Предпринимаются также попытки противопоставить теории и практике научного коммунизма различные формы немарксистского, мелкобуржуазного социализма и оппортунизма. Одновременно поднимаются на щит бунтарский революционаризм, авантюризм и терроризм разного рода ультралевых течений¹¹, причем нередко это предпринимается в явно провокационных целях.

Как отмечается в Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС, существенная особенность идеологической работы на современном этапе состоит в том, что «она идет в обстановке острого противоборства социалистической и буржуазной идеологии»¹². В этих условиях важное значение приобретает всестороннее и глубокое изучение советскими историками, всеми обществоведами буржуазных и мелкобуржуазных воззрений, направленных на защиту устоев капитализма, оправдание частной собственности и эксплуатации. «Буржуазная идеология — идеология обслуживания капитала и прибылей монополий, авантюризма и социального реванша, идеология общества без будущего»¹³. Ее главные установки — «любимыми приемами приукрасить капитализм, прикрыть его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры; всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс»¹⁴.

Борясь за экономический, социальный и духовный прогресс советского общества, Коммунистическая партия таким образом строит работу идеологических кадров, включая и обществоведов, чтобы обеспечить решение коренных задач в сфере идеологии — упрочение позиций марксизма-ленинизма, интеллектуальных и нравственных ценностей социализма. «Тем самым социализм возводит все более прочный заслон идеологии и политике войны и милитаризма, реакции и насилия, всем формам человеческоненавистничества, активно содействует социальному прогрессу человечества»¹⁵.

Многие из распространенных в настоящее время концепций идентичны или близки по своей природе и внутреннему содержанию тем, которые в прошлом активно пропагандировали эсеры. Это делает особенно актуальным изучение содержания этих концепций, их роли в идейной жизни начала XX в., опыта борьбы В. И. Ленина, большевиков против мелкобуржуазных трактовок социализ-

ма, классовой борьбы и революции, а также всевозможных искажений истории пролетарской революции в России, которые предпринимались, в частности, и идеологами мелкой буржуазии — эсерами.

На политической арене партия социалистов-революционеров, образовавшаяся в результате объединения различных народнических кружков и групп, существовавших на рубеже XIX—XX вв., появилась в конце 1901 — начале 1902 г., в условиях, когда в стране назревала буржуазно-демократическая революция¹⁶. Одним из проявлений этого процесса был рост массового крестьянского движения, имевшего буржуазно-демократический характер. Партия эсеров стала выразительницей классовых устремлений средних слоев города и деревни, боровшихся за ликвидацию самодержавия, завоевание политических свобод, решение аграрного вопроса в интересах мелкого собственника.

Характерной чертой мелкобуржуазной демократии, представителями которой были эсеры, является отсутствие единства и последовательности в идейно-теоретических позициях, политической доктрине и практических действиях. В силу социальной неоднородности средних слоев города и деревни выражавшая их интересы партия социалистов-революционеров переживала естественный процесс брожения и внутреннего разложения, который углублялся по мере усиления классовой борьбы и приближения социалистической революции. Уже в период первой буржуазно-демократической революции 1905 — 1907 гг. от партии социалистов-революционеров откололись пародные социалисты и эсеры-максималисты. В годы первой мировой войны в партии эсеров появилось левое течение — эсеры-интернационалисты, которые в ноябре 1917 г. образовали самостоятельную партию левых эсеров. В результате обострения классовой борьбы в деревне летом 1918 г. и перехода части левых эсеров на позиции вооруженной борьбы против Советской власти отделившиеся от них группы образовали две новые партии: «революционных коммунистов» и «народников-коммунистов».

Процесс распада мелкобуржуазной демократии получил адекватное отражение в идейно-теоретических позициях различных течений эсеровской партии, в их оттопении к буржуазно-демократическим революциям 1905 — 1907 и 1917 гг., к Великой Октябрьской социалистической революции.

Теоретики и лидеры партии эсеров уже вскоре после Февраля и Октября создали свою политическую концепцию Октябрьской революции. Их главная цель состояла в том, чтобы выяснить причины поражения партии эсеров и победы большевиков, выработать свое отношение к революционным изменениям и перспективам развития страны. И хотя все течения эсеровской мысли имели общую идейно-теоретическую основу, в политической доктрине и трактовках Октябрьской революции у эсеров были серьезные расхождения. Прежде всего они касались таких вопросов, как оценка Февраля и Октября, диктатура пролетариата, социальная политика Советской власти, перспективы развития мировой революции. Все это побудило автора выделить в самостоятельные главы и разделы критический анализ воззрений на Октябрьскую революцию и последовавшие за ней события правых и левых эсеров, группы «Народ», «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов».

Хотя период существования эсеровской концепции Октября в России был весьма непродолжительным, а число вышедших по этой проблеме работ — сравнительно небольшим, тем не менее их критическое изучение представляет значительный научный и практический интерес. Оценки Октябрьской революции и ее социально-экономических и политических преобразований занимали центральное место в эсеровских изданиях первых лет Советской власти. Эта литература дает возможность проанализировать идеологию, классовые настроения и социальные устремления преобладающей части мелкой буржуазии, ее колебания в условиях победы и упрочения диктатуры пролетариата, в условиях гражданской войны.

Эсеровская концепция Октября явилась в той или иной мере теоретической основой платформ различных народнических группировок, лидеры которых пытались выработать программу и тактику в условиях острой классовой борьбы переходного периода. Без изучения эсеровской концепции революции нельзя понять поведение партий эсеров и отколовшихся от нее группировок и течений, причины краха той части эсеров, которая связала свою судьбу с контрреволюцией. Изучение взглядов представителей левого течения эсеров позволяет раскрыть идейную эволюцию тех левонароднических группировок, которые пошли на блок с большевиками и сотрудничество с Советской властью.

При изучении эсеровской концепции Октября следует учитывать, что она оказывала и продолжает оказывать влияние на зарубежную буржуазную историографию, которая нередко использует не только фактический материал, но и оценки, содержащиеся в ней¹⁷. Поэтому изучение эсеровских воззрений на Октябрьскую революцию позволяет понять истоки многих современных публикаций.

В современной буржуазной историографии история партии социалистов-революционеров занимает заметное место¹⁸. Главенствующее положение принадлежит концепции, согласно которой эсеры были единственными и последовательными защитниками интересов крестьянства, выразителями его «социалистических устремлений», борцами за демократию и социализм, хранителями идеологии и традиций русского народничества¹⁹. При этом затушевывается мелкобуржуазная природа этой партии, преувеличиваются ее численность и популярность, игнорируются идеологические вопросы, позволяющие в полной мере раскрыть историческую эволюцию эсеров. Их поражение в 1917 г. объясняется лишь стечением обстоятельств и допущенными тактическими ошибками.

В современной зарубежной литературе нередко показывается история борьбы большевиков против идеологии и политики партии эсеров, а ее лидер В. М. Чернов преподносится как выдающийся теоретик. Однако оценки его деятельности не только не учитывают реальный ход событий, но подчас строятся на игнорировании ряда важных фактов²⁰. Контрреволюционную деятельность эсеров в 1917—1920 гг. и в эмиграции некоторые буржуазные историки изображают как борьбу за демократию и народовластие.

Указанные выше обстоятельства побудили автора избрать темой исследования критический анализ эсеровских воззрений на Октябрьскую революцию, изучение борьбы В. И. Ленина, партии большевиков против идеологии эсеров, завершившейся полным крахом, а затем и гибелью этого мелкобуржуазного идейного течения. Успех борьбы Коммунистической партии против мелкобуржуазных объяснений истории Октября определялся в значительной мере тем, что эсеровским трактовкам социалистической революции была противопоставлена марксистско-ленинская концепция Октября. Она стала основой идеологической работы Коммунистической партии, ее последовательной борьбы против эсеровских оценок революции и ее последствий.

После победы Октября изучение истории социалистической революции в России стало для В. И. Ленина и его соратников необходимым условием подведения итогов многолетней напряженной работы партии большевиков. Уже в 1918 — 1919 гг. появились первые фундаментальные труды В. И. Ленина об Октябрьской революции («Очередные задачи Советской власти», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» и др.). Выдающийся теоретик и вождь пролетарской революции в России В. И. Ленин стал и ее первым историком. В. И. Ленин рассматривал историю Октября как важное средство обобщения и пропаганды революционного опыта российского пролетариата, его распространения в мировом коммунистическом и рабочем движении. Подчеркивая важность изучения истории революции в России, В. И. Ленин отмечал, что «у этой истории больше всего надо учиться, в ее ход и в ее классовое значение больше всего надо вдумываться»²¹.

В изучении истории Октября коммунисты видели одно из важнейших условий дальнейшего обогащения марксистско-ленинского учения, творческого развития важнейших теоретических положений о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, путях и средствах созидания нового, социалистического общества. В. И. Ленин дал непревзойденные образцы научного анализа недавно свершившихся событий, связав их с предшествующим развитием и дальнейшей борьбой за революционное преобразование общества в интересах широких трудящихся масс²².

Ленинская концепция Великой Октябрьской социалистической революции органически связана с материалистической теорией всемирно-исторического процесса и роли революции в смене общественно-экономических формаций. Всестороннее изучение конкретного хода событий, ведущих закономерностей революционного процесса и его особенностей в России, конкретных этапов и форм классовой борьбы позволило В. И. Ленину охарактеризовать Октябрь как глубоко народную революцию эпохи империализма, как начало новой эры мировой истории²³.

Для разработки избранной темы огромное значение имеет ленинская концепция возникновения, практической деятельности и краха партии эсеров. В. И. Ленин дал глубокий анализ ее социального состава, идеологии, программы и тактики. Всесторонний подход к партии эсеров и ее деятельности в период трех революций в России

позволил В. И. Ленину вскрыть мелкобуржуазную сущность этой политической партии, определить важнейшие тенденции и перспективы ее развития в условиях острой классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

На примере эсеров В. И. Ленин охарактеризовал важнейшие черты мелкобуржуазной революционности: идейную и организационную неустойчивость, неспособность к последовательной революционной борьбе, колебания между пролетариатом и буржуазией, склонность к соглашению с последней, ограниченный характер демократизма. Важное место в ленинской концепции занимал критический анализ философских, историко-социологических, экономических воззрений эсеров, классовых истоков их враждебного отношения к марксизму, сочетавшегося с заимствованием ряда положений из арсенала международного оппортунизма. В 1905 г. В. И. Ленин писал: «Чтобы сознательно разобраться в современных спорах, чтобы не давать этим спорам опускаться до перебранки, необходимо всегда иметь в виду общие и коренные народнические *основы* заблуждений наших социалистов-революционеров»²⁴. В этом подходе проявился один из важнейших принципов подхода большевиков к анализу немарксистских идейных течений — углубленное изучение их теоретических основ.

В критике всех мелкобуржуазных концепций революции и социализма, разновидностью которых были воззрения эсеров, В. И. Ленин, партия большевиков видели одно из необходимых условий подготовки социалистической революции, распространения среди трудящихся научных взглядов на процессы общественного развития, характер и содержание революции, пути и средства борьбы за социализм. В своих трудах В. И. Ленин подверг всестороннему критическому анализу все важнейшие положения эсеровской концепции общественного развития: понимание характера эпохи и движущих сил социального прогресса, концепцию социализма, отношение к революции в России и др. Это позволило В. И. Ленину сделать вывод о том, что «эсеровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелкобуржуазна», хотя это и не мешало ей быть «идейным облачением» революционно-демократических устремлений мелкой буржуазии²⁵.

В декабре 1917 г. В. И. Ленин в заметке «Из дневника публициста. (Темы для разработки)» ставил вопрос: «В чем „их“ полный идейный крах? (мелких буржуа,

социалистов-оппортунистов, меньшевиков, правых и черновских эсеров, новожизненцев и К°)»²⁶. К этой проблеме Ленин неоднократно обращался в трудах послеоктябрьского периода: в статьях «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», «О революционной фразе», «Тяжелый, но необходимый урок», в речах на III Всероссийском съезде Советов, в докладе о деятельности Совета Народных Комиссаров 11 (24) января 1918 г. и др.²⁷ Отвечая на вопрос о причинах полного идейного краха мелкобуржуазных революционеров, на первое место В. И. Ленин ставил классовый фактор, определивший неспособность идеологов этого течения понять характер, движущие силы и цели революционной борьбы XX в. Это проявилось в игнорировании ими законов классовой борьбы и революции, в непонимании значения научной теории для борьбы трудящихся за свое социальное освобождение.

В критическом анализе основных положений эсеровской теоретической доктрины, в разъяснении ее научной несостоятельности и социальных истоков В. И. Ленин видел одну из важнейших задач Коммунистической партии. Накопленный большевиками опыт борьбы против эсеровской идеологии В. И. Ленин оценивал в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» как достижение всего мирового коммунистического движения²⁸.

Ленинская концепция возникновения, эволюции и краха партии социалистов-революционеров является образцом последовательно классового подхода к изучению и оценке такого сложного идейного и политического явления, каким являлась мелкобуржуазная демократия.

Важное значение для разработки темы имеют труды советских историков, посвященные борьбе В. И. Ленина, партии большевиков против социалистов-революционеров. В них раскрывается сущность ленинского подхода к критике основных теоретических и программных установок и практической деятельности эсеров, вставших на путь соглашательства, а затем и поддержки буржуазии²⁹. Однако хотя в этих работах преобладают вопросы послеоктябрьского периода, борьбе В. И. Ленина, партии большевиков против эсеровских оценок Октябрьской революции в них уделяется мало внимания. Следует заметить, что в ряде исследований несколько недооцениваются выступления большевиков против народнической идеологии в дооктябрьский период, в то время как В. И. Ленин придавал большое значение углубленному анализу теоре-

тических взглядов эсеров на характер классовой борьбы и предстоящей революции в России³⁰.

С первых лет существования советская историография эсеров стала развиваться на базе ленинской концепции возникновения, эволюции этой мелкобуржуазной партии. Поскольку задача настоящей работы состоит в том, чтобы исследовать воззрения социалистов-революционеров по вопросам истории Октябрьской революции, в обзор литературы включаются лишь те издания, которые имеют отношение к данной проблеме.

На широкой документальной основе советские историки показали эволюцию партии эсеров в период трех революций в России. В монографиях В. В. Комина, К. В. Гусева, Х. А. Ерицяна, Л. М. Спирина, Х. М. Астрахана, П. А. Подболотова, В. Н. Гинева и др.³¹ обстоятельно раскрывается сложный путь развития эсеров, начавших свое существование как партия мелкобуржуазных демократов и революционеров и превратившихся в период приближения пролетарской революции 1917 г. в соглашателей, которые с враждебностью встретили приближение и победу Октябрьской социалистической революции и Советской власти. Большое внимание в этих трудах уделяется борьбе Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным против эсеров-соглашателей, их деятельности как активных пособников белогвардейцев, боровшихся против Советской власти.

В монографии В. Н. Гинева впервые в советской исторической литературе всесторонне проанализированы идейно-теоретические основы аграрной программы эсеров, тесно связанные с их воззрениями на развитие капитализма в России и его особенности, убедительно раскрыта социальная природа эсеровского аграрного социализма. Автор монографии убедительно показал классовую ограниченность эсеровских оценок крестьянства, преувеличение революционных возможностей деревни в борьбе за победу социалистической революции, отрицание мелкобуржуазной природы средних слоев, социальный смысл идеализации мелкотоварного хозяйства. Гинев сделал обоснованный вывод о том, что «эсеровский крестьянский социализм был российской разновидностью мелкобуржуазного кооперативного социализма, пропагандировавшегося в разное время в различных странах»; эсеровскую концепцию социализации земли Гинев справедливо характеризует как «смесь и демократических, и утопических и даже реакционно-утопических элементов»,

которые в зависимости от обстоятельств выдвигались на первый план и начинали играть доминирующую роль в идеологической доктрине эсеров³².

Высоко оценивая названную работу, следует отметить, однако, что ряд наблюдений и выводов автора вызывают возражения. Так, Гинев фактически игнорирует наличие в мировоззрении эсеров различных представлений о социализме и путях его достижения. В действительности взгляды эсеров были значительно сложнее и пестрее, чем они представлены в монографии Гинева. В теоретических построениях эсеров сосуществовали самые различные точки зрения на классовую борьбу, роль крестьянства и пролетариата в революционном процессе, на революцию и способы ее подготовки. В изображении Гинева эсеровская концепция общественного развития предстает перед читателем как нечто единое и стабильное, как идеология, не претерпевавшая серьезных изменений с момента возникновения партии эсеров до 1917 г. Однако расхождения во взглядах между различными группами в партии эсеров были весьма значительными, что вылилось не только в идейные споры между правыми и левыми течениями (по проблемам эволюции крестьянской общины, путей подготовки и осуществления революции и решения аграрного вопроса), но и в организационные и идейные расколы, как это было в 1917 г. в связи с отношением к войне, коалиции с буржуазией, с оценкой Октябрьской революции и перспектив развития страны. Поэтому упрек Гинева в адрес ряда советских историков в «упрощении народнической теории»³³ относится в определенной мере и к его исследованию.

К числу недостатков работы можно отнести и отсутствие у автора четких взглядов по вопросу о «банкротстве» и «крахе» народничества XX в., которое Гинев определяет как неонародничество. Из его работы можно сделать вывод, что банкротство неонародничества связано с провалом аграрных программ народнических партий, тогда как события 1917 г. и особенно победа Октябрьской революции обнаружили полный идейный крах народничества, всех его течений, идейно-теоретических и политических позиций и практических действий. Очевидно, что эта проблема нуждается в дальнейшей углубленной разработке с учетом всех сторон эволюции партии эсеров.

Важное значение для изучения рассматриваемой тематики имеют исследования о левых эсерах³⁴. Центральное место в них занимает проблема тактики партии боль-

шевиков по отношению к левым эсерам. Однако вопрос об идейной эволюции левого крыла партии эсеров остается еще неосвещенным. Более пристального внимания требует также анализ отношения различных групп левых эсеров к Октябрьской революции и диктатуре пролетариата, их участия в социалистическом строительстве.

Проблему гибели эсеровской партии нельзя считать исчерпывающе изученной, пока не созданы работы, анализирующие крах всей теоретической доктрины эсеров и тех ее элементов, которые стали идеологическим обоснованием мелкобуржуазного авантюризма, а затем и контрреволюции. Как отмечает К. В. Гусев, в опубликованных работах «не всегда уделяется достаточно внимания раскрытию идейно-теоретических и социально-политических концепций эсеров, их попыткам подвести теоретический фундамент под свою политическую линию. Особенно это относится к тем положениям, которые разрабатывались идеологами партии в послеоктябрьский период и которые... представляют большой интерес с точки зрения современности, поскольку и сейчас в той или иной форме повторяются противниками КПСС и марксизма-ленинизма»³⁵. Это справедливое замечание К. В. Гусева относится к большинству работ современных авторов, занимающихся историей непролетарских партий в России.

Ценный фактический материал и интересные наблюдения о деятельности партии эсеров содержатся в работах советских историков, посвященных классовой борьбе в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Показывая борьбу партии большевиков за крестьянские массы, авторы этих трудов раскрывают крах попыток эсеров завоевать деревню на свою сторону, предательство ими интересов крестьянства, боровшегося за решение аграрного вопроса. Эти исследования позволяют проследить тесную связь эсеровской теоретической доктрины с повседневной практикой, показать отказ партии эсеров от своей собственной программы в 1917 г.³⁶

В последнее время усилилось внимание советских исследователей к изучению белой эмиграции. В работах В. В. Комина, Г. Ф. Барихновского, Л. К. Шкаренкова, Ю. В. Мухачева и др. освещается антисоветская деятельность представителей эсеровской партии, оказавшихся за рубежом и связавших свою судьбу с внешней контрреволюцией³⁷. Основное внимание названные авторы уделяют анализу состава и тактики антисоветской деятель-

ности отдельных групп эмигрантов, их связям с реакционной империалистической буржуазией³⁸. Однако в этих работах слабо освещается эволюция идейно-теоретических воззрений эмигрантов, не учитываются в должной мере те изменения, которые происходили в оценках Октябрьской революции и перспектив развития СССР у эсеровской эмиграции. Ввиду недостаточной изученности платформы эсеров некоторые из современных исследователей склонны видеть новое в их доктрине там, где в действительности речь должна идти лишь о развитии взглядов, высказанных еще задолго до 1917 г. Так было, например, с идеей «строения трудовой демократии», которая с самого начала являлась неотъемлемой составной частью эсеровской концепции общественного развития, а не была выдвинута в эмиграции, как об этом пишет Ю. В. Мухачев³⁹.

Подобного рода неточности встречаются и в работе Л. К. Шкаренкова, который, оценивая эволюцию взглядов «мелкобуржуазной демократии» в эмиграции, утверждает, что ее представители за рубежом «сбросили с себя остатки „социалистической одежды“ и признали необходимость введения „начал частной собственности“»⁴⁰. Это утверждение искажает позиции Чернова и других теоретиков народничества, ибо они продолжали оставаться на позициях крестьянского утопического социализма, идеи которого отнюдь не были «социалистической одеждой», а представляли собой идеологию реального социального слоя — деревенской мелкой буржуазии. На всех этапах существования своей партии эсеры защищали интересы мелких собственников, поэтому новым в их концепции в эмиграции была не защита «начал частной собственности», а переход к открытой апологетике буржуазного строя с соответствующим ему типом собственности.

В исследованиях Е. Н. Городецкого и А. Г. Черных раскрывается ленинская концепция Октября, развитие которой рассматривается в борьбе против эсеровских, меньшевистских, каутскианских фальсификаций истории социалистической революции в России⁴¹. В статьях В. Х. Тумаринсона и Е. П. Пановой освещается критика В. И. Лениным меньшевистской и эсеровской историографии Октябрьской революции в первые годы Советской власти, когда идейные столкновения по вопросам революции носили особенно ожесточенный характер⁴². Авторы сумели выделить основные проблемы (характер революции, ее движущие силы, роль партии большеви-

ков), которые стояли в центре борьбы марксистов против мелкобуржуазной историографии. Однако нельзя согласиться с отождествлением рядом историков эсеровской и меньшевистской концепций Октябрьской революции, их соединением в некую единую «эсеро-меньшевистскую концепцию». Следует иметь в виду, что меньшевики считали себя марксистами, а эсеры были противниками марксизма. Поэтому мелкобуржуазная сущность обеих партий, общность их политических позиций в 1917—1922 гг. не исключали серьезных расхождений как в исходных теоретических основах, так и в аргументации важнейших положений их концепций по вопросам революции в России ⁴³.

В исследовании основ эсеровского мировоззрения многое сделано советскими философами, социологами, экономистами. В трудах философов и социологов содержится критический анализ теоретических воззрений социалистов-революционеров, особенно субъективного идеализма и субъективного метода в социологии, которым пользовались эсеровские теоретики при рассмотрении проблем общественного развития, сущности исторического прогресса, роли различных факторов, особенно роли выдающихся личностей ⁴⁴.

Советские экономисты подвергли углубленному критическому анализу теоретико-методологические основы экономической концепции эсеров, показали научную несостоятельность их взглядов на развитие капитализма в России, на эволюцию промышленности и аграрного строя, объяснений причин экономической отсталости страны, вскрыли мелкобуржуазный характер аграрного социализма и программы социализации земли ⁴⁵. Ими выявлены наиболее характерные черты экономической доктрины эсеров (эклектика, противоречивость и непоследовательность, оторванность от реальной действительности и классовой борьбы), раскрыта ее органическая связь с идеологией крестьянской демократии. Как отмечает известный советский экономист А. И. Пашков, «политико-экономические взгляды мелкобуржуазных идеологов России XX века больше, чем в XIX, характеризуются отсутствием стройности, цельности. На них сильно отразилось влияние, с одной стороны, марксистской политической экономии, а с другой стороны, буржуазной экономической науки; воззрения эсеров подверглись большому влиянию со стороны западноевропейского социал-демократического ревизионизма и оппортунизма» ⁴⁶.

Следует отметить, что в исследованиях советских философов и экономистов мировоззрение социалистов-революционеров освещается без учета изменений, происшедших в различных течениях народничества начала XX в., порой весьма существенно отличавшихся друг от друга отношением к отдельным проблемам общественного развития и их решением. Тем не менее эти труды содержат интересный материал и ценные наблюдения; имеющие важное значение для понимания идейно-теоретических истоков эсеровской концепции революции. Они раскрывают значение ленинской критики философских, экономических, социологических основ народнической доктрины эсеров. К сожалению, советские историки пока еще не подготовили трудов, содержащих критический анализ воззрений эсеров по вопросам всемирно-исторического процесса и истории России, которые эсеры нередко использовали для обоснования своей теоретической доктрины, политической программы и тактики. Отсутствие подобных работ существенно затрудняет изучение эволюции и идейного краха этого течения общественной мысли.

Большое внимание в советской литературе уделяется анализу буржуазной историографии, ее направлений в изучении истории партии эсеров, ее участия в событиях 1917—1921 гг. Советские историки убедительно показывают научный уровень, источниковую базу, характер освещения истории непролетарских партий в России, включая и партию социалистов-революционеров⁴⁷.

Представители различных направлений современной западной буржуазной историографии сосредоточили усилия на обосновании тезиса о том, что пролетарская революция в России не была исторически закономерным явлением, что был возможен иной вариант решения назревших конфликтов и удовлетворения народных требований. Этот путь развития буржуазные историки связывают с победой «демократического социализма» под руководством эсеров и меньшевиков, т. е. мелкобуржуазных социалистов и демократов, которые якобы могли победить в 1917 г. и удержаться у власти, если бы последовательно проводили свою линию. Противопоставляя марксизму-ленинизму социал-революционизм, меньшевизм, троцкизм и анархизм, буржуазные историки порой прибегают к ненаучным методам изложения истории вплоть до искажения фактов исторической действительности. Они подменяют научное объяснение смысла

и значения свершившихся событий конструированием возможного и желательного, с их точки зрения, хода исторического процесса.

Читателю предлагается не научный анализ важнейшего исторического события XX в. — Великой Октябрьской социалистической революции, а якобы возможная в 1917 году альтернатива этой революции — мирный, эволюционный путь развития, который привел бы Россию к победе буржуазного строя. Таким образом, история революции и мелкобуржуазных партий исследуется не с позиций, позволяющих объективно раскрыть реальную роль эсеров в событиях 1917—1922 гг. и причины их политического краха, а с точки зрения их разгрома большевиками.

В советской литературе уже не раз отмечались важнейшие черты современных буржуазных работ об эсерах: полное игнорирование их теоретической платформы или сведение ее лишь к аграрной программе; неспособность либо нежелание вскрыть классовую природу эсеровской доктрины как идеологии мелкобуржуазной демократии; непонимание либо умалчивание о том, что эсеры, подобно другим мелкобуржуазным партиям конца XIX и XX в., защищали на деле программу радикальной буржуазной революции, хотя и изображали свою деятельность как борьбу за социализм; идеализация эсеровской концепции «третьего пути», который был якобы возможен в противовес диктатуре буржуазии и диктатуре пролетариата.

Главный методологический недостаток буржуазной историографии состоит в подмене проблемы исторической обусловленности краха и гибели партии социалистов-революционеров туманными рассуждениями о том, что она якобы могла избежать поражения при более благоприятных обстоятельствах и меньшем количестве ошибок и промахов, допущенных ее лидерами в самый ответственный период борьбы, в 1917 г. Игнорируется главное — объяснение исчезновения с политической арены эсеров как закономерного результата пути, пройденного мелкобуржуазной демократией, связавшей свою судьбу с контрреволюцией. Как известно, у поражения политической партии всегда есть альтернатива — возможная победа, тогда как явление краха необратимо, за ним следует гибель.

При изучении эсеровской концепции Октябрьской революции автор руководствовался пониманием краха как явления, характерного для идейного течения, вступив-

шего в полосу полного распада основополагающих теоретических установок, крушения всей системы воззрений, воссоздание которых становится невозможным, что признается лидерами и идеологами этого течения, изменяющими своим взглядам и сознательно порывающими с этой доктриной. Поэтому крах — это естественное преддверие гибели и исчезновения идейного течения.

Для большинства представителей современной буржуазной историографии характерна идеализация партии эсеров, отход от объективных оценок соглашательской политики эсеров, их отказа от решения проблем мира и передачи земли крестьянам, их участия в заговорах, террористических актах и восстаниях против Советской власти. Почти полностью игнорируется идейно-теоретическая и агитационно-пропагандистская деятельность эсеров⁴⁸.

Для трудов советских историков о партии эсеров характерен другой уклон, который страдает существенными недостатками и мешает создать объективную картину процессов, связанных с судьбами мелкобуржуазной демократии в России. К числу недостатков следует отнести такие, как недооценка роли партии эсеров на буржуазно-демократическом этапе революции, в борьбе против самодержавия, за политические свободы и демократию. Рост популярности эсеровской партии после Февральской революции отражал объективный процесс пробуждения мелкобуржуазных слоев города и деревни, что имело важное значение для развития революции, включения в общий поток борьбы демократического лагеря — важной составной части всего революционного процесса, завершившегося победой пролетариата. Поэтому важное значение для понимания деятельности эсеров в 1917 г., особенно левого крыла этой партии, имеет изучение идейных позиций народников накануне революции и в ходе ее развития, их отношения к проблемам власти, классовой борьбы, путей движения к социализму⁴⁹.

Разрабатывая проблему связи правых эсеров с белогвардейским лагерем, их участия в борьбе против Советской власти, нельзя игнорировать активное противодействие этой политике левых эсеров, «народников-коммунистов», «революционных коммунистов», которые продолжали лучшие традиции мелкобуржуазной демократии, встав на сторону пролетарской революции, в защиту ее завоеваний.

Политическая и научная актуальность темы, ее слабая изученность требуют создания исследования, посвященного критическому анализу эсеровской концепции Октября, раскрытию исторического значения опыта борьбы В. И. Ленина, партии большевиков, историков-марксистов против эсеровских искажений революционных событий 1917 г. С целью всестороннего освещения проблемы краха эсеровской концепции Октябрьской революции в работе рассматриваются ее теоретические основы и важнейшие компоненты, дается анализ воззрений представителей различных течений эсеровщины, показывается место эсеровской литературы в идейной борьбе первых лет Советской власти, раскрываются содержание и социальная сущность эмигрантской историографии Октября. Такой подход позволяет вскрыть классовые и гносеологические корни краха эсеровской теоретической доктрины и ее составной части — концепции Октября, показать закономерность гибели этого идейного течения сначала в СССР, а затем и за рубежом.

Для решения поставленных задач автором привлечен широкий круг источников.

Первостепенное теоретико-методологическое значение имеет ленинское идейно-теоретическое наследие, позволяющее с научных позиций рассмотреть и оценить эволюцию и крах идеологии мелкобуржуазной демократии в период победы пролетарской революции.

В. И. Ленин указывал на важность и необходимость всестороннего изучения истории социалистической революции, создания хроники революционных событий, популярных брошюр⁵⁰. Он заботился о собирании исторических документов, необходимых для разработки научной истории революции, содействовал организации первого советского научного центра — Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарта)⁵¹.

Критическому анализу различных оценок Октября В. И. Ленин посвятил большое количество работ. Особенно большое значение имеют такие сочинения В. И. Ленина, как «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «В лакейской», «О нашей революции», «О значении воинствующего материализма». Изучение этих трудов позволяет понять ленинские принципы критики немарксистских оценок событий 1917 г., формы и методы борьбы против враждебной буржуазной и мелкобуржуазной историографии, в том числе против

правозэсеровских трактовок Великой Октябрьской социалистической революции.

В статье «О карикатуре на марксизм» (1916) В. И. Ленин писал: «Нельзя критиковать известного автора, нельзя *ответить* ему, если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи»⁵². Цитирование авторов различных течений было для В. И. Ленина одним из важных средств объективного рассмотрения и оценки критикуемых положений. Этот ленинский принцип широко используется в данной работе не только при анализе содержания эсеровских трактовок проблем социализма, классовой борьбы и революции, но и для показа стиля мышления и изложения принципиальных вопросов теории, характерных для представителей этого идейного течения.

Важный материал по истории борьбы Коммунистической партии против мелкобуржуазной идеологии и ее влияния содержится в документах партийных съездов, конференций и совещаний 1903—1924 гг.

Большой вклад в борьбу против эсеровской концепции Октября внесла советская периодическая печать. С первых дней революции газеты «Правда», «Беднота», «Известия ВЦИК», «Красная газета» систематически публиковали материалы, разоблачавшие эсеровские измышления о якобы несоциалистическом характере Октябрьской революции и ее «обреченности». Эти издания позволяют показать масштабы, средства и формы идеологической работы партии большевиков по разъяснению массам истинных целей контрреволюционной правозэсеровской пропаганды.

Ценные сведения содержат общественно-политические и литературно-художественные журналы 20—30-х годов «Коммунистическая революция», «Коммунистический Интернационал», «Большевик», «Красная новь» и др. На их страницах выступали видные деятели Коммунистической партии и Советского государства (А. В. Луначарский, В. А. Карпинский, М. Н. Покровский, Н. Н. Попов, В. А. Быстрянский, М. С. Ольминский и др.), подвергавшие обстоятельной критике мелкобуржуазную идеологию, взгляды эсеров на Октябрьскую революцию и перспективы социалистического развития страны.

На страницах советских исторических, философских и экономических научных журналов «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Красный архив», «На аграрном фронте», «Под знаменем марксизма», «Воинст-

вующий материалист» и др. систематически публиковались материалы по истории борьбы партии большевиков против эсеров, исследования, критиковавшие эсеровские концепции революции и социализма, мирового революционного процесса.

Важным источником являются материалы судебного процесса над членами Центрального комитета партии правых эсеров 1922 г. В связи с ним Коммунистическая партия провела большую разъяснительную работу по разоблачению контрреволюционной деятельности партии эсеров. Издания агитационно-пропагандистского характера, брошюры, подготовленные видными деятелями партии по заданию ЦК РКП (б), лекции и доклады показывают, что партия большевиков уделяла огромное внимание идеологической работе в массах, разоблачению правых эсеров как активной контрреволюционной силы, борющейся за реставрацию капитализма в России.

Особую группу источников составляют газеты, журналы, сборники материалов, популярные брошюры и документы партии эсеров. Их изучение позволяет раскрыть содержание эсеровской концепции социализма, классовой борьбы и революции, объяснить характер идейно-теоретической доктрины партии эсеров, ее эволюцию и социальную роль в условиях острой классовой борьбы начала XX в.

Среди этой литературы прежде всего следует выделить работы теоретического характера, авторами которых являлись В. Чернов, Н. Авксентьев, Н. Русанов, Е. Колосов, П. Сорокин, В. Лункевич, А. Комов и др. Их немного, однако они позволяют выяснить идейные истоки эсеровских оценок Октябрьской революции, их неразрывную связь с реакционной субъективистской философией. Не случайно критическому анализу этих трудов большое внимание уделял В. И. Ленин. Обращение к статьям теоретического характера, публиковавшимся на страницах центральных эсеровских органов «Революционная Россия», «Вестник русской революции», «Революционная мысль», позволило В. И. Ленину проанализировать не только истоки этого идейного течения, но и предвидеть перспективы его развития. Так, для написания статьи «Революционный авантюризм» (1902) В. И. Ленин использовал редакционное выступление журнала «Вестник русской революции», озаглавленное «Мировой рост и кризис социализма». В. И. Ленин писал об этой работе: «Мы усердно рекомендуем эту статью всем тем, кто хочет

иметь наглядное представление о полнейшей теоретической беспринципности и шаткости (а также об искусстве прикрывать таковую потоком слов)»⁵³. Изложив основные положения статьи, В. И. Ленин сделал вывод о неизбежности политического краха направления, подобного эсеровскому, у которого отсутствует серьезная революционная теория⁵⁴.

На основании текстологического анализа нами установлено, что автором названной статьи, а также других работ по вопросам социализма, публиковавшихся на страницах «Вестника русской революции», был его редактор — теоретик и историк партии социалистов-революционеров Н. С. Русанов (Тарасов), выступавший с работами по истории Октябрьской революции в 1917—1920 гг., а автором теоретических статей по вопросам классовой борьбы и революции, печатавшихся на страницах «Революционной России» в 1901—1903 г., был В. М. Чернов. Это имеет важное значение для изучения генезиса и развития эсеровского идейного течения, его изменений под влиянием критики марксистов, хода классовой борьбы.

Для рассмотрения возникновения и краха эсеровской концепции Октябрьской революции привлекалась эсеровская публицистика 1917—1921 гг. Статьи, очерки, обзоры, комментарии отдельных событий 1917 г., появлявшиеся на страницах эсеровских газет и журналов различных направлений, содержат материал, позволяющий раскрыть политическую доктрину эсеров, проследить углубление кризиса мелкобуржуазных воззрений по вопросам классовой борьбы и революции, роли народных масс. Эсеровская публицистика дает возможность убедиться в том, что в условиях пролетарской революции этот кризис завершился полным крахом, проявившимся в неспособности теоретиков и лидеров партии эсеров понять смысл и значение происходивших в стране событий. Первые политические оценки событий 1917 г. стали основой эсеровской концепции Октябрьской революции и последовавших за ней событий.

Историческая литература эсеров об Октябрьской революции невелика по объему. Тем не менее она позволяет раскрыть содержание эсеровской концепции Октябрьской революции, наличие в ней различных течений.

Особый интерес представляет изучение взглядов на Октябрь и диктатуру пролетариата левых эсеров, «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов», позволяющее увидеть характер эволюции идеологов ле-

вого крыла мелкобуржуазной демократии в условиях победы и укрепления Советской власти.

Большую группу источников составляют мемуары социалистов-революционеров — участников событий 1917—1920 гг. (А. Керенского, М. Вишняка, В. Чернова, Б. Савинкова, Н. Святицкого, К. Буревого и др.)⁵⁵. Обычно этот тип литературы относят к источникам по истории революции. Для изучения данной темы они приобретают значение историографических источников, поскольку в них содержится не только описание отдельных фактов и событий, но и определенная, четко выраженная концепция революции.

Автором проанализированы также популярные эсеровские издания — брошюры и листовки, содержащие оценки Февральской и Октябрьской революций. Они позволяют выяснить классовую сущность правоэсеровской концепции Октября, ее теоретические основы и социальную направленность. Издания подобного типа левого течения эсеров дают возможность понять их отношение к революции и партии большевиков, вскрыть их участие в борьбе против правых эсеров, против мелкобуржуазной контрреволюции. Не случайно Советское государство финансировало издания некоторых левоэсеровских газет⁵⁶, рассматривая их как одно из средств борьбы против мелкобуржуазной идеологической контрреволюции, против взглядов правых эсеров на происходившие в стране события.

Потерпев поражение в 1917 г., социалисты-революционеры предприняли ряд попыток пересмотра своей политической доктрины и программы, что нашло отражение в различных изданиях. В них также содержатся оценки событий 1917 г. и выводы, которые различные течения эсеров сделали из уроков революционной борьбы. Эта литература позволяет установить тесную связь идеологии, политики и тактики правых и левых эсеров в 1917—1921 гг. с их объяснением и оценкой событий 1917 г. Эсеровская литература подобного типа выходила и за рубежом, где оказалась значительная группа лидеров этой партии. Она дает возможность выявить изменения, которые произошли в воззрениях эсеров на революцию, раскрыть сущность эсеро-народнической эмиграции, связавшей свою судьбу с наиболее реакционной частью буржуазии Запада.

Изучение эсеровской литературы по истории Октябрьской революции позволяет показать возникновение эсе-

ровской концепции Октября как реакцию идеологов крестьянского социализма, его различных течений и группировок на победу пролетарской революции, раскрыть ее содержание, выявить социальную роль этой литературы в идейной жизни страны в первые годы Советской власти.

Автор выражает сердечную благодарность сотрудникам Института истории СССР АН СССР докторам исторических наук Т. В. Осиповой, К. Ф. Шацилло, кандидатам исторических наук А. И. Алаторцевой, Л. Т. Сенчаковой, Е. А. Серовой, кандидату экономических наук М. В. Спириной, а также сотрудникам библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Н. В. Беловой, З. М. Волощенко и М. Д. Дворкиной за помощь, оказанную в процессе подготовки книги в печать.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ
К 1917 г.**

В начале XX в. в России интенсивно шел процесс вызревания социально-экономических и политических предпосылок социалистической революции. Он проявлялся, в частности, в бурном росте капиталистической промышленности, увеличении численности пролетариата, усилении его сплоченности и революционной активности. О начале качественно нового этапа в развитии революционного движения в России свидетельствовали создание российской социал-демократии, широкое распространение идей марксизма, соединение рабочего движения с научным социализмом. Все это способствовало развитию классовой сознательности и организованности пролетарских масс — той политической силы, которая, по словам В. И. Ленина, могла сплотить весь демократический лагерь, свалить абсолютизм и повести за собой массы *«прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»*¹.

Образованию пролетарской партии в России предшествовала углубленная теоретическая работа первых марксистов: Г. В. Плеханова, Д. Благоева, Н. Е. Федосеева и др. Выдающаяся роль в обосновании и развитии идеологической платформы пролетарской партии принадлежит В. И. Ленину, который определил цели, пути и средства борьбы пролетариата с учетом общих закономерностей эпохи, специфических особенностей развития России, традиций революционного движения в стране.

«Образование большевистской партии, — подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, — стало поворотным пунктом в истории российского и международного рабочего движения. Это явилось выражением объективной потребности общественного развития, классовой борьбы пролетариата, плодом научной прозорливости, результатом неутомимой политической и организаторской деятельности В. И. Ленина, сплотившихся вокруг него марксистов»². Оценивая итоги работы российских марксистов,

в 1902 г. В. И. Ленин отмечал, что социал-демократия в России возникла как течение, у которого не было разрыва между теорией и практикой³.

Будучи теоретиком и руководителем пролетариата, В. И. Ленин видел одно из условий успеха революционной борьбы в утверждении научно обоснованной оценки всех политических партий и организаций, представлявших интересы различных социальных сил страны⁴. В резолюции V съезда РСДРП «Об отношении к буржуазным партиям» говорилось: «Перед социал-демократией в настоящее время выдвигается с особенной настоятельностью задача определить классовое содержание различных непролетарских партий, учесть взаимоотношение классов в данный момент и в соответствии с этим определить свое отношение к другим партиям»⁵. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что задачи революционной борьбы пролетариата требуют применения марксистского метода и марксистской теории для выработки правильной оценки классовой природы той или иной партии, «ясного и отчетливого определения своих отношений к различным партиям, а это возможно лишь на основании научного, т. е. классового анализа их»⁶.

Одной из таких партий были социалисты-революционеры, защищавшие интересы мелкой буржуазии — преобладающей части населения России в начале XX в. Как известно, важнейшей составной частью мелкой буржуазии было крестьянство — самый многочисленный класс дореволюционной России. Это обстоятельство потребовало от пролетарской партии тщательного изучения классового состава, социальной базы, программы и тактики социалистов-революционеров — идеологов мелкой буржуазии⁷.

Объединив первоначально в своих рядах различные слои демократически и революционно настроенной интеллигенции⁸, теоретики эсеров стали заниматься обоснованием идейной платформы, программы и тактики партии с позиций мелкой буржуазии. Если лидеры российской социал-демократии открыто и определенно заявили, что их партия является сознательной выразительницей классового движения пролетариата, а ее конечная цель — социалистическая революция, диктатура пролетариата и коммунистическое общество⁹, то социалисты-революционеры не имели четких классовых представлений ни о социальной базе своей партии, ни о целях и путях борьбы. Каждая из объединившихся народнических групп

отстаивала свое понимание задач и средств борьбы, социальных сил, интересы которых она собиралась защищать. Отсутствие четкого классового понимания природы своей партии эсеры прикрывали рассуждениями о ее общенародном, внеклассовом или надклассовом характере, изображая себя партией с «широкой демократической основой».

Как идеолог пролетариата, В. И. Ленин внимательно изучал классовую природу партии эсеров, ее идейно-теоретические основы, эволюцию воззрений ее ведущих лидеров и теоретиков, причины и характер этих изменений. Особенно интересовали В. И. Ленина такие вопросы, как освещение эсерами проблем социально-экономического развития России, роли различных классов в революционном процессе, оценки рабочего и крестьянского движений, перспектив борьбы за социализм, программа революционного преобразования общества, отношение к марксизму. Рассмотрение всех этих вопросов позволяет показать, с каким идейным багажом встречала партия эсеров революцию 1905—1907 гг., Февраль и Октябрь, на какой теоретической базе строилась практическая деятельность мелкобуржуазных демократов и социалистов в период трех революций в России, а затем создавалась эсеровская концепция пролетарской революции 1917 г. Без такого подхода нельзя понять истинных причин и закономерности идейного и политического краха социалистов-революционеров, претендовавших на руководство крестьянством в его борьбе за «землю и волю».

**Социально-классовые основы
партии эсеров
и ее доктрины.
Теоретические основы
социологической концепции эсеров**

При изучении теоретической доктрины партии эсеров следует учитывать, что главные ее идеологи и публицисты были выходцами из интеллигенции и мелких собственников (разорившиеся помещики, купцы, лавочники, ремесленники), которые и в теоретической и в практической деятельности оставались типичными представителями средних слоев, адекватно отражая их социальное мировоззрение, настроения, интересы. Партия эсеров пыталась объединить в рамках единой теории и программы

интересы кулаков и середняков, владельцев магазинов и мелких чиновников, торговцев и ремесленников, профессуры и студенчества. Более того, эсеры стремились втянуть в орбиту своего влияния и пролетарские элементы «трудового народа». Однако социальным ядром партии всегда была городская и деревенская мелкая буржуазия — наиболее неустойчивый, постоянно колеблющийся и рыхлый слой буржуазного общества, что не могло не наложить отпечаток на весь облик эсеровской партии и ее идеологию.

Поскольку мелкая буржуазия имеет весьма сложную структуру, то и ее теоретическое сознание, выразителями которого стали эсеры, было крайне неоднородным и многослойным. В статье «Задачи революционной молодежи» (1903) В. И. Ленин писал: «Рассуждения социалистов-революционеров, несуразные и противоречивые до смешного с точки зрения социалиста, становятся вполне понятны и последовательны с точки зрения буржуазно-демократической. Это — потому, что партия социалистов-революционеров есть в сущности не что иное, как *фракция* буржуазной демократии, фракция, по составу своему преимущественно интеллигентская, по точке зрения преимущественно мелкобуржуазная, по теоретическому своему знамени — эклектически соединяющая новейший оппортунизм и стародедовское народничество»¹⁰.

С момента появления на политической арене России партии социалистов-революционеров В. И. Ленин постоянно интересовался ее составом и социальной базой, теоретическими воззрениями, программой и практической деятельностью¹¹. Он тщательно изучал эсеровскую литературу, обращая особое внимание на то, как эсеры сами оценивали свою деятельность и какое объективное значение она приобретала в условиях острейшей классовой борьбы начала XX в.¹² В. И. Ленин занимался анализом социологической доктрины, аграрной программы, экстремистской тактики эсеров¹³. Он стремился к тому, чтобы в сознании социал-демократов и передовых рабочих утвердилось правильное понимание классовой сущности социалистов-революционеров. С этой целью в конце 1902 г. В. И. Ленин выступал в Берлине и Цюрихе с рефератами о программе и тактике эсеров¹⁴, а в марте 1903 г. он выступал в Лондоне перед рабочими-эмигрантами с рефератом о народничестве и социал-демократии, содержащим критический анализ теоретических основ программы и тактики эсеров¹⁵.

В. И. Ленин заботился о том, чтобы важнейшие положения теоретической доктрины эсеров получали марксистскую оценку в социал-демократической литературе. В связи с этим в конце 1902 г. он обращался к Г. В. Плеханову с предложением написать брошюру об эсерах, просил подготовить ответ на статью одного из теоретиков социалистов-революционеров, Н. С. Русанова, «Эволюция русской социалистической мысли»¹⁶.

Критика эсеров была продолжена В. И. Лениным в годы первой российской революции. Так, в ноябре 1905 г. Ленин выступил на собрании партийных работников Петербурга с докладом «Критика аграрной программы партии социалистов-революционеров»¹⁷. После поражения революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин тщательно изучал эсеровские издания («Революционная мысль», «Знамя труда» и др.) с целью выяснения отношения мелкобуржуазных демократов к революции и ее итогам, а также для оценки идейного распада, охватившего идеологов партии эсеров. Собранные материалы В. И. Ленин использовал в статьях 1908—1909 гг.: «О некоторых чертах современного распада», «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам»¹⁸.

Выступая как идеологи мелкой буржуазии, эсеры отразили во всей своей деятельности, включая и идеологическую, ее важнейшие черты: непоследовательность, колебания между пролетариатом и буржуазией, неспособность к самостоятельной политической линии, последовательной борьбе за демократию и социализм. При рассмотрении теоретических воззрений эсеров, которые явились основой их концепции Октября, необходимо учитывать неоднородность мелкой буржуазии, наличие у ее идеологов различных течений и тенденций, соединение ими положений и выводов, нередко противоречивших друг другу. Им была присуща частая смена взглядов и оценок в зависимости от случайных обстоятельств и временной политической конъюнктуры, идейные расхождения и споры, выливавшиеся в расколы и появление самостоятельных группировок, организаций, идейных течений. Для идеологов эсеровщины являлось характерным отсутствие органической связи между революционной теорией и практической деятельностью, проявлявшееся порой в их полном разрыве, как это было, например, с эсеровской аграрной программой и политикой в 1917 г., когда эсеры отказались от своей собственной аграрной

доктрины. Все эти черты мелкобуржуазной революционности в полной мере проявились уже в дореволюционный период¹⁹, однако особенно заметными они стали после 1917 г.

В первых номерах своих центральных органов «Революционная Россия» (1900—1905 гг.) и «Вестник русской революции» (1901—1905 гг.), освещавших вопросы партийной программы и тактики, эсеры утверждали, что они — «партия революционного социализма» — отражают интересы городского пролетариата и революционной интеллигенции, что крестьянство является пассивной силой, на которую нельзя рассчитывать в ближайшем будущем²⁰. «Главное внимание,— писала „Революционная Россия“, — партия обращает на деятельность двух слоев населения — рабочих промышленных крупных центров и интеллигенции»²¹. В теоретических статьях 1901—1902 гг. по программным вопросам «фабрично-заводской пролетариат» оценивался эсерами как класс «наиболее подвижный и революционный по своему характеру»²². Однако уже в 1902 г. в связи с подъемом массового крестьянского движения теоретики социалистов-революционеров стали доказывать, что крестьянство и пролетариат являются равноценными по своим революционным возможностям социальными силами и что поэтому эсеры намерены отстаивать их общие интересы.

Отсутствие четких представлений о социальной природе и классовой основе партии превращало социалистов-революционеров в проводников самых различных взглядов по этому вопросу, что получало отражение в их социологической и исторической литературе. Наиболее распространенными стали два мнения: эсеры отражают интересы всего народа, т. е. являются партией общенародной, общенациональной²³; эсеры — партия крестьянства, самого многочисленного и революционного класса России²⁴. В марксистах, рассматривавших эсеров как партию мелкой буржуазии, социалисты-революционеры усматривали своих главных противников, якобы умалявших значение их революционной деятельности. Идеологи эсеров единодушно отрицали мелкобуржуазную природу крестьянства, интеллигенции и других слоев, объединяя их вместе с пролетариатом в такие понятия, как «народ», «трудящиеся массы», «рабочий класс». Они активно выступали против марксистской концепции мелкой буржуазии, особенно крестьянства, против научных оценок объективной роли этого класса в революционной борьбе.

Отмечая, что социалисты-революционеры как представители утопического мелкого социализма развились из «узкой оболочки интеллигентской группы», В. И. Ленин указывал в 1906 г., что «разнообразие видов и оттенков этого течения вполне соответствует разнообразию видов и громадной численности „трудящейся“ мелкой буржуазии. Крестьянство — главный оплот этого течения, этих партий»²⁵. В. И. Ленин охарактеризовал важнейшие черты эсеровской идеологии: отсутствие цельного революционного мировоззрения, полная спутанность теоретических взглядов, неустойчивость, беспринципность, непонимание значения теоретических споров, отсутствие в концепции эсеров классового анализа социальных явлений, проповедь беспартийности²⁶. Однако сами теоретики эсеровской партии усматривали «преимущество» своих схем «в живом синтезе революционного идеализма и трезвой оценки действительности»²⁷. В теории эсеров, отмечал В. И. Ленин, разоблачая это фразерство, «революционная фраза вместо продуманной и цельной системы воззрений»²⁸.

В работах 1902—1905 гг. («Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?», «Революционный авантюризм», «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами», «Основной тезис против эсеров», «Новые события и старые вопросы», «От народничества к марксизму», «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» и др.) В. И. Ленин дал обстоятельный и всесторонний анализ социальной природы партии социалистов-революционеров, охарактеризовав ее как типичную представительницу буржуазной демократии²⁹. Изучение теоретической доктрины эсеров позволило Ленину уже в 1902 г. сделать вывод, что социалисты-революционеры являются представителями того идейного течения общественной мысли, которое беспомощно пасует перед либеральным народничеством. Они «ограничивают свое самостоятельное творчество в области русской революционной мысли простой приставкой революционной фразы к ветхому завету либерально-народнической мудрости»³⁰.

Последовательный классовый подход к партии эсеров позволил В. И. Ленину вскрыть несостоятельность и социальный смысл кадетско-милюковских попыток отождествления либерализма и мелкобуржуазного демократизма. В. И. Ленин писал в 1912 г.: «Конечно, г. Милю-

ков очень хорошо знает это, и на примере из новейшей истории всех европейских стран он мог бы пояснить различия демократов от либералов. Вся суть в том, что раз касается дело России, то русский либерал *не хочет* видеть своего отличия от русских демократов. Русскому либералу *выгодно* представлять себя перед русским читателем представителем всей вообще „демократической оппозиции“. Но истина не имеет с этой выгодой ничего общего»³¹. В то же время В. И. Ленин постоянно критиковал непонимание меньшевиками значения крестьянского движения и роли мелкобуржуазной демократии в борьбе пролетариата за успешное решение буржуазно-демократических задач революции³².

В условиях начала XX в., когда на мировой революционной арене главной действующей силой стал пролетариат, вооруженный теорией марксизма, получившей широкое признание и распространение, В. И. Ленин видел «всю нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народовольчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками»³³. Оценивая факт широкого распространения эсеровской теоретической доктрины, В. И. Ленин отмечал, что «отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма»³⁴. Наличие в стране широкой социальной базы для мелкобуржуазного утопического социализма требовало от пролетарской партии систематической и целенаправленной работы по преодолению влияния эсеров на крестьянство, интеллигенцию, студенчество и другие слои общества³⁵. Особое внимание В. И. Ленин уделял предотвращению идейного воздействия эсеров на пролетариат. «Мелкобуржуазная идеология,— писал В. И. Ленин,— развращает классовое сознание пролетариата, делает его негодным к самостоятельной позиции по отношению к буржуазной демократии», одним из направлений которой были эсеры³⁶.

Объявив решительную войну мелкобуржуазной теоретической доктрине, партия в своей практической деятельности учитывала, что эсеры, являясь противниками самодержавия, выступали за ликвидацию помещичьего землевладения, демократическое решение аграрного вопроса, политические свободы. Поэтому социал-демократы считали возможным заключение соглашений с эсерами для борьбы за решение задач буржуазно-демократической революции. Эта позиция была четко сформулирована в

решениях II—V съездов партии и других документах³⁷. В решениях IV съезда РСДРП, например, социалисты-революционеры оценивались как революционно-демократическая организация, выражавшая интересы крестьянства и мелкой буржуазии, выступавшая против помещичьего землевладения и крепостнического государства. Съезд отметил, что эсеры облачают «свои, в сущности буржуазно-демократические, задачи более или менее туманной социалистической идеологией». «Социал-демократия, — говорилось далее, — признает возможность и необходимость боевых соглашений с такими партиями, неуклонно разоблачая в то же время их псевдосоциалистический характер и борясь с их стремлением затушевать классовую противоположность между пролетариатом и мелким хозяйчиком»³⁸.

Теория общественного развития, на базе которой создавалась и развивалась эсеровская концепция классовой борьбы и революции в России, а позднее сформировались трактовки Октябрьской революции, не была новым и оригинальным явлением в истории русской общественной мысли. Ее основные положения и важнейшие идеи были заимствованы социалистами-революционерами из народнической социологии XIX в. В статье «Социализм и крестьянство» (1905) В. И. Ленин отмечал, что «корень воззрений социалистов-революционеров есть старое русское народничество»³⁹.

Сами эсеры с гордостью заявляли об этом. Они называли себя преемниками и наследниками революционного народничества, «всего лучшего из идейного наследия 70—80-х годов». «Социологическая доктрина, — писал крупнейший теоретик и лидер партии эсеров В. Чернов, — неразрывно связанная для нас, русских, с именами П. Миртова (П. Л. Лаврова) и Н. К. Михайловского, имела такую власть над умами и сердцами целого ряда активнейших поколений русской интеллигенции именно потому, что она являлась единой и цельной системой, дававшей удовлетворение разом и теоретическим и практическим потребностям ее приверженцев... Слияние реального и идеального, объективного и субъективного, теоретического и практического моментов — вот ее основная черта...» Используя философию народничества как основу для своих теоретических построений, для объяснения развития общества в прошлом, настоящем и будущем, социалисты-революционеры стремились, по словам Чернова, как и Михайловский, «к выработке единой и цельной системы правды, стройного мирозерцания, которое бы неразрывно

связывало в одно высшее целое все понятия человека о сущем и все его понятия о должном». Прообразом, идеалом такой системы для Михайловского, писал Чернов, была древняя религия⁴⁰. Подобного рода «откровения» эсеровских идеологов свидетельствовали о том, что сам поиск ими революционной теории осуществлялся с далеких от науки позиций. Это предопределяло его бесперспективность и обреченность. Теоретики эсеровщины не имели четких представлений о том, что такое теория, каковы пути ее развития, для чего она нужна, ограничиваясь абстрактными рассуждениями, заимствованными у Михайловского, о поисках «истины» и «справедливости»⁴¹.

Не желая признать крах народничества еще в XIX в., эсеры были убеждены, что именно оно, будучи исходной теоретической базой, способно обеспечить успех в борьбе против самодержавия, в достижении социализма. Оценивая итоги и перспективы развития народнической доктрины в качестве теории революционного действия, один из видных идеологов эсеров, А. Комов, писал: «Поражение „Народной воли“ меньше всего может служить доказательством ее несостоятельности. Ни одна партия, ни одно движение не гарантированы от печального исхода борьбы... Для будущих революционеров она бессмертный факт и бессмертная традиция»⁴². Партия социалистов-революционеров, доказывали ее теоретики, призвана решить задачи «Народной воли»⁴³. Эсеры писали о «Народной воле» как о примере «борьбы и тактики»⁴⁴, образце «полета теоретической мысли»⁴⁵. В заимствовании теории народничества проявилась несостоятельность эсеров, оказавшихся неспособными осмыслить сложный процесс борьбы классов и партий, социальных и идейных течений.

Не случайно теоретическая сторона деятельности партии эсеров более всего замалчивается современной буржуазной историографией, пытающейся противопоставить марксизму-ленинизму крестьянский утопический социализм народников, пролетарской революционности мелкобуржуазный авантюризм. К этому давно уже не новому приему прибегали на заре своей деятельности и сами эсеры, упорно твердившие, что все формы социализма имеют «право на существование», ибо у каждой из них якобы имеются свои преимущества, «исторические заслуги», «последовательные приверженцы», надежды на успех в борьбе за социализм⁴⁶.

Необходимо отметить такую черту партии социали-

стов-революционеров, как идеологический плюрализм. Ее членами могли быть люди самых различных взглядов. Один из организаторов и теоретиков партии, М. Р. Гоц, в 1903 г. ставил в пример политические партии Запада, игнорировавшие в своих доктринах проблемы философии, терпимо относившиеся к философским и социологическим взглядам своих членов. «Вопросы философского миропонимания,— утверждал он,— то или иное представление об исторических двигателях, та или иная теория ценности обходятся в программах социалистических партий и остаются областью свободной борьбы мнений в теоретических органах партии. Философские материалисты, идеалисты, агностики, критицисты и т. д. борются в одних и тех же рядах, под одним и тем же красным знаменем, принимают общую программу партии. Никакая партия не может, да и не имеет надобности обязывать своих членов исповедовать ту или другую философскую систему... социалистические партии нимало не покушаются на индивидуальность своих сочленов». И хотя в этой же статье автор признавал связь «вопросов мирозерцания» с «практическими положениями» и выводами партии, однако, сославшись на их сложность, не считал нужным придавать им серьезное значение⁴⁷. «Двери партийной литературы,— писал по этому же вопросу А. Комов,— должны быть широко раскрыты для свободной дискуссии теорий, избегая по возможности обязательного социологического символа веры»⁴⁸.

В подобном подходе к идеологии членов партии лидеры эсеров усматривали преимущество и демократизм своей организации, тогда как в действительности идейный плюрализм, а точнее, безыдейность явилась одним из источников слабости, периодических идейно-политических кризисов, расколов и в конечном счете гибели социалистов-революционеров.

Принцип идеологического плюрализма последовательно проводился руководящими органами, лидерами и теоретиками партии эсеров по отношению ко всем идейным течениям вплоть до самых реакционных философских школ Запада. Этот принцип эсеры отвергали только в отношении марксизма, в котором они видели своего главного идейного противника. Враждебное отношение эсеров к марксизму, хотя они и не раз заявляли о своей «терпимости» и желании лишь «поправить» его, было неслучайным. Оно отражало существенные различия в идеологии мелких собственников и пролетарского мировоз-

зрения. С позиции неприятия марксизма теоретики типа Комова критиковали за чрезмерное увлечение «марксистскими догмами» даже такого убежденного противника марксизма, каким был В. Чернов. Выступая против марксизма, якобы «тяготеющего над сознанием немалого числа товарищей социалистов-революционеров», Комов требовал «освобождения» эсеровской программы от влияния марксистских положений, и прежде всего от материалистического понимания истории⁴⁹.

Материалистическое объяснение истории и марксистскую концепцию классовой борьбы идеологи эсеров постоянно избирали главной мишенью своих нападок, пытаясь опровергнуть их теоретическое и методологическое значение с позиций субъективного идеализма и примитивного плюрализма. Враждебность к марксизму отражала классовую сущность выразителей интересов тех слоев мелкой буржуазии города и деревни, которые в большей степени тяготели к буржуазии, чем к пролетариату.

Пестрота взглядов эсеров проявлялась и в общих социологических вопросах, и в оценках уровня социально-экономического развития России, перспектив революционной борьбы за демократию и социализм. Идейная непоследовательность и противоречивость были присущи не только теоретической доктрине эсеров в целом, но и различным представителям этого идейного течения, выступавшим по принципиальным вопросам с крайне путаными и нередко исключавшими друг друга утверждениями и оценками.

Отсутствие четкости и последовательности значительно затрудняет изучение мировоззрения социалистов-революционеров. Тем не менее автор считает возможным рассмотреть эсеровскую концепцию социализма, классовой борьбы и революции как нечто цельное и относительно единое. Выявление и анализ наиболее типичных и распространенных в эсеровской литературе положений и взглядов позволяют определить ведущую тенденцию развития мелкобуржуазной идеологии в России в начале XX в.

При всей разнородности эсеровского течения четко прослеживается главная закономерность: теоретики правого крыла эсеров тяготели к буржуазно-либеральной идеологии, левые группы, говоря словами В. И. Ленина, стояли на пути от народничества к марксизму⁵⁰. Эта закономерность охватывала все мировоззрение партии эсеров, однако особенно отчетливо она проявлялась при

интерпретации событий 1917 г. Это были разногласия принципиального характера, свидетельствовавшие об идейной неустойчивости эсеровской теоретической доктрины уже в начальный период существования этого мелкобуржуазного идейного течения. Так, левые группы эсеров признавали необходимость революции, правые отдавали предпочтение реформам, левые оценивали кулака как «мироеда» и эксплуататора, правые объединяли все крестьянство в единое «трудовое крестьянство», рассматривая его как главную силу в борьбе за решение аграрного вопроса и завоевание политических свобод.

При наличии серьезных расхождений по принципиальным вопросам революционной борьбы все течение эсеровской мысли — от крайне правых до самых левых — объединяли негативное отношение к марксизму, непонимание значения научной теории для практической деятельности политической партии.

Серьезное, вдумчивое отношение к научной теории эсеры подменяли громкими фразами, бессодержательными обещаниями и заявлениями, утопическими проектами создания «синтетического социализма»⁵¹. Выступления в печати лидеров и теоретиков эсеровщины В. Чернова, А. Комова, М. Вишняка, М. Гоца, А. Лушкевича, Н. Русанова и др. являлись в большей степени общими рассуждениями по вопросам философии, теории прогресса, популяризацией идей Михайловского об истине, правде, справедливости, чем серьезной теоретической деятельностью людей, претендовавших на руководство широкими массами. Примечательно, что наибольшее внимание они уделяли изложению учений социалистов-утопистов прошлого, западноевропейских философов-идеалистов. К этому следует добавить, что критику марксизма они считали одним из главных направлений своей «теоретической» деятельности, рассматривая ее как важнейшее условие борьбы за победу народнической доктрины⁵².

Постоянно подчеркивая, что серьезная теоретическая работа политической партии является непременным условием успеха в борьбе за революционное преобразование общества, В. И. Ленин отмечал «беззаботное отношение эсеров к теории». Он усматривал в этом их самое слабое место, непростительную ошибку, за которую дорого придется расплачиваться. «По нашему мнению, — писал В. И. Ленин в 1902 г., — отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах»⁵³.

Это предсказание В. И. Ленина полностью подтвердилось всей историей партии эсеров.

Называя себя идейными преемниками и последователями народничества, эсеры вынуждены были признать, что новые исторические условия по сравнению с периодом деятельности «Народной воли» требовали внесения определенных изменений и дополнений в народническую социологическую теорию. Однако характер этих изменений различными идеологами партии понимался неодинаково. Теоретики левого крыла (Бах, Рудаков, Устинов) считали необходимым внести поправки в трактовку вопросов о капитализме, общине, крестьянстве и др.⁵⁴ Эта группа идеологов крестьянского утопического социализма в большей степени порвала с традиционным народничеством, за которое упорно держалось большинство партии эсеров. Теоретики же правого крыла (Гоц, Чернов, Авксентьев, Комов и др.) ограничивались незначительными новациями, заменяя, например, термин «народ» в народническом понимании определением «рабочий класс», который в эсеровской трактовке мало чем отличался от старого понятия «народ».

Следует отметить, что, называя себя идейными наследниками народничества XIX в., большинство эсеров не проводили принципиального различия между революционным и либеральным народничеством, между такими теоретиками, как Н. Г. Чернышевский и П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, которых объявляли своими учителями. Они часто ссылались на Чернышевского, однако в свою теоретическую доктрину включали идеи Михайловского и Лаврова, стоявших на позиции субъективного идеализма, отступивших от завоеваний теоретической мысли революционных демократов 60-х годов XIX в.

Важнейшей чертой эсеровской теоретической доктрины был эклектизм, проявлявшийся в стремлении соединить положения и идеи различных школ и направлений философии и социологии прошлого и современности. Идеологи партии эсеров таким путем пытались придать своим теориям видимость научности и глубокой фундированности. «Партия социалистов-революционеров, — отмечал Б. Корень, — при своем зарождении тоже опиралась на некоторые философские учения, высказанные иногда отрывочно, иногда полно в сочинениях русских писателей Герцена, Чернышевского, Лесевича, Михайловского, Глеба Успенского. К их мыслям впоследствии отдельные вожди партии присоединили подтверждения или добавле-

ния из философских сочинений выдающихся европейских мыслителей. Одни подкрепляли учение партии учением философа Канта о „царстве целей“, а также позднейшими „неокантианскими“ дополнениями к этому учению Рилля, Риккерта, Зиммеля. Другие более опирались на философские сочинения „эмпириокритиков“ — Авенариуса, Маха, Пуанкаре. Третьи привлекали на помощь „прагматистов“ Бергсона, Джемса, Шиллера»⁵⁵. Подобное определение философских основ эсеровской доктрины свидетельствовало о неспособности лидеров и идеологов партии социалистов-революционеров выработать собственное теоретическое обоснование важнейших проблем философии и социологии, что придавало воззрениям эсеров крайне примитивный, клочкообразный характер.

Следует отметить, что из учений западноевропейских философов наибольшей популярностью у социалистов-революционеров пользовались представители субъективно-идеалистического направления, т. е. самых реакционных течений философской мысли. Неслучайным, например, было обращение одного из лидеров эсеров, Авксентьева, к философии Ницше, к теории «сверхчеловека». При этом Авксентьев не просто заимствовал отдельные элементы этой крайне реакционной концепции, а полностью солидаризировался со всеми ее положениями и выводами. Человеконенавистническую философию Ницше, которого позднее фашисты объявили своим «пророком», Авксентьев рассматривал как «великое откровение». «Ницше создал, — писал с восторгом Авксентьев, — начертал нам свой, наш идеал высокого человека, сверхчеловека»⁵⁶. Эсеровского теоретика не смущало даже то обстоятельство, что вся концепция «человека власти» была направлена против демократии, против широких народных движений, которые рассматривались Ницше как причина деградации и гибели личности, культуры, морали и других ценностей⁵⁷. Единственное, что не устраивало Авксентьева в концепции Ницше, — это отрицательное отношение к этике Канта, ибо объединение этих двух концепций могло бы дать, по мнению Авксентьева, тот «культурно-этический идеал», который составляет «высокий принцип этики автономной личности»⁵⁸. Отношение к философии Ницше отражало сущность того идейного течения, к которому принадлежал Авксентьев. Подобные ему находили точки опоры в проповеди культа сильной личности — идеала мелкой буржуазии, не способной к самостоятельным действиям в период острейшей классовой борьбы.

Для обоснования своих социологических воззрений из народнических теорий эсеры заимствовали философию субъективного идеализма и так называемый субъективный метод в социологии⁵⁹. Критикуя Михайловского и его последователей — эсеров, В. И. Ленин отмечал, что субъективный метод в социологии был шагом назад по сравнению с мировоззрением Н. Г. Чернышевского⁶⁰. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением В. Г. Хороса и других советских исследователей народничества, что «теоретический субъективизм явился выражением революционных настроений народнической интеллигенции» и что «субъективизм народнической социологии не означает, что идеи ее создателей не имели какой-либо научной ценности»⁶¹. Подобного рода утверждения принципиального характера нуждаются в серьезном идейно-теоретическом и конкретно-историческом обосновании. К сожалению, автор этого не сделал, поэтому эта позиция кажется по меньшей мере спорной, а в чем-то и неверной, поскольку в нашем представлении теоретический субъективизм (автор употребляет это понятие как синоним субъективного идеализма) несовместим с научной концепцией общественного развития и научного познания.

С позиций субъективного идеализма оценивали эсеры сущность исторического прогресса, заимствуя его определение у Михайловского. В своей программе эсеры утверждали, что «социальный прогресс человечества, выражающийся в борьбе за установление общественной солидарности, гармоническое развитие человеческой личности, предполагает не только развитие безличных классовых антагонизмов, но и вмешательство социальных борцов за истину и справедливость»⁶². Мировой исторический прогресс как поступательное развитие общества, создание материальных и духовных ценностей, творческая роль народных масс как главной движущей силы истории изображались эсерами в виде эволюции абстрактной личности, ее поисков, метаний, надежд.

Идеологи пролетариата на всех этапах разработки и распространения научной теории уделяли пристальное внимание борьбе против субъективного идеализма, оценивая его как крайне реакционное философское учение, враждебное материализму и диалектике. В работе «Анти-Дюринг», вскрывая научную несостоятельность субъективизма, Ф. Энгельс писал, что «философия действительности оказывается и здесь чистой идеологией, выведением

действительности не из нее самой, а из представления»⁶³. В 90-е годы в борьбе против воззрений либеральных народников, мешавших утверждению марксизма, В. И. Ленин убедительно раскрыл антинаучный характер субъективного идеализма, показал реакционную сущность философии народников, их объяснений проблем общественного развития⁶⁴. Ленинская критика субъективного идеализма имела важное значение для идейного разгрома либерального народничества, для борьбы против социалистов-революционеров, защищавших и пропагандировавших реакционные идеи и антинаучные принципы познания.

В субъективном идеализме проявилась сущность мировоззрения эсеров, отрицавших объективный характер развития природы и общества, научные принципы познания закономерностей социального прогресса и перспектив борьбы за него. Вслед за Лавровым и Михайловским эсеры определяли сущность исторического процесса как борьбу «за индивидуальность», за освобождение личности, как развитие идеала, сознания, психологии, нравственности. Субъективная школа в социологии, утверждала теоретики партии эсеров, в «основу своего воззрения на исторический процесс положила интересы реальной, живой, чувствующей личности»⁶⁵. Как и Михайловский, они не могли понять главного, того, что «для „освещения“ истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях»⁶⁶.

Один из идеологов социалистов-революционеров, И. А. Рубанович, усматривал «объективные» признаки исторического прогресса в «усплении сознательных процессов в личности, усилении солидарности в обществе, расширении этой солидарности на все большее и большее число личностей»⁶⁷. Подобного рода рассуждения свидетельствовали о том, что в народнической социологической схеме не было места для общества, являющегося социальным организмом со свойственными ему законами возникновения, функционирования и развития⁶⁸. Исходным началом и главной движущей силой истории объявлялись личность и ее сознание. При этом личность рассматривалась как абстрактная величина, не связанная ни с классом, ни с социальной средой, ни с исторической эпохой.

Как и народники XIX в., эсеры объявляли главным источником и пружиной социального прогресса выдаю-

щуюся личность, способную вести за собой толпу⁶⁹. Культ сильной личности стал важнейшим элементом социологической доктрины эсеров, средством идейного обоснования роли политической партии в классовой борьбе и тактики индивидуального террора. С помощью рассуждений о выдающейся роли личности в социальном прогрессе теоретики эсеров подменяли истинно революционные цели борьбы, связанные с победой пролетарской революции и экономическим освобождением трудящихся на основе ликвидации частной собственности, утопическими идеями о необходимости «раскрепощения духа», распространения «чувства свободы», утверждения идеала «свободной личности». Все эти понятия, лишенные реального классового смысла, уводили в область абстрактных рассуждений, которые не решали ни теоретических, ни практических задач революционного движения и действительного освобождения народа от эксплуатации и бесправия. Упорно разъясняя вред подобного рода литературы, К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» писали, что в ней «вместо интересов пролетариата — интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии»⁷⁰.

Таким образом, идеологи партии эсеров рассматривали социальный прогресс, сущность революционной борьбы, ее цели и средства с позиций субъективного идеализма, активно противопоставляя свое понимание материалистической концепции, основанной на научном объяснении законов классовой борьбы и роли субъективного фактора в истории.

Важнейшим элементом эсеровской концепции общественного развития стал социологический плюрализм. Исторический процесс изображался эсерами в виде результата взаимодействия различных факторов: политического, экономического, идеологического, национального, которые якобы играют равноценную роль в жизни общества. Материалистическому монизму и диалектическому методу познания социалисты-революционеры противопоставляли теорию факторов М. М. Ковалевского, которая оценивалась ими как высшее достижение мировой и русской социологической мысли. В теории факторов социолог-эсер П. Сорокин усматривал главный итог развития социологической мысли, связывая с ней

весь дальнейший прогресс общественной науки XX в. Он оценивал эту теорию как центральную в социологической науке, с позиций которой якобы следует изучать историческую действительность. Как положительное явление отмечал П. Сорокин переход Ковалевского от скрытого плюрализма к явному, его отказ от разграничения главных и второстепенных факторов, превращение теории факторов в методологический принцип исследования социальной жизни. Образцом плюралистического подхода к явлениям общественной жизни и истории П. Сорокин объявлял труды Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова, Н. Н. Кареева, В. М. Чернова⁷¹.

С позиций плюрализма рассматривали социалисты-революционеры и проблему причинности применительно к общественному процессу. Эсеры доказывали, что «одним началом или корнем вообще ничего не объяснишь: современная наука отвергает понятие простой причины, она вводит вместо него понятие сложной причины, иначе говоря так — совокупности условий или же взаимодействия»⁷².

В. И. Ленин, критикуя подобный подход к изучению социальных процессов, свойственный домарксистскому периоду развития общественной мысли, отмечал, что тогда социологи не могли отличить «в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения»⁷³. И хотя открытие материалистического объяснения истории в XIX в. определило такой критерий — развитие общественно-экономических отношений, эсеры упорно продолжали твердить, что политические, культурные, идеологические, психологические факторы играют якобы равноценную роль в прогрессе общества⁷⁴.

Плюралистическое объяснение процесса общественного развития эсеровские теоретики приспособляли к субъективно-идеалистической концепции, в которой провозглашение равнозначности различных факторов общественной жизни сочеталось с явным выдвиганием на первое место причин идеологического характера. Этот подход был преобладающим в теории и методологии эсеров.

«Внутреннюю привлекательность» и «научную продуктивность» теории факторов П. Сорокин связывал с возможностью ее использования в качестве универсального методологического принципа познания явлений

общественной жизни. Сам процесс исследования общества с позиций плюрализма П. Сорокин изображал следующим образом: «Можно взять в качестве „независимой переменной“ и экономику, и идеи, и религию, и искусство, и инстинкт питания, и тысячи других условий: войну, голод, алкоголизм, колебания температуры, смену времен года, очертания берегов, конфигурацию земной поверхности и т. д. и т. д. и исследовать связь каждого из них с тем или другим явлением или с рядом явлений... Взявши его в качестве данности, исследователь должен изучать его функциональную связь с тем или иным явлением. Когда удастся формулировать ряд таких теорем, будет возможным изучение взаимной связи взятых условий друг с другом. При таком изучении можно ждать, что и здесь наступит „симбиоз“ отдельных теорем... и этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока и в общественной науке не установится своего рода закон Ньютона, поглощающий законы более узкого объема»⁷⁵. Подобный методологический подход к явлениям общественной жизни свидетельствовал о полном непонимании необходимости изучения реальных, диалектических социальных связей и отношений, а не искусственно сконструированных объектов и их либо случайного, либо вымышленного взаимодействия. В нем отразился антинаучный характер субъективного метода в социологии, порочность которого В. И. Ленин отмечал еще в 1894 г. Он писал, что философ подобного типа подходит к общественным отношениям метафизически, усматривая в них лишь «простое механическое сцепление тех или других явлений»⁷⁶.

Несостоятельность защищавшихся эсерами принципов познания общества проявлялась в их неспособности осуществить исследование конкретно-исторического процесса, выявить ведущие закономерности и тенденции развития, включая и революционный процесс, борьбу классов. Научный анализ реальных социальных отношений теории партии эсеров подменяли оторванными от жизни рассуждениями «о борьбе враждебных сил», «революционном порыве», «стихийном протесте» и т. п. Так, Чернов, особенно часто выступавший в прессе по этим вопросам, доказывал: «Для философского революционного мировоззрения история есть вечная борьба, вечное движение. Революционная партия — это живое воплощение динамического момента в истории... Таким образом, духовная сущность партии, обладающей научно-революционным

мировоззрением, отнюдь не состоит в претензии дать готовый и окончательный рецепт для воплощения „абсолютного совершенства“ в области политики. Напротив, это мирозерцание, по самому существу своему, есть отрицание всего „абсолютного“, предполагает вечное движение, вечную смену форм, вечную борьбу, вечные порывы вперед, вечную жизнь»⁷⁷. Подобными рассуждениями изобиловали все работы идеологов эсеровской партии, пытавшихся, как они утверждали, создать нечто «новое» и «цельное» в области социологии. Об эсеровских теоретических откровениях подобного типа В. И. Ленин писал, что «главное искусство их — уметь говорить, чтобы ничего не сказать»⁷⁸.

Как известно, одним из важнейших элементов теоретической доктрины любой революционной партии, называющей себя социалистической, является концепция социализма, т. е. обоснование и объяснение конечной цели борьбы. Поэтому теоретики научного социализма, разрабатывая проблемы будущего общественного устройства, уделяли пристальное внимание критическому анализу мелкобуржуазных воззрений на социализм, разоблачали их утопический характер, опасность и вред для рабочего движения и пролетарской партии. Продолжая дело, начатое К. Марксом и Ф. Энгельсом, русские марксисты во главе с В. И. Лениным тщательно изучали народническую концепцию, крестьянский, аграрный утопический социализм, идеологами которого в России в начале XX в. стали эсеры.

В концепции социализма эсеров проявился субъективно-идеалистический характер их философских воззрений. Социалистическое общество они представляли себе весьма туманно, считая, что в нем не будет угнетения, классов, богатых и бедных, а станет господствовать «право на полный продукт труда»⁷⁹. Эсеры называли социализм «царством труда и солидарности», «царством общего труда и наслаждения»⁸⁰. «Царство социализма, — писала «Революционная Россия», — есть царство труда в истинном смысле этого слова — царство всеобщего организованного труда на всеобщую пользу»⁸¹. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в эсеровских рассуждениях о социализме отсутствует главное — понимание важности и необходимости его экономического обоснования⁸². Основой их концепции социализма, как утверждали сами эсеры, была «вера» в идею социализма и ее торжество⁸³. Будучи противниками научной концепции социализма, эсеры

считали, что «высшая практичность социализма заключается в его идеализме, в элементе веры, убеждения, нравственного самоотвержения»⁸⁴. Разоблачая научную несостоятельность и вред подобного рода взглядов, В. И. Ленин писал в 1909 г.: «Рассуждение эсеров построено на знаменитом субъективном методе в социологии. Укореним же убеждение — и дело в шляпе. О том, что убеждения относительно того, есть ли в наличности те или другие пути борьбы, следует проверить объективными данными, субъективисты не заботятся»⁸⁵. И хотя иногда в объяснениях эсеров появлялись идеи о ликвидации экономического гнета, упразднении классов⁸⁶, однако главное для них было в другом — они утверждали, что «социализм есть высшая социально-этическая доктрина».

При этом отмечалось, что существуют два пути борьбы за социализм: революционный, связанный с «насильственным переворотом» и «мирный», который трактовался как «культурная деятельность», как распространение идеала социализма в жизни и сознании людей⁸⁷. Второму пути большинство идеологов правого крыла партии эсеров отдавали явное предпочтение.

Таким образом, эсеровские воззрения были разновидностью утопического этического социализма — наиболее распространенного типа мелкобуржуазного крестьянского социализма. Сами эсеры определяли социализм как стройное философско-этическое и социологическое мирозерцание⁸⁸. С этих позиций они критиковали марксистов за отрицание необходимости этического обоснования социализма⁸⁹. Субъективизм философской доктрины не позволял эсерам понять сущность научного социализма, который они постоянно сравнивали с различными утопическими теориями, находя в них много общего по содержанию и по «заслугам»⁹⁰.

В целом же эсеровская концепция социализма, как и другие составные элементы их идеологии, была разработана крайне слабо. Теоретики партии эсеров не смогли создать научной теории социализма, охарактеризовать важнейшие черты будущего социалистического общества, реально определить пути его достижения. Все их рассуждения о социализме носили абстрактный и весьма примитивный характер. В то же время воззрения эсеров были пронизаны враждебностью к теории научного социализма, активным стремлением опровергнуть его важнейшие положения, и прежде всего материалистическую сущность⁹¹.

Субъективный идеализм был теоретической основой эсеровской тактики индивидуального террора, органически связанной с народническими трактовками проблемы «толпы и героя».

Создавая революционную партию российского пролетариата, разрабатывая идейные основы ее Программы, Устав, стратегию и тактику, В. И. Ленин уделял большое внимание объяснению теоретической и практической несостоятельности мелкобуржуазного революционизма и экстремизма. В мае 1902 г. В. И. Ленин писал, что социал-демократы «умеют ценить геройство Балмашовых, не впадая, однако, в ту ошибку, которую делают социалисты-революционеры. На первый план социал-демократы выдвигают рабочее (и крестьянское) движение. Требования правительству они ставят от имени рабочего класса и всего народа, а не с угрозой дальнейших покушений и убийств»⁹². В. И. Ленин отмечал связь распространения тактики индивидуального террора с ростом революционных настроений среди включавшейся в революционный процесс интеллигенции. Объясняя причины этого явления, он указывал на такой факт, как отсутствие среди мелкобуржуазных слоев интеллигенции связи с рабочим движением и «крепких устоев определенных социалистических убеждений»⁹³. Их настроения В. И. Ленин характеризовал как уныние и неверие в массовое рабочее движение, как повторение старой тактики народо-вольчества, назвав ее вредной и нелепой⁹⁴.

Разоблачая иллюзии социалистов-революционеров о якобы возбуждающем действии террора, В. И. Ленин писал в декабре 1902 г., что эсеры не могут нахвастаться тем, как велико «агитирующее» действие политических убийств, «о которых шушукуют так много и в либеральных гостиных и в простонародных кабачках»⁹⁵. Отмечая, что эсеры подменяют политическое воспитание пролетариата произведением политической сенсации, В. И. Ленин противопоставлял такого рода действиям мелкобуржуазных революционеров последовательную, упорную борьбу, основанную на принципиально иной тактике. «Мы думаем,— писал он,— что целой сотне царубийств не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами,— как это участие в борьбе, действительно *поднимающей* новые и новые „непочатые“ слои пролетариата к более созна-

тельной жизни, к более широкой революционной борьбе»⁹⁶. Перефразируя известное высказывание К. Маркса, В. И. Ленин писал о том, что каждый шаг действительного движения важнее дюжины индивидуальных покушений⁹⁷.

Эсеровской тактике индивидуального террора В. И. Ленин, большевики противопоставляли пролетарские средства борьбы, способность быстро развернуть агитацию⁹⁸, организованные выступления рабочих в форме демонстраций с целью «показать открыто численность и силу рабочих, сознательность и решительность их»⁹⁹.

В своих работах В. И. Ленин убедительно показал, что массовое движение для успешной борьбы с царизмом и буржуазией нуждалось в боевой, единой, централизованной организации, опирающейся на весь пролетариат¹⁰⁰. Разоблачение тактики индивидуального террора стало для партии большевиков одним из эффективных средств упрочения позиций пролетарской революционности, объяснения широким массам опасности и бесперспективности форм и средств борьбы, применявшихся мелкобуржуазными революционерами-экстремистами.

Воззрения эсеров по проблемам капитализма, классовой борьбы и революции в России

В начале XX в. в связи с ростом в России массового народного движения, свидетельствовавшего о приближении революции, на первый план идейной борьбы выдвинулись вопросы, связанные с ее историческими предпосылками, характером и движущими силами, формами и средствами борьбы, с ролью в ней различных классов и партий. Они стали предметом полемики между политическими партиями и идейными течениями, идеологами и лидерами, выражавшими интересы различных классов и слоев общества. Социалисты-революционеры заметно активизировали свою деятельность по разработке проблем современности. Это было первое столкновение социальной концепции эсеров с фактами реальной действительности. Их теоретикам пришлось приступить к пересмотру ряда положений, отказаться от некоторых народнических догм. Хотя делали они это весьма робко и непоследовательно.

Как известно, одним из важнейших вопросов, по которому марксисты вели непримиримую борьбу против на-

роднических теорий, была проблема исторических судеб капитализма в России. В работах «По поводу так называемого вопроса о рынках», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «К характеристике экономического романтизма», «Развитие капитализма в России» и др. В. И. Ленин дал уничтожающую критику мелкобуржуазных концепций капитализма. На громадном фактическом материале В. И. Ленин показал, что развитие капитализма в России, как и во всем мире, являлась объективным, исторически неизбежным процессом. Особенности капитализма в России определялись не его сущностью или «национальным типом», как считали эсеры, а остатками феодальных пережитков, сдерживавших его поступательное движение. Ленинская концепция, основанная на глубоком изучении социально-экономических процессов, позволяла с научных позиций определить уровень развития капитализма в России, классовую структуру общества на рубеже XIX—XX вв., раскрыть основные тенденции развития классов, бурный рост российского пролетариата, объективно оценить его реальных союзников и противников в борьбе против самодержавия, за решение задач буржуазно-демократической революции, против буржуазии, за победу социализма.

Отстаивая марксистское объяснение содержания основных, ведущих экономических процессов, важнейших направлений развития классовой борьбы, партия большевиков во главе с В. И. Лениным выступала с острой критикой мелкобуржуазных теорий и концепций, мешавших утверждению научных взглядов на развитие капитализма в России и на пути борьбы за демократию и социализм.

Критика В. И. Лениным эсеровских воззрений на капиталистическое развитие России была обусловлена необходимостью разъяснения мелкобуржуазного крестьянского социализма, идеологи которого усматривали предпосылки социализма не в развитии капитализма, росте фабрично-заводской промышленности и пролетариата, а в эволюции мелкого крестьянского хозяйства и собственника, объяснения научной несостоятельности эсеровских оценок роли классов и характера будущей революции, их программных установок в решении аграрного и других социальных вопросов, имевших по своему объективному значению не социалистический, как утверждали социа-

листы-революционеры, а буржуазно-демократический характер.

В работах дооктябрьского периода В. И. Ленин убедительно доказал, что эсеровская концепция развития капитализма мало чем отличалась от народнических воззрений, хотя сами эсеры признавали, что вынуждены учитывать факт вступления России в капиталистическую эпоху. В. И. Ленин показал, что идеологи эсеровщины игнорировали реальные исторические условия, не понимали сущности происходивших в России социально-экономических процессов, поэтому их критика капитализма носила мещанский, утопический характер и не могла стать основой серьезной программы революционных действий¹⁰¹.

В теоретических построениях эсеров вопрос о капитализме и путях его развития в России не играл заметной роли. К тому же его постановка и решение были связаны у эсеров не со стремлением осмыслить пути движения к социалистическому обществу, а в основном с желанием ответить марксистам на критику народничества, «опровергнуть» марксистскую теорию и ее выводы. Так, В. Чернов определял значение этой проблемы не в связи с разработкой теоретических основ социализма (например, решение аграрного вопроса на базе изучения проблемы развития капитализма в сельском хозяйстве), а в связи с полемикой между марксистами и «защитниками идейного наследия 70-х годов», т. е. с эсерами, о «положительных и отрицательных сторонах капитализма»¹⁰². Следует отметить, что, не понимая сущности марксизма и его учения о капитализме как особой общественно-экономической формации, эсеры не могли увидеть принципиальной разницы между последовательными сторонниками пролетарского социализма и такими теоретиками, как П. Струве, М. Туган-Барановский, Н. Бердяев и др., проповедовавшими «марксизм», очищенный от революционности¹⁰³. Поэтому в большинстве случаев эсеры занимались критикой фальсифицированных положений теории исторического материализма. Однако это не мешало им изображать свои выступления как борьбу против «ортодоксального марксизма», против учения о капитализме как формации и особенностях его развития в России¹⁰⁴.

Эсеровские воззрения, как и воззрения народников, базировались на абстрактной постановке вопроса о капитализме (является ли он благом или злом?), вместо того чтобы рассматривать его место и роль в истории в связи с общим прогрессом человеческого общества. Эсеры при-

знали капитализм в России реальным фактом¹⁰⁵. Однако они подменяли научный анализ законов его развития абстрактными рассуждениями об историческом процессе, который, по мнению Чернова, «всегда представляет равнодействующую сил, тянущих влево и тянущих вправо». Эсеры рассматривали капитализм как форму или оболочку, которым свойственны отрицательные черты, тогда как «положительные» элементы, приписываемые капитализму, являлись, по их мнению, выражением сущности народного быта и других факторов, развивавшихся вне капитализма. На основе этих рассуждений делался столь же абстрактный вывод о желательности развития производительных сил «в процессе некапиталистической эволюции». Отстаивая примитивную теорию «о положительных и отрицательных» сторонах капитализма, эсеры приходили к заключению о существовании двух параллельных процессов: капиталистического с отрицательными чертами в городе и некапиталистического с положительными чертами в деревне. Последнее направление, по их мнению, и являлось той линией развития, которая была способна привести современное им общество к социализму¹⁰⁶.

Все эти положения были включены в эсеровскую программу¹⁰⁷, выработку которой лидеры партии считали ее большой теоретической заслугой. Так, А. Комов писал, что в программе «дается весьма правильное и верное представление о капитализме как системе элементов положительных и отрицательных, прогрессивных и регрессивных, равнодействующая которых, насколько историческое движение определяется стихийными факторами, может вести к высшим формам общежития, но может также давать компенсацию или даже перевес гибельных сторон над элементами творческими и созидательными»¹⁰⁸.

Критикуя эти положения эсеровских теоретиков, В. И. Ленин писал в 1905 г.: «Возьмите главную общетеоретическую поправку: теорию благоприятного и неблагоприятного отношения между положительными и отрицательными сторонами капитализма. Эта поправка, поскольку она не сводится к одной путанице, есть внесение в марксизм старого русского субъективизма». В. И. Ленин называл эти утверждения повторением теории старого народничества 90-х годов об особых судьбах капитализма в России¹⁰⁹.

Характерной чертой эсеровской концепции было преувеличение отсталости России, которую они в отличие от марксистов абсолютизировали¹¹⁰, игнорируя процесс вызревания экономических предпосылок социализма, рост пролетариата и его революционной активности. Рассматривая вопрос о самобытности экономического развития России, В. Чернов предлагал решать его посредством расположения «главных европейских стран в один ряд по их относительному сходству», где определенное место должна занять и Россия. «От Англии через Францию и Германию,— писал он,— далее через Австрию и Италию к России мы имеем целую лестницу стран, расположенных по возрастающим степеням темных, отрицательных сторон капитализма и по убывающим степеням его светлых, положительных сторон»¹¹¹. Представление об особом пути развития отдельных стран В. Чернов превратил в теорию «о национальных типах капитализма»¹¹². На этой основе он сформулировал якобы найденный им «настоящий исторический закон», согласно которому «степень прогрессивности и либерализма буржуазии — разумеется, при прочих равных условиях — оказывается прямо пропорциональной положительным сторонам капитализма и обратно пропорциональной его отрицательным сторонам»¹¹³.

Своеобразие развития капитализма в России эсеры усматривали в том, что в западных странах высшие формы капитализма развивались постепенно, в процессе отмирания одних форм и появления других. Это создавало определенную гармонию между «разрушительными» и «созидательными» функциями капитализма. В России процесс шел иначе. Капитализм в России, по утверждению Чернова, был «продуктом чуть ли не вчерашнего дня», где «от примитивных форм эпохи натурального хозяйства приходилось делать скачок к высшим формам европейской промышленности, взяв их готовыми и пересадив на родную почву»¹¹⁴. Так в эсеровском изложении старые теории народников об искусственном характере капитализма в России приобрели несколько обновленное звучание¹¹⁵. Экономическая политика царизма рассматривалась как основная причина развития капитализма в стране. «Концепция искусственности русского капитализма и узости внутреннего рынка своими корнями уходила в старые, народнические предрассудки о „самобытном“ развитии России и основывалась на субъективно-идеалистических взглядах на законы общественного развития»¹¹⁶. Такой же абстрактный характер носил и сформулирован-

ный В. Черновым закон взаимодействия между формой и содержанием, «между развитием положительных и отрицательных сторон развития промышленного строя»¹¹⁷.

Не желая видеть, что в процессе капиталистической эволюции все формы экономики перестраиваются на буржуазный лад, эсеры объясняли своеобразные пути развития страны и ее социальный прогресс устойчивым характером некапиталистических элементов¹¹⁸. Как справедливо отмечает В. Н. Гинев, народники конца XIX — начала XX в. упорно отстаивали свой последний оплот — мелкое крестьянское хозяйство, способное, по их убеждению, после свержения самодержавия эволюционировать в сторону социализма, минуя капитализм¹¹⁹. Если у марксистов научный анализ капитализма в России завершился выводом о неизбежности буржуазно-демократической революции, перерастания ее в социалистическую, то теоретики эсеров делали совершенно иные выводы относительно перспектив социально-экономического развития России. Они считали, что хотя капитализм в стране и развивается, однако ее будущее связано не с ним, а с теми формами и институтами социально-экономической жизни, которые существовали якобы вне капиталистической сферы (мелкое крестьянское хозяйство, община, артель, кооперация). В подобном подходе заключался главный порок эсеровского понимания сущности капитализма и ведущих тенденций его экономического развития. Противоречивый характер этой концепции определялся и тем, что, будучи противниками капитализма в теории, эсеры вместе с тем отстаивали интересы мелкой буржуазии, объективно борющейся за буржуазный путь развития мелкого крестьянского хозяйства. Это обстоятельство дало В. И. Ленину основание сделать вывод о том, что в концепции социалистов-революционеров сочетались одновременно и признание капитализма и его отрицание¹²⁰.

Дальнейший прогресс производительных сил страны эсеры связывали не с развитием капитализма и победой социалистической революции, а с различными формами кооперации, которые должны якобы постепенно привести к социализму¹²¹. Критикуя эти воззрения эсеров, В. И. Ленин писал: «Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием кооперации»¹²². В. И. Ленин называл эту точку зрения мещанской утопией¹²³.

С концепцией капитализма были теснейшим образом связаны воззрения эсеров на крестьянство, крестьянское

хозяйство и перспективы его развития в условиях России ¹²⁴.

Рассматривая крестьянское хозяйство в качестве экономической основы развития страны по пути к социализму, эсеры в то же время были уверены в сохранении крестьянства как класса в его неизменном виде. Эта уверенность базировалась на ложном тезисе об устойчивом характере мелкого крестьянского хозяйства и его успешной борьбе с капиталистическими земледельческими предприятиями ¹²⁵. Мелкое, к тому же разлагавшееся крестьянское хозяйство превращалось у эсеров в носителя социального прогресса не только в деревне, но и во всем обществе. Именно оно, по мнению эсеров, являлось основой социализма. Это свидетельствовало о все усиливавшейся реакционной тенденции в утопических теориях крестьянского социализма эсеров, которые связывали победу нового строя не с прогрессивными формами общественного развития, а с отживавшими и разлагавшимися социальными институтами типа общины, артели, с индивидуальным крестьянским хозяйством ¹²⁶. Некоторые теоретики эсеров были вынуждены признавать факт разложения общины в начале XX в., но они упорно продолжали доказывать, что главным фактором развития остаются «общинные инстинкты и навыки», хотя сама община, по их словам, «искажена и изуродована» ¹²⁷.

С помощью этих крайне противоречивых объяснений предпосылок социализма эсеры пытались критиковать марксистскую экономическую теорию. Их упреки в адрес марксизма, как показал В. И. Ленин, свидетельствовали, во-первых, о полном непонимании ими теории научного социализма и, во-вторых, о неспособности эсеров «выставить против марксизма хотя чего-либо похожего на цельную, прямую, ясную социальную теорию» ¹²⁸. Рассуждения эсеров о капитализме и путях его развития в России показывали их «полную теоретическую беспомощность в анализе существующего строя, бесплодность найти выход из его противоречий» ¹²⁹.

Игнорирование объективных закономерностей развития капиталистического способа производства проявлялось у эсеров и в отрицании вступления России в стадию империализма ¹³⁰. Империализм они трактовали лишь как захватническую внешнюю политику развитых капиталистических стран ¹³¹. С этих позиций эсеры пытались разоблачать правительства индустриально развитых государств, проводивших политику закабаления отсталых на-

родов. Однако их критика была крайне поверхностной и примитивной. В ней отсутствовало научное понимание роли монополий, проблемы вывоза капитала, борьбы за передел мира¹³². Поэтому эсеры не поняли сущности первой мировой войны, порожденной империалистическими противоречиями.

Научная несостоятельность эсеровской доктрины проявилась не только в решении важнейших теоретических проблем капитализма, но и в подходе к таким конкретным вопросам, как развитие промышленности и сельского хозяйства, образование монополий, причины кризисов и безработицы и др. Так, научное объяснение развития капитализма в сельском хозяйстве эсеровские теоретики подменяли бессодержательными рассуждениями о том, что «в сельском хозяйстве капитализм по преимуществу развивает свои отрицательные, разрушительные тенденции и весьма плохо выполняет свою положительную, организующую работу»¹³³.

В схеме эсеров, отмечал В. И. Ленин, «нет ни развивающегося капитализма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи в головах людей, весь идейный багаж которых состоит из лохмотьев народничества и нарядных заплат модной критики?»¹³⁴.

Характеризуя проект программы партии эсеров, В. И. Ленин писал, что при ознакомлении с ним выявляются три основные черты мирозерцания социалистов-революционеров: «Во-первых, теоретические поправки к марксизму. Во-вторых, пережиток народничества во взглядах на трудовое крестьянство и аграрный вопрос. В-третьих, такой же пережиток народнических мнений о небуржуазном будто бы характере предстоящей России революции»¹³⁵.

Если партия большевиков во главе с В. И. Лениным решала проблемы революции на основе научной теории классовой борьбы и реального анализа социальной структуры России, то с иных позиций к осмыслению их подошли теоретики народничества начала XX в., включая и эсеров.

Следует сказать, что ряд факторов заставил эсеровских теоретиков усилить внимание к проблеме классов и классовой борьбы, которая заняла заметное место в их социологической концепции. Важную роль сыграли социальные условия: обострение в начале XX в. классовых антагонизмов, активизация борьбы широких трудящихся масс, в том числе крестьянства. Первостепенное зна-

чение имела и острая полемика, развернувшаяся между марксистами и представителями других идейных течений по проблемам революционного движения, роли различных социальных сил в грядущей революции. В росте интереса эсеров к проблеме классов нельзя не видеть отхода социалистов-революционеров от традиций и догм своих учителей — народников XIX в., либо игнорировавших классовую борьбу, либо признававших ее как противоречия, основанные на неравенстве бедных и богатых ¹³⁶.

Революционная действительность начала XX в. давала богатый материал для научной постановки, осмысления и решения этой важной теоретической и практически-политической проблемы. Однако свои главные усилия теоретики эсеров направили не на ее разработку, а на борьбу с марксизмом. Эсеры выступали рьяными противниками марксистской теории происхождения и сущности классов, роли классовой борьбы.

Для В. Чернова и других идеологов эсеровской партии был характерен крайне примитивный подход к проблеме классов, основанный на непонимании природы и сущности этого исторического и социального явления. Чернов сводил все его содержание к вопросу об «экономической расчетливости» ¹³⁷⁻¹³⁸, т. е. к экономическим интересам, игнорируя объективную обусловленность появления и развития классов, их роль в социальном процессе. Далекий от научного решения подход к проблеме классов и классовой борьбы Чернов, как и другие теоретики эсеров, пронес через всю жизнь, выступая активным противником марксизма. Эсеры грубо извращали не только сущность марксистского учения о классах, но и историю его создания и развития ¹³⁹. Критикуя подобные приемы, В. И. Ленин вскрыл их механизм, показав, что сначала идеи К. Маркса и Ф. Энгельса фальсифицируются, а затем доказывается их неверность ¹⁴⁰. Так, Чернов нередко выступал против «приписывания» К. Марксу открытия классов и классовой борьбы, хотя известны неоднократные заявления самого К. Маркса о том, что этот вывод был сделан до него. Заслуга К. Маркса состоит в том, что он связал возникновение и развитие классов с определенными историческими фазами общественного развития, показал, что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, а затем к ликвидации классов ¹⁴¹.

Чтобы умалить значение учения К. Маркса, эсеры всячески превозносили заслуги его предшественников,

отрицали принципиальные различия между утопическим и научным социализмом¹⁴². Поскольку же В. И. Ленин и русские революционные социал-демократы были последовательными сторонниками и защитниками марксизма, эсеры обрушивались на них с упреками в «вульгаризации социализма», в стремлении разрушить «союз рабочего класса и крестьянства»¹⁴³ и т. д.

Марксистско-ленинской теории происхождения и существования классов эсеры противопоставляли взгляды, заимствованные из буржуазной английской политической экономии XVIII—XIX вв. (А. Смит и Д. Рикардо)¹⁴⁴. «По нашему мнению,— писал Чернов,— разделение общества на классы состоит в непосредственной связи именно с отношениями распределения, а потому и отличительный признак принадлежности к тому или другому классу берется прежде всего из этой сферы». По теории эсеров, три источника дохода — заработная плата, прибыль и рента — определяли существование классов. Там, где они отсутствуют, не может быть классов. Для буржуазного общества, как утверждали эсеры, характерно наличие трех основных классов: рабочих, капиталистов, землевладельцев¹⁴⁵.

«Несостоятельность этих посылок бьет в глаза,— писал В. И. Ленин, разоблачая эсеровский подход к проблеме классов.— Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода — значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства»¹⁴⁶. К. Маркс, продолжал В. И. Ленин, называл таких теоретиков вульгарными социалистами¹⁴⁷.

Заимствуя у марксизма идею об общественном разделении труда, являющемся главным фактором процесса классовообразования, эсеры делали, однако, иные выводы. Так, Чернов связывал с общественным разделением труда появление таких социальных институтов, как государство, семья, нация, каста, сословие, класс, которые он характеризовал как «коллективные индивидуальности различного порядка»¹⁴⁸.

Марксистской теории классовой борьбы, вскрывающей материальные основы классовых антагонизмов и оценивающей классовую борьбу как главную закономерность развития всех антагонистических формаций, эсеры противопоставляли половинчатое признание классовой борьбы. Они рассматривали всемирную историю как «многослойную борьбу, лишь часть которой протекает в форме

борьбы классов». Подобный подход к проблеме классов приводил эсеров к заключению, что в «докапиталистическом обществе, феодальном и дофеодальном, рабском или кастовом, классов в современном буржуазном смысле этого слова не было»¹⁴⁹. Не понимая, что рабство, феодализм и наемный труд — это три формы эксплуатации, сменявшие друг друга в процессе развития классовых антагонистических обществ, и что поэтому классовая борьба свойственна всем антагонистическим формациям, эсеры признавали наличие классов и классовой борьбы только при капитализме.

Это половинчатое признание классовой борьбы вытекало из социологической концепции эсеров, в которой равнозначную роль играли все факторы: биологические, космические, политические, религиозные, правовые, идейные и др.¹⁵⁰ Таким образом, теорию классовой борьбы эсеры приспособляли к своему плюралистическому объяснению исторического процесса и социальных явлений современности.

Эсеровская теория сочетала в себе и признание классовой борьбы и ее отрицание. Из нее вытекал главный вывод эсеров — о возможности примирения классовых антагонизмов и классовых противоречий в буржуазном обществе¹⁵¹. Эту непоследовательность и противоречивость эсеровских трактовок неоднократно вскрывал В. И. Ленин. В 1903 г. он писал: «А социалисты-революционеры?? Туман. Есть ли остатки крепостного права?? И да и нет. Буржуазен ли новый строй? Да — нет. Классовая борьба? Да — нет»¹⁵².

Изучение литературы эсеров по вопросам классов и классовой борьбы приводит к выводу, что хотя в воззрениях социалистов-революционеров и появились новые черты по сравнению с народниками XIX в., тем не менее они не смогли порвать с ними окончательно. Это, в частности, проявилось в свойственном народничеству XIX в. рассуждениях эсеров о слабых и сильных, богатых и бедных, эксплуататорах и эксплуатируемых, о счастливых, владеющих собственностью и несчастных, обездоленных, об угнетенных и угнетателях¹⁵³.

Новым по сравнению с народничеством XIX в. было появление в эсеровской социологической концепции понятия «рабочий класс»¹⁵⁴. В него социалисты-революционеры включали пролетариат, крестьянство, интеллигенцию. В ответ на критику В. И. Ленина, писавшего в газете «Искра», что против учения К. Маркса «о единственном

действительно революционном классе современного общества» — пролетариате, эсеры «выдвигают троицу: „интеллигенция, пролетариат, крестьянство“, обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий»¹⁵⁵, эсеры отвечали с апломбом. Не понимая смысла ленинских рассуждений и аргументов в защиту важности союза рабочего класса и крестьянства на всех этапах развития революции, эсеры упорно продолжали твердить, что крестьянство «играет и обещает играть слишком крупную роль в общей экономике страны, благодаря своей численности, чтобы можно было думать о воплощении в жизнь социалистического строя помимо его участия»¹⁵⁶. Следует отметить, что в своих рассуждениях о роли крестьянства эсеры постоянно отождествляли проблему борьбы за победу социалистической революции и проблему построения социалистического общества, не учитывая различной роли различных слоев крестьянства в этих процессах. С этих позиций они пытались полемизировать с марксизмом по вопросам классовой борьбы в деревне и о революционных возможностях крестьянства. В изображении большинства эсеров В. И. Ленин и большевики исключали крестьянство из «активного социального творчества», тогда как в действительности марксисты-ленинцы признавали его громадный революционный потенциал и возможности его проявления, связывая успех этой борьбы с выступлением этого класса под руководством пролетариата. В. И. Ленин убедительно показал, что с наибольшей полнотой несостоятельность эсеровских объяснений классовой борьбы проявилась в оценках сущности пролетариата и крестьянства, характера движения и роли этих классов в революционной борьбе¹⁵⁷.

Наряду с теорией прогресса эсеры заимствовали у народников XIX в. основную идею, присущую крестьянскому социализму. Они утверждали, что якобы гармоничнее всего личность развивается в условиях земледельческого быта, поэтому в силу своего положения крестьянство является «самым социалистическим» классом современного общества. По мнению эсеров, оно в большей степени, чем какой-либо другой класс, способно усвоить социализм и стать самой активной революционной силой в борьбе за его осуществление¹⁵⁸. Вслед за своим учителем Н. К. Михайловским эсеровские теоретики постоянно подчеркивали, что сформированная специфическими историческими условиями общинная психология, «общинные навыки и инстинкты» крестьян являются основой социального про-

гресса¹⁵⁹. Некоторые наиболее правые эсеры считали, что в программе партии следует больше уделить внимания общине, ее роли как фактора, облегчающего и ускоряющего переход крестьян к социализму¹⁶⁰. В этом проявились взгляды эсеров как идеологов крестьянства, игнорировавших теорию революции.

Критике подобного рода положений мелкобуржуазного утопического социализма большое внимание уделяли К. Маркс и Ф. Энгельс. В «Манифесте Коммунистической партии» они дали его исчерпывающую научную характеристику, показали условия его возникновения во Франции и Англии, проанализировали содержание и классовый смысл, определили основную тенденцию развития как учения, в корне противоположного научному социализму. Этот социализм «стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними и старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен. Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство — вот его последнее слово»¹⁶¹. Крестьянский социализм эсеров был разновидностью именно такого типа социализма, имевшего в России свои специфические особенности, связанные с сохранением пережитков феодализма, отсталостью страны, многочисленностью мелкой буржуазии.

Оценивая Россию как аграрную страну, в которой преобладало крестьянское население, эсеры утверждали, что главным вопросом будущей социальной революции является аграрный. Поэтому они сделали его основой всех теоретических и программных построений, изображая себя выразителями и защитниками интересов всего народа. При этом эсеры постоянно заявляли о преимуществах своей аграрной программы, построенной, как они писали, на «психологии крестьянства в сочетании с социалистическим идеалом эсеров»¹⁶². Социалистический путь решения аграрного вопроса эсеры видели не в победе пролетарской революции, радикальном преобразовании сельского хозяйства, основанном на ликвидации частной собственности и развитии коллективных социалистических форм хозяйства, а в социализации земли, т. е. связывали с буржуазно-демократическими по своей сущ-

ности изменениями. В. И. Ленин и партия большевиков, критикуя эсеровскую аграрную программу, показали, что в условиях России она является прогрессивной и демократической, но ни в коей мере не социалистической, как это утверждали эсеры¹⁶³.

Эсеровское понимание аграрного вопроса и путей его решения строилось на идеализации крестьянского «трудового» хозяйства, игнорировании роста классовых противоречий в деревне¹⁶⁴. Это не исключало признания отдельными теоретиками эсеров наличия бедноты и кулаков, эксплуатации последними крестьян. Однако дальше этих весьма редких в их литературе оценок эсеры не пошли¹⁶⁵. Свои основные усилия они сосредоточили на доказательстве того, что «трудовое крестьянство» (в которое левое крыло эсеров включало только середняков и бедноту) не является мелкобуржуазным классом¹⁶⁶.

Отрицая наличие внутри крестьянства классовой борьбы, не понимая места этого класса в системе общественного производства, эсеры рассматривали его как основную движущую силу общественного прогресса¹⁶⁷. Так, А. Пешехонов писал в 1903 г., что крестьянство — это та социальная сила, которая осуществит идею социализма¹⁶⁸.

В. И. Ленин уделял особенно большое внимание критике эсеровских воззрений на крестьянство. Он показал, что эсеровские оценки были возрождением старого народничества, что эсеры не учитывали реальных условий классовой борьбы, не понимали задач буржуазно-демократической революции в России. «Они не разобрались даже в том, — писал В.И. Ленин в 1902 г., — что одно дело — демократическое движение против остатков крепостничества, другое дело — социалистическое движение против буржуазии»¹⁶⁹. Не понимая мелкобуржуазной сущности крестьянства, которое «колеблется между пролетариатом и буржуазией»¹⁷⁰, эсеры давали неправильную оценку и крестьянскому движению, ведущему, как писал В. И. Ленин, «к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут»¹⁷¹.

В ответ на критику марксистов эсеры пытались внести в свои теории некоторые уточнения и дополнения. Так, они разграничили крестьянство, которое ранее рассматривали как единое целое¹⁷², на кулаков и «трудовое крестьянство». Однако эти поправки не давали ничего принципиально нового, так как строились либо на про-

тивопоставлении крестьянства и пролетариата, либо на их полном отождествлении как классов, якобы равноценных по своему положению и революционным возможностям. В работе «Некоторые особенности России» Чернов, рассматривая классовую структуру России начала XX в., доказывал, что «не являясь формально пролетариатом, трудовое крестьянство играет ту же социальную роль, что и пролетариат: создание того национального фонда неоплаченного труда, прибавочной стоимости, из которого черпают и за счет которого существуют все эксплуатирующие, паразитические элементы общества. Эти паразитические элементы впились в крестьянина со всех сторон, при всесторонней, прямой и косвенной поддержке самодержавного режима»¹⁷³.

Как уже отмечалось, эсеры стали уделять значительно больше внимания пролетариату, чем это делали их идейные учителя и предшественники — народники XIX в. Они включили фабрично-заводской пролетариат как один из составных элементов в свое понятие «рабочий класс», стали рассматривать его в качестве одной из сил в предстоящей в России революции¹⁷⁴. Однако, не понимая сущности пролетариата как класса, эсеры доказывали, что их теория и программа якобы в равной мере отражают интересы всего «трудового народа», в том числе и пролетариата, тогда как большевики, по мнению социалистов-революционеров, защищали лишь требования фабрично-заводских рабочих. Эта позиция эсеров была типичной для мелкобуржуазных радикалов и демократов, выступавших с многословными заявлениями об «общенародном» характере своих партий, о защите интересов всего «трудового народа» и т. п.

Как мелкобуржуазные теоретики подходили эсеры и к оценке пролетариата и его роли в революционной борьбе конца XIX — начала XX в. Это проявилось в резко отрицательном отношении эсеров к оценкам марксистами пролетариата как самого передового класса буржуазного общества. Эсеры не хотели видеть громадного революционного потенциала пролетариата, проявившегося еще в XIX в. в Европе, а затем и в России. Они категорически отрицали его способность к организации и сплочению, к классовой солидарности и последовательной борьбе не только за свои классовые интересы, но и за социальное освобождение всех трудящихся и эксплуатируемых. Особенно активно социалисты-революционеры выступали против марксистского учения о гегемонии пролетариата,

его способности вести за собой широкие слои трудящихся, включая и крестьянство, в борьбе за демократию и социализм¹⁷⁵.

Для обоснования своих оценок эсеровские теоретики приводили несостоятельные в научном отношении аргументы. Они сводились к заявлениям о малочисленности пролетариата по сравнению с крестьянством, об «отрыве» рабочих от «исконных основ» русской народной жизни, от национальных традиций, о якобы низком уровне их сознательности и культуры. Среди этих доводов были и утверждения о том, что якобы весь пролетариат участвует в дележе прибылей, которые буржуазия выкачивает путем эксплуатации деревни.

Подлинно научным оценкам марксистов эсеры противопоставили крайне примитивные рассуждения о «рабочем классе» — «тройце» и его роли в революционном процессе. Примером такого рода теоретических откровений может служить выступление «Революционной России» в мае 1902 г. «Рабочий класс в широком смысле этого слова (т. е. «тройца». — Г. А.), — писала эсеровская газета, — все более и более становится не только самой крупной социально-политической силой новейшей истории, но — еще раньше — самой крупной интеллектуальной и моральной силой. Вокруг него группируется все лучшее, все честное, отзывчивое — словом, все наиболее интеллигентное из среды различных классов, положений, состояний. И вместе с тем рабочий класс делается опорой всего высокого, всего истинно гуманного и благородного в общественной жизни. Движения более широкого, все более общечеловеческого еще не видела история»¹⁷⁶. Естественно, что такого рода высказывания нельзя считать серьезной революционной теорией, основанной на объективном анализе сущности исторических явлений.

Включение пролетариата в эсеровскую формулу «рабочий класс = пролетариат + крестьянство + интеллигенция» было в большей степени данью времени, когда рабочие демонстрировали свою реальную силу и громадные революционные возможности, чем результатом глубокого изучения этого класса. Заметное влияние на изменение эсеровских воззрений оказывал марксизм, в концепции которого пролетариат был решающей силой в борьбе за победу и буржуазно-демократической и социалистической революций. Несмотря на эти обстоятельства, все эсеровские оценки пролетариата строились на

желании утвердить идею о «преимуществе» крестьянства, на преувеличении его способности играть определяющую роль в революционном процессе, лидером которого изображалась интеллигенция. В статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» (1905) В. И. Ленин писал: «Марксисты именно потому и называют социалистов-революционеров стоящими на точке зрения мелкой буржуазии (идеологами мелкой буржуазии), что они не могут отделаться от мелкобуржуазных иллюзий, фантазий народничества в оценке крестьянского движения»¹⁷⁷. Критикуя взгляды эсеров на роль пролетариата в революционном процессе и в грядущей революции, В. И. Ленин не раз отмечал, что идеологи мелкобуржуазной демократии в силу своей классовой ограниченности не способны понять самого главного в современной революционной борьбе: путь для достижения социализма «один и в городе и в деревне — классовая борьба пролетариата против буржуазии»¹⁷⁸.

С позиций мелкобуржуазных теоретиков оценивали эсеры и другие социальные группы, участвовавшие в борьбе за демократические свободы и социализм¹⁷⁹. Если основной движущей силой революции в России они считали крестьянство, то его руководителем, гегемоном объявлялась интеллигенция, которая рассматривалась как надклассовая сила, выражавшая интересы всего народа. «Эти люди,— писала Е. Брешковская об интеллигенции,— выходящие как из самой массы, так и из культурных слоев, могут и должны взять на себя руководство нравственной и физической силой народа и направлять эту силу на разрушение страшной и мрачной твердыни царского самодержавия»¹⁸⁰.

Наделяя интеллигенцию чертами класса-гегемона, эсеры изображали ее носителем социалистического идеала, просвещения, нравственности, гуманизма, национальных традиций, принципов справедливого социального устройства. Интеллигенция рассматривалась как ведущая сила революционного движения в борьбе за социализм¹⁸¹. Культ сильной личности, творящей историю, стал постепенно вытесняться в эсеровской социологической доктрине своеобразным культом интеллигенции, игравшей ту же роль, что и «критически мыслящая личность». Агитацией и пропагандой в сочетании с индивидуальным террором эта социальная группа, по мнению эсеров, поднимала трудящиеся массы на борьбу. Так эсеры пытались приспособить старые народнические теоретические

взгляды и тактические методы к массовому революционному движению XX в., причем агитационно-пропагандистская сторона деятельности интеллигенции преувеличивалась и абсолютизировалась, а ее социальная природа и ограниченность игнорировались.

Для теоретической доктрины эсеров было характерно отсутствие понимания важности организации масс, без чего, как известно, не может быть успешной никакая революционная борьба. Революционный подъем масс трактовался эсерами не как показатель обострения классовых антагонизмов, углубления социальных противоречий, кризиса господствующей социально-экономической системы, а как результат воздействия революционной интеллигенции, как следствие укрепления в сознании масс социалистического идеала¹⁸².

И хотя после революции 1905—1907 гг. заметно повысился интерес эсеров к массовому движению, проблеме движущих сил революции, в том числе и к интеллигенции как особому социальному слою, однако они не смогли дать правильного объяснения места интеллигенции в современном обществе, ее действительной роли в борьбе классов. Все теоретические рассуждения эсеров свелись к крайне абстрактным характеристикам. Это проявилось в социологических законах, которые пытались сформулировать Чернов и другие теоретики партии социалистов-революционеров. Так, Чернов утверждал, что «антибуржуазность, демократический идеализм интеллигенции обратно пропорционален положительным сторонам капитализма и прямо пропорционален его отрицательным сторонам. В этом обстоятельстве мы склонны искать причины относительно сильного развития демократического духа в нашей интеллигенции». Более того, он считал возможным, применение данных положений к анализу проблемы «развития социализма в отсталых странах, где преобладало земледелие»¹⁸³.

Оценивая рассуждения эсеров, В. И. Ленин показывал, что они не понимают классовой сущности интеллигенции, которая «является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией» и ни в коей мере не может рассматриваться как класс, равнозначный пролетариату и крестьянству¹⁸⁴.

Столь же оторваны от жизни были и эсеровские оценки российской буржуазии. Последняя, по их мнению, в отличие от стран Запада была «фактором не освободительным, не либеральным, тем паче не революционным,

а реакционным». Однако эсеры связывали это явление со спецификой развития России, с абсолютизацией и идеализацией ее отсталости¹⁸⁵, игнорируя эпоху империализма, когда революционность буржуазии исчерпала себя, а последовательным борцом за демократию стал пролетариат.

На основе подобных примитивных представлений о классах и классовой борьбе эсеры оценивали движущие силы социалистического движения, под которыми понимались все формы социального протеста различных классов и социальных слоев. Так, Е. Брешковская доказывала, что социалистическое движение является по своей сущности не классовым, а «общечеловеческим»¹⁸⁶.

В. И. Ленин неоднократно разоблачал несостоятельность эсеровских оценок классов и их роли в революции, подчеркивал непонимание эсерами тех задач, которые стояли перед революционными партиями России, взявшимися руководить борьбой масс за демократию и социализм¹⁸⁷. При этом особое значение В. И. Ленин придавал разъяснению научной несостоятельности и политической опасности оппортунистических установок эсеров, показывая утопический характер их устремлений к «единой великой демократической партии, мирно идущей путем реформ, путем сотрудничества классов»¹⁸⁸. В. И. Ленин убедительно раскрыл, что промежуточное положение мелкой буржуазии в обществе, ее колебания между буржуазией и пролетариатом постоянно проявлялись и в программных и тактических установках, и в теоретической доктрине, и в практической деятельности партии социалистов-революционеров.

Это отразилось в попытках идеологов эсеров обосновать идею «третьего пути» и «третьей силы». В понятие «третья сила» эсеры объединяли «всю трудовую демократию» во главе с «единой социалистической партией»¹⁸⁹. Марксистско-ленинской концепции мирового революционного процесса XX в., в котором главным направлением является борьба пролетариата против буржуазии, эсеры пытались противопоставить рассуждения о мелкобуржуазной демократии как «третьей силе.», способной якобы преодолеть острую классовую борьбу, повести за собой широкие массы трудящихся с целью завоевания «социального мира», ликвидации нищеты, решения аграрного вопроса и т. д.

Эсеровское понятие «третья сила» было лишено реального классового содержания, базировалось на туман-

ных рассуждениях, сочетавших в себе социальную утопию с верой в возможность мирного решения острых классовых конфликтов. Эсеры преувеличивали способность средних слоев к самостоятельным революционным действиям, путем идеализации мелкой буржуазии изображали интеллигенцию в качестве руководителя массового революционного движения. Брошюра В. Чернова «Война и „третья сила“», опубликованная в 1917 г., явилась ярким подтверждением того абстрактного и далекого от жизни подхода к проблемам классовой борьбы, который был характерен для эсеров, увидевших в росте массового движения «дебют третьей силы в России»¹⁹⁰.

Эсеровская концепция классовой борьбы, их попытки обосновать возможность «третьего пути», «третьей силы» со всей очевидностью подтверждали ленинский вывод о том, что социалисты-революционеры как представители мелкобуржуазной демократии не имели «ни определенных научных убеждений, ни твердой политической линии»¹⁹¹.

Одним из важнейших критериев оценки всякого идейного течения, тем более именующего себя революционно-социалистическим, являются его отношение к роли революций в истории вообще и понимание значения социалистической революции в частности. По этому вопросу шла особенно острая идейная борьба между марксизмом, буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками различного толка. Признание решающей роли классовой борьбы, необходимости революции и диктатуры пролетариата К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин считали важнейшим признаком научного социализма¹⁹².

Будучи представителями мелкобуржуазной революционности, социалисты-революционеры связывали торжество своих социалистических идеалов с победой народной революции, с «социально-революционным» переворотом¹⁹³. Они много и часто писали и говорили о революции, важности борьбы за победу трудящихся. Однако научной теории, обоснованной и продуманной системы взглядов на революцию, ее задачи и движущие силы, условия победы, эсеры создать не смогли. В этом еще раз проявились их пренебрежительное отношение к теории, непонимание значения науки для практической деятельности партии, для руководства массами.

Теоретики партии эсеров не могли понять диалектики революционного перехода от одной общественно-экономической формации к другой, увидеть в революции

выспую форму классовой борьбы, коренной качественный переворот во всей социально-экономической структуре общества. Для них революция была одним из многих факторов социального развития, имевшим такое же значение, как и эволюция. Им импонировала революция в виде постепенного изменения, наступающего в процессе развития общества, личности, социалистического идеала, нравственности. Поэтому эсеровские трактовки этой важной проблемы не раскрывали действительной роли революций в истории общественного развития. В эсеровской литературе преобладали в основном общие, весьма неконкретные суждения о необходимости работы среди масс, распространения веры в революцию и торжество идей социализма, пропаганды социалистического идеала¹⁹⁴.

Большинству идеологов эсеровского направления революция виделась далекой целью, к которой стремится человечество, идеалом борьбы, «символом веры». Серьезный анализ социально-экономических и политических предпосылок революции эсеры подменяли, как правило, туманными рассуждениями об «эмансипации духа», которая должна предшествовать революции и составлять главное содержание всего освободительного движения¹⁹⁵. Многие из эсеров «корень русской революции» усматривали в голоде, народном недовольстве, в жажде свободы, вере в свободу¹⁹⁶. Весь сложный процесс вызревания революции в недрах старого общества эсеры трактовали как стихийное явление, не поддающееся научному анализу и оценке, а тем более предвидению хода событий и итогов борьбы. В этом проявилась их неспособность понять принципиальное отличие революций прошлого от социалистической революции, которой предшествует серьезная теоретическая и политическая подготовка, что существенным образом меняет соотношение между стихийностью и сознательностью, организованностью масс, совершающих революционный переворот.

С эсеровским пониманием революции была связана трактовка ими таких важных элементов революционного процесса, как политическая партия, организация масс, деятельность революционных лидеров. Роль партии сводилась в концепции эсеров к стимулированию «взрыва» всеобщего протеста и недовольства. Глубокое теоретическое осмысление закономерностей революционной борьбы в условиях России эсеры подменяли примитивными рассуждениями о «механической и кинетической энергии»,

выдвигая на первый план «бессознательные и полусознательные аффекты и стремления»¹⁹⁷. В борьбе трудящихся накануне революции 1905—1907 гг. эсеры не смогли увидеть их возрастающей классовой солидарности, сплоченности и сознательности, проявившихся в политических стачках, демонстрациях и забастовках. Лозунгам пролетарского движения эсеры противопоставляли требования, в которых ярко отражалась их мелкобуржуазная сущность. Лидеры социалистов-революционеров особенно гордились лозунгом «Земля и воля», постоянно подчеркивая его всенародный характер. Объективно он отражал требования крестьянских масс и задачи радикальной буржуазно-демократической революции в России. Однако эсеры рассматривали этот лозунг в сочетании с девизом «В борьбе обрешь ты право свое!» как высшее проявление революционности и демократизма, как «верность идеалам чистого социализма»¹⁹⁸, хотя ничего социалистического в этих призывах идеологов крестьянской демократии не содержалось.

Отсутствие четких представлений о характере революции, ее движущих силах, соотношении политической и социальной революции, роли в революции различных классов и партий было главным пороком концепции эсеров. Все их рассуждения о революции сводились к характеристикам, не имевшим реального классового содержания. Революция изображалась эсерами в таких понятиях, как народная, стихийная, демократическая, политическая, социальная, радикальная¹⁹⁹. Высмеивая подобного рода представления о революции, Ф. Энгельс писал, что в них революция «становится... чем-то вроде девы Марии, теория — верой, участие в движении — культом, а все действие разворачивается не на нашей грешной земле, а в заоблачных высотах общих фраз»²⁰⁰. На подмену научного анализа революции общими рассуждениями и громкими фразами указывал В. И. Ленин в первых же работах, посвященных критическому анализу мелкобуржуазной концепции революции²⁰¹.

В свержении самодержавия эсеры справедливо усматривали политический характер революции. Однако от признания ее буржуазно-демократического содержания они упорно отказывались. Возражая «Искре» по вопросу о буржуазно-демократической сущности революции в России, газета эсеров «Революционная Россия» доказывала: «Наша задача при свершении этой революции — обеспечить благоприятный исход ее для трудящихся

слоев, добиться того, чтобы эта политическая революция не была революцией чисто буржуазной, а сопровождалась крупными демократическими и социальными реформами, которые положили бы первое основание дальнейшему социальному строительству будущего, заложили бы первые кирпичи в фундамент будущего здания социализированного труда и собственности»²⁰². Подобное понимание задач революции хотя и включало признание необходимости крупных демократических и социальных преобразований, однако игнорировало такой существенный момент, как переход власти сначала в руки демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а затем переход к диктатуре пролетариата, что давало возможность коренным образом изменить природу власти, ликвидировать частную собственность, перестроить социально-экономические отношения в стране.

Теоретики эсеров сводили главную задачу революции в России к решению аграрного вопроса. С ликвидацией помещичьего землевладения, социализацией земли и уравнительным землепользованием эсеры связывали социалистический путь ее развития. Движущей силой такой революции объявлялся либо весь «трудовой народ», либо «рабочий класс», т. е. пролетариат и крестьянство во главе с революционной интеллигенцией.

Главное направление развития революции эсеры усматривали в утверждении народовластия. По их мнению, оно должно было обеспечить дальнейшее продвижение к социализму путем реформ и разного рода преобразований на основе развития общинных традиций, артелей, кооперации, товариществ и т. п.

Таким образом, для эсеровской концепции было характерно непонимание различия задач буржуазно-демократической и социалистической революций, совершаемых в эпоху империализма. Ее важным элементом был реформизм, признание возможности достижения социализма посредством реформ сразу же после свержения самодержавия, т. е. без завоевания власти пролетариатом. Этот вывод основывался на утопическом представлении об установлении народовластия после свержения самодержавия, возможности примирения социальных антагонизмов и достижения классового мира. В нем с наибольшей полнотой проявились сущность эсеров как мелкобуржуазных революционеров и демократов, их ограниченность и непоследовательность. Объективно они боролись за победу буржуазно-демократической револю-

ции, по изображали свои действия как борьбу за социализм. На этот недостаток эсеровской теории революции неоднократно указывал В. И. Ленин²⁰³.

Недооценка, а точнее, непонимание важности научной теории для организации, называвшей себя партией «революционного действия», было свойственно эсерам на всех этапах существования этого идейного течения, что находило отражение в социологической концепции, программных и тактических установках, конкретной деятельности. Не случайно после революции 1905—1907 гг. эсеры признали, что по сравнению с социал-демократами, серьезно занимавшимися теоретическими проблемами революции, их работа в этой области значительно отставала от движения масс и бурно развивавшихся революционных событий²⁰⁴. В то время как партия большевиков во главе с В. И. Лениным придавала первостепенное значение дальнейшей разработке теории революции К. Маркса и Ф. Энгельса, обогащая ее новыми открытиями и выводами на основе обобщения опыта революционной борьбы XX в., эсеры не смогли выйти за пределы идей Ткачева — Лаврова — Михайловского.

В эсеровских документах и публикациях отсутствовала четкая оценка характера грядущей революции в России, ее ближайших и последующих задач. Эсеры ограничивались общими рассуждениями о том, что революция в России будет одновременно и демократической, и социальной, и политической²⁰⁵. Именно на эту беспомощность эсеров как теоретиков революции обращал внимание В. И. Ленин, отмечал, что они не способны не только дать ответы на вопросы, поставленные жизнью, но даже правильно сформулировать их. В статье «Революционный авантюризм» В. И. Ленин писал: «„Искра“ говорит, что предстоящая революция будет буржуазной революцией. С.-р. возражают: она будет „прежде всего политической и до известной степени демократической“. Не попробуют ли объяснить нам авторы этого милого возражения,— была ли когда-либо в истории, мыслима ли вообще такая буржуазная революция, которая бы не была „до известной степени демократической“?»²⁰⁶.

В. И. Ленин показал, что эсеровская трактовка предстоящей революции как политической и социальной, не буржуазной, а демократической носила абстрактный характер, не отвечала на главный вопрос: о какой революции идет речь — о буржуазной или социалистической²⁰⁷. Для социалистов-революционеров, писал В. И. Ле-

пин, социальная революция «только средство», «понятие условное», ибо для них характерны «откладывание социальной революции» на неопределенное будущее, «бережливое отношение к буржуазному господству»²⁰⁸. Социалисты-революционеры, подчеркивал В. И. Ленин, не могут понять буржуазно-демократического характера российской революции, так как не знают законов развития товарного и капиталистического производства. Поэтому они не видят, что даже успех крестьянского движения и перераспределение всей земли в интересах крестьянства не смогут уничтожить капитализм, а, напротив, дадут толчок его развитию и ускорят «классовое распадение самого крестьянства». Непонимание этой истины превращает социалистов-революционеров в «бессознательных идеологов мелкой буржуазии»²⁰⁹.

Мелкобуржуазной эсеровской концепции революции в России В. И. Ленин противопоставил стройную научную теорию о буржуазной сущности грядущей революции, в которой заинтересованы и пролетариат, и крестьянство. Ее задачами являлись свержение самодержавия и уничтожение остатков крепостничества, сдерживавших развитие капитализма. При этом В. И. Ленин подчеркивал: «Нелепо смешивать задачи и условия демократической и социалистической революции, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них сил»²¹⁰.

Выражая точку зрения эсеров на расстановку классовых сил в революции, В. Чернов писал: «Только победоносная политическая и экономическая революция сможет вывести трудовую Россию на столбовую дорожку исторического прогресса. И разрешение экономического кризиса последует лишь за счастливым исходом той упорной борьбы, в которой против тройственного союза темных сил реакции — самодержавной бюрократии, плутократии и дворянства — выступает под красным знаменем социализма растущая армия другого тройственного союза: революционной интеллигенции, индустриального пролетариата и трудового крестьянства»²¹¹. Такова, по мнению эсеровского теоретика, была расстановка классовых сил в российской революции, неизменная на всех ее этапах. «Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества, — писал В. И. Ленин, — с.-р. выдвигают трицу: „интеллигенция, пролетариат и крестьянство“, обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий»²¹².

Важное место в ленинской критике социалистов-революционеров занимали вопросы революционной тактики. В научно обоснованной тактике, единстве действий политической партии и массового пролетарского движения, сочетании различных форм борьбы идеологи пролетариата видели не только необходимое средство достижения определенных целей, но и важный фактор революционного оптимизма — уверенности в победе социалистической революции. «Эта тактика, — писал Ф. Энгельс в 1894 г., — никогда не теряющая из виду великой цели, предохраняет социалистов от разочарований, которым неизбежно поддаются другие, менее дальновидные партии, будь то чистые республиканцы или сентиментальные социалисты, которые принимают за конечную цель движения то, что является простым этапом»²¹³.

Борьба В. И. Ленина против тактических принципов эсеров основывалась на глубоком научном фундаменте, на выявлении связи террора, который социалисты-революционеры считали самым главным и эффективным средством борьбы, с субъективистской философией «революционного действия»²¹⁴.

Массовым формам революционной борьбы эсеры и в теории и на практике противопоставляли террор, доказывая, что в условиях царского самодержавия, бесправия и отсутствия демократии он является наиболее целесообразным и результативным средством борьбы за свободу²¹⁵.

Эсеровская концепция индивидуального террора, заимствованная у народничества XIX в., в условиях пролетарского этапа революционной борьбы, роста массового движения приобретала особенно вредный характер и в теоретическом и в практическом отношениях. Поэтому российская социал-демократия с первых шагов своей деятельности объявила решительную и бескомпромиссную борьбу попыткам эсеров реставрировать тактику народо-вольчества и навязать ее пролетариату. Многочисленные выступления В. И. Ленина, большевиков, разоблачавших теорию и тактику индивидуального террора, убедительно опровергают все измышления современных буржуазных фальсификаторов типа Р. Пайпса, пытающихся изобразить Россию прародиной современного терроризма.

В связи с ростом массового рабочего движения (Обуховская оборона, Ростовская и Батумская стачки и др.) эсеры усилили свои нападки на пролетариат. Они доказывали, что массовые стачки не являются показателем

степени развития классового сознания фабрично-заводского пролетариата, что они лишь свидетельство «первого пробуждения рабочих», акты «детски незрелой фазы рабочего движения», «признак смутного первоначального брожения». На основе этих оценок эсеры упрекали социал-демократов в преувеличении роли стачек и демонстраций, предвзятости их оценок как предвестников приближавшейся революции. Значение массовых стачек и демонстраций эсеры рассматривали только с точки зрения их агитационного значения, противопоставляя пролетарским формам борьбы террор²¹⁶. Отрицание решающей роли массового пролетарского движения было весьма типично для мелкобуржуазной концепции революции, успех которой эсеры упрямо не хотели связывать с борьбой пролетариата. Они считали абсолютно равноценными по своему значению студенческие демонстрации, массовое крестьянское движение, «мирные стачки рабочих», переходящие «в прямое столкновение с силами правительства», «удары организованного и одиночного террора»²¹⁷.

И хотя в теории эсеры продолжали отстаивать индивидуальный террор, однако на практике он все больше сходил на нет, тогда как массовое движение по мере приближения революции усиливалось и расширялось. Однако заявление эсеров о том, что пролетариат нередко выступает «застрельщиком», «зачинателем» массового движения, что он «становится во главе общеопозиционного движения, увлекая колеблющихся, становится, подобно солнцу, в центре целой системы многочисленных „спутников“, подчиняя их своей гегемонии»²¹⁸, было лишь словесным признанием передовой роли пролетариата, а не глубоким научным пониманием его сущности как гегемона революционного движения XX в. Критикуя эсеровские взгляды на роль пролетариата в революционном процессе, В. И. Ленин подчеркивал, что эсеры не понимают самого главного в революционной борьбе — почему социализм связывается с пролетариатом²¹⁹.

Сформулированные эсерами задачи — свержение самодержавия, решение аграрного вопроса и завоевание политических свобод — объективно отражали содержание буржуазно-демократического этапа революции. Поэтому в ноябре 1905 г., в самый разгар революции, В. И. Ленин писал: «Мы считаем по-прежнему воззрения социалистов-революционеров не социалистическими, а революционно-демократическими. Но для боевых целей мы обя-

заны идти вместе при полной партийной самостоятельности... Выгонять преданных и честных революционеров-демократов в такой момент, когда мы делаем именно демократическую революцию, было бы нелепостью и безумием»²²⁰.

Революция 1905—1907 гг. и кризис доктрины эсеров

Революция 1905—1907 гг. явилась первым экзаменом для всех идейных и политических течений России, борющихся на политической арене партий, их теорий, стратегии и тактики.

Революция со всей очевидностью показала, что с позиций эсеровской доктрины нельзя объяснить содержание и значение революционных событий 1905—1907 гг. Весьма симптоматичными были заявления эсеров об «остром разочаровании в революции», о «враждебном отношении к прожитому периоду активной революционной борьбы». «Раздаются голоса,— писала эсеровская газета «Революционная мысль»,— что революционное движение было грубой ошибкой, что нужны иные — мирные, легальные пути для проведения политических реформ»²²¹. Пропаганда идей мирного пути перехода к социализму стала самой примечательной чертой выступлений теоретиков эсеров, особенно их правого крыла.

После событий 1905—1907 гг. эсеры вынуждены были признать, что научной концепции революции они не создали²²². Некоторые эсеры отмечали, что социал-демократы упорно работали над теоретическими проблемами революции в России, справедливо усматривая в этом факте преимущество идеологов пролетариата²²³. Лидеры эсеров пытались поставить вопрос о необходимости разработки «философии революции». Однако подход к его решению по-прежнему строился на ложных основах, что обрекало их на неизбежный теоретический крах.

После революции 1905—1907 гг. в теоретической доктрине эсеров заметно усилилось влияние реакционных элементов. Они заимствовались из модной буржуазной философии Запада — махизма и эмпириокритицизма, которые были особенно близки мировоззрению эсеров, защищавших позиции субъективного идеализма. Реакционная философия махизма настолько привлекла симпатии эсеров, что В. Чернов подготовил специальный трактат,

в котором доказывал, что родоначальником этого учения является Н. К. Михайловский²²⁴.

В годы реакции лидеры партии эсеров стали активными защитниками и пропагандистами философии махизма²²⁵. Поэтому в работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин, подвергая уничтожающей критике русских махистов, назвал в их числе и В. Чернова. «Махист г. Чернов,— писал В. И. Ленин,— народник, заклятый враг марксизма, прямо идет в поход за „вещь в себе“ на Энгельса»²²⁶. В. И. Ленин убедительно показал открытую вражду к марксизму махиста В. Чернова на примере его выступлений против Энгельса по вопросу о возможности познания объективного мира²²⁷. Отмечая полное непонимание Черновым материалистических взглядов Энгельса на объективный мир и пути его познания, В. И. Ленин разоблачал те приемы, с помощью которых Чернов боролся с марксизмом. Извращая научную постановку вопроса об отношении человеческого сознания к окружающему миру, прибегая к псевдонаучным рассуждениям западноевропейских авторитетов, «не умея отличить профессорского эклектицизма от последовательной материалистической теории познания», Чернов, писал В. И. Ленин, «подменил непознаваемое непознанным, не понимая, что таким подменом он опять-таки запутал и переврал материалистический взгляд Энгельса!»²²⁸. В главе «Эмпириокритицизм и исторический материализм» В. И. Ленин показал, что Чернов и сотрудники «Русского богатства» (орган либеральных народников, а затем энесов) выступали как «цельные и последовательные противники диалектического материализма и в философии и в истории»²²⁹.

В. И. Ленин раскрыл научную несостоятельность весьма распространенных в буржуазной науке методов перепесения в социологию, общественные науки биологических и энергетических концепций и понятий²³⁰. Эти приемы широко использовались и эсеровскими социологами.

Защита В. И. Лениным основ материалистического учения от попыток его пересмотра и извращения русскими махистами и эмпириокритиками, разоблачение научной несостоятельности субъективного идеализма в философии и истории, агностицизма в теории познания, развитие важнейших положений марксистской теории имели первостепенное значение для деятельности партии большевиков и выработки научного мировоззрения, для борь-

бы против идейных противников материализма, в том числе эсеров.

Ответы на поставленные революцией 1905—1907 гг. вопросы эсеры искали в обстановке идейного и организационного кризиса. Организационный распад партии эсеров проявился в выделении из ее состава в 1906 г. новых политических организаций: союза эсеров-максималистов и партии народных социалистов²³¹.

Осмысливая итоги революции 1905—1907 гг., некоторые эсеры объясняли ее неудачи «ошибками программы и тактики русских революционеров». «Наступил момент пересмотра нашего теоретического мировоззрения, наших методов борьбы и организации», — заявляла эсеровская газета²³².

Оценивая идейный разброд, охвативший партию социалистов-революционеров после 1905—1907 гг., беспечные споры о тактике революционной борьбы, отношении к революции, В. И. Ленин писал в статье «О некоторых чертах современного распада» (1908) о центральном органе партии эсеров: «Какой хаос мысли царит в „Революционной Мысли“». За противоречивыми и исключавшими друг друга взглядами и оценками В. И. Ленин видел определенный классовый смысл, закономерное для мелкобуржуазных демократов явление. «Тут есть своя логика, — отмечал В. И. Ленин, — логика разочарованности в партии и в народной революции, разочарованности в способности масс к непосредственной революционной борьбе»²³³. Эсеровские рассуждения о пересмотре программы и тактики В. И. Ленин оценивал как признак теоретической несостоятельности²³⁴. В то же время он показывал, что поведение эсеров типично для мелкой буржуазии, сущность которой «проявляется и в унынии оппортуниста и в отчаянии террориста»²³⁵.

Отмечая «классовую неустойчивость народнической революционности», В. И. Ленин высмеивал заявления эсеров о пересмотре теоретического мировоззрения. «Копчено, весь этот «пересмотр», — писал В. И. Ленин, — вся эта «критическая творческая работа», обещанная новой газетой, есть чистейшая фраза. На деле ни о каком пересмотре теории нет и не может быть речи, ибо нет у новой газеты никакого теоретического миросозерцания, а есть только перепев на тысячу ладов призывов к террору, да неуклюжее, неумелое, наивное приспособление к этому якобы новому, а на деле старому и очень старому приему взглядов на революцию, на массовое движение,

на значение партий вообще и т. д. Поразительное убожество такого «теоретического» багажа бьет в глаза при сопоставлении с велеречивыми обещаниями пересмотра, критики и творчества»²³⁶. Вследствие разочарования, вынесенного меньшевиками и эсерами из революции 1905—1907 гг., отмечал В. И. Ленин, в их рядах усилились идейные разброд и шатания, четко выявился отказ мелкобуржуазных демократов от революционной массовой борьбы, накопленного в ходе революции опыта и традиций. В эсеровской литературе особенно усилилась апология политического террора, царубийства, которые противопоставлялись вооруженному восстанию масс как якобы безнадежному и малоэффективному средству борьбы, обрекающему массы на анархию и поражение²³⁷.

Вместо того, чтобы «направить все усилия на борьбу с обывательским развалом, прогнивающим не только в высшие, но и низшие классы,— писал В. И. Ленин,— вместо того, чтобы крепче сплачивать разрозненные партийные силы на отстаивании испытанных революционных принципов, вместо этого неуравновешенные люди, оторванные от классовой опоры в массах, выкидывают за борт все, чему они учились, и провозглашают «пересмотр», т. е. возврат к старенькому хламу, к революционному кустарничеству, к раздробленной деятельности группок. Никакой героизм этих группок и отдельных лиц в террористической борьбе не изменит того, что деятельность их, как людей *партии*, есть проявление *распада*»²³⁸.

Особое внимание В. И. Ленин обратил на усиление элементов реакционности в теоретической доктрине эсеров, проявлявшихся, в частности, в рассуждениях о том, что революция не нуждается в философии, в попытках противопоставления теории и революционных действий, в проповеди приоритета «непосредственного революционного чувства», являющегося якобы главным условием победы революции. Идеологи эсеров доказывали, что социалистические идеалы не требуют для своего обоснования какой-либо «специальной философской системы». И далее: «Не философскими построениями можно доказывать, что в России теперь прежде всего нужно биться насмерть с самодержавием, разить Романовых самым чувственным для них образом. Доказывает подобные вещи не философия, а непосредственные чувства и очень простые соображения, доступные каждому, даже не изучавшему Капта, Гегеля и Авенариуса»²³⁹. Высмеивая

превозпесение эсерами «непосредственного чувства, которое охватывает революционера, и идеалов, которые его одухотворяют», В. И. Ленин отмечал, что теоретические вопросы, философия, научный социализм — это все пустяки, по мнению «„повых“ социально-революционных обскурантов»²⁴⁰. Корни данного явления В. И. Ленин видел в интеллигентской взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной, упорной борьбе, в неумении применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам. Все это определялось, подчеркивал В. И. Ленин, классовой особенностью мелкой буржуазии²⁴¹.

Анализ процессов, происходивших в партии эсеров под влиянием революции 1905—1907 гг., позволил В. И. Ленину сделать вывод о том, что «народнический социализм в России умирает, что он уже умер давно, что его вожди чувствуют смутно свой «крах», как народников, за первую же кампанию народной революции»²⁴².

Возрепням эсеров на революцию в России В. И. Ленин противопоставлял подлинно научный подход к оценке итогов 1905—1907 гг., единственно правильный путь, позволявший определить основные направления борьбы классов. «А если бы эти люди ценили марксизм,— писал он об эсерах и меньшевиках,— как единственную революционную теорию XX века, если бы они поучились истории русского революционного движения, то они увидели бы различие между фразой и развитием действительно революционных лозунгов»²⁴³.

Эсеровские теоретики оказались неспособными дать научное объяснение происходившим в стране событиям, революционной борьбе масс. Их теории оказались абсолютно безжизненными и бесплодными²⁴⁴. «Опыт 1905 года именно потому имеет громадную важность, что он заставил проверить теории народников движением масс. И эта проверка сразу вызвала распад народничества, крах их теорий»²⁴⁵. Именно революция 1905—1907 гг. показала, что социалисты-революционеры не способны «выставить против марксизма хотя чего-либо похожего на цельную, прямую, ясную социальную теорию»²⁴⁶.

Как и прежде, свои основные усилия идеологи эсеров сосредоточили не на разработке теоретических проблем, а на опровержении марксистской оценки буржуазного характера революции 1905—1907 гг. Так, бывший пародоволец, примкнувший к левому крылу партии эсе-

ров, А. Н. Бах (впоследствии советский академик-микробиолог), доказывал в 1909 г., что «русская революция не буржуазная, а пародно-трудовая», что «ее делает трудовой народ во имя своих интересов и стремится он к изменению не только государственного, но и хозяйственного строя»²⁴⁷. Не имея четких представлений о задачах революции, ее характере и движущих силах, Бах пытался обосновать тезис о том, что революция в России не может быть буржуазной. Основным аргументом в пользу этого утверждения являлись массовые выступления рабочих и крестьян, а также «неспособность русской буржуазии быть движущей силой революции», как это имело место в буржуазных революциях на Западе²⁴⁸. Свои оценки русской буржуазии эсеры строили на доводах об «искусственности» и «хилости» русского капитализма, его слабости и недоразвитости, на идее, что он «не является заметным фактором экономической жизни России»²⁴⁹. Слабый русский капитализм «не вступил в резкий антагонизм с современными общественными отношениями в России» и поэтому «не мог вызвать буржуазной революции»²⁵⁰.

После революции 1905—1907 гг. внимание теоретиков партии эсеров к проблеме власти заметно возросло. Однако ее решение по-прежнему страдало серьезными изъянами. Возникновение государства вообще и абсолютизма в частности эсеры объясняли потребностями обороны страны и борьбой с внешними врагами, игнорируя классовую природу государства. Характер российского государства (самодержавие) социалисты-революционеры выводили из отсталости страны, бескультурья, отсутствия «гражданской сознательности», которые якобы были причиной слабого развития в русской истории «широких массовых движений». Сущность революции 1905—1907 гг. объяснялась ими своеобразием исторического развития России; закономерности классовой борьбы и характер эпохи при этом игнорировались. Основные задачи революции эсерам виделись в достижении политической свободы, национального самоопределения, в осуществлении коренного социально-экономического переворота²⁵¹. При этом эсеровская концепция революции в России была лишена реального исторического содержания. «В русской революции,— рассуждали, например, они,— политический и социально-экономический элемент тесно переплетались, точно так как это было в 1789 г. во Франции». Подобные сравнения свидетельствовали о непонимании эсерами

характера новой обстановки, задач революции, расстановки классовых сил в первой народной революции эпохи империализма.

Главным «застрельщиком» борьбы против самодержавия эсеры считали пролетариат, во главе революции шла, по их мнению, интеллигенция, а основной движущей силой, придававшей революции народный и трудовой характер, было крестьянство, требовавшее передачи ему земли. Из этих рассуждений эсеры делали вывод, что основным вопросом революции 1905—1907 гг. был аграрный вопрос. Пролетариат же как союзник крестьянства, по их мнению, в этой революции добивался лишь улучшения своего экономического и политического положения, которое связывалось в эсеровской доктрине с решением аграрного вопроса: социализация земли, как считали эсеры, приведет к социализации фабрик и заводов²⁵². Естественно, что в этой концепции крестьянству отводилась роль ведущего революционного класса. При этом массовое рабочее и крестьянское движение эсеры характеризовали как разрушительное, анархическое и сугубо стихийное. В. И. Ленин отмечал непонимание эсерами *«действительного характера происходящей революции, непонимание действительного содержания крестьянского движения»*²⁵³.

Рабочее и крестьянское движения в 1905—1907 гг. рассматривались эсерами как абсолютно равноценные, хотя выступления пролетариата в революции были по уровню сознательности и организованности намного выше крестьянских. Из негативной оценки рабочего и крестьянского движений эсерами делался определенный практически-политический вывод: революция потерпела поражение из-за слабой сознательности и организованности масс, от которых их может избавить только революционная интеллигенция, идущая во главе народного движения²⁵⁴. Таким образом, опыт революции 1905—1907 гг. не стал средством обновления или пересмотра эсеровских взглядов на революцию. Он был использован для подтверждения и укрепления прежних оценок революции, ее движущих сил и перспектив борьбы масс.

Хотя революция 1905—1907 гг. не внесла никаких принципиальных изменений в концепцию эсеров, однако под влиянием революции и последовавших за ней событий в партии эсеров развернулась полемика по ряду вопросов: тактика террора в связи с массовым революцион-

ным движением, община и ее роль в решении аграрного вопроса и др.

С этого времени можно говорить о более глубоком размежевании двух течений в партии эсеров: более левого (Е. Устинов, В. Рудаков и др.), стоявшего на позиции признания необходимости революционного преобразования общества и правого, реформистского (В. Чернов, А. Комов и др.). «Прошли те времена,— писал Чернов в 1908 г.,— когда революционный социализм мог надеяться осуществить свои конечные требования разом, целиком, одним ударом, перестроив одновременно все современное общественное здание снизу доверху... Приходится искать переходных ступеней. Приходится рассматривать революцию не как противоположность эволюции, а лишь как ее момент или даже как совокупность многих моментов, одни из которых могут носить боевую, другие — мирную внешность»²⁵⁵.

В изменении отношения к революции, массовому движению, в попытках представить революцию как акт эволюции проявилась реформистская тенденция в позиции эсеров, особенно правого крыла этой партии, продиктованная страхом перед широким революционным выступлением трудящихся. Именно поэтому как великое открытие оценивали эсеры тезис ренегата Э. Бернштейна «Движение — все, конечная цель — ничто». Полностью разделяя этот взгляд, Чернов с патетикой писал: «Пусть история сплошь и рядом представляет собой скорбный лист, мартиролог бойцов за бессмертную идею человечности... Отсюда нельзя делать никаких пессимистических заключений уже по одному тому, что взор наш остаивается на настоящем; а нет ничего более эфемерного, чем настоящее, вечно отступающее перед будущим и вечно обращающееся в пережитое и изжитое прошедшее... Революционер сознательно отказался от мишурного торжества в близком настоящем. Он сознательно избрал служение далекому будущему, роль его живого воплощения, носителя и предтечи». Эти туманные рассуждения В. Чернов называл верой, «переходящей в знание, потому что она основана на всей предыдущей истории —

Мы знаем — судьбы неизбежная воля, —
Победа достанется нам»²⁵⁶.

Если у марксистов глубокая убежденность в неизбежном торжестве революции и социализма строилась на

всестороннем научном анализе законов общественного развития, опыта классовой борьбы, то эсеровские прогнозы оказывались в конечном счете ничем не обоснованными надеждами и мечтами, покоившимися на вере в торжество абстрактного социалистического идеала, на утопических представлениях о революции, которая когда-нибудь непременно победит.

В прямой связи с эсеровской социологической концепцией, их оценками революции и массового движения находились, как они сами отмечали, тактические принципы борьбы²⁵⁷. Субъективизм в теории определял эсеровский авантюризм в политике. Еще в статье «Революционный авантюризм» В. И. Ленин отмечал, что эсеры не понимают значения массового движения как основы революции и поэтому защищают террор, «непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения»²⁵⁸. Оценивая индивидуальный террор не только как бесперспективный, но и бессмысленный метод борьбы, уводящий от решения задач практической работы с массами и их подготовки к революции, В. И. Ленин призывал к непримиримой борьбе против тех, кто придерживался «самых обветшалых и вредных теорий перебрасывания сил, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно, уже теории поединка и единоборства»²⁵⁹.

При всей очевидной несостоятельности индивидуального террора как средства борьбы эсеры и после революции 1905—1907 гг. упорно доказывали на страницах своих изданий, что с его помощью уменьшается произвол правящих верхов, а массы пробуждаются к революционной борьбе²⁶⁰. Особенно усилилось внимание социалистов-революционеров к «идейно-теоретическому, психологическому и моральному» обоснованию участия личности в терроре в период реакции. Эсеровские теоретики вновь обратились к наследию своих идейных предшественников. Об этом свидетельствовали статьи о П. Л. Лаврове и Н. К. Михайловском, посвященные рассмотрению их взглядов на революцию, роль народных масс, вооруженное восстание, террор. Причем из наследия «отцов» народничества брались лишь те положения, которые отвечали настроением и поискам идеологов эсеровской партии после 1905—1907 гг. Так, Е. Колосов, излагая взгляды Михайловского на социальный переворот путем восстания народа²⁶¹, с восторгом цитировал его изречение: «Я не так боюсь реакции, как революции»²⁶². Эта

конкретная и весьма четкая формула крупнейшего идеолога народничества отражала отношение правого течения эсеров к революции.

К взглядам Н. К. Михайловского на террор эсеры обращались после революции 1905—1907 гг., чтобы доказать правильность своей политической линии и ее теоретического обоснования. «Террористическая борьба,— писал Е. Колосов,— вообще получила в трудах Михайловского замечательное истолкование с морально-психологической стороны и со стороны социологической»²⁶³. При этом на первый план выдвигались идеи Михайловского, подкреплявшие эсеровские взгляды на индивидуальный террор как на средство подготовки народных масс к социальному перевороту, «убивавшее в нем идею самодержавия», увеличивавшее количество недовольных, развивавшее в народе мысль о революции, «ее возможности и неизбежности»²⁶⁴. На этом основании политический террор оценивался эсерами как фактор, стимулирующий рост классовой борьбы, как средство ускорения политического переворота²⁶⁵.

Следует учитывать, что революция 1905—1907 гг. раскрыла перед всеми политическими партиями, включая и эсеров, громадное разнообразие форм борьбы, которые выдвинуло революционное творчество пролетарских масс,— от демонстраций и митингов до всеобщей стачки и вооруженного восстания. Сама жизнь подводила эсеров к пересмотру их тактических установок, однако они упорно продолжали отстаивать тактику индивидуального террора²⁶⁶.

После революции 1905—1907 гг. отдельные представители партии социалистов-революционеров поставили под сомнение возможность продолжения этой тактики. Столкновения различных точек зрения вылились в дискуссию на 5-м Совете партии (1909 г.)²⁶⁷ и на страницах ведущих эсеровских изданий: «Революционная мысль», «Социалист-революционер», «Знамя труда», «Народное дело» и др. Дискуссия показала, что и немногочисленные противники террора, и сторонники его временного прекращения составляли меньшинство. Верх взяло большинство во главе с В. Черновым, доказывавшим, что значение террора как важнейшего средства революционной борьбы не подлежит пересмотру²⁶⁸. Чернов и Бобров (М. А. Натансон) на Совете партии утверждали, что террор якобы связан с массовым движением, поскольку

способен стимулировать его рост, ослабляет врагов, поднимает престиж партии, делает ее сильнее, что в терроре проявляется «романтизм революции», поэтому за ним громадная потенциальная сила²⁶⁹. И хотя против этой точки зрения выступили некоторые члены партии эсеров, однако их доводы также были примитивны. Один из участников дискуссии заявлял, что «самодержавие в настоящий момент приняло классовый характер», поэтому «террористическая борьба устарела», что после революции наступило «переутомление психики» русского человека, поэтому террор следует приостановить. Крайне слабо звучали голоса, доказывавшие, что террор перестал быть возбудителем революции²⁷⁰.

Среди этой разногласицы раздавались и утверждения, что революция потерпела поражение из-за ошибок политических партий в выборе тактики. Однако это ни в коей степени не повлияло на общие позиции социалистов-революционеров. Напротив, после поражения революции все рассуждения эсеров по вопросам тактики сосредоточились вокруг проблемы террора. Одинокими звучали призывы пересмотреть тактику террора, заменить ее подготовкой к вооруженному восстанию²⁷¹. И хотя в обоснование важности и целесообразности подготовки всенародного вооруженного восстания приводилось большое количество различных доводов²⁷², однако в конечном счете все они сводились к тому, что вооруженное восстание должно готовиться всей агитационно-пропагандистской, организационной и террористической работой партии²⁷³. В этих спорах нередко звучала мысль, что с помощью индивидуального террора можно вызвать «всенародное вооруженное восстание». В. И. Ленин оценивал рассуждения эсеров о терроре как «крайний, чисто словесный и бессмысленный, революционаризм»²⁷⁴, указывал, что само по себе вооруженное восстание не может обеспечить победу социализма: «Никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически»²⁷⁵.

Все разговоры эсеров о пересмотре программных и тактических установок, таким образом, свелись к некоторому обновлению старых догм, незначительным дополнениям, ни в коей мере не изменявшим сущности их концепции революции, понимания ими путей и средств борьбы. И хотя эсеровские теоретики стали значительно больше и чаще писать о массовом движении, важности изучения выдвиг-

путых в ходе революции форм и средств борьбы, это не повлияло на пересмотр прежних установок относительно их тактики.

Таким образом, под ударом революционных событий 1905—1907 гг. рушились основы эсеровских воззрений. Свои пошатнувшиеся позиции теоретики эсеровщины пытались укрепить путем обращения к старой народнической доктрине. Причины идейного кризиса, разброда и шатаний лидеры партии эсеров видели не в том, что народничество не отвечало задачам классовой борьбы начала XX в., а в отходе некоторых членов партии от канонов и традиций народничества XIX в. Оценивая подобным образом идейный развал и неудачи своей партии, эсеры усматривали возможность выхода из кризиса на пути возвращения к ортодоксальному народничеству. В подобном подходе к проблеме кризиса своей теоретической доктрины проявилась классовая сущность мелкобуржуазных демократов и революционеров, объяснявших просчеты, потерю влияния в массах, поражение революции 1905—1907 гг. не реальными фактами, а надуманными формулами, лишенными реального классового содержания. Все это необходимо учитывать при анализе и оценке идейно-теоретических основ мировоззрения эсеров, логическим развитием которого стала концепция Октябрьской революции.

*

При всем разнообразии взглядов социалистов-революционеров единство этого идейного течения определялось общей классовой и философской основой. Важнейшие положения эсеровской теоретической доктрины уходили своими корнями в реакционное философское учение — субъективный идеализм. Это обстоятельство дает нам основание оценивать эсеровскую философскую концепцию как один из самых реакционных элементов в идеологии этого идейного течения. Субъективный идеализм пронизывал все области и стороны эсеровской теоретической доктрины: представления об обществе и движущих силах его развития, о личности и средствах ее освобождения, о социализме и путях его достижения. С позиций субъективного идеализма и социологического плюрализма теоретики и лидеры партии социалистов-революционеров активно боролись против материалистического понимания истории и диалектического метода познания законов общественной жизни, включая классовую борьбу.

В советской исторической литературе, посвященной эсерам, принято рассматривать их философскую, социологическую и историческую концепции как соединение идей народничества с оппортунизмом²⁷⁶. В. И. Ленин неоднократно отмечал факты привлечения и использования эсерами идей из арсенала модных буржуазных западноевропейских философских учений типа махизма²⁷⁷. Из марксистско-ленинского учения эсеры заимствовали отдельные положения и идеи, как правило, в крайне извращенном и фальсифицированном виде. Сами эсеры не раз признавали факты пересмотра отдельных положений своей концепции под влиянием марксизма. Так оценивалась ими замена понятия «народ» другим, более удачным, по их мнению, понятием «трудящиеся массы». Влиянию марксизма социалисты-революционеры приписывали появление в их социологии термина «рабочий класс» и трактовки крестьянства как части рабочего класса, признание наличия в крестьянстве двух слоев: кулачества и «трудового крестьянства», хотя объяснения эсерами этих социальных категорий были весьма далеки от научного подхода.

Естественно, что обращение к различным философским и социологическим концепциям не внесло ничего принципиально нового в воззрения эсеров, не изменило их сущности и основополагающих принципов. В то же время эти заимствования были показателем глубокого идейного кризиса народничества, который оно переживало в начале XX в. Они свидетельствовали о стремлении теоретиков эсеровщины любой ценой выйти из состояния распада, создать видимость стабильности своих теоретических позиций. Учитывая все эти соображения, следует оценивать эсеровскую теорию общественного развития как разновидность мелкобуржуазной философии истории. В ней эклектически соединялись несколько подновленное в условиях начала XX в. народничество, дополненное заимствованиями из модной западноевропейской философии, оппортунистические идеи бернштейнианского толка, отдельные фальсифицированные положения марксизма-ленинизма в сочетании с его критикой с позиций оппортунизма.

Поскольку эсеровские теоретики и лидеры упорно противопоставляли свои воззрения марксизму, вели борьбу с идеологией пролетариата, активно внедряли свои идеи в массовое общественное сознание, партия большевиков во главе с В. И. Лениным проводила систематиче-

скую и целенаправленную работу, критикуя и разъясняя сущность эсеровской концепции и ее место в идейной борьбе начала XX в.

Анализ воззрений социалистов-революционеров на общественное развитие, классовую борьбу, революцию, ее движущие силы и т. д. убедительно показывает, что мелкобуржуазные теоретики в силу своего классового положения и присущей им ограниченности не способны создать последовательно научную теорию. Их трактовки важнейших проблем социального прогресса были крайне противоречивыми, эклектическими, а в конечном счете научно несостоятельными. Эта черта доктрины эсеров углублялась по мере развития классовых противоречий, в процессе столкновения их теоретических построений с исторической действительностью. С наибольшей полнотой научная несостоятельность эсеровских теорий общественного развития, исторического идеализма и субъективного метода познания социальных явлений была обнаружена событиями 1917 г. Революция нанесла сокрушительный удар по эсеровским концепциям классов и классовой борьбы, роли личности в истории, тактики индивидуального террора. И тем не менее революция почти не изменила теоретических постулатов социальной доктрины эсеров, которые и стали основой их концепции Февральской и Октябрьской революций. Она возникла и функционировала на базе теории, научная несостоятельность которой проявилась задолго до победы пролетарской революции. Однако это обстоятельство несколько не смущало идеологов эсеровщины, продолжавших отстаивать и защищать старые народнические догмы.

ПРАВЫЕ ЭСЕРЫ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

История пролетарской революции в России пачала создаваться практически одновременно с ее осуществлением. Идеологи каждого класса пытались сформулировать свое отношение к происходившим событиям, оценить их влияние на различные стороны жизни общества, на развитие международной обстановки, выявляли связь происходивших социальных изменений с историческим прошлым страны, подводили итоги борьбы классов и политических партий, старались сделать выводы на будущее. Начиная с 1917 г. отношение к Октябрьской революции и Советской власти становится главным критерием оценки любой политической партии, каждого более или менее значительного идейного течения, включая русское народничество начала XX в. и его главных представителей — эсеров.

Уже на раннем этапе возникновения историографии Октября в ней четко выделились следующие главные направления: марксистско-ленинское, мелкобуржуазное (меньшевистское, народническое, анархистское), буржуазное (кадетское) и монархическое.

Острая борьба между классами и партиями накануне и в ходе революции получила дальнейшее развитие в идейной конфронтации после победы пролетариата в Октябре 1917 г. И хотя классовая основа столкновений марксизма с буржуазными и мелкобуржуазными теориями осталась прежней, характер борьбы существенно изменился. Это было связано с тем, что Октябрьская революция со всей убедительностью продемонстрировала правоту и силу идей марксизма-ленинизма, еще раз подтвердила громадное практическое значение научной теории для революционной борьбы масс. Весь ход революции и ее первые итоги стали блестящим триумфом марксистско-ленинской концепции общественного развития. С победой диктатуры пролетариата марксизм-ленинизм стал идеологией господствующего класса, получив реальные возможности для распространения во всех сферах общественного сознания, среди всех слоев населения. Это оказало ре-

шающее влияние на характер, содержание и итоги идейных столкновений.

В ином положении находились социалисты-революционеры. Политическое банкротство, идейно-теоретический крах, организационный развал — таков итог развития партии к концу 1917 г. Эти явления вынуждены были признать и наиболее трезвомыслящие лидеры эсеров. Большинство социалистов-революционеров, отмечал один из руководителей группы «Народ», К. Буревой, не поняли революции. Народ «отстаивал завоевания революции, боролся за свои интересы, а с.-р., как и большинству обывательщины, это казалось просто „гибелью культуры“, „массовым безумием“, „торжеством охлоса“ и т. д.»¹. «Все течения (эсеры.— Г. А.), — сетовал Буревой, — занимались политикой по-своему, и было этих политик столько же, сколько и направлений: правое, левое, центр, левый центр, правый центр, и, наконец, все это представлявший Центральный комитет...»²

Оказавшись в состоянии идейного и политического банкротства, эсеры неспособны были трезво оценить свое реальное положение, пересмотреть прежние теоретические взгляды, программные и тактические установки. Развал партии, образование различных течений и группировок они оценивали как временное и случайное явление, которое можно якобы преодолеть, сплотившись под знаменем народнической доктрины³.

Между тем процесс развала партии эсеров был неизбежен и закономерен. В его основе лежали глубокие социальные причины, обусловленные классовой природой этой партии, самим характером мелкой буржуазии как крайне неоднородной социальной силы, в которой шел процесс размежевания и дальнейшего обострения внутренних антагонизмов, вызванный перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую. Различные слои мелкой буржуазии города и деревни, выступавшие более или менее единым лагерем в ходе решения задач буржуазно-демократической революции, по-разному отнеслись к победе пролетарской революции и последовавшим за ней событиям. Это отразилось в расколе партии социалистов-революционеров, в образовании в 1917 г. партии левых эсеров, в различной политической ориентации представителей эсерства, в их оценках событий 1917 г., и особенно победы Октябрьской революции.

В условиях диктатуры пролетариата правые эсеры стали выразителями интересов тех слоев мелкой буржуа-

зпн, которые враждебно встретили победу пролетарской революции и боролись против Советской власти, за восстановление капиталистических порядков (кулаки, торговцы, мелкие предприниматели, владельцы домов и других форм частной собственности и т. д.). Классовая природа определила все поведение правых эсеров с первых дней революции до окончательной гибели этой партии в начале 20-х годов. Сразу после победы социалистической революции они выступили с контрреволюционным лозунгом «Ликвидировать демократическим путем большевистскую политику», призывали крестьян не выполнять ленинский Декрет о земле, который якобы вносил «анархию в земельные отношения»⁴.

Правые эсеры встали на путь вооруженной борьбы против диктатуры пролетариата. Они были активными участниками контрреволюционных выступлений, организаторами саботажа, заговоров, вооруженных мятежей⁵. Правые эсеры вели антисоветскую агитацию в армии, среди рабочих и крестьян, пытаясь сделать их опорой своей контрреволюционной деятельности. Руководство партии эсеров приняло решение «о допустимости и целесообразности» применения по отношению к большевикам террористических актов и стало активно проводить его в жизнь⁶. С ведома ЦК партии эсеров боевая группа готовила покушения на руководителей Коммунистической партии и Советского правительства: В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, В. М. Володарского, М. С. Урицкого и др., проводила экспроприации средств советских учреждений⁷. Правые эсеры были организаторами «демократической контрреволюции», пытаясь под лозунгом Учредительного собрания восстановить власть буржуазии. После окончания гражданской войны остатки партии эсеров, находясь на нелегальном положении, продолжали бороться против Советской власти, выступая с призывами «Советы без коммунистов», «Свобода торговли» и др. В 1920—1922 гг. они стали идейными вдохновителями и организаторами политического бандитизма и кулацких мятежей в различных районах страны⁸.

В арсенале средств борьбы мелкобуржуазной контрреволюции против диктатуры пролетариата заметную роль играли эсеровская пропаганда и агитация, направленные на подрыв Советской власти, срыв ее революционной политики. Поэтому правозэсеровская концепция Октябрьской революции была теснейшим образом связана с их практической деятельностью, враждебными вы-

ступлениями против пролетарской революции, диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства. Она являлась неотъемлемой частью идеологической доктрины мелкобуржуазной контрреволюции, боровшейся рядом, а иногда и в союзе с буржуазно-монархической реакцией. Однако сами правые эсеры всячески скрывали свою истинную роль в событиях 1917—1922 гг., изображая себя борцами за идеалы Февральской революции, за «демократический социализм», «за демократию для всех» и т. п. Критическое изучение правозсеровской литературы об Октябрьской революции позволяет раскрыть истинные устремления и замыслы мелкобуржуазной контрреволюции, связанные с надеждами на реставрацию капиталистических порядков. Оно также дает богатый материал для разоблачения современных зарубежных апологетов эсеровщины, пытающихся противопоставить большевикам мелкобуржуазных демократов и социалистов, скатившихся на позиции защитников капитализма⁹.

Правые эсеры неоднократно выступали с объяснениями своего повышенного интереса к историческим событиям 1917 г. Так, в 1918 г. в предисловии к одному из сборников они писали: «Нам, современникам, продолжающим борьбу за наши идеалы, необходимо оглянуться назад и дать себе отчет в происходящем для того, чтобы определить направление нашей деятельности в изменившейся обстановке»¹⁰. Некоторые правозсеровские теоретики и историки типа М. Вишняка говорили о задачах изучения истории революции в более завуалированной форме, маскируя свои цели рассуждениями о важности создания истории «Великой российской революции» с «возможным приближением к действительности»¹¹.

Однако истинные причины обращения идеологов правых эсеров к истории 1917 г. были иными. Можно с уверенностью говорить о том, что для правых эсеров главным мотивом являлась борьба с Советской властью, с партией большевиков, с марксизмом-ленинизмом. Потерпев идейно-теоретический и политический крах в Октябре 1917 г., эсеры, как и меньшевики, увидели в истории революции средство «сведения счетов» со своими политическими и идейными противниками — большевиками, средство обоснования своих действий, направленных на свержение Советской власти, средство идейной защиты контрреволюции и военной интервенции. Об этом свидетельствовали, в частности, и те крайне редкие откровенные заявления, которые порой звучали

со страниц эсеровских изданий. Так, в сборнике «Социалист-революционер», излагавшем программу борьбы против Советской власти и большевиков, цинично заявлялось о том, что моральная дискредитация большевиков «должна предшествовать их фактической ликвидации»¹². Заметим в этой связи, что контрреволюция постоянно использовала и использует подобные идеологические формы борьбы, как это было, например, в Чили, в Польше в 1980—1981 гг. Поэтому пришедший к власти революционный класс должен брать под контроль все средства массовой информации, ликвидируя центры враждебной пропаганды, как это было в России в 1918 г., когда Советское правительство прекратило деятельность контрреволюционной печати, что вызвало бурные протесты не только кадетов, но и правых эсеров, рассчитывавших своими идеологическими акциями подготовить контрреволюционный переворот.

Оценивая объективную роль выступлений мелкобуржуазных идеологов в первые годы Советской власти, В. И. Ленин указывал на необходимость разоблачения меньшевиков и эсеров, действовавших единым фронтом с помещиками и капиталистами, с международной реакцией против диктатуры пролетариата¹³. В августе 1919 г. В. И. Ленин отмечал, что «противники Советской власти делятся на две большие группы. Обе защищают капитализм против социализма. Одна делает это зверски и с самой грубой корыстью; это — помещики, капиталисты, кулаки, Деникины, Колчаки, черносотенцы, кадеты. Другая группа защищает капитализм „идейно“, то есть бескорыстно или без прямой, личной корысти, из предрассудка, из трусости нового; это — меньшевики и эсеры. Это — последние „идейные“ защитники капитализма. И потому вовсе не случайно, что Колчаки и Деникины, русские и все иностранные капиталисты идут под прикрытием меньшевиков и эсеров, под *их* знаменем, под *их* флагом, повторяя *их* лозунги и фразы о „свободе“ вообще, о „демократии“ вообще, о „частной“ (торговой, капиталистической) предприимчивости и т. д. и т. п.»¹⁴.

Ленинские оценки правых эсеров как выразителей интересов той части мелкой буржуазии, которая враждебно встретила победу пролетарской революции, позволяют понять классовую сущность их выступлений по вопросам истории Октября и объективную роль, которую эта партия играла в ожесточенной идеологической борьбе первых послереволюционных лет.

Правые социалисты-революционеры не смогли и не могли сделать правильных выводов из событий 1917 г., понять истинные причины краха мелкобуржуазной демократии и победы большевиков. Они сосредоточили главные усилия на описании фактов и явлений, которые, по их мнению, могли бы оправдать политику их партии. Теоретики и лидеры эсеров не раз заявляли о том, что главное в их литературной деятельности — это привлечение масс на свою сторону, убеждение их в необходимости борьбы против Советской власти с целью возвращения «завоеваний» Февраля¹⁵. Поскольку эти устремления находились в вопиющем противоречии с реальной действительностью, эсерам приходилось постоянно прибегать к извращению исторических фактов, преувеличивать свои заслуги, в искаженном виде изображать борьбу трудящихся, в первую очередь пролетариата, деятельность большевистской партии. Грубая фальсификация истинной картины революционных событий 1917 г. стала главной чертой эсеровской литературы об Октябре.

После раскола партии социалистов-революционеров в 1917 г. наибольшее число теоретиков, публицистов, историков осталось в рядах правых эсеров. В. Чернов, М. Вишняк, В. Лупкевич, М. Гендельман, Д. Розенблюм, П. Сорокин, Н. Русанов и др. стали авторами сочинений о Февральской и Октябрьской революциях.

Эсеровская литература по различным вопросам Октября начала выходить сразу же после победы революции. В основном это были публицистика, мемуары, статьи и очерки в периодических изданиях. К ним примыкают материалы партийных съездов и конференций, содержащие оценки событий 1917 г. И хотя число этих публикаций невелико, тем не менее в общем потоке мелкобуржуазной литературы того времени они были весьма заметны.

Недаром эсеровскими изданиями 1918—1922 гг. постоянно интересовался В. И. Ленин, который считал критическое изучение враждебных концепций одним из необходимых условий успешной борьбы против идейных противников марксизма и революции¹⁶. В. И. Ленин давал указания ответственным работникам идеологического фронта о собирании материалов по истории партии эсеров, белогвардейской, белоэмигрантской, эсеровской литературы, без знания которой нельзя было вести успешную борьбу против врагов Советской власти. По инициативе В. И. Ленина 17 января 1920 г. СНК утвердил

проект постановления о хранении в государственных библиотеках белогвардейской литературы¹⁷.

В. И. Ленин привлекал эсеровские издания об Октябрьской революции и последовавших за ней событиях для разоблачения контрреволюционной сущности выступлений эсеров, их пособничества буржуазии в борьбе против пролетариата. Так, в статье «В лакейской» (1919) В. И. Ленин для характеристики «идейной жизни» контрреволюционного антисоветского лагеря и предательства эсеров и меньшевиков, превратившихся в лакеев буржуазии, использовал выступления эсеров И. Бунакова и М. Вишняка¹⁸. При подготовке статьи «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (1919) В. И. Ленин анализировал статистические данные из статьи эсера Н. В. Святицкого «Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание», появившейся в 1918 г. в сборнике «Год русской революции»¹⁹. В этих и других работах В. И. Ленин показал научную несостоятельность и классовый смысл оппортунистических и псевдосоциалистических концепций эсеров, меньшевиков, Каутского и др.

Принципиальных изменений в эсеровской социологической концепции после Октябрьской революции не произошло. Эсеры продолжали отстаивать прежние позиции, подчеркивая важность сохранения верности народнической теории, хотя ее несостоятельность стала вполне очевидной. Вместе с тем нельзя не отметить заметное усиление внимания эсеров к проблеме массовых движений, которые они рассматривали как источник анархии и беспорядков. Это относилось в равной мере как к рабочему, так и к крестьянскому движению. Темные и отсталые массы, по мнению эсеров, в 1917 г. «стали действовать как взбунтовавшаяся стихия: быстро усваивались упрощенные лозунги, грубые, примитивные формы политической борьбы»²⁰. «Царством взбунтовавшихся рабов» называли Чернов, Керенский и другие лидеры правых эсеров восставшие массы²¹. В этих оценках скрывались глубокая враждебность правых эсеров к революции и совершившему ее народу, барское, пренебрежительное отношение к широким трудящимся массам, защитниками которых они себя изображали. В правоэсеровских трактовках роли народных масс в революционных событиях 1917 г. проявились истинное содержание концепции «героев и толпы», ее антидемократическая сущность.

Классовые позиции правых эсеров, субъективно-идеалистическая доктрина и крестьянский утопический соци-

ализм определили содержание и структуру эсеровской концепции революции. Ее главными вопросами стали исторические корни, причины и значение Февраля, связь Февраля и Октября, итоги борьбы различных политических сил за власть. Одно из центральных мест в писаниях правых эсеров заняла проблема власти, однако освещалась не реальная борьба классов за власть, а деятельность Временного правительства, его взаимоотношения с Советами, история созыва и роспуска Учредительного собрания и т. п. Проблема движущих сил буржуазно-демократической и социалистической революций подменялась вопросом о застрельщиках и участниках событий 1917 г. В столкновении различных политических партий и их лидеров правым эсерам виделась главная линия развития революционного процесса, которая освещалась в отрыве от борьбы классов, их роли в революции.

Большое внимание уделяли правые эсеры описанию «заслуг» «социалистической демократии», т. е. меньшевиков и эсеров, изображая их деятельность как последовательную борьбу за интересы «трудового народа», как «третью силу», якобы способную найти выход из гражданской войны путем примирения классовых антагонизмов и проведения «разумной политики» реформистского толка. С крайне враждебных позиций подходили правые эсеры к оценке Коммунистической партии и диктатуры пролетариата, социально-экономической политики Советской власти. Таким образом, вся совокупность рассматриваемых социалистами-революционерами вопросов свидетельствовала о том, что их главными задачами являлись оправдание своей политики, борьба против Советской власти и марксизма-ленинизма, а не научная разработка истории революционных событий 1917 г., выяснение исторического смысла и значения происходивших в стране изменений.

Анализируя правозсеровскую концепцию Октябрьской революции, следует иметь в виду, что она не была единой и последовательной, в освещении ряда важных вопросов революции расхождения между различными представителями этого идейного течения были весьма существенными. Это выражалось в наличии среди правых эсеров различных группировок, в частности в появлении в 1918 г. группы «Народ», теоретик которой пытались пересмотреть ряд положений эсеровской концепции Октябрьской революции, в том числе роль партии эсеров в 1917 г.

Правые эсеры о характере эпохи и предпосылках революций 1917 г. в России

В марксистско-ленинской теории общественного развития проблема революционного преобразования общества, значения революции в процессе смены общественно-экономических формаций занимает центральное место. Решение этого вопроса марксисты связывают с оценкой эпохи и задач революции, с борьбой классов и политических партий, с анализом итогов революционных изменений. Величайшая заслуга В. И. Ленина как теоретика и вождя Октябрьской революции заключалась в том, что он обогатил учение К. Маркса и Ф. Энгельса о пролетарской революции и путях ее развития новыми положениями и выводами применительно к периоду империализма, с учетом конкретно-исторических условий и особенностей развития России.

Важное теоретическое и практическое значение имели всестороннее обоснование В. И. Лениным возможности победы социалистической революции первоначально в одной стране, а также вывод о наличии в России объективных предпосылок для победы пролетариата и построения социализма. Анализ общих закономерностей всемирного развития и мирового революционного процесса В. И. Ленин органически сочетал с учетом специфических особенностей России, находившейся к 1917 г. накануне буржуазно-демократической революции, наличия ряда необходимых условий для ее перерастания в социалистическую.

В ленинской концепции социалистической революции важнейшее место занимали вопросы движущих сил революции, роли пролетариата и его партии как руководителя и организатора трудящихся масс в борьбе за победу социализма. Уверенность в победе социалистической революции основывалась у В. И. Ленина на всестороннем изучении рабочего класса России, его революционных возможностей, на анализе итогов громадной работы Коммунистической партии по организации, сплочению и идейному воспитанию пролетарского авангарда. Ленинское учение о социалистической революции включало безоговорочное признание революционных возможностей беднейшего крестьянства, его способности оставаться верным и надежным союзником пролетариата на всех этапах революционной борьбы, а также уверенность в поддержке пролетариата всем крестьянством, заинтересованным в

решении аграрного вопроса, ликвидации помещичьего землевладения, прекращении войны и установлении прочного мира. В своем подходе к проблеме революции, в теоретической и практической деятельности Коммунистическая партия руководствовалась научной теорией общественного развития. Это позволяло большевикам предвидеть ход революционной борьбы, успешно руководить ее развитием, реально оценивать итоги и перспективы революционного процесса с учетом объективной обстановки, состояния классовых сил, изменения политической конъюнктуры.

С этих позиций подходили к оценке эпохи и предпосылок революции в России теоретики и историки партии эсеров. Показательными в этом отношении были очерки В. Чернова «Война и „третья сила“», «Интернационал и война», «Сквозь туман грядущего» и др. Смысл этих сочинений ведущего теоретика партии эсеров сводился к пересказу старых сенсимоновских идей «о критических и органических периодах», сменяющих друг друга в жизни общества, о стихийных бедствиях, борьбе старого с новым и т. д. Они дополнялись заимствованными из западноевропейской реформистской литературы рассуждениями о «гиперимпериалистическом фазисе развития» К. Каутского и др.²² Серьезный анализ социально-экономических и политических отношений эпохи империализма Чернов подменял абстрактными рассуждениями о вызревании нового «общественного уклада». «Каждый общественный уклад,— писал он,— должен сначала пробиться сквозь толщу старых, обветшалых жизненных форм. Эти последние никогда не сдаются без боя. Почти никогда не бывает, чтобы эмбрионы нового строя, зародившись в недрах старого, имели возможность исподволь разрастись и заменить поемногу все органы прежнего общественного тела»²³.

Процесс возникновения социалистического уклада правые эсеры рассматривали по аналогии с зарождением капитализма в недрах феодализма. Подобными приемами мелкобуржуазные теоретики старались обосновать положение о том, что поскольку в России начала XX в. никаких признаков социалистического уклада еще не было, то страна якобы не готова к социалистической революции, переходу от капитализма к социализму. С теоретической и исторической точки зрения аргументы эсеров были несостоятельны, ибо социалистический уклад не может возникнуть в недрах капитализма, он появляется

лишь после победы пролетарской революции, в результате проведения целой серии мероприятий. Поэтому поиск эсерами элементов социалистического уклада в условиях капиталистической России был бесплодным. К тому же следует иметь в виду, что социалистический уклад в эсеровской доктрине рассматривался не как социально-экономическая категория с присущими ей закономерностями возникновения и развития, а как совокупность различных элементов нового строя с явным преобладанием культурно-этических ценностей²⁴. И хотя в рассуждениях Чернова были положения о превращении «борьбы классов в войну классов», о развитии «военного кризиса в кризис революционный», об «авангардной роли пролетариата в борьбе трудовой демократии за власть»²⁵, — все это нельзя назвать серьезной теорией, основанной на научном анализе действительности и перспектив развития революции.

Более того, Чернов не раз признавался, что осмыслить характер современной эпохи трудно и даже невозможно. «Наше скудное знание, — сетовал он в 1917 г. — пока еще бессильно настолько овладеть безмерной сложностью процессов социальной жизни, чтобы предугадать не только конечные результаты и направления исторической „реки жизни“, но и самые повороты, извилины, широту разлива и глубину ее русла, вместе с теми отмелями и порогами, которые встретятся на ее пути. Одно верно. Из периода относительно спокойного, органического развития Европа вступила в период критический. Это положение должно сделаться отныне базой всех наших тактических суждений и планов»²⁶. Будучи неспособны осмыслить ведущие тенденции мирового развития и дать научное объяснение бурно развивавшемуся революционному процессу, теоретики правых эсеров перешли на позиции отрицания самой возможности познания окружающей действительности, законов классовой борьбы и развития революции. «А революция — явление чрезвычайно сложное и состоит из массы элементов, учесть полностью которые нет никакой возможности при современном состоянии наших знаний», — писал А. Н. Бах год спустя после победы пролетарской революции²⁷.

Не понимая характера изменений, происходивших в мире в конце XIX — начале XX в., теоретики правых эсеров обрушились на учение К. Маркса о капитализме и на ленинскую теорию империализма. В доказательство «ошибочности» марксистско-ленинской оценки эпохи и опас-

ности ее заимствования эсеры приводили самые нелепые доводы. Например, они заявляли о «неясности» понятия «империализм», так как оно не дает ответа на вопрос, «почему кучка империалистов смогла повести за собой на мировую бойню громадные массы народов». Империализмом, утверждали эсеры, нельзя объяснить происхождения мировой войны, так как он был источником всех войн с глубокой древности до современности. Таким образом, эсеры разделяли весьма типичный для буржуазных и мелкобуржуазных идеологов той поры взгляд на империализм как на агрессивную внешнюю политику буржуазных государств²⁸. Как и до 1917 г., серьезный экономический анализ правые эсеры подменяли рассуждениями о «положительных и отрицательных тенденциях», «центробежных и центростремительных силах», которые якобы определяют ход общественного развития и его итоги²⁹. Один из видных правозэсеровских идеологов, П. Сорокин, доказывал, что нельзя сводить империализм лишь к экономическому фактору, что в это понятие следует включать административное, политическое, правовое, культурное содержание, что «теория факторов» якобы более правильна, чем марксистский монизм, и т. д.³⁰.

Свои главные усилия теоретики правых эсеров сосредоточили на доказательстве отсутствия в России предпосылок социализма и социалистической революции. Они утверждали, что в России якобы нет развитых производительных сил, современной промышленности, высокой степени концентрации финансового и промышленного капитала, «сплоченного трудового класса». Слабо были развиты, с точки зрения эсеров, кооперативное и профессиональное движения — эти «зародыши социализма»³¹.

Еще накануне Октябрьской революции В. И. Ленин возражал против черновской и плехановской постановки вопроса о том, что нельзя «вводить» социализм, так как в России нет для него необходимых предпосылок³². Путем анализа конкретных фактов В. И. Ленин показал, что война ускорила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический и тем самым необычайно приблизила человечество к социализму³³. В. И. Ленин всесторонне обосновал, что «социализм созрел экономически», что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между ко-

торой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»³⁴.

Марксистско-ленинским характеристикам эпохи начала XX в. правые эсеры противопоставили свое крайне примитивное понимание исторических корней событий 1917 г. Оно основывалось на признании закономерности и исторической обусловленности Февральской революции и отрицании наличия в России каких-либо предпосылок для победы социалистической революции. В этих взглядах отразилась классовая природа мелкобуржуазных демократов, ограничивавших весь революционный процесс решением задач буржуазно-демократической революции. Поэтому Февральская революция оценивалась ими не только как закономерное явление в истории России, но и как высший этап революционной борьбы.

Исторические предпосылки Февральской революции правые эсеры усматривали в русском освободительном движении от Разина, Пугачева, декабристов до «Народной воли»³⁵. Февральская революция изображалась как результат героической борьбы, начатой «Народной волей», лозунги которой, как писали эсеры, стали в 1917 г. лозунгами всей России³⁶. Эсеры не понимали того, что на каждом этапе революционное движение в России имело свою социальную базу, определенный состав участников, конкретные условия и задачи борьбы и соответствующие лозунги. Обращение к истории освободительного движения XIX в., к теоретическим доктринам А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, к революционным традициям и лозунгам «Земли и воли» и «Народной воли»³⁷ было признаком теоретической беспомощности, неспособности эсеров разобраться в закономерностях и ведущих тенденциях классовой борьбы начала XX в., выявить истинные предпосылки и причины победы буржуазно-демократической революции в феврале 1917 г.

Если «исторические корни» Февраля правые эсеры связывали с русским освободительным движением, то причины быстрой победы над царизмом они объясняли тяжелым положением народа, войной, недостатком продовольствия, разрухой³⁸. Таким образом, внешние формы проявления кризиса социальной системы, а также факторы, ускорившие приближение революции (война), эсеры рассматривали как внутренние пружины революции без разграничения предпосылок и условий свершения буржуазно-демократической и социалистической революций. Ха-

рактально, что, освещая предпосылки и закономерности революции, правые эсеры практически сводили их к изложению событий, предшествовавших победе Февраля³⁹. Скольжение по поверхности событий исключало осмысление внутренних процессов социально-экономического развития страны, расстановки и борьбы классов.

После 1917 г. правые эсеры фактически отказались от тех идей, которые они активно пропагандировали до революции. Они перестали утверждать, что победа социалистической революции возможна на основе некапиталистической эволюции различных форм сельскохозяйственного производства (община, артель). Их рассуждения о революции и перспективах развития России заметно изменились, что являлось одним из показателей распада народнической теоретической доктрины, непоследовательности идеологов мелкой буржуазии. Марксистско-ленинской концепции социализма и возможности его построения в России эсеры стали противопоставлять идеи об отсталости страны, слабом развитии фабрично-заводского производства, малочисленности российского пролетариата, низком культурном уровне народа, слабом распространении в стране социалистических идей и т. п. Так, член ЦК, один из видных теоретиков правых эсеров, М. Я. Гендельман (Якобий), писал в 1918 г., что в России для социализма не созрели «объективные и психологические предпосылки. Нужна крупная, еще в рамках капитализма развившаяся промышленность, чтобы были материальные силы для социалистического производства; нужны сознательность и дисциплинированность рабочего класса, чтобы он знал, что ему делать и как делать; нужны крепкие, накопившие опыт рабочие организации, чтобы было в чьи руки передать общественные средства производства. В России ничего этого не было»⁴⁰.

При такой абстрактной постановке вопроса оставалось абсолютно неясным, когда же промышленность разовьется настолько, что достигнет уровня, обеспечивающего переход к социализму. Еще меньше понятно, чем определяются сознательность и дисциплинированность пролетариата и кто может оценить степень его способности к революции. Из рассуждений об отсталости России эсеры делали весьма конкретный вывод: социалистическая революция — вопрос далекого и неопределенного будущего. «К вопросу о социализме,— писал В. И. Ленин в 1917 г.,— наши эсеры и меньшевики подходят по-доктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо

попятай доктринаы. Они представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим. А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»⁴¹.

Из пространных рассуждений об исторической неподготовленности и несвоевременности социалистической революции в России из-за отсутствия объективных и особенно субъективных предпосылок для победы социализма правые эсеры делали вывод о том, что революция пролетариата обречена на неизбежную гибель, какие бы усилия ни прилагались трудящимися, большевиками для сохранения революционных завоеваний⁴². Правые эсеры старались внушить идеи о бесперспективности и обреченности борьбы за социализм, убедить массы в неизбежности поражения революции, а стало быть, и бессмысленности поддержки партии большевиков⁴³.

С целью привлечения масс на свою сторону и отрыва их от революции и диктатуры пролетариата теоретики правых эсеров стремились доказать, что социалистическая революция не нужна и капитализм перерастает в социализм автоматически. Эти идеи, заимствованные из реформистской западноевропейской литературы, правые эсеры особенно усиленно проповедовали в своих работах об Октябрьской революции и путях развития социализма в России. Социализм, писал Гендельман, «рождается из расцвета производительных сил, когда дальнейшее оплодотворение природных богатств и наличного труда становится не под силу изживающему себя мировому капитализму... Истинный социализм придет в результате высшего развития производительных сил. Оно совершится еще в пределах капиталистического строя и создаст в крупных формах производства материальные предпосылки социализма. Сопутствующий процесс организации и воспитания рабочего класса создаст его психологические предпосылки... Капитализм изживает себя и для дальнейшего развития производительных сил должен уступить место социализму»⁴⁴. Такова несложная и тем более не новая схема автоматического перехода от капитализма к социализму. Эсеры не ставили вопрос, когда это произойдет, ибо главным для них было «утверждение» идеи о бесперспективности социализма в России в 1917 г.

С этой целью лидеры правых эсеров направили свои усилия на доказательство отсутствия субъективных пред-

посылок революции, которое они объясняли политической и культурной отсталостью народа. Она виделась эсерам в том, что «рабочий класс» России (в их понимании: пролетариат, крестьянство и интеллигенция) не прошел «школу хозяйственного самоуправления в кооперативах и синдикатах, не говоря уже о городских муниципалитетах и сельских самоуправлениях»⁴⁵. Все основные посылы своей теории эсеры строили на утопических рассуждениях о подготовке личности к социализму, о воспитании социалистических качеств в условиях капиталистического строя и т. д. Новый строй, писал Чернов, нуждается в новом человеке, в социалистической культуре, которая якобы может развиваться еще в рамках капитализма. Это обеспечит «легкое, безболезненное и успешное рождение» нового общества⁴⁶. Таким образом, серьезный анализ реальных исторических условий эсеровские теоретики подменяли рассуждениями об абстрактных предпосылках социализма, которые виделись им не в характере социально-экономических отношений, а в сфере надстройки — в сознании, культуре, праве, психологии⁴⁷.

Как известно из опыта всемирной истории, эти элементы надстройки, определяемые господствующими социальными отношениями, не могут приобрести социалистического характера в условиях капиталистического строя и стать широким, массовым явлением. Имеющиеся в каждом обществе элементы демократической культуры, преследуемые и подавляемые господствующим классом, не могут получить широкого развития и распространения, а следовательно, стать базой для возникновения нового, социалистического строя в рамках старой формации. В объяснении предпосылок социалистической революции, как и в других вопросах общественного развития, в полной мере раскрылась теоретическая и методологическая несостоятельность рассуждений социалистов-революционеров. Они упорно отстаивали свою философскую доктрину, игнорируя объективные социально-экономические процессы, классовую борьбу и ее ведущие тенденции. Порочный в своей основе метод подхода к объяснению развития общества эсеры перенесли на освещение истории Октября.

Путем отрицания предпосылок социализма в России эсеры пытались доказать, что события октября 1917 г. якобы не имели ничего общего с борьбой за социализм, что их вообще нельзя назвать революцией и что Совет-

ская власть обречена на гибель⁴⁸. Таков конечный вывод, сделанный эсеровскими историками и социологами. Так анализ исторических предпосылок социалистической революции завершался в писаниях эсеров крайне негативной оценкой всего революционного процесса 1917 г. и победы Октября.

В. И. Ленин, большевики уделяли большое внимание борьбе против воззрений меньшевиков и эсеров, отрицавших историческую закономерность и необходимость пролетарской революции в России. Не случайно в статье «О нашей революции» (1923) В. И. Ленин обратился к рассмотрению записок о революции Н. Н. Суханова, в концепции которого сочетались взгляды двух течений мелкобуржуазной идеологии: меньшевизма и народничества⁴⁹. Суханов доказывал, что главная черта Октябрьской революции — ее историческая неподготовленность, выражавшаяся в отсутствии необходимых для социализма экономических предпосылок и определенного культурного уровня страны. Рассматривая эти положения Суханова, В. И. Ленин писал: «„Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при котором возможен социализм“». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции»⁵⁰. В. И. Ленин раскрыл основные черты мелкобуржуазного подхода к истории русской революции: рабскую подражательность прошлому, трусливость, фразерство и хвастовство, непонимание революционной диалектики марксизма⁵¹. В этом В. И. Ленин видел главный порок мелкобуржуазных историков. Они подменяли глубокий научный анализ объективных и субъективных предпосылок революции оторванными от жизни рассуждениями и умозаключениями по вопросам, не имевшим принципиального значения в оценке исторической необходимости и степени зрелости социалистической революции в такой стране, как Россия.

Выступая против сухановских трактовок событий 1917 г., В. И. Ленин убедительно показывал их отрыв от реальной жизни, конкретной исторической ситуации, сложившейся в России к 1917 г. В. И. Ленин писал: «И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую

войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»⁵² Критикуя утверждение Суханова, что для победы социалистической революции необходим определенный культурный уровень, «хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный „уровень культуры“, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств»⁵³, В. И. Ленин показал, что в результате Октябрьской революции и установления советского строя были созданы необходимые условия для развития культуры и цивилизованности. Все последовавшие за революцией события подтвердили правоту большевиков, взявших на себя роль руководителей масс в борьбе за социализм⁵⁴.

Глубокая и всесторонняя критика В. И. Лениным сухановских трактовок исторических предпосылок социалистической революции в России имела важное теоретическое и методологическое значение для критики всей мелкобуржуазной историографии, представители которой упорно защищали свои позиции, основанные на негативном отношении к победе социалистической революции.

В обстановке острой классовой борьбы рассуждения меньшевиков и правых эсеров о «беспочвенности» Октябрьской революции были одной из форм отрицания возможности победы социализма в России. В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на эту черту эсеровских и меньшевистских выступлений, расценивая их как прикрытие «вражды белогвардейцев, эсеров и меньшевиков ко всякому советскому строительству вообще»⁵⁵.

Положение об отсутствии исторических предпосылок социалистической революции в России прочно и надолго вошло в эсеровскую литературу об Октябрьской революции. Причем различия, имевшиеся в трактовках этого вопроса между меньшевиками и эсерами, не были существенными. И те и другие отрицали историческую закономерность социалистической революции в России. Однако вряд ли можно делать вывод, что решение этой проблемы эсеры полностью заимствовали у меньшевиков⁵⁶. Если меньшевики, стоявшие на позициях вульгарного экономического материализма, рассматривали данный вопрос с точки зрения развития производительных сил и численности пролетариата, то эсеры делали упор на отсутствие в России культурных и психологических предпосылок социализма, недостаточное развитие социалисти-

ческого идеала, его слабое внедрение в массовое сознание⁵⁷. В этих оценках отражалась сущность субъективно-идеалистического подхода эсеров к проблемам социализма, для которого были характерны либо недооценка, либо игнорирование уровня развития социально-экономических отношений, объективных закономерностей общественного развития, остроты классовых противоречий.

Идеи об экономической и культурной отсталости России как главном факторе, обеспечившем победу большевиков в 1917 г., о «революции отчаяния», широко распространявшиеся эсерами и меньшевиками, стали неотъемлемым элементом буржуазной историографии с 20-х годов до наших дней⁵⁸. Такими средствами утверждаются идеи о неприемлемости «русского опыта» для тех капиталистических стран, где требования масс якобы удовлетворяются разумными мерами правящей элиты. Советские историки проделали большую и плодотворную работу по разъяснению научной несостоятельности подобных воззрений некоторых представителей буржуазной историографии и ее не оригинальных, давно отвергнутых жизнью трактовок предпосылок Октябрьской революции в России⁵⁹.

Правые эсеры о Феврале и Октябре, социально-экономической политике Советской власти

Как уже отмечалось, содержание эсеровской концепции событий 1917 г. коренным образом отличалось от тех проблем, которые ставились и решались В. И. Лениным, историками-марксистами, работавшими в первые годы Советской власти. Центральное место в ней заняла не история подготовки и проведения Октябрьской революции, а ответы на вопросы: почему за Февралем последовал Октябрь, почему победили большевики, а не меньшевистско-эсеровский блок, почему массы, включая и крестьянство, пошли за коммунистами, почему победа большевиков завершилась установлением диктатуры пролетариата, почему потерпела крах идея Учредительного собрания, каковы перспективы развития страны?

Возможно, что у некоторых читателей возникнут сомнения: стоит ли тратить силы и время на изучение и изложение взглядов идеологов эсеровщины — течения, давно сошедшего с исторической арены и не внесшего никакого вклада в изучение истории Октябрьской рево-

людии? Однако эти сомнения рассеиваются при обращении к современным проблемам классовой борьбы. Какую бы роль ни играла в революционном процессе мелкобуржуазная демократия, ее идеологи всегда навязывают пролетариату стереотип теоретического и исторического мышления, характерный для класса мелких собственников. Так было во времена К. Маркса и Ф. Энгельса, решительно и последовательно боровшихся с мелкобуржуазными концепциями социализма, классовой борьбы и революции. Подобные же явления имели место в 1917 г., когда меньшевистско-эсеровский лагерь единым фронтом выступил против марксистско-ленинской теории социалистической революции и диктатуры пролетариата, против Октябрьской революции и Коммунистической партии. Аналогичные факты имеют место и в современном мире, где мелкая буржуазия выступает в качестве активной силы⁶⁰. Поэтому анализ всех течений эсеровщины — от крайне правых до левых — позволяет понять реальное поведение мелкой буржуазии, ее отношение к важнейшим вопросам классовой борьбы и социалистической революции. Идеология правых эсеров, их активная агитационно-пропагандистская деятельность были составными частями российской контрреволюции, активно использовались свергнутыми эксплуататорскими классами, поддерживались империалистической буржуазией Запада в борьбе против Советской власти и марксизма, против Октябрьской революции и ее влияния на создание трудящихся масс всего мира.

Как показывает изучение эсеровской литературы, ведущее направление в развитии революционного процесса 1917 г. идеологи мелкой буржуазии связывали не с борьбой пролетариата против буржуазии, а с переходом «власти из рук буржуазии в руки трудовой демократии», т. е. «третьей силы», в которой они усматривали главный фактор революции⁶¹. В этой идее отражалось стремление мелкой буржуазии играть самостоятельную роль в классовой борьбе, навязать пролетариату и другим слоям трудящихся, боровшимся в 1917 г. за победу социалистической революции, такой путь развития, который соответствовал бы интересам мелких собственников. Это проявилось и в политической платформе правых эсеров, препятствовавших развитию пролетарской революции, и в тесно связанной с ней концепции революций 1917 г., которую они активно пропагандировали в 1918—1922 г., а затем в эмиграции.

Несмотря на то что в выступлениях правых эсеров отсутствовали четко выраженные требования средних слоев, интересы которых они отражали, а в их литературе преобладали свойственные идеологам мелкой буржуазии абстрактные и распылчатые рассуждения о «трудовой деятельности», «демократии для всех», «эмансипации личности», народовласти и т. п., классовая сущность их изданий типа сборников «Год русской революции», «Из недавнего прошлого», «Большевики у власти» и др. обнаруживается весьма определенно. В своих выступлениях по поводу событий 1917 г. правые эсеры давали идейное обоснование попыткам повернуть историю вспять, ликвидировать завоевания пролетарской революции, ограничить ее рамками буржуазно-демократических преобразований. Лозунг «Назад к Февралю» стал самым распространенным в эсеровской литературе первых лет Советской власти⁶².

С самого начала развития эсеровской концепции Октября ее основным методологическим принципом стало противопоставление двух революций: Февральской и Октябрьской. Если в марксистско-ленинской концепции эти две революции органически связаны друг с другом, а процесс их развития рассматривается как закономерное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, то в литературе правых эсеров главным стало утверждение об их коренной противоположности. Подобный подход основывался на идеализации Февраля и непонимании и отрицании Октября как социалистической революции.

Особенно рельефно это проявилось в статьях члена ЦК партии эсеров, историка русского освободительного движения Н. С. Русанова, которого В. И. Ленин задолго до революции критиковал за мелкобуржуазные воззрения на социализм и пути развития революционного движения. В статье «Февральская революция и октябрьский переворот» Русанов рассуждал следующим образом: «Однако точно ли Февральская революция была революцией только буржуазной? И точно ли октябрьский переворот был социалистической революцией? Те, кто пережил незабвенные дни конца февраля и начала марта, те, кто участвовал в низвержении царского самодержавия, никогда не забудут глубоко народного характера этой революции. О, конечно, это не была социалистическая революция. Но это было огромное всероссийское движение трудовой демократии, в первых рядах которой шла революционная

и социалистическая интеллигенция, поддерживаемая могучим напором рабочих и солдат, т. е. крестьян, одетых в серые шинели... Октябрьский переворот насильственно прервал эту нить правильного демократического развития»⁶³. Подобного рода оценки были типичны для идеологов правых эсеров, не желавших видеть органической связи между двумя этапами развития революции в России. Поэтому Февральская революция заняла центральное место во всех эсеровских изданиях о революционном процессе 1917 г.⁶⁴

Первостепенное методологическое значение для критического анализа взглядов правых эсеров на Февральскую революцию имеют ленинская концепция буржуазно-демократической революции 1917 г. и критика В. И. Лениным эсеровских взглядов на проблемы классовой борьбы в России⁶⁵. Ленинская концепция второй буржуазно-демократической революции в России была в корне противоположна взглядам кадетов, меньшевиков, эсеров, идеализировавших события февраля-марта и рассматривавших их как «великое чудо» русской истории. «Чудес в природе и в истории не бывает», — писал В. И. Ленин в «Письмах из далека». Всякий поворот истории, отмечал он, «всякая революция в том числе, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом. Для того чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности»⁶⁶. Среди этих условий В. И. Ленин называл революцию 1905 — 1907 гг., контрреволюцию 1907—1914 гг., империалистическую войну, которая явилась «этим всеильным „режиссером“, этим могучим ускорителем»⁶⁷.

Марксистско-ленинской концепции Февраля как буржуазно-демократической революции эпохи империализма большинство правоэсеровских идеологов противопоставили отрицание ее буржуазного характера, авангардной роли пролетариата и его революционной партии. Правые эсеры изображали Февральскую революцию как «революцию трудовую», «народную», «всеобщую», «демократическую» и т. п.⁶⁸ Пытаясь определить ее характер, Русанов писал: «И революция, и программа Временного правительства были если и не социалистическими, то и не буржуазными, но глубоко демократическими, проникнутыми духом социального творчества»⁶⁹.

Основными лозунгами Февральской революции правые эсеры считали «Долой войну!», «Земля и воля», «Созыв Учредительного собрания». Причем в эсеровской трактовке лозунги, выдвигавшиеся массами, полностью отождествлялись с задачами революции, ее объективным содержанием. А поскольку среди них не было требования «Власть буржуазии!», то и революция, по мнению эсеров, не была буржуазной⁷⁰.

Свои основные усилия эсеры сосредоточили на освещении событий февраля — марта 1917 г. Они изображали их как «образцовую» революцию, как «вершину» революционного процесса в России⁷¹. Оценки Февраля как «Великой русской революции», как «красивой сказки» прочно вошли в эсеровскую концепцию революции и повторялись вплоть до 60-х годов⁷². Н. С. Русанов писал: «Для нас настоящей великой революцией была Февральская, огромный, народный, в известном смысле национальный и даже интернациональный, захвативший все народности России порыв, порыв, в котором выражалась воля всей страны, всей демократии к политическому, социальному, а не социалистическому творчеству»⁷³. В то время как самым важным в революционном процессе 1917 г. была борьба за победу социализма, которую возглавлял революционный пролетариат России, для эсеровского историка самым примечательным являлось отсутствие в революции «социалистического творчества». В оценке итогов Февральской революции теоретики правых эсеров на первый план выдвигали «психологическое состояние» масс, а не реальные результаты классовой борьбы — свержение самодержавия и установление двоевластия.

Свое отрицание буржуазной сущности Февральской революции эсеры прикрывали рассуждениями о том, что революция-де явление сложное, что «мы не знаем, что такое буржуазно-демократическая революция», и т. д.⁷⁴ И хотя Февральская революция отчетливо выявила расстановку классов и их роль в борьбе против самодержавия, правые эсеры так и не смогли понять действительного смысла происходивших в стране событий. К проблеме движущих сил и политических лагерей правые эсеры относились без особого внимания, изображая всех трудящихся активными участниками событий Февраля.

В. И. Ленин неоднократно выступал против подобного внеклассового подхода к Февральской революции и требовал четкого ответа на вопрос: кто совершил революцию? В мае 1917 г. в статье «О твердой революционной власти»

он писал: «Надо только, чтобы фраза не темнила ума, не засоряла сознание. Когда говорят о „революции“, о „революционном народе“, о „революционной демократии“ и т. п., то в девяти случаях из десяти это лганье или самообман. Надо спрашивать, о революции *какого класса* идет речь? о революции *против кого?*»⁷⁵

Правые эсеры неспособны были увидеть главного в развитии классовой борьбы — выступлений в 1917 г. пролетариата как гегемона трудящихся масс и крестьянства как его союзника. Проблему передового класса правые эсеры, не углубляясь в изучение, свели к изображению пролетариата в качестве «зачинателя», «застрельщика» массового революционного движения⁷⁶. И это закономерно, ибо в оценке движущих сил революции правые эсеры исходили не из конкретного анализа позиций различных классов, а из абстрактного определения «народного характера» Февральской революции.

Борьба за власть, развернувшаяся в 1917 г., рассматривалась ими как явление временное, случайное, преходящее и к тому же нежелательное⁷⁷. А «всеобщее единение», «классовое содружество», «народное единство» преподносились правыми эсерами как постоянный и важнейший фактор революции. Ее решающей силой изображалась «революционная демократия», т. е. меньшевики и эсеры, шедшие якобы во главе масс. Революция и дальше бы развивалась по этому пути, утверждали Д. Розенблюм и другие эсеры, если бы не большевики, сознательно разжигавшие классовые антагонизмы и анархию⁷⁸.

Сложный процесс развития революции от буржуазно-демократического к социалистическому этапу изображался правыми эсерами как нарастание «хаоса» и «анархии». В эсеровской литературе, посвященной революции, массовое рабочее и крестьянское движение отступало на задний план, а главное место занимало освещение «кризиса власти», связанного якобы с тем, что «коалиция не дала устойчивой власти», а процесс «самоорганизации демократии» не привел к желаемым результатам⁷⁹. Оценивая так называемый «кризис власти», создание и состав коалиционных правительств, поведение лидеров различных политических партий, правые эсеры неспособны были понять главного — непрочность кадетско-эсеро-меньшевистского блока и неизбежность его краха в условиях России 1917 г. Этот крах был обусловлен, с одной стороны, неоднородностью участвовавших в блоке политических сил, с другой — острым накалом классовой борьбы

трудящихся масс, возглавлявшихся партией большевиков, последовательно борющихся за победу революции.

В статьях, опубликованных в 1918—1922 гг., правые эсеры весьма настойчиво оправдывали свое предательское поведение в феврале — октябре 1917 г. ссылками на «неуверенность», «нерешительность», «властобоязнь». В изображении правых эсеров получалось так, что им мешали все, в том числе и широкие массы, слишком настойчиво требовавшие земли и мира⁸⁰.

В эсеровских оценках событий 1917 г. отразился определенный стиль мышления, свойственный идеологам мелкобуржуазного толка. Неспособность к глубокому научному анализу революционных событий, к выявлению и обобщению ведущих тенденций и закономерностей общественного развития рельефно проявилась в рассуждениях правых эсеров о революции и ее ходе. Так, один из теоретиков этой партии, социолог П. Сорокин, главным в революции считал «энтузиазм народа», «творческий порыв», «великое вдохновение». Он изображал ход событий 1917 г. как колебания маятника вверх-вниз с периодическим возвращением в одни и те же точки⁸¹. Другой эсер, А. Гуковский, главным в революции считал то, что она «всколыхнула до самых глубин народную стихию, вызвала на ее поверхность много неожиданного, тяжелого и мрачного». Последствия Февральской революции оценивались им как «усталость», «успокоение», «апатия»⁸².

С позиций признания возможности «классового мира» и решающей роли «третьей силы» в событиях 1917 г. подошли правые эсеры к оценке установившейся после Февральской революции власти. Подчеркивая, что коренным вопросом всякой революции является вопрос о власти, «определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике»⁸³, В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость его четкого решения политическими партиями, претендующими на руководство массами. В эсеровских трактовках Февральской революции проблема власти либо игнорировалась, либо искажалась. При этом вопрос о власти рассматривался без учета расстановки и соотношения реальных классовых сил, сложившихся после Февраля. Свержение самодержавия и установление двоевластия правые эсеры характеризовали как победу народовластия, «трудовой демократии»⁸⁴, определяя установившийся строй как «демократический-трудовой»⁸⁵. Идеализируя буржуазное Временное правительство, правые эсеры рассматривали его как

власть народа, называли «общенародным» и «демократическим».

В искаженном виде изображали эсеры и взаимоотношения между ним и Советами. В их трактовке Петроградский Совет играл роль парламента, а «Временное правительство — роль ответственного перед ним министерства»⁸⁶.

Из утопической концепции «классового компромисса» и «гражданского мира», в которых эсеры усматривали средство упрочения завоеваний Февраля, вытекала их тактика соглашения с буржуазией. В «классовом мире» эсерам виделась возможность ликвидации классовых столкновений, «анархии», «разрухи». В работах, посвященных Февралю и Октябрю, правые эсеры оправдывали свою политику соглашения с буржуазией, стараясь доказать, что это был единственный путь «спасения» от «октябрьского переворота». Соглашение с буржуазией правые эсеры оценивали как «великое благо» для революции и народа. Самую большую опасность для революции, с точки зрения правых эсеров, представляли не буржуазная контрреволюция и соглашательская политика мелкобуржуазных партий, а большевики с их «неспособностью к компромиссам» и систематической работой «по дискриминации правительства и социалистических партий»⁸⁷.

Называвшие себя социалистами и революционерами эсеры не поняли, что сложившаяся в результате свержения самодержавия обстановка создала предпосылки для дальнейшего продвижения революции вперед — по пути ликвидации власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата. Все проблемы этого важного этапа эсеры свели к вопросу о неудачах Временного правительства, ошибках партий меньшевиков и эсеров, допустивших якобы своей недальновидной политикой приход к власти большевиков⁸⁸. Так, В. Чернов объяснял причины «краха» Февральской революции ошибками Временного правительства, его неспособностью решить вопросы о мире и земле, оттягиванием созыва Учредительного собрания и решения вопроса о самоуправлении на местах⁸⁹. В то же время М. Вишняк, наиболее правый представитель партии правых эсеров, наоборот, усматривал ошибку Временного правительства в его стремлении перейти к решению социальных проблем, вопроса о земле⁹⁰.

Объясняя победу большевиков в 1917 г. ошибками эсеров и меньшевиков, правые эсеры тем самым утверждали идею о случайном характере пролетарской рево-

люции. Такое освещение событий давало возможность умалчивать о громадной, систематической и целенаправленной работе большевиков среди фабрично-заводского пролетариата, крестьян, солдат и матросов, связанной с подготовкой и проведением социалистической революции. Между тем этот опыт имеет всемирно-историческое значение. Он со всей убедительностью свидетельствует о том, что для победоносной социалистической революции нужна всесторонняя подготовка и самой Коммунистической партии, и руководимых ею масс к взятию власти. Целенаправленная теоретическая и практическая деятельность ленинской партии, строившаяся с учетом объективных предпосылок социалистической революции и реальной расстановки классовых сил в стране, обеспечила российскому пролетариату закономерную победу осенью 1917 г. Всего этого не хотели видеть правые эсеры, отстаивавшие идею о случайном характере победы пролетариата во главе с большевиками. И если в трактовке других вопросов революции у правых эсеров наблюдались различные подходы, то в объяснении причин победы большевиков чисто случайными обстоятельствами все они были единодушны. Сначала у правых эсеров, а затем в эмигрантской литературе и реакционной буржуазной историографии этот тезис получил весьма широкое распространение⁹¹.

В целом же весь ход событий после Февраля правые эсеры рассматривали как регресс революции, ее попятное движение. Победа Октября оценивалась ими как крах Февраля, как гибель «народной революции», ликвидация завоеваний «демократии и революции»⁹².

Центральное место в правоэсеровской литературе об Октябре занял вопрос о роли партии социалистов-революционеров в событиях 1917 г. Как известно, Февральская революция пробудила к политической деятельности широкие мелкобуржуазные слои города и деревни. Это был закономерный рост активности мелкой буржуазии в период буржуазно-демократической революции, когда она выступала относительно единой силой в борьбе за ликвидацию царизма, решение аграрного вопроса, завоевание политических свобод. Мелкобуржуазная природа и сознание естественно приводили эти слои в те политические партии, которые в своих программных требованиях и политических лозунгах отражали их классовые устремления и требования.

Идеологи социалистов-революционеров оценивали политическую активность мелкобуржуазных слоев со своих

позиций, усматривая в ней лишь заслугу своей партии, результат ее популярности, влияния, традиций и т. п. Эсеры объясняли рост популярности партии не пробуждением к активной политической деятельности широких мелкобуржуазных слоев, а заслугами пропагандистской и организационной работы, популярностью среди народа эсеровской программы, политики и тактики, изображая себя «душой» Февральской революции, подлинно революционной силой, способной якобы «верно предугадать» социальное содержание революции. С этих позиций эсер Н. Быховский, например, описывал деятельность своей партии в Советах крестьянских депутатов, в ЦИК Советов, на съездах Советов крестьянских депутатов в 1917 г.⁹³

Однако факты из книги Н. Быховского, писаний других эсеровских теоретиков убедительно свидетельствовали о том, что крестьяне шли за партией эсеров лишь до тех пор, пока верили ее обещаниям. И наоборот, отход крестьянства от эсеров был обусловлен тем, что оно убедилось в их нежелании провести в жизнь программу социализации земли и решить аграрный вопрос в интересах крестьян. Разочаровавшись в эсерах, массы стали переходить на позиции поддержки партии большевиков, борющейся за ликвидацию помещичьего землевладения и передачу земли крестьянам.

Правые эсеры выдвигали иные объяснения причин падения популярности своей партии к осени 1917 г. А. Н. Бах, например, объяснял это рядом факторов: малочисленностью эсеровских организаций на местах, отсутствием идейного единства, слабостью и нерешительностью партийной политики, непоследовательностью эсеров в вопросах войны и мира, пассивным поведением по отношению к Временному правительству, отходом от партии левых эсеров и их сближением с большевиками⁹⁴. Однако основная причина упадка влияния партии эсеров на массы у авторов правозесеровского толка сводилась к обвинению большевиков в стремлении дискредитировать эсеров и меньшевиков в глазах трудящихся, требовавших прекращения войны⁹⁵.

Обвинением большевиков в «чрезмерной активности», «несговорчивости», неспособности к компромиссам и соглашениям с «демократией» мелкобуржуазных партий и лидеров эсеры, сами того не желая, показывали, насколько последовательной и дальновидной была политическая линия большевиков во главе с В. И. Лениным⁹⁶. Правые эсеры были вынуждены согласиться с фактами, свиде-

тельствовавшими о быстром росте влияния партии большевиков на массы в период от Февраля к Октябрю. Однако они упорно отрицали закономерность победы большевиков в октябре 1917 г., объясняя их успехи «удачливостью», «напористостью», «ловкостью» лидеров пролетарской партии.

Правые эсеры так и не смогли понять, почему массы пошли за пролетариатом и его партией. В основе этого процесса лежали объективные законы развития классовой борьбы, на которые опирались стратегия и тактика Коммунистической партии, последовательно защищавшей интересы широких масс трудящихся. Как показал опыт истории, в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую закономерно происходит усиление руководящей роли пролетариата и его партии и в то же время интенсивно идет процесс расслоения, «размывания» средних слоев. Это проявилось, в частности, в усилении в партии эсеров различных идейных течений, в ослаблении ее влияния на массы, неспособности руководить ими. Эти черты распада усиливались по мере приближения социалистической революции, обусловив развал и политическое поражение партии социалистов-революционеров. Ни былая популярность, ни многочисленность, ни активность ее лидеров и функционеров — ничто не могло спасти эсеров от краха в 1917 г. Тот путь, который избрала партия эсеров (соглашение с буржуазией, отказ от проведения аграрных преобразований, продолжение войны и т. д.), неминуемо должен был привести и привел ее к поражению.

Оценивая события февраля — октября 1917 г., правые эсеры не смогли, а некоторые из них и не захотели увидеть бурно развивавшегося революционного процесса, охватившего всю страну, роста революционной активности масс, гегемоном которых был российский пролетариат во главе с партией большевиков. Они свели весь сложный процесс вызревания социалистической революции к проблеме кризиса власти, «самоорганизации демократии», к «ошибкам» и «грехам» Временного правительства и своей партии⁹⁷.

Если Февральская революция описывалась правыми эсерами с вдохновением, яркими цветистыми фразами, то в отношении Октября восторг и ликование сменялись неприязнью и нескрываемой враждой. Правые эсеры всеми средствами старались умалить и принизить значение первой в мире победоносной социалистической революции,

изображая ее как малозначительное событие, как пере-ворот, лишенный широкой социальной базы, общенародного признания и исторического значения. Идеологи правых эсеров продемонстрировали в оценках Октября свой полный разрыв с революционной борьбой, превращение в силу, враждебную социалистической революции и свершившему ее народу. Отрицание Октября как революции социалистического типа определило всю эсеровскую трактовку истории пролетарской революции и ее последствий.

Еще в 1903 г. при рассмотрении теоретических позиций социалистов-революционеров В. И. Ленин отмечал, что социализм эсеров вовсе «не революционен, а их революционность не имеет ничего общего с социализмом»⁹⁸. В концепции Октября эта мелкобуржуазная сущность эсеровского мировоззрения проявилась в полной мере. Напуганные широким движением народных масс, мелкобуржуазные демократы подошли к оценке событий 1917 г. с позиций, не имевших ничего общего ни с социализмом, ни с революционностью⁹⁹. Боязнь подлинно всенародной социалистической революции с ее размахом и глубиной воздействия на различные стороны общественной жизни обусловила полный разрыв правых эсеров с революционным движением, превратив их из непоследовательных сторонников в убежденных противников революционного пролетариата¹⁰⁰.

Одной из форм враждебной деятельности эсеров в условиях диктатуры пролетариата стало распространение лжи и клеветы об Октябрьской революции, Советской власти, партии большевиков. Правозеровская литература об Октябрьской революции стала средством распространения антибольшевистских настроений среди различных групп населения. Наиболее правые представители эсеро-щины типа П. Сорокина и М. Вишняка и не скрывали этого.

Правые эсеры называли Октябрь бунтом, заговором, авантюрой большевиков, которые якобы воспользовались благоприятно сложившимися обстоятельствами. Советская власть, доказывал В. Лункевич, родилась путем заговора, держалась силой штыков и пулеметов, опиралась на взбунтовавшуюся стихию¹⁰¹. Изображение Октябрьских событий 1917 г. в виде заговора большевиков стало основным элементом правозеровской концепции. Подобный подход по существу снимал все важнейшие проблемы истории революции (предпосылки, движущие силы, роль воору-

женного восстания, и т. д.). Взгляды правых эсеров на Октябрьскую революцию еще раз показали, что они были убежденными противниками и социалистической революции, и марксизма-ленинизма. Это коренным образом отличало правых эсеров от левых течений социал-революционаризма, признававших социалистический характер Октября¹⁰².

Все усилия правые эсеры сосредоточили на доказательстве того, что Октябрь не являлся революцией, а тем более народной. Они оценивали Октябрь как «конец» Февраля, не видели в нем дальнейшего развития революции, ее качественно новую ступень. Правые эсеры обрушились на ленинскую оценку Октября как революции социалистической, совершенной пролетариатом под руководством Коммунистической партии в союзе с деревенской беднотой и при поддержке всего крестьянства¹⁰³. Утверждения правых эсеров о несоциалистическом и непролетарском характере Октябрьской революции, якобы чуждой народу и его интересам, носили крайне противоречивый, подчас абсурдный характер. Правые эсеры противоречили друг другу, сами себе, собственной теоретической доктрине. Общей чертой всех выступлений правых эсеров по вопросам Октябрьской революции было оперирование голыми формулами и бездоказательными упреками в сочетании со злобными выпадами против партии большевиков и народа, боровшегося за дальнейшее развитие революции и решение поставленных историей задач.

Доводы для подтверждения своей точки зрения правые эсеры черпали из народнического арсенала. Поскольку главный путь движения к социализму они видели не в социально-экономических преобразованиях, а в «выработке новой личности», в «победе социалистического идеала», создании «психологических предпосылок» революции и т. д., то необходимым условием победы социалистической революции они считали достижение высокого уровня культуры народа¹⁰⁴. Так эсеры пытались обосновывать свой главный тезис: в стране отсутствует культурно-этическая база для социализма, следовательно, Октябрь не является социалистической революцией.

Как ни старались правые эсеры утвердить свои идеи о бесперспективности борьбы за социализм в России, тем не менее, оказавшись перед фактом победы трудящихся масс во главе с большевиками, они вынуждены были объяснять причины этого события. Корни Октября и победы большевиков правые эсеры усматривали в стрем-

лении народов России к миру, которое партия большевиков смогла удовлетворить, в хозяйственной разрухе, крайне неблагоприятной для «социалистической демократии», т. е. эсеров и меньшевиков, в политической конъюнктуре, ошибках Временного правительства, безудержном стремлении большевиков к власти¹⁰⁵. Если большевики расценивали войну как фактор, ускоривший крах старого режима, то в концепции правых эсеров она стала главной причиной победы большевиков. Октябрь в трактовке правых эсеров явился лишь результатом отчаяния и усталости масс, их безудержного стремления к миру и удовлетворению своих требований¹⁰⁶.

С этих позиций рассматривали правые эсеры и вопрос о социальной базе Октябрьской революции, т. е. о тех силах, на которые опирались большевики в борьбе за власть. Главный удар правые эсеры пытались направить против марксистского учения о пролетариате как основной и ведущей силе революции и его союзе с беднейшим крестьянством в решении задач социалистической революции¹⁰⁷. Они старались обосновать тезис об отсутствии у диктатуры пролетариата широкой социальной основы. В. Чернов, например, писал об Октябрьской революции: «Неработающие рабочие, сухопутные матросы, невоюющие солдаты — вот те „три кита“, на которых держится наш нынешний охлократический образ правления»¹⁰⁸. При этом пролетариат изображался малочисленным и маловлиятельным классом, не способным возглавить борьбу масс за социализм. В итоге правые эсеры приходили к выводу, что деклассированные, отсталые элементы общества составили главную силу Октябрьской революции и социальную основу Советской власти¹⁰⁹. По мнению Чернова, опорой большевиков стало простонародье. «Охлос,— писал он,— толпа, улица, чернь, разнуздавшая свои инстинкты, давшая волю своим страстям, бушующая грубо и дико, как элементарная, слепая стихия»¹¹⁰. Такие же оценки массовой базы Октябрьской революции содержались в выступлениях Русанова, Вишняка, Лункевича и других правых эсеров. Примечательно, что подобные идеи имеют хождение в современной буржуазной историографии. И сегодня они привлекательны для определенных кругов правящих классов капиталистических стран, внушающих своим народам представление о том, что революции — это удел толпы, «сброда», черпи¹¹¹.

Утверждения правых эсеров об отсутствии у Октябрьской революции широкой социальной базы находились в вопиющем противоречии с реальными фактами истории. Более того, они противоречили тем оценкам, которые правые эсеры сами давали незадолго до победы пролетариата. С нескрываемым страхом, перераставшим в открытую вражду, писали они о росте классового самосознания масс, их решимости довести революцию до конца¹¹². Бах утверждал: «Революция всколыхнула самые глубокие толщи народных масс и сразу же выдвинула такие лозунги, которые выходили за пределы буржуазно-демократического строя обычного типа»¹¹³.

Среди правых эсеров находились, однако, и такие, которые выступали с признаниями ведущей роли пролетариата в событиях 1917 г. Д. Розенблюм, изображавший Октябрь черными красками, писал, однако, в 1918 г.: «История рабочего движения за истекший год революции есть в большей части история самой революции, ибо промышленный пролетариат был наиболее передовой, наиболее действенной силой на революционной арене»¹¹⁴. Хотя подобного рода утверждения в эсеровских изданиях были большой редкостью, они красноречиво свидетельствовали о той идейной разногласии, которая царил в кругах этой партии в оценках Октября.

Несмотря на то что крупнейшие теоретики эсеровской партии неоднократно выступали с декларативными заявлениями о важности точного научного анализа общественных явлений на основании фактов исторической действительности¹¹⁵, работы правых эсеров об Октябре поражают своим ненаучным характером. В них крайне редко можно встретить анализ совокупности исторических фактов, точные цифровые данные, обоснованные выводы и обобщения, для них характерна чрезвычайно узкая документальная база. Источники подбирались и использовались тенденциозно и односторонне. Отдельные ленинские работы, первые декреты Советской власти, большевистские газеты и журналы привлекались эсерами не с целью анализа и всестороннего рассмотрения революционного процесса, а как материал для извращения истории Октябрьской революции. Случайно вырванные факты, обрывки цитат из трудов видных деятелей большевистской партии, а чаще вольный пересказ их мыслей с явным искажением содержания — таковы наиболее типичные приемы правозесеровских авторов.

На первый взгляд это крайне небрежное обращение с источниками можно объяснить специфическими условиями тех лет, поспешностью написания статей и т. д. Однако наряду с подобными статьями появлялись обширные работы по вопросам аграрной эволюции России, подготовленные на основании статистических материалов, обзоры о влиянии первой мировой войны на народное хозяйство страны и т. д. В них содержались и цифровые данные, и ссылки на источники и литературу. Это дает основание сделать вывод, что небрежность в обращении с источниками как черта эсеровских работ о пролетарской революции 1917 г.— явление не случайное, а внутренне обусловленное. Там, где речь шла о вопросах, имевших принципиальное политическое значение, где эсеры выступали с обвинениями в адрес партии большевиков, они преднамеренно фальсифицировали факты с целью очернения политики Советской власти, дезинформации трудящихся и введения в заблуждение зарубежной прогрессивной общественности. Эсеровская концепция революции не обосновывалась, а внушалась читателю самыми примитивными способами, с помощью искажений, публицистических приемов, литературной демагогии и злобных антисоветских выпадов, рассчитанных на определенные круги населения и их настроения. В этом отношении правозэсеровские издания ничем друг от друга не отличались.

В известном смысле исключением была опубликованная в 1918 г. статья Н. В. Святицкого, посвященная выборам во Всероссийское Учредительное собрание¹¹⁶. Фактические данные, приведенные в этой статье, В. И. Ленин использовал в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», написанной в декабре 1919 г. В. И. Ленин назвал статью Святицкого «замечательно интересной» за цифровые сведения, которые автор опубликовал в виде обширных таблиц по 54 избирательным округам из 79¹¹⁷.

Н. Святицкий, как и многие другие правые эсеры, развивал в этой статье тезис о том, что Октябрь погубил «Великую русскую революцию», что его результатом явилась экономическая разруха и развал всего народного хозяйства и т. д. Рассуждения Святицкого в конечном счете сводились к выводу: «Русская революция подарила международному социализму не более и не менее как тридцать миллионов социалистических избирателей»¹¹⁸. Из громадного фактического материала, позво-

лявшего раскрыть роль и степень влияния различных политических партий, а также ведущие тенденции развития классовой борьбы, Святицкий делал крайне примитивный вывод: в его объяснениях судьбы мировой революции решались количеством избирателей, голосовавших за эсеров, меньшевиков и большевиков во время выборов в Учредительное собрание.

Только одно наблюдение Святицкого привлекло внимание В. И. Ленина — констатация факта, что кадеты имели наибольший успех в тех же областях, где и большевики: в Северной и Центрально-промышленной¹¹⁹. Однако, отметив это обстоятельство, Святицкий не смог сделать из него серьезные выводы, отражавшие внутренние процессы развития классовой борьбы, тогда как В. И. Ленин на основании глубокого анализа фактов, приведенных в статье Святицкого, дал характеристику расстановки и борьбы классовых сил в России. Сведения о выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., писал В. И. Ленин, «дают нам основной фон той картины, которую показывает в течение двух лет после этого развитие гражданской войны. Основные силы в этой войне с ясностью видны уже на выборах в Учредительное собрание: видна роль „ударного кулака“ пролетарской армии, видна роль колеблющегося крестьянства, видна роль буржуазии»¹²⁰.

В. И. Ленин сформулировал в этой статье ряд важнейших положений о предпосылках, развитии и итогах Октябрьской революции, стратегии и тактике партии большевиков¹²¹. «Данные о выборах в Учредительное собрание, если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе», — отмечал В. И. Ленин¹²². Факты недавнего прошлого он мастерски использовал для обоснования научного понимания проблем революции, для проверки основных марксистских выводов по вопросам классовой борьбы.

В статьях В. И. Ленина и Н. Святицкого мы видим два принципиально противоположных подхода к одним и тем же сведениям. Для марксиста они выступают как средство более глубокого познания исторической действительности, как условие дальнейшего развития научной теории и проверки политической линии партии пролетариата. Историком эсеровского направления те же сведения использовались для подтверждения заранее сос-

тавленной схемы, для очередных нападков на социалистическую революцию и большевиков.

Особое место в эсеровских работах об Октябре занимал вопрос о роли различных партий, в частности эсеров, меньшевиков, кадетов, большевиков, в событиях 1917 г. Однако научный анализ опыта революционной борьбы подменялся в эсеровской литературе тенденциозными характеристиками, сетованиями, упреками, оплакиванием «ошибок» трудовой демократии и надеждами на возможность их исправления, наступление «лучших времен».

В своих изданиях правые эсеры больше всего места отводили описанию деятельности своей организации, меньше всего — партии кадетов, которую считали наименее влиятельной силой в событиях 1917 г. «Наша торгово-промышленная буржуазия, — с сожалением писал Розенблюм, — оказалась к моменту революции экономически бедной, технической отсталой, политически незрелой»¹²³. Известно, что до 1917 г. эсеры усматривали в либералах контрреволюционную силу, враждебную борьбе масс за демократию и социализм. Однако это не помешало правым эсерам после свержения самодержавия пойти на соглашение с ними, оправдывая предательство интересов народа тем, что эсеры якобы продолжали борьбу за сохранение завоеваний Февральской революции путем «примирения крайностей» классовых столкновений. Победа Октябрьской революции со всей очевидностью вскрыла теоретическую несостоятельность и практический вред эсеровской позиции. Однако в литературе об Октябре правоэсеровские идеологи либо замалчивали, либо извращали факты своего сотрудничества с буржуазией в период приближения и победы пролетарской революции. Эта позиция умолчания была вызвана стремлением эсеров реабилитировать себя перед широкими массами, с одной стороны, и сохранить верность буржуазно-монархической контрреволюции — с другой.

Изображение русской буржуазии как маловлиятельной силы в событиях 1917 г. тем не менее не мешало правым эсерам с оптимизмом оценивать ее роль в будущем. Именно с буржуазией многие из правых эсеров связывали надежды на восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Иной силы, способной обеспечить организацию экономической жизни и развитие производительных сил страны, правые эсеры при-

знавать не хотели¹²⁴. Поэтому они нередко с сожалением писали о том, что русская либеральная буржуазия не способна играть роль лидера в организации масс для борьбы против Советской власти¹²⁵. Подобные рассуждения убедительно свидетельствовали о том, что в борьбе против Республики Советов эсеры были готовы на все, вплоть до открытого союза с контрреволюционными силами, что они и подтвердили своими практическими действиями в 1918—1921 гг.

Заметное место отводили правые эсеры и освещению роли большевиков в 1917 г., причем все их оценки строились на предвзятом, враждебном отношении к партии пролетариата. Беззастенчиво искажая исторические факты, правые эсеры объясняли победу большевиков отсталостью и несознательностью масс, их бескультурьем, наивностью и доверчивостью, что позволило якобы ленинской партии захватить власть вопреки воле и желанию народа¹²⁶. Эсеры обвиняли большевиков в «отходе от марксизма», в «отречении от социализма», в «бесчестных методах борьбы против политических противников», в «подрыве доверия» народа к демократическим и социалистическим партиям, в разжигании классовой борьбы, разрушении народовластия и свободы и т. д. «Эти страшные обвинения большевиков,— отмечал В. И. Ленин в 1919 г.,— повторяются во всем мире»¹²⁷. Высмеивая их, В. И. Ленин указывал, что переход к социалистическому строю подготовлен долгой и упорной борьбой, что социальная революция в России имеет глубокие корни, «поэтому нет ничего смешотворнее, когда говорят, что дальнейшее развитие революции, дальнейшее возмущение масс вызвано какой-либо отдельной партией, отдельной личностью или, как они кричат, волей „диктатора“»¹²⁸.

Подкрепляя активную контрреволюционную деятельность против Советской власти подрывными идеологическими акциями, правые эсеры старались внушить читателям идеи о неизбежности краха большевизма вследствие узости его социальной базы и утопичности программы, построенной на почве «нереально оцениваемой действительности»¹²⁹. Тем не менее правые эсеры вынуждены были признать ряд достоинств партии большевиков, обеспечивших ее победу в Октябре 1917 г.: организованность, сплоченность, идейное единство, целеустремленность, умение работать с массами и влиять на них в нужном направлении¹³⁰. «Будем учиться у боль-

шевиков... решимости, настойчивости, последовательности», — призывал В. Лункевич¹³¹. Обвиняя свою партию в чрезмерной болтливости, неорганизованности, пассивности, требуя учиться у большевиков умению добиваться поставленной цели, эсеры были далеки, однако, от правильного понимания истоков этих качеств большевизма, которые определялись основными чертами революционного класса — промышленного пролетариата.

В эсеровской интерпретации событий, предшествовавших победе Октября, не было места борьбе классов, действиям широких народных масс. Основную линию развития в 1917 г. эсеры видели не в борьбе классов, а в столкновениях партий и их лидеров¹³². Это придавало эсеровским работам о революции поверхностный и примитивный характер. Массовые выступления трудящихся в мае, июне, июле 1917 г. оценивались как ненужные анархические действия, как факты, свидетельствовавшие о попятном движении революции, о гибели Февраля¹³³. Массовое революционное движение 1917 г. изображалось правыми эсерами с позиций свергнутых революцией классов, с барским высокомерием и пренебрежением к «охлосу», черни, «взбунтовавшимся рабам», не способным якобы к творческой созидательной работе, государственному строительству.

Такой же враждебно-обывательский характер носили нападки правых эсеров на диктатуру пролетариата, на Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, ставшие в России органами государственной власти. Будучи противниками диктатуры вообще, эсеры не понимали исторической необходимости и диктатуры пролетариата как важнейшего условия сохранения завоеваний революции и победы социализма. Они пытались характеризовать ее как ненужное и опасное для России явление, якобы противоречащее принципам народовластия, демократии и свободы. Разоблачая подобные утверждения, В. И. Ленин писал в 1919 г.: «Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не изучился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот»¹³⁴.

Главными аргументами правых эсеров против диктатуры пролетариата стали идеи о том, что в России диктатура этого класса невозможна ввиду его малочисленности, неорганизованности, низкого уровня сознательно-

сти и культуры. Не считаясь с историческими фактами, свидетельствовавшими о неисчерпаемых революционных возможностях российского пролетариата, его способности сплотить и повести за собой широкие трудящиеся массы, правые эсеры, как и до 1917 г., продолжали твердить, что рабочий класс якобы разрознен, обескровлен, обессилен, что он «не подготовлен к роли гегемона», не может вести за собой другие классы, не выражает интересов всех трудящихся¹³⁵.

Выступая против утверждений, что диктатура пролетариата в России обречена на гибель из-за узости ее социальной базы, В. И. Ленин говорил на III съезде Советов, что сознательные и бессознательные враги Советской власти без конца кричат, что «в России не может удержаться власть исключительно одного пролетариата». Отмечая несостоятельность подобного рода утверждений, В. И. Ленин убедительно разъяснял сущность этого вопроса. Он подчеркивал, что «в России может быть продолжительной только та власть, которая сумеет сплотить рабочий класс, большинство крестьян, все трудящиеся и эксплуатируемые классы в одну, неразрывно связанную между собой, силу, направленную против помещиков и буржуазии»¹³⁶.

Как и в других вопросах, правые эсеры не утруждали себя серьезной теоретической работой, глубоким и всесторонним анализом такого сложного социального явления, каким является диктатура пролетариата. Главную задачу они видели в том, чтобы утвердить в сознании масс идею утопичности и обреченности диктатуры пролетариата в такой стране, как Россия. Этот примитивный подход проявился и в тех определениях, которые правые эсеры пытались дать диктатуре пролетариата. Одни эсеровские авторы называли ее властью солдат, другие — властью пролетариата, изолированной от остальных социальных групп населения, третьи — диктатурой партии большевиков, четвертые — властью группы узурпаторов, пятые — «безвластием», враждебным «воле народа»¹³⁷.

Литература правых эсеров изобиловала рассуждениями о «демократии», «равенстве», «всеобщем избирательном праве». Однако о практических мерах, проводившихся Керенским при поддержке других соглашателей по ограничению тех демократических свобод, которые трудящиеся получили после победы Февральской революции, эсеры умалчивали, изображая себя поборниками демократии и обвиняя большевиков в ее нарушении.

В обстановке острой идеологической борьбы первых послереволюционных лет В. И. Ленин, большевики постоянно разоблачали эсеровские и меньшевистско-каутскианские нападки на диктатуру пролетариата, Советы и социалистическую демократию. В работах «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» и др. В. И. Ленин убедительно показал неспособность идеологов мелкой буржуазии разобраться в вопросах государства и диктатуры пролетариата. «Именно в этом пункте,— писал В. И. Ленин,— и сказался мелкий буржуа, для которого государство „все же таки“ есть нечто внеклассовое или надклассовое»¹³⁸. Правые эсеры не смогли увидеть коренной противоположности буржуазной и социалистической демократии. Проповедуя утопические лозунги «чистой демократии», они обнаруживали полное непонимание того, что «необходимым признаком, обязательным условием диктатуры является *насильственное* подавление эксплуататоров как *класса* и, следовательно, *нарушение* „чистой демократии“, т. е. равенства и свободы, *по отношению к этому классу*»¹³⁹. Подобно Каутскому, правые эсеры выступали против большевиков не как теоретики, а как сикофанты оппортунистов и буржуазии¹⁴⁰.

В. И. Ленин убедительно доказал, что в классовом обществе не может быть «чистой демократии», что социалистическая демократия является подлинно народным типом демократии, ибо она служит интересам всех трудящихся. Разоблачая опасность и вред эсеровских, меньшевистских и каутскианских требований «чистой демократии», «демократии вообще», «диктатуры демократии», В. И. Ленин говорил на VIII съезде РКП(б): «Только диктатура одного класса — пролетариата — может решить вопрос в борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат»¹⁴¹. С этих позиций В. И. Ленин и его соратники беспощадно разоблачали меньшевистско-эсеровскую болтовню о свободе, равенстве, народовластии¹⁴².

Враждебное отношение к диктатуре пролетариата обусловило негативные оценки большинством правых эсеров Советов, этих революционных органов государственной власти, отражавших народный характер Октябрьской революции. В эсеровской литературе сознательно искажа-

лись состав Советов, их функции и роль в жизни государства. Новой форме государственной власти правые эсеры противопоставляли утопические представления об Учредительном собрании как воплощении народовластия, идею «союза и единения» всех классов и сил общества под руководством «социалистической демократии», т. е. эсеров и меньшевиков.

В условиях громадной популярности Советов трудно было отрицать их значение, поэтому некоторые из правых эсеров вынуждены были давать им положительную оценку. Однако они пытались свести все многогранное значение Советов к организации масс в период подготовки и проведения революции. Советы рассматривались как временные институты революционного периода, подготовившие якобы своей деятельностью новый, «более высокий» тип органов управления страной¹⁴³. По мнению правых эсеров, Советы, выполнив свои функции, должны были уступить место более совершенным формам организации власти и в центре и на местах. Особенно враждебно относились правые эсеры к местным Советам. Они считали их ненужными, опасными, вредными институтами, способными лишь разрушить местное самоуправление. Советам как форме диктатуры пролетариата, единой системе организации государственной власти в масштабах всей страны эсеры противопоставляли свой мелкобуржуазный идеал управления — Учредительное собрание в центре и земское самоуправление на местах¹⁴⁴.

Вся эсеровская литература пронизана враждебными выпадами против Советов как органов диктатуры пролетариата. Эсеры изображали их случайными собраниями лиц, упрекали в отсутствии коллегиальности, отрыве от масс, бюрократизме, уничтожении демократических начал¹⁴⁵. Советская власть оценивалась как чуждая народу и демократии, как охлократическая система правления, принципом которой является разжигание гражданской войны¹⁴⁶. Разоблачая эти клеветнические измышления, В. И. Ленин писал в работе «Очередные задачи Советской власти», что буржуазные и мелкобуржуазные хулители Советской власти объявляют ее «просто чем-то нелепым, анархическим, диким, старательно обходя все наши исторические параллели и теоретические доказательства того, что Советы суть высшая форма демократизма»¹⁴⁷.

Как уже отмечалось, вопрос об Учредительном собрании занял одно из центральных мест в эсеровской литературе об Октябрьской революции. В оценках Учредитель-

ного собрания в полной мере проявились социальная сущность эсеровской теории, непонимание политических задач буржуазно-демократической и социалистической революции в России, игнорирование острой классовой борьбы. Утвердившаяся в России советская форма государственности рассматривалась правыми эсерами не как закономерное явление революционного процесса, а как временная власть переходного типа, на смену которой должно было прийти Учредительное собрание — олицетворение «общенародной» власти, «истинного народовластия»¹⁴⁸. Эсеры обрушили на большевиков потоки клеветы, обвиняя их в отказе от традиций русского освободительного движения, от идеи Учредительного собрания — идеала многих поколений революционеров России, в забвении интересов народа¹⁴⁹.

В. И. Ленин уделял большое внимание критике эсеровских взглядов на Учредительное собрание, считая этот вопрос одним из центральных в идейной борьбе тех лет. «Для социалистической революции, — писал он в „Проекте декрета о роспуске Учредительного собрания“ в 1918 г., — необходимы не так называемые „общенародные“ учреждения буржуазного парламентаризма, а классовые учреждения трудящихся и эксплуатируемых масс»¹⁵⁰. Не общенациональные, а только классовые учреждения типа Советов «в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества»¹⁵¹. Эсеровские теоретики не смогли, да и не хотели понять, что «организацией этих Советов создается нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции», что Советы, «которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это — форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран»¹⁵². Что касается Учредительного собрания, избранного по спискам, составленным еще до Октября, то оно отражало состояние политических сил в тот момент, когда у власти были соглашатели и кадеты¹⁵³. Идея Учредительного собрания, которую правые эсеры усиленно пропагандировали в своих изданиях, превращалась в лозунг, вокруг которого сплывались самые различные политические силы, боровшиеся против революции и диктатуры пролетариата¹⁵⁴. Еще в январе 1918 г. в речи о роспуске Учредительного собрания В. И. Ленин говорил, что под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» скрывается лозунг «Долой Советскую власть»¹⁵⁵.

Аргументы из арсенала политической борьбы против

большевиков, которую эсеры вели под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», они перенесли в свою историческую концепцию Октябрьской революции. Эсеры не поняли причин неизбежного краха Учредительного собрания в условиях диктатуры пролетариата. Его роспуск стал для них главным обоснованием необходимости ликвидации Октябрьской революции и возглавившей ее партии большевиков. Антиреволюционную сущность защиты правыми эсерами Учредительного собрания поняли даже левые эсеры¹⁵⁶.

Следует отметить, что идея восстановления буржуазных порядков появлялась в правоэсеровских изданиях, как правило, в завуалированном виде, ибо открыто агитировать за капиталистический строй правые эсеры не решались. Они тщательно скрывали свои истинные цели призывами к классовому миру, прекращению гражданской войны, восстановлению завоеваний Февральской революции, созданию «единого социалистического фронта», способного якобы вывести страну из кризиса и разрухи¹⁵⁷. Подобными акциями идеологического характера правые эсеры явно помогали российской реакции бороться против диктатуры пролетариата. «Меньшевики и эсеры,— писал В. И. Ленин в 1919 г.,— все без изъятия, помогают заведомым бандитам, всемирным империалистам, прикрашивая лжедемократическими лозунгами *их* власть, *их* поход на Россию, *их* господство, *их* политику»¹⁵⁸. Для прикрытия грязного, кровавого капиталистического дела, отмечал В. И. Ленин, они используют идеи народовластия, всеобщее, прямое, равное избирательное право, Учредительное собрание, свободу печати и т. д., оправдывая «этой „демократической“ ложью господство капиталистов»¹⁵⁹.

Таким образом, по всем основным вопросам истории Октября правые эсеры выступали как убежденные противники социалистической революции, как воинствующие антимарксисты. В их трудах о событиях 1917 г. не было ни объективного освещения фактов, ни глубокого анализа революционного процесса, завершившегося победой пролетариата. Центральное место в изданиях правых эсеров занимали враждебные выпады, клевета, передергивание фактов, необоснованные обвинения в адрес Советской власти и партии большевиков, с которой правые эсеры сводили счеты, оказавшись после Октября в положении политических банкротов. Идеологи и лидеры части мелкой буржуазии типа правых эсеров, зараженные иллюзиями надклассовой демократии, не могли противо-

поставить теории и политике Коммунистической партии позитивной программы развития революции, ибо решали все важнейшие проблемы с позиций мелкобуржуазного утопического социализма и реформизма.

Свою концепцию Октябрьской революции правые эсеры создавали и утверждали как противники социализма и марксизма-ленинизма. Однако особенно острый характер борьба приобрела по вопросам, связанным с социально-экономическим развитием страны после победы пролетариата.

Величайшей исторической заслугой большевиков было последовательное проведение радикальных революционных преобразований в интересах трудящихся масс города и деревни. Целенаправленная социально-экономическая политика Советской власти включала национализацию банков и крупной промышленности, ликвидацию помещичьего землевладения и частной собственности на землю, утверждение справедливых принципов распределения материальных и духовных ценностей и т. д. Уже в первый год диктатуры пролетариата происшедшие изменения были столь значительны, что позволили сделать вывод об успешном продвижении страны по пути радикальной перестройки народного хозяйства на принципах социализма.

Главное условие осуществления социальных задач революции Коммунистическая партия, ее руководство видели в разгроме контрреволюции и ликвидации попыток свержения рабоче-крестьянской власти, укреплении диктатуры пролетариата, упрочении союза рабочего класса и крестьянства, усилении руководящей роли пролетариата и его партии как авангарда всего революционного народа. В ходе успешного проведения в жизнь социально-экономической политики Советской власти реализовывалась марксистско-ленинская идея об органическом единстве политических и социальных задач революции социалистического типа.

С диаметрально противоположных позиций подошли к оценке социально-экономических мероприятий Советской власти правые эсеры. На заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. В. И. Ленин отметил: «Главным полем борьбы против нас для наших противников из мелкобуржуазного лагеря является поприще внутренней политики и экономического строительства; их орудие — подрыв всего того, что пролетариат декретирует и стремится осуществить в деле устройства организованного социалистического хозяйства. Здесь мелкобуржуазная стихия —

стихия мелких собственников и разнузданного эгоизма — выступает решительным врагом пролетариата»¹⁶⁰.

Социальную политику Советской власти правые эсеры пытались изобразить как отречение большевиков от социализма. Извращая факты, эсеры распространяли идеи о том, что политика Коммунистической партии не имеет ничего общего с социализмом и направлена на укрепление диктаторской власти большевиков¹⁶¹. Не отвергая марксистско-ленинское учение о социальной революции и переходном периоде, лидеры эсеров ссылками на К. Каутского¹⁶² старались ввести общественное мнение в заблуждение, утверждая, что якобы большевики обещали создать социализм сразу же после взятия власти пролетариатом, т. е. на другой день после революции. А поскольку этого не произошло (да и не могло произойти), то делался вывод, что большевики не способны «дать стране социализм». Октябрьская революция, твердили правые эсеры, не уничтожила полностью буржуазного строя, поэтому ее нельзя назвать социалистической¹⁶³. Выступая против утверждений подобного рода, которые поддерживали не только правые эсеры, но и «левые коммунисты», В. И. Ленин писал в статье «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности», что следует учитывать переходный характер экономики России, что «выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими»¹⁶⁴.

Эсеры заявляли, что происходившие в России изменения не имели ничего общего с борьбой за социализм¹⁶⁵. Рабочий контроль, являвшийся средством подготовки национализации промышленности, правые эсеры оценивали как фактор разрушения экономики, вызвавший беспорядки, хаос, закрытие предприятий. Национализацию банков, фабрик и заводов правые эсеры изображали в виде сознательной дезорганизации народного хозяйства. Они упрекали большевиков в заимствовании эсеровской аграрной программы, разжигании в деревне гражданской войны, насаждении произвола, насилия, разрушении сельскохозяйственной культуры¹⁶⁶, умалчивая о том, что впервые в истории России громадное количество малоземельных и безземельных крестьян получило землю на основе демократических принципов распределения, за которые эсеры сами ратовали задолго до революции. За временной хозяйственной разрухой эсеры не хотели видеть главного — колоссального социального прогресса деревни, ее

освобождения от пут феодальной, а частично и буржуазной эксплуатации. Все результаты социально-экономической политики Советской власти правые эсеры оценивали резко отрицательно, утверждая, что они якобы привели к расстройству всего народного хозяйства, разрушению единой народнохозяйственной организации, упадку производительных сил¹⁶⁷. В эсеровских изданиях хозяйственная разруха страны изображалась как следствие Октябрьской революции и политики большевиков¹⁶⁸. В «Письме к американским рабочим» В. И. Ленин, раскрывая классовый смысл подобных заявлений, отмечал: «Вслед за буржуазией эти господа любят обвинять нас в „хаосе“ революции, в „разрушении“ промышленности, в безработице и бесхлебье. Как лицемерны эти обвинения со стороны тех, кто приветствовал и поддерживал империалистскую войну или „соглашался“ с продолжавшим эту войну Керенским! Именно империалистская война виновата во всех этих бедствиях»¹⁶⁹.

Уже в первый год революции раскрылись громадные творческие возможности народа во всех сферах общественной жизни. Однако правые эсеры продолжали упорно отрицать успехи Советской власти. «Низкий уровень знаний и культуры, — рассуждали они, — слабая организованность и смутность представлений о сущности современной хозяйственной жизни, тяжесть жизни и жажда лучшего будущего — вот психологическая подкладка действий масс... Неизбежен поэтому был и неуспех революции в сфере ее непосредственных экономических приобретений»¹⁷⁰. Бесспорно, успехи рабоче-крестьянской власти во всех областях социалистического созидания могли бы быть более значительными, если бы мирному труду пришедшего к власти народа не мешала контрреволюция, на стороне которой выступали правые эсеры. Однако об этом эсеровская литература умалчивала, сваливая ответственность за все трудности на Советское государство и трудящиеся массы.

Оценивая состояние народного хозяйства первых послереволюционных лет, правые эсеры сознательно объединяли объективные трудности, связанные с разрухой, с фактами революционного разрушения старого и созидания нового общественного строя. Ликвидацию помещичьего землевладения, царской армии, органов центральной и местной государственной власти, дореволюционного законодательства и другие мероприятия Советской власти правые эсеры оценивали как хаос, отрицая созидательный

характер революционной политики победившего пролетариата¹⁷¹.

Правые эсеры нередко называли свое отношение к Советской власти оппозиционным¹⁷². На самом деле это была типичная платформа мелкобуржуазной контрреволюции, ставившей целью ликвидацию революционных завоеваний под прикрытием лозунгов борьбы за «общенародную власть ради защиты родины». Экономист Н. Огановский, часто выступавший на страницах эсеровских изданий, заявлял, что власть, которая «ставит себе задачей спасение Родины, не может быть ни единоличной, ни классовой, а должна быть общенародной»¹⁷³. Выдвигая в противовес диктатуре пролетариата утопическую идею «общенародной власти», эсеры подводили под нее определенную классовую базу. Социальной политике Советской власти правые эсеры противопоставляли свои представления о перспективах развития страны. Они связывали ее будущее с крестьянством, оценивая его как единственную общественную силу, способную «спасти Россию от гибели»¹⁷⁴ и привести страну к социализму, естественно, в эсеровском понимании. Некоторые из правых эсеров считали, что поскольку крестьянство составляет большинство населения, то стране нужна диктатура этого класса¹⁷⁵. Отрицая творческие возможности пролетариата, который эсеры рассматривали как класс-разрушитель, они доказывали, что только крестьянство является классом-созидателем. Этот тезис стал преобладающим в оценке правыми эсерами социально-экономической политики Советской власти и путей дальнейшего развития страны.

Чтобы доказать преимущества крестьянства, способного якобы ликвидировать классовые конфликты и привести враждующие силы к желаемому компромиссу, некоторые из правых эсеров даже склонны были «признать» значительную роль пролетариата в Феврале, Октябре и последующих событиях, где он показал себя активной и решительной силой. Однако в конечном счете, заявляли они, рабочий класс оказался неподготовленным «для планомерного хозяйства в государственном масштабе». Отсюда делался вывод, что только крестьянство может «спасти» революцию, вернуть завоевания Февраля, возглавить социальное творчество народа¹⁷⁶.

Выступая против подобных утверждений, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что мелкобуржуазные слои, мелкие хозяйчики с их колебаниями, метаниями, отчаянием не могут быть основой для социалистического строи-

тельства. «Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой социальной базе никакого социализма построить нельзя»¹⁷⁷. Только рабочий класс под руководством Коммунистической партии мог возглавить и повести трудящиеся массы к социализму. Однако правые эсеры вопреки историческим фактам продолжали утверждать, что главной, ведущей силой социалистического строительства должно стать крестьянство¹⁷⁸. При этом они уповали на то, что «здравый крестьянский ум» и привычки к общинным переделам «должны в большинстве случаев привести крестьян к более или менее мирному улаживанию конфликтов»¹⁷⁹.

Таким образом, будущее страны правые эсеры связывали с классом мелких собственников, а следовательно, с реставрацией капиталистических порядков. В этом был объективный смысл их выступлений.

Октябрьская революция в освещении группы «Народ»

Как уже отмечалось, у правых эсеров отсутствовали единство и последовательность в оценке событий и фактов, связанных с победой пролетариата в октябре 1917 г. Расхождения во взглядах на революцию у отдельных групп эсеров были подчас весьма существенными, а по мере обострения классовой борьбы они заметно углублялись. Об этом свидетельствовала и позиция так называемого меньшинства партии социалистов-революционеров, или группы «Народ», появившейся в конце 1918 — начале 1919 г.

Советские историки проделали значительную работу по изучению истории образования этой группы, ее взаимоотношений с партией правых эсеров, политики Коммунистической партии по отношению к социалистам-революционерам, отказавшимся от борьбы против Советской власти¹⁸⁰. В появившемся в 1982 г. обзоре литературы о группе «Народ» М. Н. Петров попытался определить дальнейшие пути изучения эсеров-народовцев¹⁸¹. Однако среди рассматриваемых в литературе вопросов не получили достаточного освещения идейно-теоретическая платформа группы, ее связь с конкретной практической деятельностью, а также проблема краха эсеров-народовцев. Между тем эти вопросы имеют принципиальное значение, поскольку появление группы «Народ» свидетельствовало об углублении процесса

распада партии правых эсеров, а также о глубоком кризисе, который переживала эсеровская идеология. Переоценивалась, как справедливо отмечают некоторые советские историки¹⁸², не только тактика правых эсеров, но и основополагающие оценки, связанные с отношением к Октябрьской революции и гражданской войне, деятельности партии эсеров в 1917 г. Немаловажное значение имел и тот факт, что ни одна из эсеровских групп не выпустила такого количества литературы с разоблачением деятельности правых эсеров в 1917 г. и в период гражданской войны, как группа «Народ», члены которой отказались от враждебного отношения к Октябрьской революции и признали полный теоретический и политический крах партии правых эсеров.

Постоянно интересуясь вопросом о состоянии мелкобуржуазного лагеря, В. И. Ленин тщательно изучал материалы, относившиеся к группе «Народ», что способствовало выработке РКП(б) правильной линии по отношению к различным слоям мелкой буржуазии, активному воздействию на ее поведение¹⁸³. Неизбежность перехода части мелкой буржуазии от враждебности к нейтралитету, а затем к поддержке Советской власти В. И. Ленин предвидел еще осенью 1918 г. Он отмечал важнейшие причины этого явления: ликвидация Брестского мира, вызванная революцией в Германии, разоблачение англо-французского и американского империализма, выступавшего активным противником социалистической революции в России, крушение буржуазно-демократических иллюзий, связанных с верой в Учредительное собрание и демократию западного типа¹⁸⁴. Определенная часть мелкой буржуазии, вставшая вначале на путь поддержки буржуазно-монархической реакции, в ходе гражданской войны убедилась в том, что контрреволюция опасна не только для Советской власти и революционных завоеваний народа, но и для мелких собственников, получивших землю после победы Октября, что Колчаки и Деникины расправляются не только с коммунистами, но и с мелкобуржуазными демократами. Временные успехи контрреволюции, поддержанной империалистами стран Запада, заставили часть правых эсеров пересмотреть свое отношение к Октябрьской революции и деятельности своей партии. Опыт участия в гражданской войне под лозунгом восстановления власти Учредительного собрания убедил наиболее дальновидных из правых эсеров, что в борьбе между пролетариатом и буржуазией не

может быть «третьего пути», а лозунги «чистой демократии» и «демократии для всех» стали лишь прикрытием попыток реставрации власти помещиков и буржуазии¹⁸⁵.

Часть правых социалистов-революционеров встала на путь отказа от борьбы против Советской власти, пересмотрев свои прежние программные и тактические установки. Во главе группы «Народ» были члены ЦК партии эсеров Н. И. Ракитников, К. С. Буревой, члены Учредительного собрания В. К. Вольский (лидер группы), Н. В. Святицкий, Н. А. Шмелев и др. Разрыв группы «Народ» с партией правых эсеров проявился в призывах прекратить борьбу против Советской власти, мобилизовать силы для разгрома контрреволюции, грозившей гибелью революционным завоеваниям народа. Народовцы выдвинули лозунг «объединения революционной демократии для прекращения гражданской войны», для организации отпора контрреволюции и иностранной интервенции¹⁸⁶.

За непродолжительное время существования группы «Народ» (1919—1922 гг.)¹⁸⁷ ее идеологи не создали значительных трудов о революции. И тем не менее активная литературная и агитационно-пропагандистская деятельность эсеров-народовцев позволяет с полным основанием утверждать, что в основе их политической платформы лежала переоценка событий 1917 г.

Большинство теоретиков группы «Народ» рассматривали события февраля — октября 1917 г. как победу единой российской социальной революции. Октябрьская революция, писал К. Буревой, явилась следствием того, что ряд задач остался нерешенным в Феврале 1917 г. «Лозунг „Земли и воли!“ — по словам К. Буревой, — вошел в плоть и кровь народного сознания»¹⁸⁸. В изображении идеологов группы «Народ» революционные массы боролись в 1917 г. только под эсеровскими лозунгами, которые в Феврале и Октябре были идентичными. Такая установка позволяла им обосновать тезис о единстве задач Февральской и Октябрьской революций. Основные завоевания революции Буревой усматривал в том, что земля превратилась в народное достояние, революция отобрала у эксплуататоров заводы, фабрики, банки, крестьяне стали участвовать в управлении страной¹⁸⁹. Не проводя принципиального различия между Февралем и Октябрем, эсеры-народовцы создали концепцию «единой Великой российской революции», заметно отличающуюся на первый взгляд от трактовок правых эсеров. Однако на деле в этих концепциях было много общего.

Главным событием 1917 г. идеологи группы, как и правые эсеры, считали Февраль. И Февральскую и Октябрьскую революции, по их представлениям, совершил народ — рабочие, крестьяне, солдаты¹⁹⁰. В концепции эсеров-народовцев Февраль и Октябрь были объединены лозунгом «Земля и воля». Такой подход позволял изобразить революцию «трудовой», народной, «социальной»¹⁹¹. Все эти оценки не выходили за пределы традиционных народническо-эсеровских воззрений.

Теоретики группы «Народ» писали о большом международном значении Октябрьской революции, называли ее «авангардом зачинающейся мировой революции, наиболее надежным оплотом социально-революционных сил всей Европы». С того времени, утверждал Святицкий, началось строительство «нового трудового, социалистического строя»¹⁹².

Из этой трактовки революции вытекала иная, чем у правых эсеров, оценка деятельности Советской власти и сущности гражданской войны. Идеологи группы «Народ» не поняли существа и неизбежности диктатуры пролетариата, были ее противниками. Однако временные успехи контрреволюции привели их к выводу о необходимости твердой власти, т. е. диктатуры, для защиты завоеваний революции. Орган эсеров-народовцев «Объединение» писал в 1919 г.: «Вместе с тем для нас стало ясно, что диктатура Советов в период напряженной классовой борьбы революции исторически необходима». Теоретики группы стали упрекать лидеров партии правых эсеров в непонимании целого ряда важных проблем, в неспособности изменить тактику в новой обстановке. В этом они усматривали причину того, что партия правых эсеров «осталась у разбитого корыта»¹⁹³.

С изменившейся оценкой революции была связана и иная трактовка сущности гражданской войны 1918—1920 гг. Большинство лидеров группы рассматривало ее как борьбу реакционных сил против совершившего революцию народа, за восстановление основ старого, буржуазно-помещичьего строя¹⁹⁴; в гражданской войне, по их мнению, боролись две силы: лагерь революции во главе с Советской властью и силы контрреволюции, поддержанные иностранной интервенцией¹⁹⁵. «Реакция, — справедливо писал Буревой, — готова была заплатить за реставрацию любой ценой»¹⁹⁶. В одном лагере с контрреволюционерами оказались меньшевики и эсеры. Демократические партии во главе с социалистами-революцио-

нерами, отмечал Буревой, начали с большевиками вооруженную борьбу, что «было гибельной ошибкой со стороны демократии»¹⁹⁷. Решительно осудил Буревой и «вызывающий акт Сибирского правительства о восстановлении частной собственности», явившийся «тяжелым ударом по делу борьбы за народовластие»¹⁹⁸.

В обстановке острой классовой борьбы, непримиримого идейного противоборства сил революции и реакции выступления группы «Народ» против контрреволюции и ее пособников — правых эсеров имели определенное положительное значение. Их литературная деятельность способствовала просвещению масс. Издания группы «Народ» при всей несостоятельности народнических объяснений сущности революции и следовавших за ней событий содержали ценные фактические сведения. Они разоблачали контрреволюцию, участие правых эсеров в антисоветских организациях, показывали отход от них трудящихся масс¹⁹⁹. Осуждая политическую линию правых эсеров в 1917 г., Н. Святицкий писал, что «доброе согласие» трудовой демократии с буржуазией кончилось тем, что революционный народ, уставший ждать «мирной» революции, совершил насильственную: низверг в октябре 1917 г. последнее коалиционное правительство²⁰⁰. Революция, по мнению группы «Народ», вызвала идейный и организационный разброд в партии эсеров, которая не выдержала сурового экзамена, а ее ЦК оказался неспособным решать поставленные революционной борьбой задачи²⁰¹. Выдвинутый эсерами лозунг Учредительного собрания, по мнению Буревского, стал лозунгом борьбы против Советской власти²⁰². Все поведение партии правых эсеров и ее ЦК группа «Народ» расценила как предательство революции²⁰³.

Правозероветскому требованию всеобщего избирательного права народовцы противопоставили принцип «трудового избирательного права», а лозунг Учредительного собрания заменили призывом к объединению «всех истинно революционных партий» вокруг Советов для сохранения завоеваний революции. Однако Советы группа «Народ» рассматривала не как органы государственной власти, боровшиеся под руководством партии большевиков, а как форму организации широких масс во главе с «трудовой демократией»²⁰⁴. Как и все эсеры, идеологи группы «Народ» связывали будущее России с деревней, с поддержкой Советской властью индивидуального крестьянского хозяйства как основы социализма²⁰⁵.

Таким образом, теоретическая платформа и практическая деятельность группы «Народ» были непоследовательны и противоречивы. Это отражалось и в критике правых эсеров, и в концепции Октябрьской революции, и в понимании задач социалистического строительства. Деятельность группы «Народ» и ее самоликвидация в 1922 г. свидетельствовали об организационном и идейном распаде сил мелкобуржуазной контрреволюции, потерпевшей закономерное поражение в острой схватке между лагерями социалистической революции и буржуазно-монархической реакции. Гибель партии правых эсеров и группы «Народ» была predetermined не «вероломной тактикой» большевиков, как пытались в свое время доказать представители белой эмиграции, а вслед за ними реакционные буржуазные историки Запада. Ее главными причинами явились отказ мелкобуржуазных слоев города и деревни от поддержки контрреволюции, их переход на позиции соглашения с пролетариатом. Лидеры правых эсеров не поняли объективного и закономерного характера этого поворота, перестали отражать устремления масс и тем самым обрекли себя на неизбежную гибель, превратившись в политических банкротов и политиканов-эмигрантов.

Об этом убедительно свидетельствовали материалы процесса 1922 г., когда группа правых эсеров была привлечена к уголовной ответственности за участие в контрреволюционной деятельности. Естественным итогом процесса был отход от правых эсеров рядовых членов, которые смогли убедиться на фактах в истинных намерениях и действиях бывших лидеров этой партии²⁰⁶. «Самым сильным моим желанием,— писал К. Буревой,— стало провалиться сквозь землю на время процесса, чтобы не участвовать в нем ни в качестве обвиняемого, ни в качестве свидетеля»²⁰⁷. Партия эсеров, отмечал Буревой, «перестала быть партией, она превратилась во враждующие друг с другом группировки. Процесс был сплошной демонстрацией провалов политики партии с.-р.»²⁰⁸.

Буревой не смог сделать вывод о том, что процесс продемонстрировал полный крах эсеровской теоретической и политической доктрины, эсеровской концепции революции. Однако он заметно приблизился к пониманию этой проблемы. «Самое сильное поражение,— признался он,— потерпел на процессе террор... Он поражает разложением те партии, которые его применяют»²⁰⁹. Буревой обвинял ЦК партии эсеров в заимствовании веховской

концепции революции, идеи о центробежных и центростремительных силах в революции. ЦК партии эсеров, с возмущением писал он, «выдавал эту маниловщину за взгляды партии, вызывая в массах превратные понятия о революции»²¹⁰. Вожди партии, по мнению Буревой, не хотели видеть созидательной силы революционного народа.

Поражение партии эсеров Буревой, как и другие деятели группы «Народ», объяснял тем, что она «не отобрала земли у помещиков, не повела активной, направленной к ликвидации войны внешней политики и не захватила власть в собственные руки». Этот перечень ошибок завершался весьма примечательным выводом: «Но ведь признанием этих ошибок подтверждается правильность революционной большевистской политики в 1917—1918 гг. В этом вся трагедия социалистов-революционеров»²¹¹. И хотя объяснения Буревой были далеки от понимания классовой природы политики партии эсеров, обусловившей все названные выше «ошибки», тем не менее подобные выступления имели важное политическое значение для разоблачения антинародной деятельности правых эсеров, продолжавших поддерживать контрреволюцию.

Разрыв таких деятелей, как Буревой, Семенов и др., с партией правых эсеров и отказ от враждебного отношения к Советской власти, Октябрьской революции, признание правильности политической линии большевиков были наглядным показателем краха теории и политики эсеров. Подводя итоги борьбы с иллюзиями мелкобуржуазной демократии, В. И. Ленин говорил на собрании партийных работников 27 ноября 1918 г.: «Нам пришлось разбить мелкобуржуазную иллюзию о том, что народ есть нечто единое и что народная воля может быть выражена в чем-либо ином, вне классовой борьбы»²¹².

*

Как показывает критический анализ правозсеровской литературы, появившейся в 1917—1922 гг., ее главной темой стали Октябрьская революция и последовавшие за ней события. В процессе создания концепции Октябрьской революции правые эсеры опирались на народническую систему взглядов на общественное развитие и политическую доктрину, сложившуюся у них в ходе революционных событий 1917 г. Ее несостоятельность была обнаружена всем ходом классовой борьбы, победой про-

летариата в 1917 г. Из теоретического и политического краха правые эсеры не смогли сделать правильных выводов, переосмыслить прежнюю идейно-теоретическую платформу, объективно проанализировать итоги борьбы, причины своего поражения. Напротив, еще с большей настойчивостью лидеры правых эсеров продолжали отстаивать свои прежние убеждения, утверждая вопреки фактам, что они якобы выдержали проверку временем.

Исчерпав свои революционность и демократизм на буржуазно-демократическом этапе российской революции, правые эсеры враждебно встретили приближение и победу пролетарской революции, не смогли ни понять, ни принять ее закономерного характера и исторической неизбежности, превратились в рьяных врагов Советской власти и диктатуры пролетариата. Эта враждебная позиция определила все содержание правоэсеровской концепции Октября. Борьба против Советской власти стала главной задачей всей деятельности правых эсеров — историков, литераторов, публицистов, настойчиво подкреплявших идеологическими акциями вооруженную борьбу мелкобуржуазной контрреволюции. Эти два направления деятельности правых эсеров органически вливались в единый фронт враждебных выступлений против победившего пролетариата. Поэтому главные идеи всех писаний правых эсеров о Феврале и Октябре совпадали с оценками идеологов буржуазии, о которых Н. И. Бухарин писал в 1917 г., что они делят все революции на «славные революции» и «великие бунты». «Славными» они называют те революции, в процессе свершения которых рабочие и крестьяне таскают своими руками каштаны для буржуазии, а о бунтах говорят тогда, когда трудящиеся не хотят ограничиваться такой скромной ролью, когда они идут дальше границ, установленных буржуазией. Поэтому для этих идеологов Февраль — революция светлая, лучезарная, общенациональная, а Октябрь — бездушная, узкоклассовая, насильническая, вандалская, заговорческая, «без грана идеализма». И далее он писал, что «отставные вожди мелкой буржуазии во время героической борьбы способны лишь на одно „творчество“: изобретение новых бранных слов»²¹³.

С целью ликвидации Советской власти и дискредитации партии большевиков, подрыва авторитета среди масс правые эсеры постоянно применяли клевету, ложь, злобные выпады, угрозы, демагогию, дезинформацию, извращение фактов, т. е. все средства и формы борьбы, к которым обычно прибегают самые реакционные силы общест-

ва, обреченные историей на поражение. Как это было в революциях XVIII—XIX вв. с деятелями, связавшими свою судьбу с защитой отжившего феодального строя, у правых эсеров, участников исторических событий 1917 г., не оказалось ни прогрессивной исторической доктрины, ни способности учесть опыт классовой борьбы прошлого, ни объективных оценок революционной действительности и своего места в классовой борьбе, в исторических событиях периода Февраля и Октября. По мере разгрома сил контрреволюции и упрочения Советской власти деятельность эсеровской пропаганды сокращалась, рушились выработанные стереотипы и оценки революции, уменьшалось их влияние на различные социальные слои. Это был закономерный итог идейной эволюции мелкобуржуазной демократии, представители которой связали свою судьбу с силами белогвардейского лагеря. Теоретическая несостоятельность воззрений правых эсеров, последовательная борьба В. И. Ленина, большевиков против правых эсеров и их фальсификаций истории Октября, самоликвидация группы «Народ» и самороспуск партии правых эсеров²¹⁴ — все это обусловило идейно-политический и организационный крах партии правых эсеров.

Определенная часть лидеров и теоретиков правых эсеров, потеряв опору в стране и надежды на подпольную антисоветскую деятельность, обосновалась за границей, где продолжала в 20—60-е годы свою литературную антисоветскую деятельность на средства империалистической буржуазии. Эсеровская эмиграция стала поставлять «идеи» и «факты» для различных течений буржуазной историографии, которая активно использовала их в борьбе против социализма и марксизма-ленинизма.

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ
ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Еще в годы первой мировой войны в партии эсеров наметились два течения: правое, оборонческое, социал-шовинистическое и левое, интернационалистское. Раскол партии по политическим и тактическим вопросам углубился после свержения самодержавия, в связи с оценкой итогов Февральской революции, политики Временного правительства и перспектив дальнейшей борьбы.

В. И. Ленин внимательно следил за размежеванием в партии эсеров, рассматривая его с точки зрения борьбы классов и общего процесса полевения масс. В сентябре 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что среди мелкобуржуазных демократов, которые не могут не колебаться между пролетариатом и буржуазией, «объективным показателем поворота являются усиление, укрепление, развитие революционных интернационалистских течений: Мартов и др. у меньшевиков, Спиридонова, Камков и пр. у эсеров»¹. В. И. Ленин рассматривал усиление левого крыла эсеров и меньшевиков после июльских событий 1917 г. как один из «вернейших объективных признаков того, что пролетариат *не* изолирован»².

Как отмечает К. В. Гусев, революционная ситуация 1917 г. «углубила кризис партии эсеров, поставила на повестку дня вопрос о прямом ее расколе, сделав его, по сути дела, неизбежным»³. Эта неизбежность была обусловлена прежде всего победой пролетарской революции, поставившей перед мелкобуржуазной демократией и ее лидерами проблему выбора⁴. С кем идти? С победившим пролетариатом или со свергнутой революцией буржуазией? Представители различных течений мелкобуржуазной демократии, в том числе и народничества, по-разному отвечали на этот важный с политической точки зрения вопрос.

Так, левые эсеры не раз заявляли, что образование внутри партии социалистов-революционеров нескольких течений свидетельствует о «различном понимании стоя-

щих перед русской революцией задач». Расхождения между правыми и левыми, отмечал лидер левых эсеров Б. Камков, произошли по всем вопросам, поставленным революцией⁵. Объяснение этого важного факта эволюции мелкобуржуазной демократии левые эсеры сводили к идейным расхождениям, не понимая того, что за ними стоят позиции различных социальных слоев крестьянства, получавшие теоретическое обоснование в платформах правых и левых эсеров. Советские историки еще недостаточно глубоко изучили эту важную проблему, что отражается в различных точках зрения на социальную природу правых и левых эсеров, их роль и влияние на события 1917—1918 гг. К. В. Гусев считает, что в ноябре 1917 — июле 1918 г. партия левых эсеров была наиболее многочисленной и сильной мелкобуржуазной партией, дольше других сохранявшей известное влияние на некоторую часть трудового крестьянства⁶. Существуют и другие точки зрения, в том числе мнение о кулацкой природе этой партии⁷.

Лидерами и организаторами партии левых эсеров являлись Б. Д. Камков (Кац), М. А. Спиридонова, М. А. Натансон (Бобров), Г. Д. Закс и др. Крупных теоретиков народничества в ее рядах не было, однако выступления С. Д. Мстиславского, В. Е. Трутовского, Р. В. Иванова-Разумника, И. З. Штейнберга, Б. Д. Камкова, В. А. Карелина и др. по вопросам социализма, классовой борьбы и революции позволяют охарактеризовать взгляды идеологов тех слоев мелкой буржуазии, которые после определенных колебаний признали Октябрьскую революцию и встали на путь поддержки Советской власти, ее внутренней и внешней политики. Главным источником для изучения взглядов левых эсеров на Октябрьскую революцию являются статьи и очерки, опубликованные на страницах левозэсеровских газет и журналов, а также популярные брошюры, рассчитанные на массового читателя. Ценные материалы содержат также протоколы и резолюции съездов левых эсеров, документы, связанные с обсуждением политической платформы партии и ее тактики, работы по истории создания левозэсеровской организации, написанные ее лидерами.

Как и правые эсеры, партия левых эсеров не была единой в идейном отношении, что значительно затрудняет анализ левозэсеровских воззрений на Октябрьскую революцию. Поэтому в данной главе рассматриваются лишь наиболее типичные для левых эсеров взгляды,

отражавшие классовую природу этого идейного течения и получившие относительно широкое распространение в изданиях 1918—1921 гг. При всем стремлении лидеров левых эсеров изобразить идейную платформу партии как нечто цельное в оценках Октябрьской революции и социальной политики Советской власти в ней четко проявлялись две ведущие тенденции. Одна (Р. В. Иванов-Разумник, И. З. Штейнберг, Б. Д. Камков и др.) отражала стремление к сближению правого крыла левых эсеров с идейной платформой правых эсеров. Представители другой тенденции (Г. Д. Закс, А. М. Устинов, С. Рудаков, Н. А. Полянский и др.) пропагандировали взгляды, свидетельствовавшие об их дальнейшем полевении и сближении по ряду вопросов с позицией большевиков.

При всех расхождениях в трактовках вопросов истории Октября и путей построения социализма у левых эсеров оставалась единая с правыми идейно-теоретическая платформа в виде народнической социологической концепции. Общей была и концепция крестьянского социализма, основой которой оставалось убеждение в том, что крестьянство способно привести человечество к социализму, хотя доводы левых и правых эсеров заметно отличались друг от друга. В. И. Ленин назвал левых эсеров хранителями «учения, программы и требований социалистов-революционеров», партией, которая «осталась верна интересам трудящегося крестьянства»⁸. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Ленин охарактеризовал левых эсеров как наиболее радикальных, наиболее революционных, наиболее близких к пролетариату буржуазно-демократических идеологов крестьянства⁹. Не понимая истинных причин краха партии эсеров, левые социалисты-революционеры видели свою главную задачу не в обосновании новой, самостоятельной идейной платформы, а в защите традиций и идеалов народничества, которым якобы изменили правые эсеры.

Основные усилия лидеры левых эсеров сосредоточили на доказательстве необходимости и неизбежности разрыва с правыми эсерами, ставшими пособниками буржуазии, и с марксизмом, под влияние которого попали некоторые члены их партии. И хотя часть левых эсеров склонна была занимать более или менее лояльные позиции по отношению к марксизму, в целом и в этой партии преобладало четко выраженное враждебное отношение к теории научного коммунизма. Большинство идеологов левых

эсеров постоянно подчеркивали и демонстрировали свое неприятие марксизма-ленинизма, особенно научной концепции социализма, классовой борьбы в деревне, трактовки крестьянства как класса мелкой буржуазии. Провозглашая терпимость к философским взглядам членов своей партии, лидеры левых эсеров в то же время требовали устранения из теоретической части партийной программы «остатков» марксизма. Они усматривали их в наличии в программе «принципов развития производительных сил», «гипотезы диалектического развития производительных сил» и др.¹⁰

Левые эсеры не только не понимали и не признавали значения марксистско-ленинского учения для революционной практики, но и неоднократно выступали на страницах своих изданий с «опровержением» различных положений научного коммунизма. Так, с выпадами в адрес марксизма в 1918 г. выступал П. П. Прошьян. Он старался доказать, что жизнь якобы опровергла это учение а большевики ему «изменили», признав «трудовое крестьянство» главной движущей силой социалистической революции в России¹¹.

С враждебных позиций оценивали ведущие теоретики левых эсеров ленинскую теорию империализма. Марксистской трактовке проблем империализма один из левозеро-вских теоретиков, В. Трутовский, противопоставлял широко распространенное в реформистской и буржуазной литературе понимание империализма как захватнической политики¹². В империализме ему виделось лишь «стремление подчинить или объединить человечество или его большую часть под чьей-либо властью», он отождествлял его с «древнеримским империалистическим государством», «католической церковью», «господством Наполеона», «славянофильско-византийской тенденцией самодержавной России»¹³.

Левые эсеры, как и правые, упрекали марксистов в «узости» и «ограниченности», стремились доказать, что марксизм «нуждается в существенных изменениях», что он не дает ответа на вопрос о роли развивающихся стран в мировом революционном процессе¹⁴. И хотя в выступлениях против марксизма Трутовского, Прошьяна и др. не было оголтелого злопыхательства, однако это ни в коей мере не меняет сущности их позиции — отрицательного отношения к теории исторического материализма, стремления умалить значение марксизма-ленинизма как подлинно революционной теории.

Подобно правым эсерам, левые противопоставляли марксизму-ленинизму народническую доктрину, утверждая, что лишь руководствуясь ею народные массы освободятся от эксплуатации и создадут социалистическое общество. С целью утверждения эсеровской концепции революционной борьбы широко использовались приемы сознательного искажения отдельных положений марксизма. Так, Трутовский, отождествляя позиции большевиков и меньшевиков, приписывал первым идею об абсолютной отсталости России, взгляды о «неизбежности и необходимости развития до конца капитализма во всех странах»¹⁵. Он пытался оспаривать ленинские оценки Февральской революции как буржуазной, взгляд на пролетариат как последовательно революционный класс капиталистического общества и гегемона трудящихся масс в борьбе за демократию и социализм¹⁶. Трутовский обвинял В. И. Ленина в пропаганде «субъективного метода в социологии», упрекал в отрицании союза рабочего класса и крестьянства, в «бланкизме» и «максимализме»¹⁷.

В связи с подготовкой ко 2-му съезду партии (апрель 1918 г.) левые эсеры пытались поставить вопрос о пересмотре программы социалистов-революционеров. Однако эти попытки оказались безрезультатными, поскольку подход к решению теоретических проблем оставался прежним. Левые эсеры продолжали настаивать на необходимости учета «этических моментов», роли «личного начала» при оценке социально-исторических событий, подчеркивали, что главной в теории социализма является не экономическая, а этическая проблема, что ликвидации классов для достижения социализма недостаточно¹⁸. Оставаясь верными учению Лаврова и Михайловского, левые эсеры много писали о важности включения в программу таких вопросов, как «переход к социализму путем революционного активизма», теоретическое обоснование «философского учения о порыве» и т. п.¹⁹

Представители левых эсеров без каких-либо оснований не раз заявляли о том, что различия между их партией и большевиками все время сглаживаются, что обе партии являются сторонниками «социального переворота». «Правда, мы, — писал Трутовский, — сторонники учения Лаврова и Михайловского, а марксисты — критики субъективной школы, но разве теперь это различие может иметь серьезное значение»²⁰. Непонимание левыми эсерами принципиальной разницы между теорией марксизма-ленинизма

и эклектической народнической концепцией проходит через все их труды о революции²¹.

Однако под влиянием марксистов в трактовке ряда вопросов теории левых эсеров делали все же некоторые, хотя и весьма робкие шаги в сторону марксизма. Это проявилось в стремлении разобраться в проблеме экономических предпосылок революции. В левозеро-вской литературе стали чаще появляться такие понятия, как «империалистическая фаза развития», «трестирование промышленности», «борьба за рынки и сырье», «колонизальная политика», рассуждения о борьбе за раздел мира, усилении угрозы международных столкновений и т. д. Однако большинство теоретиков левых эсеров продолжали рассматривать империализм лишь как захватническую политику буржуазии²². Их теория оставалась непоследовательной и противоречивой, а ее основные выводы использовались для подтверждения народнической концепции ведущей роли крестьянства в революциях начала XX в.²³

Под влиянием революционных событий 1917 г. левые эсеры вынуждены были признать, что классовая борьба стала главным фактором общественного развития²⁴. Но дальше этого их теоретики пойти так и не смогли. Они продолжали отстаивать свои мелкобуржуазные воззрения, оперируя такими внеклассовыми понятиями, как «трудовые классы», «трудовой народ», «вечная борьба бедных и богатых, имущих и лишенных собственности», «братское сотрудничество равноправных производителей» и т. п.²⁵ Такой подход к теоретическим проблемам общественного развития, естественно, не мог дать серьезных результатов. Пересматривая важнейшие постулаты народнической социологии, некоторые левые эсеры исключали из рядов революционного народа интеллигенцию, которую совсем недавно считали гегемоном освободительного движения. Поводом для этого стал саботаж буржуазной интеллигенции, который эсеры расценивали как попытку сорвать завоевания революции²⁶.

Некоторые из левых эсеров весьма критически оценивали состояние теоретической деятельности партии. Так, член ЦК партии Трутовский отмечал, что разработкой теоретических вопросов долгое время занимались только правые эсеры. Он признавал, что партия эсеров не успевала осмысливать стремительно развивавшиеся события: «Ее догмы застыли, не поспевая за быстро растущей жизнью. И это означало смерть партии как партии

революции и социализма». Трутовский писал, что 1917 г. партия эсеров встретила с тем же идейным багажом, какой она имела в 1907 г., «ничего не прибавив в понимании происходящего исторического процесса». Он отмечал «скудность результатов» теоретической работы последнего десятилетия, игнорирование партией таких вопросов, как империализм, колониальная политика и др.²⁷ Однако дальше констатации бессилия партии эсеров в области теории лидеры левых эсеров пойти не смогли. Все это свидетельствовало о том, что расхождения между правыми и левыми эсерами касались не теории, а лишь политической доктрины, т. е. оценки происходивших событий и понимания задач и тактики революционной борьбы, перспектив развития революции в России, тогда как классовая сущность и гносеологические корни мировоззрения левых эсеров оставались теми же, что и у правых.

В статье «Памяти тов. Прошьяна», опубликованной в «Правде» 20 декабря 1918 г., характеризуя личность этого видного деятеля партии левых эсеров, В. И. Ленин отмечал, что Прошьян при всей его глубокой преданности революции и социализму и убежденной поддержке большевиков оставался верен «идеологии русских народников, идеологии несоциалистической»²⁸. В народнической доктрине В. И. Ленин видел корни расхождения Прошьяна и других левых эсеров с большевиками. Они проявились в отношении к Брестскому миру, в переходе от сотрудничества с Советской властью к враждебности, в организации контрреволюционного заговора против Республики Советов летом 1918 г. В. И. Ленин приводил эти факты в качестве примера того, «как разногласия в общих основах миросозерцания с неизбежностью проявили себя при трудном повороте истории. Субъективизм народников привел к роковой ошибке даже лучших из них»²⁹.

Для правильного понимания основ левозсеровской идеологии В. И. Ленин требовал последовательно проводить принцип классового анализа, выступал с резкими протестами, когда в этой области допускались какие-либо отступления или неверные толкования³⁰. Народническое мировоззрение делало невозможным объединение партии большевиков с левыми эсерами даже в обстановке, когда некоторым казалось, что между этими двумя партиями не существует серьезных разногласий, как это было накануне Брестского мира³¹.

Наряду с философскими и социологическими основами, заимствованными у народничества, левые эсеры воспри-

няли и другие черты, свойственные мелкобуржуазным идеологам и политикам: идейную неустойчивость, неспособность обобщить, проанализировать и реально оценить опыт классовой борьбы, склонность к ультрареволюционной фразе, позерство, авантюризм. В. И. Ленин, оценивая политические акции левых эсеров, неоднократно отмечал эти черты. Так, в плане доклада о ратификации Брестского договора он писал: «Отчаяние и фраза. Фраза и фанфаронство: у левых социалистов-революционеров»³². Эта черта в политическом поведении левых эсеров нередко проявлялась и в их теоретической деятельности, в освещении и оценках Октябрьской революции и последовавших за ней событий, в которых они принимали активное участие. Вместе с тем следует учитывать, что литературная активность левых эсеров была реализацией установки их 1-го съезда, уделившего особое внимание вопросам борьбы за идейное влияние на широкие массы³³. Издания об Октябрьской революции стали важной формой обработки общественного сознания, фактором активного воздействия на массы с целью привлечения их на свою сторону.

Февраль и Октябрь в оценках левых эсеров

Как уже отмечалось, основные расхождения внутри партии эсеров, предопределившие ее идейный и организационный раскол, начались с оценки характера первой мировой войны. Приближаясь к правильному пониманию сущности мирового конфликта, левые эсеры оценивали его как борьбу империалистических хищников за добычу, разоблачали ее антинародный характер³⁴. Военная бойня, писал Б. Д. Камков, является результатом конфликта не между народами, а «между группами хищников разных народов во имя закрепления позиций империалистической буржуазии». Война, по его мнению, нанесла серьезный удар классовой солидарности рабочих, от нее пострадала идея международного братства³⁵.

Другой деятель левых эсеров, В. А. Карелин, объяснял поражение России в империалистической войне ее отсталостью и политикой царского правительства. Результатом войны явились расстройство всей хозяйственной системы, голод, спекуляция³⁶. По мнению Карелина, война способствовала пробуждению масс, открыла им глаза на невыносимые условия их жизни и труда. В процессе

роста классовой активности трудящиеся выступали с требованиями прекращения войны, ликвидации продовольственного кризиса, введения строгого учета товаров. Поэтому Февральская революция, писал Карелин, совершилась под лозунгом «Мира и хлеба». Лишь к этим требованиям левые эсеры сводили все задачи буржуазно-демократической революции³⁷.

Отношение к войне, участие в Циммервальдской конференции свидетельствовали о способности левого крыла мелкобуржуазной демократии занять правильную позицию в решении проблемы мира и войны. Левые эсеры с гордостью называли себя интернационалистами, однако его содержания и сущности они не понимали. Являясь идеологией, политикой и революционной практикой международного пролетарского движения, интернационализм по своему происхождению, содержанию и формам реализации составляет стержень пролетарской революционности. Поэтому пролетарский интернационализм характеризуется глубиной, последовательностью, действенностью, что обуславливает его роль в развитии пролетарского революционного движения.

Будучи представителями крестьянского социализма, левые эсеры считали интернационализмом солидарность народов, стихийный протест угнетенных и эксплуатируемых масс против социальной несправедливости, против войны. Поскольку в выступлениях левых эсеров отсутствовал призыв к пролетариям всех стран объединяться в активной совместной борьбе против империалистической войны и породившего ее буржуазного строя³⁸, постольку их понимание интернационализма носило примитивный характер. На практике это выражалось в призывах к сплочению «социалистической демократии», участию в международных конференциях, обращениях к правительствам воюющих стран, пропаганде солидарности всего «трудового народа». Интернационализм левых эсеров был лишен реального, практического значения для организации и сплочения революционных масс. Это проявилось и в позиции всей группы интернационалистов, и в поведении отдельных ее лидеров, в том числе главного теоретика эсеровского интернационализма — В. М. Чернова, изменившего революционной солидарности трудящихся масс весной 1917 г. и вставшего затем на сторону российской контрреволюции и иностранной интервенции.

Такой же непоследовательный характер носили и левоэсеровские оценки международной политики. Внешнепо-

литические акции Временного правительства, как и политику царизма, левые эсеры справедливо считали антинародными и империалистическими по своему характеру³⁹. Народ требовал мира, писал Камков в 1918 г., «мир честного, без аннексий и контрибуций, с правом народов на самоопределение. Правительство же Керенского, которое поддерживали правые эсеры и меньшевики, продолжало империалистическую войну и слепо, как царское правительство, выполняло волю французских, английских и американских богачей... плелось за ними, связанное царскими договорами»⁴⁰. В противовес политике Временного правительства левые эсеры выдвинули лозунг прекращения войны, заключения мира «без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»⁴¹. Однако действия эсеров-интернационалистов ограничивались лишь пропагандой в прессе. Решить вопрос о мире они предполагали не путем активной революционной борьбы широких трудящихся масс, а посредством обращения объединившейся социалистической демократии России и Запада к империалистическим правительствам⁴². Это не мешало левым эсерам считать, будто в вопросе о мире их позиция полностью совпадает с линией большевистской партии⁴³.

Заметное место в литературе левых эсеров, посвященной 1917 г., заняла Февральская революция и последовавшие за ней события. Главную предпосылку этой революции они, как и правые эсеры, усматривали во всей истории освободительного движения России, начиная с декабристов⁴⁴. Левые эсеры называли Февраль революцией политической, социальной, народной. Ее главная задача им виделась в установлении «нового правопорядка», в «углублении социальных основ»⁴⁵. Левые эсеры, таким образом, не в состоянии были правильно поставить вопрос о характере этой революции, ее задачах и движущих силах. Научный анализ важнейших проблем Февральской революции в левозсеровской литературе подменялся довольно однообразными рассуждениями и звонкими фразами, типичными для мелкобуржуазных радикалов и демократов. Они характеризовали Февральскую революцию как «великий переворот». Подобно правым эсерам, левые часто и много писали о «сияющем блеске Февраля», провозглашали «интернациональный характер» революции, подчеркивали ее международное значение, рассматривая Февраль как «образец» революции для других народов и стран⁴⁶. Камков значение Февральской революции видел в пробуждении революционного сознания

масс, ускорении процесса их политического созревания, росте революционной активности⁴⁷. Причину быстрой победы революции левые эсеры объясняли тем, что царизм, этот «медный колосс на глиняных ногах», рухнул под напором героической борьбы, которая подготовила эту революцию, а «смерч мировой войны расшатал основы и скрепы, которыми держался этот колосс»⁴⁸.

Историк русской общественной мысли XIX в. Р. В. Иванов-Разумник, занимавший крайне правый фланг в партии левых эсеров, видел в Феврале начало «мировой социальной революции», корни которой уходили в столкновение трех сил: революционной демократии, мещанского социализма, реакционной обывательщины⁴⁹. В этой примитивной оценке в полной мере проявился общий для всех эсеров подход к революции, в котором отсутствовали реальные силы: общественные классы и выражавшие их интересы политические партии.

Трезвые оценки по некоторым вопросам сочетались у левых эсеров с весьма далекими от реальной действительности взглядами по ряду важных проблем, имеющих принципиальное значение в изучении истории Февраля и Октября, их исторического значения. Так, выступая против кадетской концепции решающей роли Государственной думы в революционных событиях февраля — марта 1917 г., С. Мстиславский доказывал, что революцию совершил народ: крестьяне, солдаты, рабочие⁵⁰. С точки зрения С. Рудакова, основными вопросами Февральской революции были земля, мир, ликвидация экономической разрухи, и поэтому ее главной движущей силой стало крестьянство, за которым шел пролетариат⁵¹. Трутовский считал, что русскую революцию начала армия, а в социальную та превратилась благодаря активности пролетариата и крестьянства⁵². Более последовательную позицию в этом вопросе занимал В. Левин, признававший роль пролетариата как инициатора революционных выступлений в февральские дни. Он писал: «Восстание петроградских рабочих в Феврале истекшего года приняло грандиозные размеры с самого начала лишь благодаря частичной поддержке солдатских масс, а затем и полному присоединению их к революции. Таким образом, начатое рабочими было завершено ими совместно с солдатами»⁵³. Однако эта точка зрения на роль пролетариата в феврале 1917 г. не являлась типичной для левых эсеров.

О глубоких расхождениях внутри партии левых эсеров свидетельствовала позиция одного из крупнейших ее

идеологов, Мстиславского. Вопреки очевидным фактам он писал, что Февраль не был восстанием против самодержавия. «Политического расчета в Петроградском восстании не было», — заявлял Мстиславский. По его мнению, это восстание было «стихийным террористическим актом, созданным мыслью несравненно более глубокой, чем мысль о „перемене строя“». Главным в Феврале он считал выступление масс против войны и «старой жизни». Характеризуя Февраль как социальное движение, Мстиславский видел его главную черту в «психологии террористического акта». «Парадокс революции» он усматривал в том, что народ (в его понимании — рабочие и крестьяне), совершивший ее, заставил возглавить движение своего врага — буржуазию, которая не принимала участия в Февральском восстании⁵⁴. Хотя точка зрения Мстиславского отличалась от концепции правых эсеров, однако в ее основе лежало то же непонимание, нежелание признать буржуазно-демократический характер Февральской революции в России. Она строилась на типичной для народнических идеологов оценке революции как явления сугубо психологического, связанного с бессознательным стихийным протестом и массовым террором.

Подобно правым эсерам, левые отрицали буржуазно-демократический характер Февральской революции. Эти оценки Февраля они считали абсурдными, поскольку буржуазия не принимала в ней никакого участия. В отрицательном отношении к способности российской буржуазии к борьбе против самодержавия левые эсеры усматривали проявление своей революционности, тогда как в действительности это было революционное фразерство. Такой же характер имели оценки эсерами роли мелкобуржуазной демократии в событиях 1917 г. Она рассматривалась ими как одна из самых влиятельных сил революционного процесса в России, способная якобы возглавить борьбу революционного народа за социализм⁵⁵.

Заметное место в работах левых эсеров о событиях 1917 г. занимало освещение конкретных фактов, имевших место между Февралем и Октябрем. Большое внимание уделялось ими политике Временного правительства, деятельности правых эсеров и меньшевиков. И хотя в описаниях левых эсеров содержалось много интересных и верных наблюдений, тем не менее в них игнорировалось главное — анализ и оценка борьбы классов, которые определяли характер деятельности политических партий и их лидеров, реальные итоги борьбы на различных эта-

пах развития революционного процесса в России. В объяснениях левыми эсерами хода исторических событий 1917 г. не было «точной классовой характеристики происходящего»⁵⁶.

Если правые эсеры пытались изображать политику Временного правительства как «общенародную» с элементами ошибок и просчетов, то левые эсеры решительно выступили с критикой его действий, оценивая их как «введение масс в заблуждение», как контрреволюционные и империалистические по своей природе. Однако подняться выше трактовок, в которых они осуждали деятельность Временного правительства, обвиняли его в измене революции и народу, до понимания буржуазного характера его власти, т. е. ее классовой сущности, они не смогли, что было связано с отрывом оценок левых эсеров от реальной классовой борьбы и ее сложностей в революционную эпоху.

Левые эсеры правильно отмечали главную причину краха Временного правительства, состоявшую в том, что оно не дало народу ни мира, ни хлеба, ни земли. Они постоянно подчеркивали «нежелание и неспособность Временного правительства защищать интересы рабочих и крестьян»⁵⁷. Но критика внутренней и внешней политики Временного правительства велась левыми эсерами с позиций мелкобуржуазных радикалов и демократов, не видевших существа развивавшегося в стране революционного процесса, закономерного характера перехода от его буржуазно-демократического этапа к социалистическому.

В отличие от правых эсеров левые понимали, что задачи революции не ограничиваются взятием власти, поскольку политическая революция является необходимым условием «перестройки всей жизни во всех уголках и закоулках, во всех основах»⁵⁸. Исходя из этого, левые эсеры осуждали политику Временного правительства, оставившего землю в руках помещиков, фабрики и заводы в руках капиталистов. Отрицательное отношение левых эсеров к деятельности Временного правительства подтверждало ленинское предвидение, высказанное еще на Апрельской конференции РСДРП(б) в 1917 г.: «Каждый шаг Временного правительства, как в области внешней, так и внутренней политики, будет открывать глаза не только пролетариям города и деревни и полупролетариям, но и широким слоям мелкой буржуазии на истинный характер этого правительства»⁵⁹.

Действия правых эсеров и меньшевиков, поддерживавших Временное правительство, левые эсеры оценивали как предательство революции, верно называя их политикой политикой «буржуазного реформизма»⁶⁰. Меньшевики и правые эсеры, писал Камков, жили душа в душу с буржуазией, они боялись предпринять какие-либо «решительные действия, затрагивающие ее интересы, не решились поэтому ни одного вопроса в интересах трудящихся»⁶¹. Он называл Керенского «лучшим другом буржуазии». Левые эсеры подчеркивали принципиальный характер своих расхождений с правыми эсерами: правые были за войну, левые боролись за мир; правые отстаивали интересы фабрикантов и заводчиков, левые требовали введения рабочего контроля и т. д. По всем вопросам, утверждал Камков, «левые социалисты-революционеры стойко защищали интересы трудящихся масс: рабочих и трудовых крестьян, правые же говорили о трудовом народе, но по существу творили дело буржуазии»⁶².

Однако подняться до научного объяснения классового характера соглашательской, а затем предательской политики правых эсеров и меньшевиков левые эсеры были неспособны. Это проявилось, в частности, при освещении ряда других важных проблем истории революции. Так, в работах левых эсеров предпринимались попытки периодизации революционного процесса 1917 г., представляющие интерес для выяснения общих принципов их подхода к развитию революции и ее важнейших этапов. Р. В. Иванов-Разумник выделял три ступени, которые «пришлось ей пройти в годовой тяжелой борьбе». Первая ступень, «самая легкая», — победа 28 февраля над царизмом. Вторая, более трудная, — победа над российским либерализмом, который на развалинах павшего строя хотел устроить испытанный, европейский, «конституционный» строй. Иванов-Разумник датировал конец этого этапа 20 апреля. Наконец, третья ступень, самая тяжелая, — победа над «мещанским социализмом», который «тесно связался с павшим либерализмом и увяз на полгода в тусклом соглашательском болоте великую русскую революцию. Великую по своим возможностям, жалкую по своему топтанию в мещанском болоте». Третья ступень открыла дорогу «перед подлинным революционным социализмом»⁶³.

Изученные материалы убеждают в том, что левозэровская концепция Февральской революции заметно отличалась от схем и трактовок правых эсеров. Так, прин-

дипломатическое значение имели отрицательное отношение левых эсеров к коалиции с буржуазией, к соглашательской политике меньшевиков и правых эсеров, признание антинародного характера политики Временного правительства и неизбежности его краха. Они высоко оценивали массовые выступления рабочих и крестьян, боровшихся за решение аграрного вопроса, политические свободы, прекращение войны и т. д. Однако хотя при изложении событий 1917 г. у левых эсеров имелись отдельные верные наблюдения, объяснения, оценки, тем не менее не они определяли сущность их воззрений. Левые эсеры оставались в плену старых народнических догм, которые они упорно защищали, выступая против марксистско-ленинской концепции классовой борьбы и социальной революции.

Объяснение причин социалистической революции и ее исторического значения левых эсеров заметно отличалось от оценок правых эсеров, усматривавших в Октябре лишь «крах, гибель Февраля». Однако и в этом вопросе у левых эсеров, как и у правых, не было единства. В оценках Октябрьской революции и социально-экономической политики Советской власти расхождения между правым и левым крылом партии левых эсеров были особенно заметны. Работы левых эсеров об Октябрьской революции отличает обилие противоречивых мнений, взаимоисключающих оценок, не аргументированных положений, скоропалительных выводов.

Со сдержанностью, переходящей во враждебность, характеризовал Октябрьские события представитель крайне правого крыла левых эсеров Р. В. Иванов-Разумник. Казалось бы, отрицательная оценка Временного правительства и его политики должна была стать основой доброжелательного отношения к Октябрьской революции, давшей народу мир и землю. Однако первые же мероприятия Советской власти вызвали у Иванова-Разумника резко враждебное отношение к диктатуре пролетариата. Закрывание контрреволюционных газет и другие меры, направленные на защиту революционных завоеваний, он изображал как ненужные и опасные для революции, осуждая их с позиций «чистой демократии»⁶⁴. Взгляды Иванова-Разумника на Октябрьскую революцию интересны для понимания эволюции мировоззрения одного из крупнейших идеологов партии левых эсеров, историка общественного движения, плодовитого литератора и публициста, редактора крупнейших эсеровских изданий,

активно боровшегося за привлечение интеллигенции в ряды левых эсеров. Он часто выступал по вопросу об отношении интеллигенции к Февральской революции, обвинял ее в неспособности понять и принять революцию, быть ее активным участником⁶⁵. Однако по мере развития революции сам Иванов-Разумник превратился в ее убежденного и активного врага. Ненависть к Советской власти и социализму привела его в дальнейшем к измене Родине, сотрудничеству с фашистскими оккупантами и эмиграции на Запад.

В отличие от Иванова-Разумника большинство левых эсеров подчеркивали органическую связь Февраля с Октябрем, их единство. Так, Мстиславский доказывал, что эти революции «целостны в своем развитии», что у них «мысль едина»⁶⁶. Связь Февраля и Октября левые эсеры видели в дальнейшем развитии «социальной революции», они оценивали Октябрь как «народную», «демократическую», «трудовую», «социальную» революцию⁶⁷. Однако в эти понятия левые эсеры вкладывали весьма расплывчатое, неопределенное содержание, что свидетельствовало об отсутствии у них четкого понимания классовой природы Октября.

Причины Октябрьской революции левые эсеры видели в войне, разрухе, нищете масс, антинародной политике Временного правительства, тогда как в действительности эти факты отражали глубочайший кризис всей старой социальной системы, ускоривший приближение победы пролетариата. Кроме того, левые эсеры игнорировали роль субъективного фактора, не учитывали рост организованности, сплоченности и сознательности пролетариата, усиление руководящей роли Коммунистической партии.

Первостепенное методологическое значение для правильного понимания позиции левых эсеров и развития их концепции Октября имеет лепинская оценка классовой сущности партии левых эсеров как партии крестьянства, в котором большевики видели союзника пролетариата в борьбе за социализм. Поэтому большевики пошли на заключение блока с левыми эсерами, в результате которого последние вошли в состав Советского правительства⁶⁸. Выступая 18 ноября 1917 г. с заключительным словом по аграрному вопросу на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов, В. И. Ленин четко сформулировал важнейшее условие «честного союза», «честной коалиции» между левыми эсерами и боль-

шевиками. Этим условием он считал непререваемое признание эсерами, «что переживаемая нами революция есть революция социалистическая». В. И. Ленин со всей определенностью заявлял, что «всякая партия, которая на деле хочет быть народной, должна ясно и решительно сказать, что наша революция социалистическая». Только в этом случае, подчеркивал В. И. Ленин, «наш союз с ними будет крепнуть и расти». Ленин четко определял классовую базу блока двух партий: «Союз крестьян и рабочих есть основа для соглашения левых эсеров с большевиками»⁶⁹. Рассмотрение левоэсеровских изданий 1918 г. с этой точки зрения позволяет четко провести грань в идейной эволюции левых эсеров: до лета 1918 г. все их работы содержали признание социалистической сущности Октября, с июля 1918 г. часть левых эсеров, заняв враждебную по отношению к большевикам позицию, отказалась от этого взгляда.

Концепция левых эсеров включала отдельные верные наблюдения и оценки. Однако в целом она не представляла собой стройной системы научных представлений о социалистической революции и ее развитии. В отличие от правых эсеров, резко враждебно относившихся к массовым революционным выступлениям, левые эсеры видели в них решающую силу революции. Так, лидер левых эсеров М. А. Спиридонова говорила на 1-м съезде партии: «Мы не должны бояться народных движений, восстаний, стихий, только нужно их организовывать и направлять». За большевиками идут массы, утверждала она, и в этом их сила. В то же время Спиридонова доказывала, что это временное явление, в котором «нет воодушевления, нет религиозного энтузиазма»⁷⁰. Признавая классовую борьбу главным фактором революции, а Советы основой ее дальнейшего развития, Спиридонова делала вывод, что «путем парламентской борьбы мы не можем прийти к революции»⁷¹.

Левые эсеры выступали против меньшевиков, доказывавших, что Октябрь — буржуазная революция, что в стране отсутствуют предпосылки для социализма⁷². Однако противопоставить им научную концепцию Октябрьской революции и ее всемирно-исторического значения левые эсеры не могли.

С тенденциозных позиций освещали левые эсеры борьбу классов и партий в Октябре 1917 г. Расстановку классовых сил и позиции политических партий в период приближения социалистической революции Камков ха-

рактизовал следующим образом: «Левые социалисты-революционеры вместе с большевиками оказались на одной стороне баррикад: там, где были рабочие, солдаты и крестьяне; правые же социалисты-революционеры оказались по другую сторону баррикад: там, где были юнкера, офицеры и контрреволюционная буржуазия»⁷³. В подтверждение этой мысли приводились факты участия отдельных эсеров в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде, Москве и других городах. Однако левоэсеровские историки умалчивали о том, что это происходило вопреки установкам руководства партии эсеров, отрицательно относившегося к самой идее вооруженного восстания⁷⁴.

По предложению большевиков, ценивших преданность революции, активность и военную подготовку отдельных членов партии социалистов-революционеров, они приняли участие в вооруженном восстании, будучи членами ВРК. Вспоминая об этом времени, Г. Закс писал: «25 октября я был в Военно-революционном комитете — высшем боевом органе переворота, порвав со своими товарищами, которые оставались в думах, министерствах и партии»⁷⁵. Подобного рода признания деятелей партии эсеров позволяют восстановить истинную картину событий. В поддержку вооруженного восстания выступали немногие эсеры, и это была их личная позиция. После победы Октября лидеры левых эсеров стали изображать события таким образом, будто левые эсеры, как и большевики, шли в авангарде трудящихся масс, боровшихся за победу социалистической революции. Таким способом лидеры левых эсеров утверждали выгодную им идею о том, что во главе Октябрьской революции стояли две партии. Большевики, заявляли левые эсеры, руководили пролетариатом, эсеры — крестьянством, это и обеспечило успех борьбы за власть и победу революционного народа осенью 1917 г.⁷⁶

Однако этот тезис опровергался высказываниями ряда видных левых эсеров, в том числе одного из организаторов партии, М. А. Натансона. Он честно признавал, что левые элементы партии эсеров не сразу поддержали Октябрьскую революцию, так как не были уверены в готовности крестьян к социальной борьбе. Лишь убедившись в том, что крестьяне встали на сторону революции, левые эсеры пошли на блок с большевиками⁷⁷. Однако честные признания о том, что руководство партии эсеров было против вооруженного восстания, плелось в хвосте событий и не смогло дать ответы на выдвинутые жизнью

вопросы, звучали со страниц левозсеровских изданий крайне редко ⁷⁸.

Основной методологический порок концепции левых эсеров состоял в том, что они не видели различия между движущими силами революции и ее участниками. Для них эти понятия были тождественны. Поэтому представителей различных социальных слоев, поддерживавших большевиков вследствие разочарования в политике Временного правительства, левые эсеры изображали как движущие силы революции. Ленинской концепции, согласно которой социалистическая революция была совершена пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством при поддержке других слоев деревни, левые эсеры противопоставили свое понимание Октября, совершенного всей «трудящейся массой»: солдатами, рабочими, трудовым крестьянством ⁷⁹. «Власть на этот раз,— писал И. З. Штейнберг,— перешла в руки крестьян и рабочих, в руки представлявших их интересы двух партий: большевиков и левых социалистов-революционеров» ⁸⁰. Верно уловив, таким образом, глубоко народный, подлинно демократический характер Великой Октябрьской социалистической революции, левые эсеры не сумели, однако, выявить роли среди ее участников главных действующих сил революционного процесса — рабочих и деревенской бедноты, заинтересованных в силу своей классовой природы в социалистическом, антибуржуазном характере революции, и тех, кто ее поддерживал или сочувствовал ей. Тем не менее даже эта нечеткая, страдавшая явными натяжками концепция шла вразрез с правозсеровскими оценками пролетарской революции как «бунта», «авантюры», «заговора», случайного переворота, не имевшего широкой социальной базы и обреченного поэтому на гибель, что вызывало резкую полемику между левыми и правыми эсерами ⁸¹.

Противоречивый, непоследовательный характер левозсеровской концепции Октябрьской революции и роли в ней крестьянства проявился в том, что на словах в понятие «трудовое крестьянство» большинство левых эсеров включали середняцкие и бедняцкие слои деревни, тогда как в своей практической деятельности они объективно отражали интересы середняков и зажиточных аграриев, приближавшихся по своему положению и сознанию к кулачеству, которое левые социалисты-революционеры объявляли врагом и эксплуататором «трудового крестьянства».

Мелкобуржуазная ограниченность левонароднических воззрений отразилась и в том, что левые эсеры недооценивали революционный потенциал и реальную силу деревенской бедноты. Так, И. З. Штейнберг называл беднейшее крестьянство «фиктивной классовой величиной», а В. Е. Трутовский доказывал, что оно не может играть заметной роли в осуществлении аграрной реформы⁸². Вместе с тем в левозэсеровской концепции явно преувеличивались революционные возможности середняка, игнорировались его колебания и неустойчивость в поддержке рабочего класса⁸³. Хотя левые эсеры нередко характеризовали кулака как силу, враждебную революции и социализму, тем не менее опасность со стороны кулачества ими недооценивалась, что проявилось, в частности, в непонимании значения комбедов в ходе развертывания социалистической революции в деревне.

Из концепции Октября органически вытекало и специфическое понимание левыми эсерами перспектив развития мирового революционного процесса и его движущих сил. Следует отметить, что левые эсеры гораздо больше, чем правые, интересовались проблемами мировой революции. Наиболее полное раскрытие они получили в работах В. Трутовского. Оценивая Россию как «отсталую аграрную страну», близкую по степени своего развития к странам Востока⁸⁴, он писал: «Происходящая в настоящее время в России революция имеет не только огромное политическое значение; она знаменует собой колоссальной важности социальные сдвиги, отражающиеся во всей жизни цивилизованного мира»⁸⁵. Трутовский справедливо отмечал громадное влияние событий 1917 г. на страны Запада и Востока. Марксистскому учению о пролетариате и его исторической миссии Трутовский противопоставлял свое понимание движущих сил революционного процесса. Они виделись ему не в индустриальном пролетариате, а в «пятой сословии» — мало оплачиваемых рабочих передовых стран и трудящихся массах стран отсталых⁸⁶. «На место прежних революционных стран,— писал он,— идут новые — Россия, Индия, Китай, соединенные усилия трудящихся классов которых положат конец гнусному грабежу огромного большинства населения меньшинством, хотя бы и привилегированным»⁸⁷. Ведущей революционной силой в развивающихся странах Трутовский считал «трудовое крестьянство»⁸⁸.

Трутовский пытался доказать, что к социализму можно прийти и без борьбы пролетариата, поскольку рабочие

не являются главным фактором революционного процесса XX в.⁸⁹ Его основные аргументы сводились к следующим: освобождение передовых стран не может дать освобождения всему человечеству; центр тяжести революционной борьбы находится в отсталых, а не в передовых странах мира; в то время как на Западе «империализм» (т. е. «захватнические настроения») среди рабочих естествен, на Востоке он «не может иметь корней»; задача революционного социализма, порвавшего с марксистской теорией, — «углубить и расширить в передовых странах раскол между империалистами и интернационалистами, имея дело только с последними, и объединить и крестьян и рабочих отсталой страны, гораздо сильнее эксплуатируемых современным и индустриальным и финансовым капиталом, под знаменем революционного социализма за великую мировую социальную революцию»⁹⁰.

Марксистско-ленинскому учению о мировом революционном процессе и ведущей роли пролетариата, таким образом, противопоставлялась теория перемещения центра мирового революционного движения на Восток, в аграрные, отсталые страны. Эта теория, основанная на мелкобуржуазном понимании мировой революции, ее задач и движущих сил, являлась логическим продолжением всей левозсеровской социологической доктрины и тех идей, которые они развивали, подводя итоги двух революций 1917 г. в России. Мелкобуржуазный характер подобных воззрений проявлялся прежде всего в том, что национально-освободительное, буржуазно-демократическое по своей социальной природе движение в ряде стран Востока левые эсеры изображали в виде магистрального пути революционной борьбы, ведущего якобы к победе социалистической революции. А в качестве примера ими приводились революционные события и итоги борьбы в России в 1917 г. Тем самым Россия эпохи империализма отождествлялась с отсталыми странами Востока. Причем отсталость изображалась левыми эсерами как важнейшее преимущество, как условие и предпосылка социалистической революции в России и во всем мире.

Под влиянием марксизма-ленинизма левые эсеры пытались поставить вопрос о социальной базе различных политических партий, действовавших в России в историческом 1917 г. Однако в решении этой проблемы, как и многих других, у левых эсеров не было ни единства, ни четкости, ни последовательности. Наиболее близки

они были к правильному пониманию социальной базы партии правых эсеров («в городе — мещане, чиновники, обыватели, в деревне — крестьянские кулаки»⁹¹). Правым эсерам Камков противопоставлял левых, за которыми, по его мнению, шла «часть пролетариата и трудовое, социалистическое крестьянство»⁹². Иванов-Разумник видел социальную базу левых эсеров «в революционной демократии», вкладывая в это понятие весьма расплывчатое, внеклассовое содержание⁹³. Однако наиболее распространенным среди левых эсеров было мнение, что их партия — это партия «трудового крестьянства», хотя ни в одной из левоэсеровских работ 1917—1920 гг. нельзя найти четкого ответа на вопрос, кого их авторы включали в состав «трудового», «социалистического» крестьянства⁹⁴.

Называя себя партией «трудового крестьянства», идеологи левых эсеров ничего не делали для того, чтобы разобраться в таком сложном вопросе, как роль различных слоев крестьянства в социалистической революции. Все их характеристики крестьянства ограничивались декларативными заявлениями о его активности, многочисленности и возрастающем влиянии на ход революционного процесса в России и в мире⁹⁵. Марксистское учение о крестьянстве как части класса мелкой буржуазии левые эсеры воспринимали как «клевету», умаление его «социалистической» сущности, «принижение» роли в социальном прогрессе и революционной борьбе масс за демократию и социализм⁹⁶.

Непоследовательны были левые эсеры в характеристиках социальной базы партии большевиков. Одни левоэсеровские авторы писали, что в период революции за партией большевиков шел пролетариат и крестьянство, другие считали социальной базой большевиков пролетариат и беднейшее крестьянство, третьи называли их партией одного только пролетариата, не способной якобы учитывать интересы крестьянства⁹⁷. Тем самым теоретики левых эсеров продемонстрировали смешение таких понятий, как классовый состав, социальная база и поддержка политики партии различными классами и слоями, которые идут за ней в силу своей классовой природы или сложившихся обстоятельств. В 1917 г. за большевиками действительно шли и рабочие, и крестьяне, однако это вовсе не означало, что по своей социальной природе они были рабоче-крестьянской партией, как это пытались утверждать левые эсеры. Большевики всегда

оставались пролетарской партией, учитывавшей и отражавшей в своей политике интересы широких трудящихся масс, их борьбу за политическое, социальное и национальное освобождение. В этом проявлялись сила Коммунистической партии, ее политики, превосходство перед мелкобуржуазной демократией.

Характерно, что до лета 1918 г. левые эсеры изображали большевиков руководителями масс, партией, которая сильна своей организованностью, сплоченностью, активностью, имеет продуманную теорию и ясную программу борьбы. Однако понять подлинную роль партии пролетариата в социалистической революции даже в этот период они не смогли.

Значительное место в эсеровской литературе заняли вопросы, связанные с состоянием и деятельностью партии эсеров в 1917 г. В работе Камкова «Две тактики», посвященной обоснованию идейных позиций левых эсеров, обращает на себя внимание объяснение причин раскола партии эсеров, которые автор видел в борьбе между двумя течениями: революционным социализмом и буржуазным реформизмом. «Вот два основных русла,— писал Камков,— по которым, естественно, растекаются в период больших социальных потрясений, в период больших испытаний все социалистические партии»⁹⁸. Правильно выделив основные направления внутрипартийной борьбы, Камков не поставил, однако, вопроса о ее причинах. Вместо анализа процесса классового размежевания и обострения борьбы внутри крестьянства, являвшегося социальной базой партии эсеров, он ограничился общими рассуждениями о ходе революции и ссылками на аналогичные процессы, происходившие в других партиях. Вместе с тем Камков справедливо отмечал наличие глубоких расхождений в мировоззрении и тактике у правых и левых эсеров. «Два мировоззрения — две тактики», — подчеркивал он, подводя итог своим рассуждениям⁹⁹.

При этом к социал-реформистскому направлению Камков справедливо относил не только правых эсеров, но и меньшевиков. Он верно отмечал, что правых эсеров и меньшевиков объединяют общие взгляды на русскую революцию как буржуазную по своему характеру, призванную «не ударить по капитализму, а, наоборот, расчистить ему свободную дорогу». Им импонировала революция «политико-социальная», но «ни в коем случае не социалистическая»¹⁰⁰. Для правых эсеров и меньшевиков «объективная задача, поставленная... перед революцион-

ной Россией, заключается не в борьбе с капиталом, а в создании настоящего, мощного, полнокровного капитализма взамен хилого, худосочного, рахитичного». Меншевики, справедливо утверждал Камков, «смотрят на русскую революцию с испугом и тревогой, она им кажется анархическим бунтом». Камков решительно выступал против тезиса некоторых правых эсеров о том, что «Россия не готова ни для какой иной революции, кроме буржуазной»¹⁰¹.

Отвергая преувеличение меньшевиками и правыми эсерами экономической отсталости России и их вывод о неподготовленности масс к социалистической революции, левые эсеры не могли, однако, противопоставить этим положениям научного анализа социально-экономических предпосылок революции. Они подменяли его ссылками на работы Р. Люксембург, туманными рассуждениями о капитализме вообще и его развитии вне времени и пространства. «Развитие капитализма,— утверждал Камков,— имеет две стороны: одну светлую, где накапливаются условия для более легкого перехода в царство социализма, и другую тeneвую, где накапливаются условия, препятствующие росту социалистического сознания»¹⁰².

Если правые эсеры считали отсталость России препятствием для осуществления социалистической революции, то теоретики левых эсеров типа Камкова, наоборот, усматривали в ней залог успеха революции: «Страна, где имеется подавляющее население с трудовым социальным укладом, но индустриально отсталая, оказалась более способной на активную политическую борьбу с буржуазией, чем страна высокоразвитого капитализма»¹⁰³.

Социалистический характер Октября левые эсеры определяли двумя факторами: реализацией возможности проведения социализации земли и тем, что трудовое крестьянство и пролетариат явились главными силами революции. «Рабочий класс и трудовое крестьянство, спаянные общими задачами, являются в данный момент единственной реальной силой, которой должно принадлежать политическое господство, а следовательно, и власть в стране»,— считали левые эсеры. При этом Камков пытался доказать, что в истории никогда не было такого класса, который отражал бы интересы других классов. Этим утверждением он стремился опровергнуть марксистско-ленинское учение об исторической роли пролетари-

ата. Мы утверждаем, писал Камков, что «процесс русской революции совершенно ясно определился как процесс социалистического переустройства общества. Государственная власть поэтому, естественно, может быть только в руках угнетенных классов — пролетариата и трудового крестьянства»¹⁰⁴. Подобного рода рассуждения Камкова и других лидеров левых эсеров свидетельствовали о стремлении дать теоретическое обоснование необходимости замены диктатуры пролетариата диктатурой пролетариата и трудового крестьянства. Объективно этот тезис означал понятное движение революции, ее возвращение к буржуазно-демократическому этапу.

Все дальнейшее развитие страны по социалистическому пути левые эсеры связывали не с упрочением союза рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата и его партии, а с перемещением социальной базы революции в деревню, т. е. с крестьянством¹⁰⁵. Развивая это народническое положение, некоторые из левых эсеров утверждали, что Россия якобы приближается к третьей, «крестьянской» революции. Так, видный деятель левых эсеров Штейнберг на 2-м съезде партии доказывал, что именно предстоящая «крестьянская революция» приведет к победе «народоправства»¹⁰⁶.

Непоследовательность, противоречивость и ограниченность в признании социалистического характера Октябрьской революции проявились и в левозесеровских трактовках диктатуры пролетариата. Большинство левых эсеров рассматривали ее как явление отрицательное, нежелательное и ненужное для дальнейшего развития революции в России. Так, В. Левин, как и меньшевики, защищал идеи об «утопичности и авантюристичности диктатуры пролетариата в отсталой в промышленном отношении стране, к тому же в стране земледельческой»¹⁰⁷. При обсуждении программы партии левые социалисты-революционеры утверждали, что после Октябрьской революции установилась «диктатура трудового народа», «диктатура трудящихся». Отрицание роли рабочего класса как гегемона революции и необходимости диктатуры пролетариата как важнейшего условия победы социалистической революции приводило левых эсеров к заключению, что установление диктатуры пролетариата способствует «сужению социальной базы революции»¹⁰⁸. Этот тезис опирался на поверхностное понимание проблемы союза рабочего класса и крестьянства — важнейшего условия и основы развития социалистической революции¹⁰⁹.

Принципиальное значение для понимания левоэсеровских взглядов на Октябрьскую революцию имеет вопрос об отношении к Советской власти. В Советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов левые эсеры смогли увидеть истинно народную власть. Демократизм Советов они объясняли не только полнотой власти, но и «децентрализацией» управления на местах, которую они изображали как высшую форму демократии¹¹⁰. Такой подход к проблеме власти вытекал из эсеровского понимания государства как внеклассового органа, «совокупности всех его трудовых элементов»¹¹¹. Изображая Советы «диктатурой трудового народа», левые эсеры отрицательно относились к Учредительному собранию. Для левых эсеров Учредительное собрание, «несомненно, являлось шагом назад, оно несло с собой не идею революции, а контрреволюции»¹¹². Правые эсеры, доказывал Камков, хотели сделать из Учредительного собрания «тормоз, который задержал бы могучее движение трудящихся к социализму, силу, которая повернула бы революцию вспять»¹¹³. Отсюда вытекала тактика бойкота Учредительного собрания и все последующее поведение левых эсеров, когда они после некоторых колебаний пошли за большевиками, одоблив его роспуск¹¹⁴. Этот акт левые эсеры правильно оценили как естественный путь защиты революции и ее завоеваний, за что правые эсеры немедленно обвинили их в измене демократии и социализму, в «преступном сговоре» с большевиками.

Не успевая осмыслить быстро развивавшиеся события, смену направлений и форм классовой борьбы, весь революционный процесс в целом, левые эсеры вынуждены были приспособляться к тем или иным ситуациям и нередко менять свои оценки внутренней и внешней политики Советской власти на основе субъективизма. Левые эсеры положительно отнеслись к борьбе Советского правительства за мир, к решению аграрного вопроса, мерам по ликвидации голода и разрухи, демократизации страны. Они признавали значение фабрично-заводских комитетов, рассматривая их как «исполнительные органы, планомерно регулирующие и организующие производство, транспорт и прочие стороны хозяйственной жизни»¹¹⁵. В установлении рабочего контроля над производством левые эсеры увидели проявление революционной инициативы рабочих масс, эффективное средство борьбы против анархии и разрухи¹¹⁶. О национализации банков и промышленности В. Трутовский писал, что она «состав-

ляет начало величайшего социального опыта в истории человечества: экспроприации эксплуататоров»¹¹⁷. В то же время некоторые из левых эсеров утверждали, что из-за отсутствия у их партии теоретического объяснения необходимости рабочего контроля и национализации промышленности они принимали эти меры Советской власти «на веру»¹¹⁸.

Как акт важного исторического значения рассматривали левые эсеры декрет СНК РСФСР о свободе совести, церковных и религиозных обществах, принятый 20 января (2 февраля) 1918 г.¹¹⁹ Они увидели в декрете начало духовного раскрепощения народа, крупный и необходимый шаг «по пути коренного социально-политического преобразования, начатого нашей революцией после Октябрьского переворота»¹²⁰. Левые эсеры разоблачали Временное правительство и его политику поддержки церковной контрреволюции, на конкретных фактах показывали паразитическое существование церкви за счет народа, громадные прибыли духовенства накануне 1917 г.¹²¹ При этом они приписывали указанному декрету Советской власти социалистический характер¹²².

Однако далеко не все шаги Советской власти устраивали левых эсеров. Резко отрицательную оценку вызвали у них закрытие контрреволюционной прессы¹²³, создание и деятельность ВЧК и борьба с контрреволюцией¹²⁴, декрет СНК «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности» от 23 марта 1918 г.¹²⁵ Выступая с левацких позиций и утверждая, что «никакая коалиционная власть невозможна в процессе классовой борьбы», левые эсеры отрицали «возможность совместной работы с буржуазией». Они протестовали против линии большевиков на использование буржуазных специалистов, обвиняя их в «соглашательстве» с буржуазией¹²⁶. Разоблачая псевдореволюционность эсеров, В. И. Ленин писал в работе «Очередные задачи Советской власти», что у них нет необходимого понимания обстановки, революционной твердости и выдержки. Это проявлялось в упреках эсеров в адрес большевиков за забвение «традиций Октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее»¹²⁷.

Особенно противоречивой была оценка левыми эсерами внешней политики Советской власти. Поддерживая Декрет о мире и борьбу за прекращение империалисти-

ческих войн, левые эсеры не смогли понять Брестского мира и его последствий, правильно оценить сложившуюся конкретно-историческую ситуацию, внешнюю политику большевиков. В эсеровских оценках этого акта проявились присущие мелкой буржуазии национализм, псевдопатриотизм и псевдореволюционность, демагогия и мещанское фразерство. Заключение Брестского мирного договора они рассматривали как «измену» революции и международной демократии, «отклонение от пути социальной революции», проявление «социальной усталости», «союз» с германским империализмом¹²⁸. Эсеры не смогли понять временный характер Брестского мира, заключенного в силу безвыходности создавшегося положения, с целью спасения завоеваний революции¹²⁹. Выступая против сепаратного мира, Мстиславский развивал утопическую идею о созыве международной социалистической конференции, которая, по его мнению, могла бы спасти революцию и Россию, продемонстрировать ее «верность международной демократии». Эсеры заявляли, что Брестский мир — это путь к поражению мировой революции¹³⁰.

Брестскому миру левые эсеры противопоставили авантюристическую в своей основе политику, выдвинув лозунг «Мир не подписывать, а призвать народ к классовому восстанию». Разоблачая авантюризм лозунга левых эсеров «Не война, но восстание», В. И. Ленин говорил в июле 1918 г.: «Революция с удивительной последовательностью доводит до логического конца каждое положение, беспощадно вскрывает все убожество, всю преступность каждой неверной тактики. Левые эсеры, увлеченные звонкой фразой, вот уже несколько месяцев вопят: „Долой Брест, да здравствует восстание против германцев!“»¹³¹

В. И. Ленин беспощадно разоблачал фальшивый характер призывов к революционной войне, раздававшихся из лагеря буржуазии, меньшевиков и правых эсеров, которые видели в германских штыках средство свержения Советской власти¹³². Вместе с тем, оценивая взгляды левых эсеров как ошибочные, В. И. Ленин отличал их от враждебных Советской власти призывов. Он разъяснял «всю глубину ошибки тех, кто, подобно партии левых эсеров, дал себя увлечь теорией, обычной во всех историях революций в тяжелые моменты и состоящей наполовину из отчаяния, наполовину из фразы, когда, вместо того чтобы трезво взглянуть на действительность и оце-

нить с точки зрения классовых сил задачи революции по отношению к внутренним и внешним врагам, вас призывают решать серьезный и тягчайший вопрос под давлением чувства, только с точки зрения чувства»¹³³. В. И. Ленин неоднократно отмечал, что «мир невероятно тяжел и позорен», что он является поражением и унижает Советскую власть, но он тем не менее необходим для сохранения революционных завоеваний народа¹³⁴.

Оценивая развитие левых эсеров в этот крайне тяжелый для революции период. В. И. Ленин отметил отход от них масс, стремившихся к миру. Он писал, что «если голоса партии левых эсеров тают, то это заслуженно», так как эта партия является «тем же мыльным пузырем в крестьянстве, каким она оказалась в рабочем классе»¹³⁵. Эта ленинская оценка подтвердилась всем последующим ходом событий, приведших партию левых эсеров к идейно-политическому краху и распаду во второй половине 1918 г.¹³⁶ Не случайно уже в период заключения Брестского мира она раскололась на две группы, одна из которых была «за ратификацию», другая — «за восстание вместо войны». Однако ее лидеры доказывали, что «партия оставалась единой»¹³⁷.

Для левоэсеровских авторов, писавших о Брестском мире вскоре после его заключения, характерно не просто неприятие этой меры Советского правительства, а стремление подчинить изложение всех событий 1917—1918 гг. доказательству ее опасности и вредности. Левые эсеры хотели создать определенное общественное мнение не только по поводу мира, но и по поводу своего выхода из правительства в марте 1918 г.¹³⁸ С того времени в эсеровской литературе об Октябрьской революции и текущем моменте заметно усиливается элемент оппозиционности, переходящий порой в нескрываемую враждебность. Мстиславский и другие левые эсеры стали прибегать к необоснованным сравнениям политики Советской власти с действиями Временного правительства, а большевиков с правыми эсерами¹³⁹. Абсурдность этих сравнений была совершенно очевидна. В. И. Ленин убедительно разъяснял, что с октября 1917 г. вопрос о защите Отечества должен ставиться иначе, чем прежде, ибо оборончество в духе Чернова и Церетели было позорно до октября, «а теперь наше оборончество почетно»¹⁴⁰.

Именно с того времени, отмечал В. И. Ленин, партия эсеров перешла от сотрудничества с Советской властью к оппозиционности, так как ее лидеры не поняли самого

главного — необходимости заключения Брестского мира ¹⁴¹. В докладе о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. В. И. Ленин обосновывал тактику спасения революции: «Наша задача заключается в выдержке и осторожности, мы должны лавировать и отступить, пока к нам не подойдут подкрепления. Переход к этой тактике неизбежен, как бы над ней ни смеялись называющие себя революционерами, но ничего не смыслящие в революции» ¹⁴².

«Оппозиция, соединенная с поддержкой», — так оценивал В. И. Ленин поведение левых эсеров весной 1918 г. ¹⁴³. Эта позиция отчетливо проявилась в эсеровской литературе о событиях 1917—1918 гг., вышедшей после Брестского мира. В работах, появившихся после создания продотрядов и комбедов, элементы враждебности стали звучать уже во весь голос. Со злобой и раздражением писали эсеры о диктатуре пролетариата и политике Советской власти в деревне. Вместе с тем они видели причины этих действий в последствиях господства буржуазии и помещиков, войны, политики Временного правительства ¹⁴⁴. Левые эсеры предлагали ликвидировать излишки у кулаков, не трогая «трудового крестьянства», ибо это, по их мнению, «опасно для революции, губельно для единения трудового крестьянства и рабочих» ¹⁴⁵. Они упрекали большевиков в непонимании интересов «мелкого хозяйчика», в неверии в Советы, что якобы проявилось в создании реквизиционных продовольственных отрядов и комбедов ¹⁴⁶. Резко отрицательное отношение левых эсеров к продовольственной политике Советской власти ¹⁴⁷, непонимание того, что это был единственный путь спасения народа от голода, а революции от гибели, привело левых эсеров к оценке политики Советской власти как «отхода» от завоеваний Октябрьской революции. С того времени они стали рассматривать весь революционный процесс в России как попятное движение, отрицая факты дальнейшего углубления и расширения социальной революции и в городе и в деревне. Левые эсеры обвиняли партию большевиков в подрыве роли Советов в деревне, в отождествлении кулаков и «трудового крестьянства», в отходе от решения задач социальной революции, в разрушении «единения» рабочих и трудового крестьянства — основы дальнейшего развития революции ¹⁴⁸.

С нескрываемой враждебностью встретили левые эсеры декрет об организации комитетов деревенской бедно-

ты, определивший пути дальнейшего развития социалистической революции в деревне¹⁴⁹. На V Всероссийском съезде Советов М. А. Спиридонова заявила, что диктатура пролетариата направлена против крестьянства, приводя в подтверждение этой абсурдной идеи факт создания комбедов¹⁵⁰. В. Карелин писал в 1918 г., что для левых эсеров декрет о комбедах стал угрозой Советской власти и революции. Политике диктатуры пролетариата, направленной на развитие социалистической революции в деревне, эсеры противопоставили свою утопическую программу решения аграрного и продовольственного вопросов. Она включала выработку общегосударственного продовольственного плана, отказ от организации комбедов, передачу продовольственного вопроса в руки Советов¹⁵¹. Выступая против применения мер принуждения по отношению к тем, у кого были излишки хлеба, левые эсеры в полной мере показали себя как партия зажиточных крестьян, борющихся против продовольственной и аграрной политики Советской власти лета 1918 г. Как отмечал В. И. Ленин, политика партий типа левых эсеров «определялась, в последнем счете, классовым положением мелкой буржуазии, ее экономической неустойчивостью в борьбе между капиталом и трудом»¹⁵².

Убийство германского посла Мирбаха, организация в июле 1918 г. мятежей против Советской власти в Москве и других городах — все это свидетельствовало об окончательном разрыве политического блока левых эсеров с партией большевиков и переходе их в лагерь контрреволюции¹⁵³. Разоблачая деятельность левых эсеров, В. И. Ленин писал летом 1918 г.: «Преступный террористический акт и мятеж совершенно и полностью открыли глаза широких масс народа на то, в какую бездну влечет народную Советскую Россию преступная тактика левоэсеровских авантюристов»¹⁵⁴.

Отход от революции и поворот вправо, связанный с колебанием средних слоев, обусловили изменение взглядов левых эсеров на Февраль и Октябрь. По всем основным вопросам их оценки сближаются с правоэсеровскими и меньшевистскими характеристиками. С того же времени заметно усилилась враждебность части идеологов левых эсеров в отношении марксизма, ленинской концепции Октябрьской революции, практики социалистического строительства.

Концепция Октября, защищавшаяся левыми эсерами в 1917—1918 гг., была закономерной реакцией левого

крыла народничества на происходившие в стране революционные преобразования, попыткой идейного обоснования своих позиций по отношению к Советской власти, пролетариату, партии большевиков и ее программе революционного обновления России. Она явилась разновидностью мелкобуржуазного понимания развития пролетарской революции. Эволюция левоэсеровской концепции Октября отражала тот факт, что партия левых эсеров являлась временным и ненадежным попутчиком пролетариата в социалистической революции. Идеологи, лидеры и функционеры партии шли вместе с большевиками постольку, поскольку революция решала буржуазно-демократические задачи. Как партия мелкой буржуазии, заинтересованной в осуществлении буржуазно-демократических преобразований, левые эсеры поддерживали мероприятия Советской власти, помогали их проведению, защищали от нападков контрреволюционной прессы, разоблачали контрреволюционный характер деятельности правых эсеров и меньшевиков. Как только революция получила более широкий размах, о чем свидетельствовало углубление ее социалистического характера в деревне с лета 1918 г., левые эсеры отшатнулись от Советской власти, изменив шедшим за ними массам¹⁵⁵. Из временных и непоследовательных союзников левые эсеры превратились в противников Октябрьской революции.

Левоэсеровские трактовки Октябрьской революции и социально-экономической политики Советской власти были так же непоследовательны и противоречивы, как и все поведение представителей этого народнического течения в период подготовки и свершения социалистической революции в России. Серьезный научный анализ, основанный на классовом подходе к проблемам революции, подменялся у левых эсеров ультрареволюционной фразой, демагогией, поверхностными субъективистскими оценками, составлявшими неотъемлемую черту социологических и исторических воззрений мелкобуржуазных теоретиков.

Проведенный анализ левоэсеровской концепции Октября еще раз подтверждает то положение, что сумма отдельных верных наблюдений и оценок различных процессов и фактов еще не является научной концепцией революции. Для ее создания у левых эсеров не было главного — фундаментальной теоретической основы. Как представители определенной части мелкой буржуазии,

левые эсеры подходили к оценкам социалистической революции в России и перспектив ее дальнейшего развития в мировом масштабе с позиций народнической теории крестьянского, этического социализма. Превращение левых эсеров в противников Советской власти явилось главной причиной их отказа от прежних взглядов на Октябрьскую революцию, от признания враждебного характера деятельности правых эсеров и меньшевиков, боровшихся против Советской власти всеми средствами, включая и идеологические. Отказ левых эсеров от своих прежних воззрений на Октябрьскую революцию свидетельствовал о том, что крах их концепции был таким же закономерным явлением, как и политическое разложение этой партии, обусловленное «глубокими социальными причинами, непреложными законами общественного развития»¹⁵⁶.

**«Народники-коммунисты»
и «революционные коммунисты»
об Октябрьской революции
и диктатуре пролетариата**

В связи с переходом руководства и части рядовых левых эсеров на позиции борьбы против Советской власти, в партии появились группы, отказавшиеся от поддержки линии левозэсеровского ЦК. Самыми значительными из них были «народники-коммунисты» и «революционные коммунисты», создавшие в 1918 г. самостоятельные политические партии с печатными органами «Знамя трудовой коммуны» и «Воля труда»¹⁵⁷. Возникновение этих партий В. И. Ленин объяснял тем, что «среди левых эсеров всегда была внушительная часть за Советскую власть»¹⁵⁸. В образовании новых партий проявилось дальнейшее углубление распада мелкобуржуазной демократии и разложения народнического мировоззрения, связанное с глубокими социальными сдвигами, происходившими в положении и сознании мелкой буржуазии.

За короткий период существования эти партии не могли превратиться в крупные политические организации и оказать заметное влияние на происходившие в стране изменения. «Народники-коммунисты» и «революционные коммунисты» являлись идеологами той части средних слоев города и деревни, которая шла за пролетариатом, была его союзником в борьбе против контрреволюции

и интервенции, доказывая тем самым, что пролетариат не изолирован от других слоев населения, как это утверждали идеологи контрреволюции. «Народники-коммунисты» и «революционные коммунисты» отражали отношение этих слоев к революции, диктатуре пролетариата и социалистическому строительству.

Как в свое время левые эсеры, руководители и теоретики партии «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов» пытались найти выход из кризисного состояния, отмежеваться от партии левых эсеров по политической линии, определить свое отношение к Октябрьской революции и Советской власти, к защите завоеваний революции.

Не оставив большого количества литературы об Октябрьской революции, «народники-коммунисты» и «революционные коммунисты» тем не менее, опираясь на свое понимание проблем революционного процесса и задач дальнейшей борьбы, часто выступали с заявлениями и оценками текущего момента, отталкиваясь от событий 1917 г. Эти издания позволяют достаточно полно раскрыть отношение двух народнических партий к политике Коммунистической партии, к правым и левым эсерам, изменившим делу революции ¹⁵⁹.

Обе партии начали свою теоретическую деятельность с заявлений о намерении отстаивать позиции «революционного народничества», которому изменили правые и левые эсеры, вставшие на путь поддержки противников Советской власти ¹⁶⁰.

Партия «народников-коммунистов» начертала на своем знамени лозунг «Через труд и борьбу к коммунизму!». На страницах газеты «Знамя трудовой коммуны», выходящей в августе — ноябре 1918 г., лидеры и теоретики партии «народников-коммунистов» (ПНК) А. Оборин, Г. Д. Закс, Н. А. Полянский, И. Стефанский и др. изложили ее политическую платформу, отношение к Советской власти и Октябрьской революции. Заметное место в их работах заняли вопросы истории партии эсеров, ее политики в годы революции и гражданской войны. Естественно, что за короткий период существования ПНК ее члены не могли создать значительных работ об Октябрьской революции. Тем не менее мы можем говорить об определенной концепции Октябрьской революции этой народнической партии, поскольку все основные вопросы революции получили освещение в теоретических статьях, программных документах, политических заявлениях ее

лидеров, в критических выступлениях против правых и левых эсеров.

Заявив о решительном разрыве с левыми эсерами, «народники-коммунисты» обвинили их в предательстве революции, политической никчемности, осудили переход на антисоветские позиции в июле 1918 г.¹⁶¹ Закс назвал левых эсеров «политическими мерзавцами», не имеющими за собой никакой реальной силы. Он писал: «Так умирает партия, не понимающая задач социальной революции, а что еще хуже, не сознающая своих ошибок и упорно продолжающая твердить азы, а ход революции пошел совершенно иначе». Отношение левых эсеров к Октябрьской революции, их поведение и политику лидеры ПНК оценили как «ряд палок в колеса революции»¹⁶².

Теоретики ПНК критиковали левых эсеров почти по всем важнейшим вопросам революции. Они осуждали отрицательное отношение руководства партии эсеров к вооруженному восстанию накануне Октября, выступления левых эсеров против Брестского мира, террор против Советской власти, враждебное отношение к социальной политике диктатуры пролетариата в деревне¹⁶³. Партия левых эсеров, писал Закс, «проживала капитал, нажитый за счет всех народнических партий, и к 5-му съезду Советов этот капитал растратила до копейки, пуская партию по миру нищей и убогой. От народничества бывшего, боевого, революционного, ставившего себе крупные исторические задачи, выдвинувшего таких борцов, как Желябов, Перовская, Каляев, Сазонов, Конопляникова и др., не осталось и следа»¹⁶⁴.

«Народники-коммунисты» отрицательно относились к враждебным выступлениям теоретиков левых эсеров (Трутовского и др.) против марксизма, пытались подвергнуть сомнению их теоретические воззрения. Главную ошибку левых эсеров идеологи ПНК усматривали в непонимания задач, значения революции и тех сил, которые определяли движение вперед. «Народники-коммунисты» вынуждены были признать, что революционный лагерь и входившие в его состав силы не были столь едины и монолитны, как это казалось эсерам. Они стали писать, что крестьянство и интеллигенция не сыграли в 1917 г. той роли, которая им отводилась ранее теоретиками партии эсеров¹⁶⁵.

Через все выступления «народников-коммунистов» проходило признание того факта, что эсеры совершили ошибку, недооценив опасность кулачества, которое стало

главным противником социалистической революции в деревне¹⁶⁶. Подводя итоги аграрных преобразований, проведенных Советской властью на основе Декрета о земле, некоторые из теоретиков ПНК встали на путь отказа от эсеровского требования социализации земли. «Смешно рассматривать социализацию земли как величайшее завоевание революции, — писал Закс, — теперь уже этот лозунг можно считать реакционным»¹⁶⁷.

Одновременно с критикой взглядов левых эсеров «народники-коммунисты» выступили и против правозесеровской концепции революции, особенно отрицания наличия предпосылок социалистической революции в России, преувеличения и абсолютизации экономической отсталости страны. Соглашательскую политику правых эсеров и меньшевиков на всех этапах развития революции они называли предательской, усматривая причину их политического поражения в «неправильной деятельности» лидеров этих партий, непонимании ими задач и перспектив революции в России, тогда как в политической деятельности правых эсеров и меньшевиков отразились классовая природа, неустойчивость мелкобуржуазной демократии.

В силу классовой ограниченности выступления «народников-коммунистов» с разоблачением идеологии и политики правых и левых эсеров и меньшевиков имели исключительно пропагандистское значение.

Взглядам правых и левых эсеров «народники-коммунисты» противопоставили свое понимание Октябрьской революции и социально-экономической политики Советской власти. Оно было определенным шагом по пути сближения с марксистской концепцией революционного процесса в России. Октябрь 1917 г. «народники-коммунисты» оценивали как дальнейшее развитие Февральской революции. Если Февраль положил конец существованию самодержавия в России, утверждали «народники-коммунисты», то в Октябре была свергнута власть буржуазии¹⁶⁸. Однако главными причинами революции они считали разруху, голод, связанные с войной народные бедствия, заставившие трудящиеся массы совершить революцию. В основу концепции Октября идеологи «народников-коммунистов» положили народнические оценки и характеристики событий 1917 г. Как и левые эсеры, они видели сущность Октября в том, что это была революция «великая», «народная», «трудовая», «социальная». Эти оценки сочетались с признанием Октября пролетар-

ской революцией, которую совершил рабочий класс во главе с партией большевиков. В победе Октябрьской революции идеологи ПНК усматривали подтверждение марксистской теории классовой борьбы, выдержавшей историческую проверку. Развитие социалистической революции в деревне «народники-коммунисты» связывали с ликвидацией кулака и созданием сельскохозяйственных коммун на общественной земле¹⁶⁹.

Утвердившуюся после Октябрьской революции в России власть «народники-коммунисты» оценивали либо как диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, либо как диктатуру «трудового народа». отождествляя эти понятия, они доказывали, что диктатура «трудового народа» противостоит «диктатуре капитала». И хотя сущности и функций диктатуры пролетариата «народники-коммунисты» не понимали, тем не менее они признавали ее историческую необходимость в борьбе за социализм.

«Народники-коммунисты» рассматривали Советы как высшую форму демократии и фактор дальнейшего развития революции. Все важнейшие мероприятия Советской власти (рабочий контроль, национализация банков и промышленности, решение аграрного вопроса, демократизация общественной жизни и др.) они оценивали как средство ликвидации частной собственности и эксплуатации, как неперемное условие развития социальной революции и продвижения страны по пути к коммунизму¹⁷⁰.

Лидеры ПНК признавали неизбежность классовой борьбы в деревне, оценивали реквизиционные отряды и комбеды как временные, но необходимые меры. Они много и убежденно писали о необходимости борьбы против кулачества, рассматривая беднейшее крестьянство в качестве опоры Советской власти в деревне. Однако в их оценках беднейшего крестьянства как союзника пролетариата проявлялось непонимание того, что эти две социальные силы не являются тождественными и равноценными. «Народники-коммунисты» объединяли пролетариат и беднейшее крестьянство в единое понятие «трудовой революционный народ», считая при этом свою позицию идентичной марксистско-ленинским оценкам пролетариата и беднейшего крестьянства. Они выступали против левых эсеров, не желавших признать значение комбедов, называли их защитниками интересов кулачества, противниками социалистической революции в деревне, изменниками народничеству и революции.

Изучение взглядов «народников-коммунистов» по важнейшим вопросам Октябрьской революции убеждает в том, что недостаточно признавать или положительно оценивать те или иные явления революционного процесса, хотя и это имеет важное значение. Для лидеров политической партии, борющейся за социализм, необходимо научное понимание всего процесса общественного развития, ибо это дает возможность ориентироваться в сложных политических ситуациях, последовательно проводить курс на победу революции, вести за собой массы и добиваться реальных успехов, объективно оценивать итоги борьбы, победы и неудачи. Однако этого у «народников-коммунистов» не было. Вместе с тем выдвинутая ими концепция Октябрьской революции была значительным шагом по пути сближения с марксизмом, что свидетельствовало о дальнейшем распаде народничества, приближении его гибели. Критическое отношение к идейному наследию эсеров позволило «народникам-коммунистам» отказаться от ряда принципиальных постулатов народников и увидеть в Октябре величайшее в истории человечества событие, начало мировой социалистической революции¹⁷¹.

В целом же «народники-коммунисты» не смогли подняться до марксистской теории классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Так, признавая авангардную роль пролетариата в ходе социалистической революции, они ставили знак равенства между ролью рабочего класса и крестьянства в процессе социалистического строительства, что приводило их к отрицанию ведущей роли пролетариата в борьбе за социализм¹⁷². Это было связано с тем, что свою концепцию революции «народники-коммунисты» создавали и развивали на базе субъективистской народнической социологии, не позволявшей порвать с мелкобуржуазным пониманием проблем общественного развития.

Отвергая марксистско-ленинское учение о двух фазах развития коммунистической формации, «народники-коммунисты» наделяли признаками коммунизма возникавшие тогда еще очень слабые и примитивные коммуны. В этих взглядах «народников-коммунистов» проявились их теоретическая ограниченность и ультрареволюционный, левацкий подход к проблемам общественного развития, основанный на игнорировании и непонимании реальных условий переходного периода от капитализма к социализму.

Отвергая принципиальную разницу между марксизмом-ленинизмом и народничеством, они утверждали, что расхождения между этими учениями касаются лишь второстепенных вопросов. Так, Полянский доказывал, что социальной жизнью и революционным опытом «изрядно стерты не только программные, но и принципиальные (философские) разногласия с марксистами-большевиками»¹⁷³.

Считая себя активными участниками коммунистического строительства, «народники-коммунисты» приняли решение о самоликвидации и 1 ноября 1918 г. заявили о добровольном объединении с партией большевиков¹⁷⁴.

Рассмотрение взглядов «народников-коммунистов» свидетельствует о том, что определенные группы эсеров встали на путь не только организационного, но и идейного разрыва с эсерством. Главным в политической платформе ПНК было признание социалистического характера Октября, исторического значения начавшегося преобразования общества на социалистических началах. Однако оставаясь в области философии на позициях субъективного идеализма, «народники-коммунисты» не могли быть последовательными в решении как общетеоретических, так и политических вопросов, что проявилось в противоречивости и эклектизме их концепции в целом.

Партия революционного коммунизма (ПРК) возникла в сентябре 1918 г. и просуществовала до осени 1920 г. Ее члены избрали своим девизом слова «Властью трудящихся к социализму!», заменив ими лозунг эсеров «В борьбе обрешь ты право свое!». Лидерами и идеологами партии стали М. А. Натансон, А. М. Устинов, В. О. Зитта, Г. Н. Максимов, П. Сапожников (П. Бельский). Их выступления интересны тем, что впервые в истории народничества была предпринята попытка подвергнуть сомнению, а в чем-то и пересмотреть некоторые основополагающие постулаты эсеровской доктрины.

В области философии истории они заявили об отказе от «односторонних» формул — «бытие определяет сознание» и «сознание определяет бытие». Эта теория, писала газета «Воля труда», не может быть «усвоена подлинно научным мировоззрением: гораздо вернее положение, что бытие и сознание являются лишь двумя сторонами биологического начала и взаимно определяют друг друга в процессе взаимодействия». Выступая против подобного рода попыток подняться выше «крайностей» материализма и идеализма, В. И. Ленин в статье «О значении во-

инствующего материализма» называл их прислужничеством буржуазии¹⁷⁵.

Опираясь на теоретические выводы учения П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, «революционные коммунисты» заявили об отказе от идейного плюрализма и объявили себя сторонниками «социально-биологического монизма»¹⁷⁶. Не вдаваясь в детальный анализ этой философской концепции, отметим лишь ее важнейшие проявления применительно к истории общества. Самы «революционные коммунисты» определяли свои позиции следующим образом: «Придерживаясь в философии биологического монизма, в социологии и истории как науках о человеческом обществе мы устанавливаем монизм социально-биологический, кладя в основу исторической динамики теорию борьбы за человеческую индивидуальность»¹⁷⁷. Следовательно, в основе их историко-социологических концепций оставался все тот же субъективно-идеалистический метод, лишь несколько обновленный. Хотя попытки пересмотра основ народнического учения оказались в конечном счете бесплодными, они все же свидетельствовали о дальнейшем углублении кризиса идеалистического мировоззрения эсеров, проявившемся в призывах к переходу от «плюрализма» к «монизму».

Наиболее важным моментом в мировоззрении ИРК было признание ее идеологами марксизма подлинно революционной теорией XX в., проверенной практикой борьбы масс в 1917 г. «Революционные коммунисты» часто выступали с оценками марксизма на страницах своих изданий, признавая его заслуги и достоинства как научной теории. Так, Бельский писал: «Надо отдать справедливость, эта теория революционного марксизма стройна, последовательно революционна и стремится быть динамической теорией развития человеческого общества в коммунистическую форму»¹⁷⁸. «Революционные коммунисты» видели значение теории марксизма в «практическом осуществлении диктатуры пролетариата», подчеркивали ее важность для всякого, кто «хочет понять смысл происходящего и способствовать скорейшему осуществлению коммунизма»¹⁷⁹. Они не раз писали, что революционный марксизм отличается от оппортунизма во взглядах на государство и диктатуру пролетариата, что нельзя изучать марксизм по фальсификационным изложениям этого учения его противниками, что его можно познать только по первоисточникам, что невозможно рассматривать проблемы революции XX в., игнорируя марксизм.

Однако подлинной сущности марксизма, его важнейших положений и выводов лидеры ПРК так и не поняли, хотя сделали в этом направлении значительный шаг вперед по сравнению с эсерами. Это непонимание наглядно проявилось в отождествлении марксизма с революционным народничеством, а К. Маркса с Н. К. Михайловским. Общность этих двух противоположных по своей сущности и содержанию теорий «революционным коммунистам» виделась там, где в действительности расхождения были наиболее принципиальными и значительными. Это относится в первую очередь к теории общественно-экономических формаций.

Продолжая развивать идеи Н. К. Михайловского, «революционные коммунисты» трактовали исторический прогресс как смену общественных форм: феодализма, капитализма, социализма, не понимая, однако, подлинных причин и закономерностей социально-экономического прогресса общества. Для теоретиков ПРК эклектическая концепция смены общественных форм и материалистическая теория общественно-экономических формаций были либо тождественными, либо очень близкими по своему содержанию и значению, тогда как в основе одного учения лежал исторический материализм, а в основе другого — субъективный идеализм (понимание прогресса как «борьбы за индивидуальность») с элементами вульгарного материализма¹⁸⁰.

«Революционные коммунисты» неоднократно пытались доказать близость своей позиции к марксизму, однако на деле речь шла лишь о стремлении обновить старую народническую теорию с помощью отдельных марксистских положений, придать ей более жизненный, современный и привлекательный вид. О том, насколько бесплодными оказались эти попытки, свидетельствуют взгляды «революционных коммунистов» на пролетариат и его роль в мировом революционном процессе.

Выход на историческую арену пролетариата «революционные коммунисты» объясняли не положением этого класса в системе общественного производства, а «усилением индивидуальности поработанных классов». Поэтому во главе движения, по утверждению П. Сапожникова, оказался класс, «наиболее угнетенный и сплоченный, наиболее организованный и готовый к борьбе, т. е. индустриальный пролетариат». Признание революционных возможностей пролетариата и его способности быть гегемоном всех эксплуатируемых в борьбе за социальное

освобождение, таким образом, сочеталось у «революционных коммунистов» с идеей Михайловского о прогрессе как «борьбе за индивидуальность»¹⁸¹. К тому же идеологи ПРК, как и многие другие мелкобуржуазные демократы, связывали руководящую роль пролетариата лишь с победой пролетарской революции, тогда как в действительности это качество было присуще ему уже с первых шагов появления на исторической арене. Этого важного обстоятельства теоретики ПРК не понимали, хотя и делали определенный шаг в сторону марксизма в объяснении ведущей роли пролетариата в Октябрьской революции. Они наделяли пролетариат такими чертами, как склонность к восприятию «механических, связанных с производством теорий», привычка «к повиновению и дисциплине», отсутствие в его мышлении «элементов сложной кооперации и государственности»¹⁸². Подобные характеристики не отражали действительной сущности пролетариата и не раскрывали истоков его революционности и организованности, способности возглавить борьбу широких трудящихся масс за демократию и социализм.

Заметно углубилось у «революционных коммунистов» понимание условий, которые породили острую классовую борьбу, завершившуюся в 1917 г. победой социалистической революции в России. Они относили к ним наличие феодальных пережитков, хищнический характер капитализма, колоссальную нищету и угнетение средних и низших классов, порождавшие их «общую солидарность».

Подобно теоретикам «народников-коммунистов», лидеры «революционных коммунистов» оценивали Октябрь как падение власти буржуазии и переход ее в руки народа. При этом социалистический характер Октябрьской революции они выводили из уничтожения частной собственности на землю¹⁸³, национализации фабрик, заводов, банков, которую они отождествляли с эсеровской концепцией социализации земли¹⁸⁴. Вместе с тем «революционным коммунистам» было чуждо понимание социализма как экономической системы, как первой фазы коммунистической формации.

Такой же противоречивый характер носило отношение теоретиков ПРК к диктатуре пролетариата. Они признавали ее необходимость лишь в период захвата власти пролетариатом, не понимая важности пролетарской диктатуры для успешного социалистического строительства¹⁸⁵.

Признавая социалистический характер Октябрьской революции и решающее значение пролетариата, борьба

которого обеспечила победу в 1917 г., лидеры ПРК позитивно оценивали деятельность партии большевиков. Пролетарская революция, писал Сапожников, началась и могла идти лишь под руководством той партии, которая обладала «выкованным в подпольной работе централизованным аппаратом, сильным руководящим центром, руководствующимся в социальной борьбе принципом целесообразности и простыми и ясными для восприятия масс лозунгами. Такой партией являлась партия большевиков: под ее флагом совершилась смена общественных форм в России»¹⁸⁶.

Изучение изданий, выпущенных ПРК, приводит к заключению, что правильные и неверные теоретические положения переплетались у них в таких причудливых сочетаниях, что их трудно порой отделить друг от друга. Так, «революционные коммунисты» рассматривали Советскую власть и диктатуру пролетариата как необходимое средство достижения коммунизма и вместе с тем отождествляли социализм и коммунизм, не проводя между ними никаких различий. Сущность социалистического государства, которое они поддерживали своими практическими действиями, усматривалась в том, что «все материальные и духовные ценности», весь хозяйственный и административный аппарат, «целью которого является развитие производительных сил», обобществляются в интересах народа. Однако одним из противоречий нового строя «революционные коммунисты» считали «закрепление за пролетариатом привилегированного положения», что мешало, по их мнению, созданию нужных условий «для всестороннего и гармонического развития человеческой индивидуальности»¹⁸⁷. И все же, писали идеологи ПРК, несмотря на эти противоречия, государство пролетариата является «формой исторически прогрессивной на пути к коммунистическому однородному обществу». Поэтому всякое противодействие этому процессу, утверждали они, «какими бы лозунгами это противодействие ни прикрывалось, есть не что иное, как явление регрессивное, реакционное, не только не способствующее уменьшению однородности общества, но, наоборот, отдаляющее установление высшей формы коммунизма»¹⁸⁸.

Эти взгляды и определяли все поведение ПРК: сотрудничество с Советской властью, участие в социалистическом строительстве, активную борьбу против контрреволюции¹⁸⁹, а в сентябре 1920 г. самоликвидацию этой партии и слияние с РКП(б).

Изучение идейной эволюции левых течений эсеровщины в 1917—1920 гг. показывает, насколько трудным, противоречивым и болезненным был путь мелкой буржуазии, ее лидеров и теоретиков к признанию пролетарской революции. Этот процесс развился в сложной обстановке классовой борьбы, которая предопределяла «разоблачение буржуазно-демократических иллюзий»¹⁹⁰. В. И. Ленин в статье «Ценные признания Питерима Сорокина» писал, что факты «заставляют мелкобуржуазных демократов России, несмотря на их ненависть к большевизму, воспитанную историей нашей внутрипартийной борьбы, повернуть от враждебности к большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его»¹⁹¹. Этот путь проделали и представители левых течений партии эсеров, что нашло отражение в идейной эволюции «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов».

Признание краха партии эсеров и ее политики в ходе Октябрьской революции, выступления в печати лидеров ПНК и ПРК имели важное политическое значение в борьбе большевиков за средние слои, их привлечение на сторону пролетарской революции. «Честное признание политической ошибки,— писал В. И. Ленин в той же статье,— приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы»¹⁹².

Концепции Октябрьской революции левых течений эсеров объективно были признанием идейного краха мелкобуржуазной демократии, ее попыток играть роль «третьей силы» в борьбе между пролетариатом и буржуазией, найти «третий путь» в период пролетарской революции. Объективный и закономерный процесс распада мелкобуржуазной демократии в условиях острой классовой борьбы переходного периода проявился в образовании левого течения у социалистов-революционеров и его дальнейшей эволюции, приведшей к сближению с большевиками. В. И. Ленин и партия большевиков тщательно изучали и анализировали этот процесс, определяли задачи, формы и средства борьбы за средние слои с целью их нейтрализации и привлечения на сторону революции.

Критический анализ левонароднических концепций Октябрьской революции раскрывает картину распада эсеровской доктрины, сдававшей одну позицию за другой.

Октябрьская революция нанесла решающий удар по мелкобуржуазным воззрениям, раскрыв научную несостоятельность эсеровских оценок классовой борьбы, социализма, революции. Стремление укрепить разваливавшиеся устои народничества заставляло идеологов эсеров пересматривать отдельные положения теоретической доктрины, дополняя их идеями, заимствованными из марксизма-ленинизма, что придавало ей еще большую эклектичность и неустойчивость. Острая классовая борьба революционной эпохи, факты реальной действительности безжалостно разрушали эсеровские теории, убеждая наиболее вдумчивых теоретиков в бесперспективности попыток возрождения народничества, в его неспособности играть роль революционной теории в борьбе эксплуатируемых масс за социализм в XX в.

Развитие народнической концепции Октябрьской революции, которую как правые, так и левые эсеры пытались противопоставить марксизму-ленинизму, завершилось ее полным крахом. Большевики убедительно доказали свое преимущество в области теоретической и практической деятельности. Это было превосходство пролетарской революционности над мелкобуржуазным революционаризмом, научной теории и методологии над утопическими воззрениями идеологов средних слоев, претендовавших на руководство революционным движением России и оказавшихся неспособными возглавить борьбу даже одного класса.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ГИБЕЛЬ ЭСЕРОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОКтябрьСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЭМИГРАЦИИ

Победа пролетарской революции в 1917 г., разгром сил внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, успехи социалистических преобразований в СССР нанесли сокрушительный удар по мелкобуржуазным концепциям Октябрьской революции и социализма. Крах эсеров, потеря ими влияния в массах приводили одних из них в лагерь контрреволюции (на этот путь встали главным образом лидеры правых и левых эсеров), других — к разрыву с эсеровской доктриной и переходу на позиции признания Советской власти и сотрудничества с ней. Это были в основной своей массе рядовые члены партии¹.

Признавая свое политическое поражение, лидеры правых и левых эсеров искали его корни в приходе к власти большевиков, политике пролетарского государства, объясняли потерю влияния на массы, распад своих партий просчетами в тактике, непредвиденными обстоятельствами, случайными неудачами². Наиболее правые представители эсеровщины объясняли свое поражение бесперспективностью борьбы за социализм вообще и в России в частности, что якобы и предопределило провал «революционной» политики эсеров в 1917 г.³

В публикации материалов Пражского архива эсеров справедливо отмечалось: «Несмотря на суровый приговор, вынесенный ходом освободительной борьбы русского пролетариата и крестьянства над партией эсеров, последняя в лице заграничных группировок не соглашалась признать себя побежденной»⁴. С фанатичным упорством эсеры продолжали твердить в эмиграции о своей верности народнической доктрине, «трудовой демократии», «идеям народовластия»⁵, по-прежнему верили в возможность возвращения былой популярности в массах, в восстановление партии в ее прежнем виде, в ее решающую роль в судьбах России «после падения власти большевиков»⁶.

В 1922 г. историк-марксист Н. Н. Попов писал, что партия эсеров «весьма плохо отдавала себе отчет как в

реальных условиях борьбы за социализм, так и в ее целях». Эсеры брали лозунги борьбы не из «реальных условий исторической действительности, а из мира абстрактных идеалов, которым мещанин поклоняется»⁷. Потеряв былую социальную базу, не понимая законов классовой борьбы, лидеры эсеров строили всю свою деятельность в эмиграции на ложных посылах, что обрекало их на неизбежную гибель. Превратившись в обанкротившихся политиканов, идеологи правых и левых эсеров избрали и соответствующие их классовой природе пути и средства борьбы: в России они ушли в контрреволюционное подполье, за границей сомкнулись с белой эмиграцией.

Эмиграция партийных лидеров и некоторых рядовых членов в страны Европы и Америки, где они продолжали борьбу против социалистической революции и марксизма, является одним из показателей краха эсеровской партии и превращения ее в антисоветскую силу. «Эта эмиграция,— подчеркивал В. И. Ленин на III конгрессе Коминтерна,— всеми силами и средствами работает над разрушением Советской власти и восстановлением капитализма в России»⁸. Враждебная деятельность эсеров поддерживалась и финансировалась буржуазными правительствами, боровшимися против Республики Советов как центра мирового пролетарского движения⁹. Имея свои главные штабы и газеты за границей, эсеры и меньшевики, говорил В. И. Ленин, «фактически идут в блоке со всей буржуазной контрреволюцией и служат ей верную службу»¹⁰.

Бывшие мелкобуржуазные демократы и революционеры более, чем кто-либо другой, устраивали империалистическую буржуазию в качестве активной силы идеологической контрреволюции. В руках международной реакции эсеры стали орудием борьбы, направленной на ослабление внешнеполитического престижа Советской власти и ее влияния на трудящихся капиталистических стран.

Отмечая на X съезде РКП(б) важность и трудность борьбы с внешней идеологической контрреволюцией, В. И. Ленин обращал внимание на то обстоятельство, что «два миллиона русских эмигрантов находятся за границей. Их выгнала гражданская война. Они нас осчастливили тем, что теперь заседают в Берлине, Париже, Лондоне и во всех столицах, кроме наших. Они поддерживают ту же стихию, которая называется мелким производителем, мелкобуржуазной стихией»¹¹. Они были готовы подхватить любой промах, недостаток и ошибку и сделать

их средством борьбы против нашей страны и партии, помогая этим империалистической буржуазии¹². Поэтому В. И. Ленин указывал на необходимость учитывать «новейшие тактические приемы врагов Советской власти»¹³.

Эсеры-эмигранты изображали свое появление за рубежом в виде «рождения новой демократической силы», ратовали за объединение всех соотечественников во имя «общего дела» — борьбы с большевизмом¹⁴. Однако наряду с этим они признавали и нередко об этом писали, что эмиграция из России является весьма сложным и разнородным явлением, трудно спланиваемым и мало организованным. Ныне «мы имеем,— отмечал А. Аргунов,— разношерстную толпу людей, прибывшую за границу не только с идейным багажом, но и со всем своим домашним скарбом, со своим блеском и убожеством, идейностью и пошлостью»¹⁵. Стремясь доказать, что эмиграция — это большая политическая сила, которая способна сыграть заметную роль в будущем, автор обращался к прошлому. На вопрос: «Откуда к нам пришли большевики?» — Аргунов отвечал: «В эмиграции сложилась их идеология, здесь же образовался их поныне здравствующий немногочисленный штаб, чтобы затем, нащупав почву, с головокружительной быстротой овладеть огромной страной»¹⁶. Подобные несостоятельные «аргументы» порождали иллюзии возможных успехов и несбыточные надежды на изменение обстановки в России.

В лагере белой эмиграции эсеры играли довольно активную роль, сплотившись с кадетами и монархистами на платформе враждебного отношения к Октябрьской революции, социалистическому строю, хотя иногда и заявляли о противоположности своих взглядов взглядам либералов и консерваторов¹⁷. Предпринимались попытки разработать общую программу и тактику борьбы против Советской власти с целью реставрации капиталистических порядков¹⁸. Процесс политической и идейной консолидации наблюдался и в отношениях между бывшими правыми и левыми эсерами, которые заметно сблизились в эмиграции, забыв прежние разногласия. Стремление эсеров-эмигрантов изобразить себя влиятельными политическими деятелями¹⁹ не соответствовало действительности. Эсеры функционировали в эмиграции в качестве разрозненных группировок, лишенных прочной социальной базы и обреченных на гибель. Поэтому неоднократно предпринимавшиеся ими попытки объединения в единую партию не могли дать положительных результатов²⁰.

В рядах эмигрантов оказались видные лидеры и теоретики партии эсеров: Н. Д. Авксентьев, М. В. Вишняк, И. И. Бунаков, А. Ф. Керенский, К. Р. Кочаровский, В. И. Лебедев, Н. С. Русанов, М. Л. Слоним, Е. А. Сталинский, В. В. Руднев, О. С. Минор, И. А. Рубанович, В. В. Сухомлин, А. И. Шрейдер, В. М. Чернов и др. Они стали активными членами различных эмигрантских организаций, боровшихся за единство действий, добывание средств, установление связей с различными буржуазными правительствами, готовивших акции против Страны Советов²¹.

Находясь в эмиграции, эсеровские лидеры продолжали руководить подготовкой контрреволюционных мятежей с целью свержения Советской власти, о чем свидетельствовали, например, Тамбовский, Кронштадтский и другие мятежи, организованные в начале 20-х годов²².

После того как потерпели крах надежды на российскую Вандею и шпионско-диверсионную работу против Советской Республики, основным занятием эсеров в эмиграции стала «литературная работа» различных групп, образовавшихся в Париже, Праге, Берлине, Варшаве, Белграде и имевших собственные печатные органы и издательскую базу²³.

Своими антисоветскими идеологическими выступлениями эсеры помогали империалистической буржуазии бороться против влияния идей Октября, против единственной в то время социалистической страны. Они срывали внешнеполитические акции Советского правительства, заключение международных договоров и соглашений, налаживание торговых контактов²⁴, пытались не допустить начавшуюся полосу признания Советской Республики крупнейшими государствами мира²⁵. «Вся белогвардейская русская пресса ставит себе, после неудачи военного нашествия, которое провалилось явно, хотя борьба еще идет,— ставит себе неосуществимую цель: сорвать торговые соглашения. Та кампания, которая нынешней весной была предпринята в чрезвычайно усиленных размерах, причем эсеры и меньшевики заняли первое место среди контрреволюционных сил, эта борьба велась к определенной цели: к весне сорвать экономические соглашения между Россией и капиталистическим миром. И эта цель в значительной степени им удалась», — говорил В. И. Ленин на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г.²⁶

Эсеры-эмигранты развернули кампанию лжи и клеветы против Коммунистической партии и Советского государства в связи с процессом 1922 г. над правыми эсерами — активными участниками контрреволюции. К 1922 г. лидеры правых эсеров полностью разоблачили себя как активная антисоветская сила, боровшаяся рука об руку с буржуазно-монархической реакцией и интервентами против республики рабочих и крестьян. Эсеры на страницах зарубежных изданий старались оправдать выступления, направленные против Советской власти²⁷, замалчивали или грубо извращали факты контрреволюционной деятельности, рисуя себя борцами за демократию, «освобождение России от большевиков» и т. д. Лидеры народнической эмиграции изображали судебный процесс 1922 г. и развернувшуюся в связи с ним идеологическую кампанию по разъяснению широким массам сущности антисоветской деятельности эсеров как стремление большевиков «свести счеты» со своими политическими противниками.

Империалистическая буржуазия Запада стала использовать эсеров — участников, свидетелей и очевидцев событий 1917—1921 гг. в борьбе против зарубежных деятелей культуры и представителей коммунистических партий, которые, побывав в Советской России, рассказывали миру о самоотверженной работе Советского правительства, героизме рабочих и крестьян, мужественно защищавших революцию, борьбе народа с голодом, разрухой, экономическим кризисом, неграмотностью, доставшимися в наследство от царского режима²⁸. Эсеровская публицистика обрушилась на М. Кашена, Б. Шоу, Р. Роллана, А. Франса с клеветой и грубыми нападками только за то, что они распространяли правду о русской революции, призывали народы Европы помочь России в борьбе с голодом 1921 г. Летом 1922 г. «Правда» писала, что «эсеры торжествуют победу голода в России» и агитируют за то, чтобы за граница не оказывала помощи голодающим Поволжья²⁹.

Начав свои выступления как политические противники партии большевиков, лидеры эсеров в эмиграции превратились в изменников Родины. Используя финансовую и моральную поддержку империалистических государств, эсеры-эмигранты оказались в полной зависимости от реакционной буржуазии Запада³⁰.

Новые условия и «новая роль» предопределили содержание и формы идеологической «работы» эсеров за

рубежом. Центральное место в ней заняла фальсификация событий 1917 г., особенно истории Октябрьской революции, и социально-экономической политики Советской власти. Выдавая эсеров за выразителей интересов и чаяний народов России, используя самые утонченные формы обмана трудящихся масс, международная буржуазия стремилась не допустить влияния идей Октября на широкие массы своих стран, внушить им боязнь революции, недоверие к коммунистам, враждебность к диктатуре пролетариата, к СССР. «Вся буржуазия,— говорил В. И. Ленин в 1921 г.,— помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. Эсеры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции»³¹.

Большая часть эсеровской литературы об Октябрьской революции выходила за рубежом на русском языке. И это не случайно, ибо она использовалась эсерами для целенаправленного воздействия на русскую эмиграцию, а также для проведения антисоветской и антимарксистской пропаганды в России, о чем сами эсеры неоднократно писали в те годы³². Эти факты необходимо учитывать при оценке той борьбы, которую вели историки-марксисты под руководством Коммунистической партии по разоблачению антисоветской и антимарксистской направленности эсеровских изданий об Октябре.

Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным с первых лет существования белой эмиграции, в которой заметную роль играли меньшевики и эсеры, уделяла большое внимание изучению ее состояния и разоблачению антисоветских идеологических кампаний эмиграции. «Без победы на этом фронте пролетарскую революцию нельзя еще считать законченной. Борьба будет упорна, длительна; она не кровава, но требует чрезвычайного напряжения сил коммунистических теоретиков, публицистов, писателей, поэтов и вообще деятелей народного просвещения»³³.

Одним из направлений этой борьбы стало разоблачение эсеровских фальсификаций истории Февральской и Октябрьской революций, роли в них различных классов и партий, характера социальных преобразований в СССР в переходный период³⁴.

Как уже отмечалось, все течения и группировки эсеровской эмиграции объединяла ненависть к Советской власти и партии большевиков. Однако, если для парижской группы М. Вишняка, В. Руднева и др. были характерны полное отречение от социализма и апология ка-

питалистического строя западноевропейского типа, то В. Чернову, С. Маслову и другим идеологам эсеровщины социализм представлялся далеким будущим, которое якобы придет, когда крестьянство, осознав себя как класс, под руководством интеллигенции создаст новый общественный строй. При этом все эсеры соглашались с тезисом, что время для социалистической революции в России еще не пришло³⁵.

Для того чтобы в полной мере раскрыть масштабы и оценить трудности идеологической работы Коммунистической партии, значение опыта ее борьбы против контрреволюционной идеологии, следует учитывать наличие в СССР в переходный период многочисленных мелкобуржуазных слоев, на которые делала ставку активно действовавшая контрреволюция за рубежом. В то же время объективное освещение деятельности Коммунистической партии и ее идеологических кадров, боровшихся против идейных противников революции и социализма, предполагает анализ и оценку тех концепций, которые брались на вооружение эсеровскими теоретиками и историками, оказавшимися в составе белой эмиграции в 20—30-е годы.

Изменения

в социологической концепции эсеров

Теоретические поиски эсеров в эмиграции объективно отражали влияние главного события XX в.— победы Великой Октябрьской социалистической революции. Поражение контрреволюции, успехи социалистического строительства, активное наступление марксистов на идеологическом фронте выбивали почву из-под ног мелкой буржуазии, сокращали сферы влияния и распространения народнических концепций общественного развития. Все это заставляло теоретиков и лидеров эсеров в эмиграции изменять тактику и формы борьбы, модернизировать свою социологическую доктрину, которая из состояния кризиса вступила в полосу разложения. Выход из идейно-политического распада эсеры усматривали в возвращении народничеству былой популярности, в стабилизации основополагающих социологических догм этой доктрины.

Теоретические поиски и социологические схемы лидеров эсеровщины были адекватным отражением того положения и той роли, которую эсеры стали играть

в эмиграции, превратившись в активную антисоветскую силу. Одни из эсеров-эмигрантов ушли в область абстрактной теории, занялись построением различных социологических схем и историей социальных учений³⁶, другие увлеклись реакционными субъективно-идеалистическими и этическими теориями, связанными с проблемами личности, «духа», морали³⁷, третьи занялись реставрацией прежних социологических схем, обновляя крестьянский социализм и приспособлявая его к борьбе против социалистического строя³⁸. Деятели типа Керенского сосредоточили главные усилия на писании мемуаров, создавая себе рекламу «борцов за русскую свободу и демократию»³⁹. В целом же идеологическая работа эсеров в эмиграции свелась к поиску и обоснованию путей, средств и форм борьбы против Советской власти, идей Октября.

В идейном походе идеологов мелкобуржуазной контрреволюции против социализма и марксизма-ленинизма центральное место, как и прежде, занимали проблемы Февраля и Октября, внутренней и внешней политики Советской власти, перспектив экономического и политического развития СССР. Будучи неспособными создать научную теорию общественного развития, мелкобуржуазные социологи эсеровского толка вынуждены были вновь и вновь обращаться к своим идейным предшественникам: Михайловскому, Лаврову и др., былой авторитет которых использовался для реставрации и модернизации износившихся социологических схем, опрокинутых классовыми битвами XX в.

Теоретики эсеровской эмиграции вновь занялись философией народничества. «Индивидуализм и этическое понимание социализма, завещанное нам народничеством, — писал М. Слоним, — остается идейным базисом эсеров»⁴⁰. А. Шрейдер заявлял, что в теоретической работе «нужно понять общий дух народничества. Вот единственный критерий собирания воедино крупиц того мировоззрения, которое начертало на своем знамени „лозунг вечной борьбы“»⁴¹.

Идеологи эсеровской эмиграции усиленно подчеркивали, что они являются наследниками и продолжателями русского народничества, которому якобы принадлежит будущее в России, на Западе и Востоке. «Нам, русским народникам, — писал А. Керенский, — воспитанным в строе гуманитарных и социалистических, но не марксистских идей, нам более чем понятны те выводы, к которым

придут неизбежно европейские идеологи, а за ними и практики рабочего движения, раз только они Личность человеческую признают самостоятельной ценностью, а ее волю — самостоятельным фактором истории»⁴².

Как и до революции, эсеры продолжали называть философию «обнаружение законов жизни человеческого „я“, планомерную их систематизацию и оценку с точки зрения жизненных задач, поставленных себе самою мыслящей, творчески сознательной личностью». Истина, познанная субъектом, по утверждению Шрейдера, остается его истиной, не имеющей «общечеловеческой значимости»⁴³. Эти исходные позиции предопределяли существование в среде эсеров огромного количества различных идейных групп и группок, связанных друг с другом общей теорией и методологией субъективного идеализма.

Трудно найти в истории России другое политическое течение, которое, подобно эсеровщине, так наглядно продемонстрировало бы органическую связь своих социально-классовых основ с идейно-теоретическими позициями, политической доктриной, программой и тактикой. Превращение эсеров в контрреволюционную силу повлекло за собой и соответствующую трансформацию их теорий, концепции социализма, классовой борьбы и революции с позиций мелкобуржуазной реакции.

Вся теоретическая работа эсеров-эмигрантов, как и до 1917 г., базировалась на бесконечных заимствованиях различных положений и идей из концепций и пролетарского и буржуазного направлений. При этом следует отметить, что теории буржуазной социологии по-прежнему привлекались без каких-либо критических оценок, а марксистская концепция революции грубо извращалась и фальсифицировалась. В таком виде эти идеи выдавались за нечто новое в эсеровской социологической доктрине.

Находясь в эмиграции, эсеры особенно усилили свои нападки на марксистско-ленинскую теорию, в которой, как и прежде, усматривали главного противника своей социологической концепции. При этом они использовали самые разнообразные методы и формы. Среди них были и грубое извращение теоретических положений, и злобные выпады против научных оценок исторических событий 1917 г., и робкие признания отдельных достоинств марксизма-ленинизма с целью отрицания главного в его содержании, и лицемерные упреки в «односторонности» и «прямолинейности», и попытки «дополнения» и «улуч-

нения» теории марксизма идеями субъективистского толка под маской объективизма.

Так, признавая громадный вклад К. Маркса в разработку теории социальной революции, эсеровские теоретики упрекали его в чрезмерном увлечении «абстрактной философской интерпретацией»⁴⁴. Не понимая сущность пролетарского учения о политической и социальной революциях, их органическом единстве и диалектической связи, эсеры стремились доказать, что большевиками этой важной проблеме якобы уделяется недостаточно внимания. В марксистско-ленинских оценках революций 1917 г. (Февраль — буржуазная, Октябрь — социалистическая революция) эсеры усматривали «слабость» и «ограниченность» научного социализма.

Проблемы политической и социальной революции эсеры рассматривали с точки зрения примитивного реформизма и эволюционизма, утверждая весьма популярные среди мелкобуржуазных теоретиков идеи о важности и необходимости подготовки социализма в недрах капиталистического строя; захват политической власти они оценивали как «последний акт» социалистической революции. С позиций реформизма эсеры пытались бороться против известного марксистско-ленинского положения о необходимости завоевания политической власти пролетариатом для проведения социалистических преобразований⁴⁵. Вопреки историческим фактам эсеры утверждали, что главным в пролетарской революции в России стало разрушительное, а не творческое начало⁴⁶.

В этих теоретических экскурсах, как и во многих других случаях, теория эсеров явно расходилась с их практическими действиями, как это было в 1917 г., когда, находясь у власти в коалиции с буржуазией, они не решили ни одной проблемы в интересах народа. Однако в эмиграции эсеры стали изображать себя ревностными сторонниками «социального творчества»⁴⁷, направляя главные усилия на срыв социалистического строительства в СССР.

Стараясь придать своей концепции видимость научности, основанной на «широте» исторического подхода, эсеры прибегали к абсурдным сравнениям революций 1917 г. в России с религиозными движениями: исламом, христианством, реформацией.

Большое внимание уделяли эсеровские теоретики проблеме мирного пути развития революции. Этот вопрос, как и многие другие, они решали абстрактно, игно-

рируя законы классовой борьбы, без учета исторического опыта прошлого и событий 1917 г. Они связывали его возможность не с расстановкой классовых сил и конкретной политической ситуацией, а с идеологией масс, с абстрактным «осознанием у рабочих и большинства народа своей силы»⁴⁸. Как и прежде, эсеровский реформизм основывался на субъективно-идеалистических представлениях о предпосылках революции и путях преобразования общества посредством радикальных изменений в сознании и психологии масс.

С реформистских позиций рассматривал проблему революции крупнейший теоретик эсеровской партии В. Чернов. В первой главе своей обширной работы о Февральской революции «Рождение революционной России» Чернов ставил вопрос: «Что такое революция?» Он видел корни революции в периодически возникающих несоответствиях между потребностями народа и теми политическими формами, которые, по его мнению, имеют тенденцию затвердевать и своей закостенелостью «стесняют дальнейший рост и развитие страны». Столкновение «общественности» и «государственности» вызывает, по утверждению Чернова, накопление взрывчатого материала в виде массового недовольства. Если уступками правящих классов народные волнения не успокаиваются, то наступает революция. Исходя из этих рассуждений, Чернов ставил другую, с его точки зрения, более важную проблему — о соотношении эволюции и революции, о революции и реформах, отдавая явное предпочтение «революции сверху», т. е. реформам. Образцом таких преобразований он считал деятельность Петра I и Александра II⁴⁹.

Для М. В. Вишняка, посвятившего обширные опусы истории Февраля и Октября, «революция есть столкновение элементов государства — народа и власти, от которого взрывается целое государство. Революция всегда имеет своим объектом и своей целью публичное право, низвержение и утверждение общественного и политического строя. Политические и социальные интересы и цели питают революцию, „стимулируют“ ее, но не определяют. Классы вкладываются в революцию, но творят и осваивают ее нации»⁵⁰.

Подобного рода рассуждения о революциях Вишняка и Чернова показывают, что в их подходе к этой важнейшей теоретической и практической проблеме XX в. почти ничего не изменилось, исходные позиции их рас-

суждений остались такими же неопределенными, туманными и далекими от науки, как и прежде, хотя они чаще стали пользоваться понятиями «класс», «классовая борьба», «столкновение социальных сил» и т. п.

Выступая против марксистской точки зрения о необходимости тщательной подготовки революции и грубо извращая ее, В. Чернов доказывал, что революции «не делаются» революционерами, а происходят подобно землетрясениям и извержениям вулканов, что «даже такой грандиозный переворот, как переход от капитализма к социализму, может произойти в совершенно мирных и легальных формах»⁵¹. Логика рассуждений Чернова сводилась в конечном счете к доказательству нецелесообразности и ненужности революций, возможности замены их разумными реформами, поскольку революция, по его мнению, не является «самым экономным способом движения вперед». Чернов выражал надежду на то, что когда-нибудь «вместо кровавой борьбы людей история будет двигаться исключительно бескровной борьбой идей»⁵².

Высказывания Чернова практически означали отказ от всякой революции и борьбы за нее. Эсеры отошли после 1917 г. от признания исторической необходимости политической и социальной революции, т. е. того учения, которое они заимствовали у народничества XIX в. и ревностными сторонниками которого себя изображали до 1917 г. Решающим событием, под влиянием которого произошла эта трансформация, была сама революция и ее последствия.

Все теоретические построения эсеров сводились в сущности к отрицанию революций и их прогрессивной роли в истории. Это было полное отречение от социалистической революции, которую раньше эсеры признавали хотя бы далеким, но вероятным будущим. Проблемы революционного преобразования общества они подменили «революционной» эволюцией, самой «идеальной», по их мнению, «средней линией развития»⁵³. Следовательно, переход идеологов эсеровщины на позиции буржуазии сопровождался не просто ревизией отдельных положений прежней концепции революции, а ее полной заменой реформистской схемой эволюционного развития общества, избегающего революционных потрясений посредством «разумной» политики правящих классов. Это был естественный итог всего предшествующего идейного и политического развития мелкобуржуазных демократов типа

эсеров. Идейная эволюция эсеров, предавших дело революции, получила логическое завершение в их историко-социологической концепции в эмиграции.

Аналогичный процесс происходил и с эсеровской концепцией социализма. Поиск новой «синтетической теории» социализма и общественного развития, как и до революции, проводился с позиций субъективного идеализма, интересов абстрактной личности. «Для социальной наука,— писал К. Кочаровский,— личность есть первичная реальность. Для социального творчества личность есть последний идеал»⁵⁴. Развитие эсеровской концепции социализма шло не по линии отказа от теоретических основ крестьянского, аграрного социализма, несостоятельность которого становилась все более очевидной после победы Октябрьской революции, а по пути оснащения прежних схем новыми аргументами, заимствованными из модной западноевропейской реформистской социологии. Интенсивно обновлялась терминология эсеровских социологических схем, словно это могло вывести мелкобуржуазную идеологию из состояния разложения.

Если до 1917 г. главным в деятельности эсеров было опровержение научной теории социализма путем противопоставления ей крестьянского, «этического» социализма, то в рассматриваемый период ведущим направлением стала борьба против реально строившегося социалистического общества. Извращались социально-экономическая политика Советской власти в городе и деревне, руководящая роль Коммунистической партии, борьба рабочего класса и крестьянства за социализм. Творческой деятельности советского народа эсеры-эмигранты противопоставляли антинаучные представления о дальнейшем развитии страны, движущих силах социального прогресса и путях достижения «трудовой демократии».

Как и раньше, прогресс общественного развития эсеры связывали с «трудовым народом»⁵⁵. Вместе с тем они заметно усилили внимание к пролетариату, показавшему свои громадные революционные возможности в Октябре и в процессе строительства социализма. Эсеровские оценки пролетариата стали носить еще более враждебный по сравнению с предыдущим периодом характер. Если раньше главная задача эсеров состояла в том, чтобы доказать неспособность пролетариата стать гегемоном революции, то в эмиграции центр тяжести в характеристике этого класса переместился в область отрицания его творческого потенциала, способности играть ведущую

роль в созидании социалистического общества. Пролетариат, утверждал Кочаровский, есть «только невыделимый элемент буржуазного строя и именно потому сам по себе не способен к строению социализма»⁵⁶.

Силами, способными привести к социализму, эсеры, как и прежде, изображали интеллигенцию и трудовое крестьянство. Рассматривая интеллигенцию в качестве самостоятельного класса, они доказывали, что «дальнейший путь как России, так всего человечества будет зависеть от пути трудовой интеллигенции, от ее классового самоопределения и идеологического самосознания». Что касается практической реализации теоретических предначертаний интеллигенции, то здесь ведущая роль отводилась эсерами трудовому крестьянству, которое в начале 20-х годов составляло две трети человечества. И хотя эсеры признали, что крестьянство XX в. «не представляет вполне однородной массы», однако они игнорировали процесс его разложения, доказывая, что оно является самым сплоченным и устойчивым классом современного общества. В эмиграции в понятие «трудовое крестьянство» эсеры стали включать и кулака, связывая с ним надежды на радикальные изменения в Советской России, т. е. на буржуазную реставрацию⁵⁷. Крестьянство наделялось такими чертами, как «автономность», «интегральность», «позитивность», объявлялось самым трудолюбивым, организованным и демократическим классом, аккумулирующим «социалистический опыт истории»⁵⁸.

Появление крестьянства в составе активно действующих политических сил России, писал С. Маслов, «можно считать неотвратимым фактом грядущего. Он создается на основе той крестьянской психологии, которая складывалась на протяжении почти двух столетий и теперь получила свои последние, дорисовывающие ее черты. Основной признак этой психологии — чувство и сознание крестьянством своей обособленности от других социальных групп и своей страдательной роли в ходе русской жизни»⁵⁹. Таким образом, в чертах, которые характеризовали крестьянство как класс, не способный вести за собой другие социальные силы и быть руководителем революционной борьбы широких народных масс, эсеры усматривали его преимущество по сравнению с пролетариатом.

Подобная оценка основывалась не на историческом опыте, а на иллюзорных умозаключениях и предположениях эсеров о том, что крестьянство «обнаружит» якобы

свои революционные возможности в будущем. «Именно в органическом трудовом классе — в миллиардном крестьянстве, — утверждали эсеры, — выработалась интегральная автономная личность для гуманизации и сложилась могучая коллективистическая самодеятельность для социализации». Крестьянство должно привести человечество к победе «крестьянской трудовой демократии» во всем мире⁶⁰. Из этих теоретических рассуждений делались практические выводы. П. Сорокину они виделись в том, чтобы оказывать «всемерное содействие поднятию экономического и духовного уровня крестьянства России, возрождение последней через возрождение этого класса, через его экономическую, культурную и политическую организацию»⁶¹. С позиций этой несколько подновленной, но существенно ни в чем не изменившейся концепции крестьянского социализма эсеры стали рассматривать и события 1917 г., особенно проблемы Октябрьской революции, и перспективы развития страны.

Дальнейшее развитие эсеровской концепции социализма шло двумя связанными друг с другом путями. Как уже отмечалось, одна часть эсеров усматривала возможность выхода из идейного кризиса в возврате к старым народническим воззрениям, другая связывала ее с дальнейшим «развитием» теории социализма посредством преодоления «крайностей» и «недостатков» как утопического, так и научного социализма. Первый путь получил наиболее полное выражение в работах Штейнберга, Шрейдера, Кочаровского. Последний полагал, что «интегральную социальную доктрину и позитивную социальную программу можно искать лишь в первоначальном синтетическом социализме, рожденном Великой французской революцией, и в тех позднейших течениях, которые, как Прудон и Луи Блан во Франции, „социальный идеализм“ в Англии, мадзинианство в Италии, народничество в России, развивались в том же направлении, но были временно затерты лучше выразившим эпоху марксизмом»⁶².

Примечателен тот факт, что в эмиграции эсеры пытались пропагандировать аграрный социализм среди различных слоев населения с целью опровержения марксизма и утверждения мелкобуржуазной идеологии как основы борьбы за будущее переустройство общества в странах Запада. Однако первые же попытки закончились неудачей, ибо в развитых капиталистических странах социальная база для распространения идей крестьянско-

го социализма была весьма ограничена. Некоторые из эсеров объясняли бесперспективность своей идеологической работы, например в США, неспособностью трудящихся этой страны, зараженных индивидуализмом и предпринимательством, к восприятию социалистического учения вообще⁶³.

На основе «изучения» опыта России эсеры пытались давать рецепты Западу, как «избежать» опасных явлений, подобных Октябрьской революции. Рассматривая марксизм-ленинизм в качестве главного препятствия на пути завоевания широких трудящихся масс на свою сторону, они уделяли преимущественное внимание обоснованию необходимости преодоления «крайностей» научного социализма, хотя и вынуждены были признавать его некоторые достоинства. «Сила научного социализма,— писал, например, В. Чернов,— была в объективной логике событий»⁶⁴. Однако это было лишь словесным признанием, ибо резко выраженная враждебность к научной теории социализма пронизывала все без исключения эсеровские работы.

Для крайне правого течения эсеровской эмиграции было характерно полное отречение от социализма как учения и общественной системы (М. Вишняк и др.). Эсерам, группировавшимся вокруг В. Чернова, было присуще стремление модифицировать, «улучшить» и «развить» народническо-эсеровское учение о социализме путем превращения его в «конструктивный социализм». Последний трактовался как синтетическое соединение научного и утопического социализма, потребность в котором, по мнению Чернова, была обусловлена тем, что социализм «перестает быть только теорией. Обстановка вынуждает его дебютировать в качестве социализма практического, прикладного»⁶⁵. При этом Чернов отрицал значение появления научного социализма как переворота в общественной мысли, считая, что утопический и научный социализм — это «лишь два крупнейших этапа единого и сплошного пути, единого органического развития, в котором научный социализм является лишь детищем утопического — развернутой и дифференцированной формой первичного, примитивного и элементарного по строению своему эмбриона»⁶⁶. Грубо фальсифицируя известные положения В. И. Ленина о трех источниках и трех составных частях марксизма, Чернов старался доказать, что марксизм является лишь слегка переработанным фурьеризмом. На основе этих абсурдных рассуж-

дений Чернов делал вывод, что подобно тому как в свое время утопический социализм якобы перерос в научный, в XX в. «его настоящее и будущее может быть охарактеризовано как перерождение его в конструктивный, или организационный», в котором научный и утопический социализм «примиряются в высшем синтезе».

Показывая несостоятельность В. Чернова как теоретика, историк-марксист Г. Зайдель в специальной статье писал: «И такие ученые пошлости преподносятся нашим „селянским министром“ с видом солидного знатока вопроса, преодолевшего всю огромную литературу об утопическом и научном социализме и открывающего новые горизонты в науке, прокладывающего новые пути от утопического — через научный — к конструктивному социализму... Вот уж подлинно — от утопического социализма к „научному“ ... невежеству»⁶⁷.

Октябрьская революция в полной мере раскрыла несостоятельность аграрного социализма, под флагом которого выступала партия эсеров. В эмиграции В. Чернов и его сторонники, стремясь восстановить авторитет своей дискредитированной теории, стали доказывать, что «организационный социализм» является «проверкою на практике жизни и предсказаний и предугаданий научного социализма»⁶⁸. Однако истинный смысл этих попыток, призванных придать эсеровской концепции социализма видимость научности и объективности, в полной мере раскрылся в трактовке вопроса о степени зрелости современного общества для решения проблем социализма. Эсеры доказывали, что на основе опыта истории они пришли к выводу о том, что «для современного конструктивного социализма центр тяжести вопроса о „готовности“ к социализму переносится из сферы технико-организационной в сферу культурно-психологическую». Развивая эту мысль, В. Чернов писал: «Идеалистическая сторона социализма, его содержание как новой культурной философии, как новой, высшей ступени в области морали — та сторона, которой со времен Герцена, Михайловского и Лаврова так много занималась русская социологическая школа, — должна получить свое развитие, превратив таким образом социализм из односторонне-материалистического в синтетический и интегральный»⁶⁹.

Следовательно, марксистскую теорию социализма, основанную на учете объективных закономерностей общественного развития, на материалистической философии, эсеры стремились подменить научной по видимости и

глубоко антинаучной по своему содержанию концепцией, построенной на субъективистской, этико-психологической основе. Социализм рассматривался в ней как далекое будущее, подготовляемое не объективным социально-экономическим процессом развития общества и революционной борьбой прогрессивных классов, а духовной эволюцией, т. е. изменениями в сознании людей. В статье о книге В. Чернова Г. Зайдель убедительно показал, что приемы современных эсеровских теоретиков остались теми же, какими они были во времена Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, разоблачавших народнические теории социализма. «„Идеалы“ Черновых, — писал он, — суть родные сестры утопическим мечтам предшественников Маркса, они исходят из фантастических построений плохоньких голов вчерашних эсеров, называющих себя сегодня „конструктивистами“»⁷⁰.

Не отрицая популярности научного социализма и его успехов, эсеры постоянно старались умалить значение марксизма. При этом грубо извращались марксистские оценки утопического социализма, трактовка марксистами соотношения объективного и субъективного факторов общественного развития, их диалектическая взаимосвязь. «Боязнь впасть в утопию», утверждал Чернов, проявилась в «олимпийском объективизме», свойственном марксизму, в котором якобы «элемент как индивидуального, так и коллективного социального творчества периодически строго сводился к нулю». Эсеровские теоретики типа В. Чернова продолжали твердить о том, что главным недостатком научного социализма является педооценка его идеологами значения «социального творчества» народных масс⁷¹. Вопреки фактам эсеры стремились убедить зарубежных читателей и своих последователей в узости социальной базы революции, в отказе большевиков от привлечения широких масс к управлению страной.

Интересно отметить, что наиболее правое течение эсеровской эмиграции без восторга встретилоopus Чернова о «конструктивном социализме», признав самой привлекательной его чертой критику ленинизма. М. Вишняк, принадлежавший к группе, полностью сомкнувшейся с кадетами, писал, что труд Чернова схематичен и более публицистичен, нежели научен. «Он мало оригинален, что в нем верно, то не ново; что ново — почти всегда неверно»⁷².

Марксистско-ленинскому учению о необходимости переходного периода между капитализмом и социализмом,

политической формой которого является диктатура пролетариата, эсеры-эмигранты пытались противопоставить реформистскую теорию, заимствованную из модной западноевропейской социал-демократической литературы. Ее содержание сводилось к тому, что период перехода от капитализма к социализму начинается не после победы пролетарской революции, а в недрах буржуазного строя. Подобно тому, писал В. Чернов, как в недрах феодального строя зародились и развивались новые формы буржуазной собственности, в недрах буржуазного общества создаются зачатки социализма. В их число В. Чернов включал «все виды рабочего коллективизма: профессиональные союзы, кооперативы, учреждения муниципального социализма, общинную собственность и т. д.»⁷³. Именно в этих общественных формах эсерам виделись материальные основы для развития нового строя, историческая возможность мирного, неревOLUTIONционного пути преобразования буржуазного общества в социалистическое.

Видные деятели Коммунистической партии, выступавшие в 20-е годы с критикой народнических теорий, неоднократно указывали на важность борьбы против «кооперативного социализма» подобного типа, получившего определенное распространение и в СССР⁷⁴.

Теоретики эсеров предлагали «исходить из анализа сельскохозяйственной трудовой кооперации как самостоятельно зарождающегося и органически развивающегося явления». Они отрицали капиталистический характер кооперации в условиях буржуазного строя. «Кто хочет принять участие в деревенском кооперативном движении и работать в нем не наощупь, не эмпирически, а руководствуясь путеводною звездой социализма, тот не может этого достигнуть, не выработав социалистической теории и кооперации вообще и сельскохозяйственной кооперации в особенности. Задача эта нелегка. На ней предстоит экзамен конструктивным способностям современного социализма». Следовательно, в кооперации эсерам виделся «особый путь» вращающегося крестьянства в «государство будущего»⁷⁵. При этом поземельную общину они трактовали как «своеобразную форму трудовой кооперации», развитие которой якобы должно привести к созданию единой «огромной поземельной общины». Это и означало бы, по их мнению, победу социализма. Подобный путь к социализму эсеры логически выводили из самобытности русских национальных условий. Игнорируя классовую природу кооперации и общины, они рассматривали идею

перехода к социализму через эти формы объединения крестьян как дальнейшее развитие своей теории социализации земли. «Социализация земли, подводя прочную базу под кооперацию сельского хозяйства и находя в ней свое естественное дополнение, открыла деревне путь к социализму и социализму путь к деревне», — писал В. Чернов⁷⁶.

Таким образом, эсеровские заявления о новом, более высоком уровне развития социалистической теории, на котором якобы преодолеваются недостатки утопического и научного социализма, на деле оказывались старой концепцией, лишь слегка подновленной аргументами западноевропейских теоретиков «кооперативного социализма». При этом эсеры окончательно порывали со своими прежними воззрениями на пролетариат и его роль в борьбе за социализм, отказавшись даже от тех ограниченных признаний революционных возможностей рабочего класса, которые делались некоторыми из них ранее.

С позиций реакционного мелкобуржуазного социализма оценивали эсеры и теорию научного социализма, и Октябрьскую революцию, и Парижскую коммуну. Они доказывали вредность и ненужность социалистических революций, поскольку для социализма, по их мнению, не созрели еще духовные, морально-психологические предпосылки, благодаря которым он мог бы стать реальностью. Такова была последняя «мудрость» черновской философии и его «синтетических исканий». Как отмечал Г. Зайдель, буржуазия Западной Европы лихорадочно ищет пути и средства укрепления своего господства и закабаления пролетариата. Для этого ей нужно прежде всего дискредитировать большевистскую революцию, диктатуру пролетариата, обезоружить рабочий класс и возглавившие его борьбу коммунистические партии. «Этого дела буржуазия не может совершить самостоятельно: она пользуется услугами своих социалистических прихвостней. Черновский очередной поход во славу „конструктивизма“ и означает объективно стремление помочь буржуазии победить пролетариат в грядущей борьбе»⁷⁷.

Важной чертой эсеровских теоретических построений стала ярко выраженная апологетика буржуазного строя. Капитализм противопоставлялся социализму в качестве реально существующей действительности в отличие от «далекого и неясного» социалистического будущего. Отрицая социалистическую природу изменений, происшедших в СССР, эсеры всеми средствами стремились

принизить и умалить значение социалистической демократии. Вместе с тем они доказывали, что «капитализм для своего развития нуждается в демократии, но и демократия для своего развития нуждается в капитализме»⁷⁸. Этот вывод делался на основе сравнения феодализма и капитализма. Непонимание исторической ограниченности буржуазной демократии объективно приводило эсеровских теоретиков к ее идеализации, проявлявшейся в утверждениях, что она якобы более совершенна по сравнению с демократией социалистической.

Заметно изменились взгляды эсеров и на роль буржуазии. Если до 1917 г. они оценивали буржуазию как контрреволюционную силу, то после Октября доказывали, что в силу «организационных» и «хозяйственных» способностей она призвана сыграть выдающуюся роль в развитии России и всего мира⁷⁹.

В эмиграции теоретики эсеровщины стали уделять больше внимания проблемам исторического прогресса и факторам, его определяющим. Однако попытки разобраться в ходе исторического процесса с позиций субъективного идеализма приводили их к заключению, что законов истории, как писал Штейнберг, «мы до сих пор не знаем». Достижения социологии и обществоведения XX в. сводились, по его мнению, к тому, что «мы научились только подмечать некоторые самые общие повторяемости в линиях ее (истории.— Г. А.) развития. Мы знаем только, что в истории перемежаются эпохи гнета с минутами освобождения, что происходит постоянное круговращение созидания и падения царств, что человечество постоянно тоскует по правде и до сих пор не имеет ее»⁸⁰. Игнорируя объективные предпосылки и факторы революции, эсеры типа Штейнберга оценивали весь революционный процесс как «стихийное бедствие», «социальное землетрясение». Его сущность виделась им в том, что «душа революционного народа тяжело болеет»⁸¹. Не понимая классовой природы таких явлений, как революция и гражданская война, Штейнберг выдвигал своим идеалом такую социальную революцию, которая способна отстаивать «права своих классовых противников», замечая при этом: «Какой это был бы великий моральный урок человечности»⁸². Оценивая с этих позиций Февральскую и Октябрьскую революцию, он усматривал их начало в «стихийных проявлениях ярости» рабочих и крестьян в городе и деревне. Революция изображалась как взрыв страха, тоски, озлобленности, как гибель творческой рабо-

ты, упадок духовной жизни⁸³. Отличие Февральской революции от Октябрьской заключалось, по мнению Штейнберга, лишь в том, что первая применяла более мягкие формы террора⁸⁴.

Примечательным явлением деятельности эсеров в эмиграции стало стремление несколько обновить под воздействием событий 1917 г. и влиянием марксизма-ленинизма взгляды на классы и классовую борьбу. Одну из таких попыток предпринял П. Сорокин.

Сорокин попытался дать свое определение понятия «класса». Он писал: «Социальным классом будет совокупность лиц, сходных между собой по профессии, имущественному положению и объему прав, следовательно имеющих тождественные или близкие профессиональные + имущественные + социально-правовые интересы». К этим признакам он добавлял еще и такие черты, как поведение, нравы, психика и идеология⁸⁵. Из трех названных признаков в качестве доминирующего Сорокин выделял профессиональный. А для подтверждения своей правоты он перефразировал К. Маркса: «Профессиональное бытие определяет наше сознание». Таким способом идеологи народничества вплетали в канву своих рассуждений фальсифицированные идеи К. Маркса, попутно обвиняя марксизм в догматизме и примитивизме⁸⁶. Развивая свое понимание классов, Сорокин приходил к выводу о том, что индивиды, поставленные под сходное «давление этих трех атмосфер», неизбежно «сплавливаются в единую гомогенную массу, внутренне солидарную, внутренне сходную в массе психических и физических отношений. Имя этой массе класс. Не агитация, не пропаганда сплавливает членов одного класса в подобие единого коллективного тела, а прежде всего эти три условия». Теоретики типа Сорокина полностью отказались от прежних воззрений на класс, определяемый через характер распределения и тип получаемого дохода.

Примечательно и другое наблюдение Сорокина: по его мнению, неклассовые связи гораздо легче разрываются, чем классовые⁸⁷. С этих позиций он подходил к другой важной проблеме — проблеме классовой борьбы. Тождество условий и положения, считал Сорокин, «ведет за собой сходство реакций членов одного класса на сходные явления. Этим объясняется стихийно-эпидемический характер классовых движений, проявляющийся в стихийных стачках и других выступлениях, совершающихся сплошь и рядом без специальных агитаторов и организа-

торов»⁸⁸. Сорокин отмечал наличие внутри классов различных социальных слоев и группировок. Однако эти новации не изменяли существа его воззрений. Об этом свидетельствовали пространные рассуждения Сорокина о характере классовой борьбы: «Солидарность лиц одного социального ранга и вечная борьба, вечный антагонизм „привилегированных“ и „обделенных“, „аристократии“ и „демоса“, „патрициев“ и „плебеев“, „господ“ и „рабов“, „властвующих и подвластных“»⁸⁹.

Хотя дальше признания «вечной борьбы» Сорокин пойти не мог, в характеристике различных классов он делал определенный шаг вперед. Так, рассматривая пролетариат как класс, он наделял его такими чертами, как физический труд на фабриках и заводах, продажа мускульной силы за заработную плату, экономическая бедность, невысокий уровень заработка, отсутствие собственности и капиталов, юридическая или фактическая обделенность в правах⁹⁰. Подобные же изменения наблюдались и в оценке крестьянства, которое рассматривалось как многоземельное и малоземельное, «кулаки», «середняки», «деревенская беднота» с соответствующими внутриклассовыми антагонизмами⁹¹. Все это свидетельствовало о дальнейшем разложении народнической идеологии, представители которой пытались найти выход из идейного кризиса на пути обновления своих воззрений путем заимствования тех или иных положений и идей марксизма-ленинизма.

Теоретики эсеров в эмиграции не смогли создать, таким образом, новой социологической теории. Прежние воззрения на социализм и революцию были лишь несколько модернизированы под влиянием классовых битв XX в., и в первую очередь событий 1917 г. Однако они по-прежнему развивались на базе субъективно-идеалистической теории народнического толка с заметным усилением ее реакционных элементов. «Обновление» прежней теории революции проявилось в усилении реформизма, в отказе даже от того непоследовательного признания необходимости революционных преобразований, которые эсеры отстаивали до 1917 г. Революции в истории стали трактоваться эсерами как самый нежелательный, опасный и ненужный путь развития общества. Таков был закономерный итог эволюции историко-социологической концепции эсеров.

Февраль и Октябрь в изображении эсеров-эмигрантов

В отличие от кадетов и меньшевиков, которые еще до эмиграции выступили с рядом крупных трудов о событиях 1917 г.⁹², эсеры сделали это лишь в 20—30-е годы, находясь за рубежом. Видное место в эмигрантской литературе о революции заняли мемуарные публикации лидеров эсеровской партии⁹³, которые вместе с историческими «трудами» эсеров активно эксплуатировались и до сих пор используются реакционной империалистической буржуазией. Новым явлением в эсеровской литературе эмигрантского периода стали издания историографического характера, в которых оценивались труды о Февральской и Октябрьской революциях, принадлежавшие идеологам различных идейных течений⁹⁴.

В эсеровской концепции революции эмигрантского периода в целом сохранялись все основные элементы предшествующего этапа ее развития, хотя в освещении отдельных проблем истории Февраля и Октября произошли некоторые изменения. Это проявилось, в частности, в трактовке вопроса об «исторических корнях» российской революции. Если раньше главным в выступлениях эсеров было стремление доказать отсутствие в России необходимых экономических и духовных предпосылок для социалистической революции, то в эмиграции они стали подменять проблему предпосылок революции, исторической закономерности и необходимости свержения власти буржуазии вопросом о «неотвратимости» событий 1917 г. в силу специфики исторического развития России.

Чернов усматривал особенности исторического развития России в географических условиях страны, в бескрайности российских просторов. «И сама революция наша, — писал он, — недаром взлелеяна на том же лоне русской природы... Природа революции в России сродни с этой революцией природы»⁹⁵. Особенности России эсеры связывали не с длительным сохранением пережитков феодализма и необходимостью решения задач буржуазно-демократической революции в то время, когда уже созрели объективные условия для победы революции социалистической, а с выдуманными признаками, которые виделись им в «духе русской революции». Чернов определял его как «максимализм самой русской жизни, самой русской истории»⁹⁶. Из этого делался вывод о глубоко национальном характере русской революции, что естест-

венно вытекало и из эсеровских представлений о «национальных типах капитализма».

В концепции исключительности российской революции, связанной якобы со спецификой географических условий и исторического прошлого страны, раскрылась сущность социологической теории эсеров, отрицавших как общие объективные закономерности исторического процесса, так и закономерности социальных революций.

Неотвратимость революции в России выводилась из экономической отсталости страны, культурной и политической неразвитости масс, их пассивности, оторванности интеллигенции от народа, «неустойчивости классовых делений», отсутствия «национального общегражданского сознания». Все это, по мнению М. Вишняка, определяло ход и характер русской революции, а следовательно, и ее конечные результаты⁹⁷. И хотя М. Вишняк, выступая против В. Чернова, высмеивал объяснение истории России спецификой ее географического положения, тем не менее в их оценках истоков революции было больше сходства, чем различий. И для В. Чернова важнейшей чертой, определявшей ход русской революции, была «ужасающая историческая отсталость», которую он объяснял всем ходом русской истории, заимствуя важнейшие положения из буржуазной историографии, в частности из работ В. О. Ключевского⁹⁸. Одну из причин исторической отсталости России эсеры справедливо усматривали в сохранении самодержавия. Однако они не могли объективно оценить другие важные явления российской действительности, в частности развитие капитализма и появление на исторической арене пролетариата, возникновение и успешное развитие научного социализма, появление новых форм организации и революционной борьбы, свойственных пролетарскому этапу революционного движения. Эсеры продолжали утверждать, что «творческий потенциал» революции измеряется «культурным капиталом», а степень развития рабочего класса обусловлена состоянием рабочих касс, пародных домов, университетов, кооперативов, синдикатов⁹⁹. Их Чернов оценивал как «эмбрион нового общества», который в России был развит слабо, что якобы обрекало борьбу за социализм на поражение и делало революцию несвоевременной¹⁰⁰.

Эсеровские рассуждения о неподготовленности пролетариата к революции были направлены против марксистско-ленинского учения о классе-гегемоне, его способности к организации и руководству непролетарскими мас-

сами в борьбе за победу социалистической революции. Отрицание роли пролетариата не только как гегемона и главной силы революций 1917 г., но и как класса, которому принадлежит решающая роль в строительстве социализма,— характерная черта всей эсеровской литературы, выходявшей в эмиграции.

Марксистско-ленинскому пониманию движущих сил революции эсеры-эмигранты противопоставили собственную трактовку боровшихся в 1917 г. политических лагерей. При этом главным в эсеровском подходе к событиям 1917 г. стало стремление доказать, что магистральную линию развития революционного процесса составляла не борьба пролетариата против буржуазии. Так, по мнению В. Чернова, в России боролись два антагонистических лагеря, каждый из которых состоял из трех классов. Под предводительством самодержавия выступали такие «классы», как дворянство, плутократия и бюрократия, под руководством «трудовой социалистической демократии» — индустриальный пролетариат, трудовое крестьянство, трудовая интеллигенция¹⁰¹. Эти оценки расстановки классовых сил в 1917 г. свидетельствовали о том, что хотя эсеры и пытались внести некоторые дополнения в концепцию революций 1917 г., однако они не меняли ее сущности. Следует отметить, что в эсеровской характеристике отдельных классов содержались некоторые верные наблюдения, например об отсутствии революционности у русской буржуазии накануне 1917 г., однако подобные оценки были лишь эпизодическими элементами.

В белоэмигрантских газетах, журналах, сборниках, мемуарах, толстых «исследованиях» народническо-эсеровского толка, в документальных публикациях центральное место заняла история Февральской революции. Корни ее усматривались главным образом в гнилости самодержавного строя, в личности последнего царя. Эсеры типа Вишняка считали, что «самодержец не символ строя, а самый строй. От него исходят и в нем сосредоточиваются формально и фактически все начала и концы государства. Его личностью определяются социальный уклад, быт, иногда и самый образ мыслей в стране»¹⁰². Естественно, что с помощью подобных рассуждений о самодержавии как надклассовой силе, определяющей все стороны развития общества, нельзя было создать правильной концепции исторических предпосылок Февральской революции, закончившей с властью царя.

Несмотря на то что серьезных изменений в характере и содержании эсеровских оценок Февраля по сравнению с 1917—1920 гг. не произошло, некоторые положения в эмигрантский период заметно видоизменились. Среди них на первое место следует поставить, как показано выше, усиление внимания к теоретическим проблемам революции, попытки обосновать ее историческую неизбежность и выяснить степень подготовленности. Эсеры считали Февральскую революцию событием, обусловленным всем ходом русской истории. Она противопоставлялась Октябрю как явлению случайному, ненужному и вредному, обреченному рано или поздно на гибель. Возвращение к завоеваниям Февральской революции — таков идеал эсеровских историков и теоретиков в эмиграции. Именно поэтому Февраль стал главной темой всех эсеровских трудов.

Анализ освещения эсерами конкретных вопросов истории Февральской революции позволяет сделать вывод, что для народнической эмигрантской историографии при наличии общих целей и идейно-теоретической платформы был характерен глубокий идейный разброд. Образуется большое количество различных групп, которые занимаются усиленным поиском виновников «гибели» Февраля и причин поражения партии эсеров в 1917 г. Одни связывали крах Февраля с корниловским заговором, ликвидация которого усилила влияние большевиков и рост активности народных масс¹⁰³, другие объясняли торжество Октября июльскими событиями, третьи — активной деятельностью большевиков. В победе Октября эсеры, как и прежде, усматривали гибель «Великой российской революции»¹⁰⁴.

Если историки типа В. Чернова и М. Вишняка пытались создать научную по видимости концепцию революции 1917 г., поставив в центр внимания события февраля — марта, которые они считали вершиной революционного процесса в России, то приверженцы Февраля типа А. Керенского все усилия направили на реабилитацию собственной деятельности в 1917 г.¹⁰⁵ Последний старался доказать, что нельзя его одного обвинять в политике, которая способствовала приходу к власти большевиков. Взаимные обвинения в ошибках и просчетах стали характерной чертой эсеровской эмигрантской литературы о Феврале и Октябре. Являясь одним из инициаторов постановки вопроса «о факторах и лицах, содействовавших краху Февральской революции»¹⁰⁶, Керенский обвинял левых эсеров в предательстве родины, революции и партии,

а большевиков в безудержном стремлении к власти. В нерешительности Временного правительства, в его топтании на месте Керенский видел основную причину «гибели» Февраля: «Топтались везде: и в армии, и в аграрном вопросе, и в вопросе о войне и мире. Можно сказать, все государство топталось на месте, зацепившись за кадетский пень... Правительство несет ответственность за свое топтание и те лица, кто в него входил, если необходимо искать личной ответственности»¹⁰⁷. Среди лиц, приблизивших «гибель» Февральской революции, Керенский называл Чернова, ничего не сделавшего для решения аграрного вопроса, Авксентьева, группу Руднева, Гучкова и Поливанова, «разваливших» армию. Он обвинял Савинкова в неприглядной роли во время организации корниловского заговора, в последующей фальсификации событий 1917 г.

В конечном счете все рассуждения Керенского свелись к выводу, что «этих ошибок и не могло не быть» и что нельзя упрекать Февральскую революцию и Временное правительство в неспособности «удовлетворить революционное настроение масс», ибо «в той исторической обстановке, в условиях военного времени больше дать государство, хотя бы во сто раз революционное, народным массам не могло»¹⁰⁸. Однако все эти демагогические утверждения очевидно противоречили историческим фактам. Из всех авторов, писавших о Феврале, Керенский особенно непоследовательно и сумбурно оценивал события 1917 г. В юбилейных статьях 1927 г., опубликованных на страницах газеты «Дни», он, например, весьма рьяно отстаивал положение, с которым мало кто из эсеров соглашался. «Сейчас,— писал Керенский,— установлено и признано почти единогласно всем мыслящим общественным мнением: Октябрь в России был неминуем. Явление Февраля было тем самым явлением Октября»¹⁰⁹.

Эсеровские историки продолжали выступать против кадетско-милюковского объяснения причин революции и ее хода, против утверждений, что революция — это «темная и коварная» стихия, что Россия доросла только до бунта, а не до революции, которая якобы началась в 1916 г. в Думе¹¹⁰. Однако противопоставить что-либо действительно серьезное кадетской схеме эсеры при всем старании не смогли. Рассуждения о росте рабочего и аграрного движений, о перерастании уличного движения масс в феврале 1917 г. в революцию сводились в конечном счете к выводу, что Дума «всячески убегала от револю-

ции», а «революция с первых дней своего шествия по улицам Петрограда шла мимо Думы». Если «Дума не хотела идти к революции, то сама революция в образе вооруженного народа пожаловала в Думу»¹¹¹. В то время как революция шла вперед, отмечал Чернов, Дума занималась только борьбой против сепаратного мира¹¹². Невозможность продолжения войны Чернов видел в развале армии. Его причины он объяснял «полным банкротством военной теории», «стратегической безграмотностью и отсталостью», бесчисленными ошибками, безнадежным положением с вооружением и снабжением армии, низким уровнем командного состава. Все эти аргументы нужны были Чернову лишь для опровержения кадетских обвинений Февральской революции в развале армии. «Смешно и неумно сваливать вину за разложение армии на революцию», — утверждал Чернов¹¹³. Однако за всеми этими фактами Чернов не смог увидеть главного — распад всей социальной системы, реакционную роль царизма, поставившего страну на грань катастрофы, нежелание народа воевать за чуждые для него интересы.

Показательно, что даже о Феврале эсеры-эмигранты стали писать как о событии «несвоевременном». Февральская революция, доказывал М. Вишняк в 1927 г., «пришла в неурочный час русской истории»¹¹⁴. Этот исходный тезис стал для эсеров удобным средством объяснения всех событий революции, особенно предательского поведения мелкобуржуазных партий в 1917 г. Неподготовленность народных масс к революции, утверждал Чернов, ставила в тупик социалистов типа эсеров и меньшевиков, растерявшихся перед «общей некультурностью и хозяйственной отсталостью России». Это обстоятельство, по утверждению Чернова, стало главной причиной их «властобоязни», внушало недоверие к «эфемерным и миражным» стихийным выступлениям, «эпидемически быстро охватившим сверху донизу народные массы». В оправдание соглашательской политики меньшевиков и эсеров Чернов приводил аргументы об отсутствии в России смелой и решительной буржуазии, способной стать лидером революции, о деятельности партии большевиков, «слишком смело» возглавившей борьбу масс за власть. Боязнь революции, решительности и всевозраставшей революционной активности народных масс Чернов скрывал за рассуждениями о том, что время для социалистов еще «не пришло, что надо резервировать себя для будущего...». С его точки зрения, «настоящее было так смутно, тре-

можно, запутанно, что ни одна партия не в силах взвалить исключительно на свои плечи все тяжелое бремя власти»¹¹⁵.

Как и раньше, эсеры рассматривали Февраль как «великое чудо», как всенародную и бескровную революцию, как вершину всего исторического развития России, как революцию, совершенную народом во главе с революционной демократией, которая объединила все классы и партии, все национальности России¹¹⁶. При этом В. Чернов и другие эсеровские идеологи акцентировали внимание на стихийном характере массового движения в Феврале 1917 г., его внезапности и полном отсутствии руководства со стороны действовавших в стране политических партий¹¹⁷. Стихийность революционных выступлений объяснялась не остротой социальных антагонизмов, накалом классовой борьбы и бурным ростом массового движения в целом, а несознательностью масс и их неспособностью к организованным действиям вследствие политической и культурной отсталости. Это особенно подчеркивалось Черновым на примере революционных выступлений рабочих, которых он упрекал в «максимализме», порожденном «иллюзорными представлениями» о возможности «жить без хозяев», которые возникали якобы «на почве отсутствия всякого представления о всей сложности проблемы организованного, планового, социально-трудового хозяйства». Все эти рассуждения должны были подвести читателя к выводу, что пролетариат не являлся сколько-нибудь серьезной силой в революции¹¹⁸.

Неорганизованности, стихийности, низкому уровню сознательности пролетариата противопоставлялось аграрное движение в деревне¹¹⁹. В эсеровских трактовках событий 1917 г. рабочее и крестьянское движение выступали как две ничем в конечном счете не связанные друг с другом революционные силы. И хотя в некоторых работах утверждалось, что рабочее движение привело к «взрыву политической революции в городах», отзвуком которой была аграрная революция в деревне, тем не менее не эти идеи были главным элементом эсеровской концепции революции. Взбунтовавшемуся городу эсеры противопоставляли спокойную в первое время деревню. Они объясняли это явление социальной психологией крестьянина, его «недоверчивостью» к городу, «наивной верой» в судьбу, религиозностью и т. п. Анализ реальных социальных антагонизмов, революционного подъема в деревне подменялся психологическими наблюдениями и оценками, субъек-

ективистскими характеристиками такого типа, как «вера» в «полумистическую революцию», рост «страстности, нервозности и фанатизма», которые вносились в движение крестьянками¹²⁰, и т. п. Именно в аграрном движении, развернувшемся после Февральской революции, эсерам виделось ведущее направление борьбы в 1917 г. Только с ним связывал Чернов рождение новой «революционной России»¹²¹.

Если для В. Чернова Февральская революция — это революция трудового крестьянства, то для М. Вишняка она была «революцией без средних классов», т. е. без буржуазии, совершавшей победоносные революции на Западе. В этом Вишняк видел одну из причин «гибели» русской революции¹²². Идеал Вишняка — революция во главе со смелой и решительной буржуазией. А поскольку в России ее не было, то и «Великая Февральская революция» оказалась не такой, какой бы ее хотели видеть эсеровские политики в 1917 г. и эсеровские историки много лет спустя в эмиграции. Ненависть к пролетарской революции и социалистическому строительству стала причиной охлаждения «пламенных восторгов» эсеров по поводу Февральской революции, которая, как они утверждали ранее, была их детищем, гордостью, завоеванием. В этих оценках проявилась сущность правого крыла эсеров, превратившегося в эмиграции в реакционное идейное течение, отказавшееся даже от Февраля.

Большое внимание уделяли эсеры проблеме исторического значения Февральской революции. И хотя к ее решению они подходили с единых методологических позиций, однако конкретные оценки были весьма различны. Все они соглашались с тем, что Февраль — революция «великая», «общенародная», «трудовая». Однако на вопрос, какую же задачу она решила, эсеры отвечали по-разному. Так, А. Керенский считал, что Февральская революция заложила фундамент нового государственного и социального творчества¹²³. Для М. Вишняка историческое значение Февраля заключалось в том, что он «покончил с роковым противопоставлением власти и народа. Народ и власть слились: народ стал властным, власть стала народной». Однако прошлое тяготело над властью и народом, поэтому власть была непрочной¹²⁴. Революция пришла снизу «раньше, чем ее кто-либо ждал». Этим определялись все последствия революции, включая и ее «конец» в октябре 1917 г. Однако главный итог Февральской революции Вишняк видел в том, что ею была «рождена

русская нация». Февраль стал не только «эпилогом трехвекового периода русской истории», но и «прологом к ее будущему». При этом Вишняк неоднократно подчеркивал, что главное завоевание Февральской революции состояло не в упразднении монархии и сословного строя, а «в осознании народом своего бытия как целого и как единства»¹²⁵. В этом смысле, отмечал он, Февральская революция несравненно более значительна, чем Октябрьская¹²⁶.

В подобного рода оценках исторического значения Февральской революции в полной мере отразилась теоретическая и методологическая ограниченность эсеров — историков Февральской революции, приписывавших ей заслуги, которых она не имела, и задачи, которых она не решала¹²⁷. В силу догматизма мелкобуржуазные историки и теоретики типа Вишняка буржуазно-демократическую революцию, происходившую в эпоху империализма, наделяли чертами ранних буржуазных революций, совершившихся в Европе в XVII—XVIII вв. и положивших начало формированию буржуазных наций.

Признавая, что народная революция должна удовлетворять насущные интересы и требования трудящихся, эсеры пытались объяснить, почему Февральская революция не дала России ни мира, ни земли, ни хлеба. Однако ответ на этот вопрос они связывали не с классовой сущностью буржуазного Временного правительства и соглашательской политикой меньшевистско-эсеровских Советов, а со сложившимися обстоятельствами, в которых Временное правительство якобы ни на что не могло решиться. Чернов доказывал, что «слабым местом, подлинной ахиллесовой пятой Временного правительства было полное непонимание им собственной роли в борьбе окружающих его социальных интересов». Четкие классовые характеристики Временного правительства как органа буржуазии эсеры подменяли рассуждениями о его «полном творческом бесплодии», «преждевременности» его прихода к власти и т. д.

Эсеры были вынуждены умалчивать о том, что они вместе с меньшевиками поддерживали ни на что не способное Временное правительство, почему они, считая себя революционерами и социалистами, не стали хотя бы в оппозицию по отношению к буржуазной власти, а были последовательными сторонниками ее антинародной политики. Таким путем они пытались свалить на Временное правительство вину «за поражение» Февраля, скрыть

свою измену интересам народа. История Февральской революции, ее итоги излагались так, словно в неспособности что-либо решить в интересах народа были виноваты все — и Временное правительство, «топтавшееся на месте», и большевики, «рвавшиеся к власти», и народные массы, «слишком много требовавшие», но только не эсеры.

Много лет спустя после революции В. Чернов, ставший ее историком, откровенно писал, что после победы Февраля «неизвестной была проблема дальнейших судеб Великой русской революции». В этих условиях естественным, как утверждал Чернов, было обращение к прошлому — к английской и французской революциям¹²⁸.

С подобных же нечетких позиций рассматривались эсерами события, происходившие между Февралем и Октябрем. Столкновения различных классов и партий, рост революционного движения рабочих, крестьян, солдат, дальнейшее обострение революционного кризиса, антинародная политика Временного правительства, поведение мелкобуржуазных партий, превратившихся в пособников буржуазии в борьбе против приближавшейся социалистической революции,— все это подменялось в эсеровской историографии рассмотрением «столкновений» между Милюковым и Керенским, кризисов Временного правительства, описанием нерешительности его внутренней и ошибочности внешней политики. Это и привело к кризису власти, который можно было, по мнению эсеров, предотвратить «разумной политикой», т. е. своевременными реформами.

Как и в предшествующий период, основное внимание в эсеровской концепции уделялось не анализу этапов и конкретного хода развития революционных событий, а усиленным поискам ответа на вопросы: почему за Февралем пришел Октябрь, кто в этом виноват? Как и раньше, среди причин назывались неудачная военная и внешняя политика Временного правительства, отсрочка с созывом Учредительного собрания, нерешительность В. Чернова, занимавшегося аграрным вопросом. Освещение всех этих вопросов стало в эсеровской литературе оправданием одних и обвинением других без стремления разобраться в содержании происходивших в стране исторических событий. Так, отказ от проведения земельной реформы Керенский объяснял «боязнью хаоса». Продолжение войны он рассматривал как ошибку, которую не успели исправить, поскольку Октябрьское вооруженное восстание сорвало «мирную политику мартовской революции». При-

знание бесконечного количества ошибок и промахов, их оправдание тем, что «иначе не могло и быть», стало основным содержанием эсеровской литературы о событиях февраля-октября 1917 г.

Пытаясь объяснить победу большевиков в октябре 1917 г., эсеры-историки неспособны были проанализировать действительные причинно-следственные связи событий 1917 г., отражавшие закономерности революционного процесса в России в начале XX в., они подменялись надуманными схемами, иллюзорными характеристиками и оценками. «Февраль,— писал Вишняк,— потерпел поражение по многим основаниям. Обобщая, их можно свести к упадку воли и бессилию демократии»¹²⁹. Причину «крушения» Февраля он видел в том, что «плохо уживались вместе» «Временное» и «Революционное» (т. е. Советы)¹³⁰. Факт прихода к власти большевиков историки типа Вишняка объясняли неудачей заговора Корнилова, считая его роковой ошибкой. Если бы заговора не было, писал М. Вишняк, то «не было бы и Октября в октябре, а может быть, его не было бы совсем»¹³¹.

В целом в описаниях Февральской революции и ее последствий у эсеров-эмигрантов стало заметно меньше восторженных оценок, самовосхваления и пафоса, которые пронизывали эсеровские издания 1917—1920 гг. Даже крайне тенденциозный и к тому же весьма неглубокий подход к освещению событий 1917 г. все больше приводил эсеров к заключению: Октябрь был тесно связан с Февралем, события февраля-октября 1917 г., в том числе и политика эсеров, даже против их воли, подготовили победу большевиков, ибо иного пути у русской революции не оказалось. И хотя не все деятели эмиграции принимали этот вывод (так, против него выступал Н. Авксентьев¹³²) и по-разному его излагали, тем не менее объективно он оказался главным итогом изучения истории Февраля. Из подобных оценок логически вытекал вопрос: стоило ли бороться за Февраль, если он привел к победе большевиков в Октябре? Эти настроения пронизывали все работы эсеров о событиях 1917 г., написанные в эмиграции.

Факты разочарования эсеров в Февральской революции и ее итогах более всего замалчиваются современной буржуазной историографией, изображающей социалистов-революционеров борцами за демократию и социализм в России, партией, сошедшей с политической арены в сплу случайно сложившихся обстоятельств. Между тем крах

эсеров был закономерным итогом эволюции их теории, политики и тактики, что косвенным образом сами они признали в эмиграции.

Оценив Октябрь как революцию, эсеры продолжали, как и в предшествующий период, развивать тезис об отсутствии у него широкой социальной базы. И хотя эсеры не могли, как прежде, отрицать того, что Октябрьскую революцию совершил пролетариат, тем не менее они постоянно подчеркивали, что революция проходила под лозунгами хлеба, мира, земли, которыми якобы исчерпывались все устремления участвовавших в ней социальных сил¹³³. Преувеличивая значение, абсолютизируя лозунги буржуазно-демократической революции и замалчивая борьбу широких масс за победу социалистической революции, эсеры фальсифицировали факты, имевшие место осенью 1917 г. Только путем тенденциозного освещения хода событий они могли изобразить социалистическую революцию в виде случайного и неожиданного государственного переворота, совершенного большевистской партией, воспользовавшейся благоприятно сложившейся политической конъюнктурой¹³⁴. С этих позиций рассматривалась проблема власти, решавшаяся в октябре 1917 г. В объяснениях эсеров она просто перешла от Временного правительства к партии большевиков. Эсеры, как и прежде, не понимали и не признавали, что в основе этого переворота лежала революционная замена диктатуры буржуазии диктатурой пролетариата, что и составляло сущность Октября как политической революции¹³⁵.

Эсеры не хотели признать размаха и глубины влияния Коммунистической партии на массы в 1917 г. Выдавая желаемое за действительное, они рассматривали популярность большевиков как временное и случайное явление. Отсюда делался вывод о непрочности Советской власти, неизбежности гибели «узурпаторов-большевиков», которых-де свергнет сам народ, разочаровавшись в их политике¹³⁶. И тогда, утверждали эсеры, снова произойдет возвращение к традициям народовластия, установленно-го якобы Февральской революцией¹³⁷.

Примечательной чертой эсеровской литературы в эмиграции стало обращение к сравнению деятельности партий большевиков и эсеров, а отсюда и внимание к проблеме лидеров этих партий. И хотя эсеры совершенно не понимали характера связи класса — партии — лидера, твердили об «удачливости» большевиков, подменяя этим проблему причин победы пролетарской партии, они тем не

менее высказали ряд весьма интересных наблюдений с позиций противников большевизма и марксизма. Так, Чернов в очерке, опубликованном в связи со смертью В. И. Ленина, отмечая талант В. И. Ленина как организатора, писал, что «в лице Ленина сошел в могилу самый крупный характер из выдвинутых русской революцией»¹³⁸. Отмечая беспощадность В. И. Ленина по отношению к врагам, Чернов выделял такую его черту, как простота: «Он был приветлив, добродушно весел и обходителен, как простой хороший товарищ; и недаром любовно-фамильярное „Ильич“ получило такое распространение среди рядовых большевиков». Ленин не любил почестей, пышности, парадности, во всех ситуациях он оставался прост и натурален. «После всех неудач, ударов судьбы, поражений... он умел духовно выпрямляться и „начинать сначала“. Его волевой темперамент был как стальная пружина, которая тем сильнее „отдает“, чем сильнее на нее нажимают. Это был сильный и крепкий партийный политический боец, как раз такой, какие нужны, чтобы создавать и поддерживать в своих сторонниках подъем духа, и чтобы при неудаче предупреждать зарождение среди них паники, ободряя их силою личного примера и внушением неограниченной веры в себя, и чтобы одергивать их в моменты удачи, когда так легко и так опасно превратиться — выражаясь словами Ленина — в „зазнавшуюся партию“, способную почить на лаврах и проглядеть будущие опасности. В этой необыкновенной целостности натуры заключается и в значительной доле секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам»¹³⁹.

При освещении последовавших за Октябрем событий эсеровских историков не интересовали проблемы создания нового государственного аппарата, радикального решения аграрного вопроса и уничтожения остатков феодально-крепостнического режима, перехода от рабочего контроля к национализации промышленности, а также другие мероприятия, свидетельствовавшие о том, что Октябрьская революция, доведя до конца решение задач буржуазно-демократической революции, осуществляла радикальные социалистические преобразования.

Все эсеровские рассуждения сводились к доказательству того, что социализм в России после осуществления Октябрьского переворота «не наступил». Эсеры обвиняли большевиков в том, что они не смогли якобы дать народу «обещанного» до революции социализма в силу «ограниченности» и «примитивности» теории классовой бор-

бы и неподготовленности страны к социализму¹⁴⁰. Оценка революции в октябре 1917 г. как несоциалистической органически вытекала из эсеровской концепции социальной и политической революции, за которой сразу же наступает социализм, созревший якобы еще в недрах капиталистического строя. Под эту схему эсеры подгоняли оценки всех мероприятий Советской власти, утверждая, что они якобы не носили социалистического характера.

Отрицая значение проводившихся в стране мероприятий, направленных на уничтожение частной собственности и создание социалистического уклада, эсеры-эмигранты сосредоточили внимание на экономическом кризисе, разрухе, голоде, дороговизне, обвиняя в них Советскую власть¹⁴¹, хотя до октября 1917 г. они видели причины развала экономики в политике царизма и в войне¹⁴². В. И. Ленин указывал на империалистическую войну как важнейший фактор разрухи в стране¹⁴³.

Рассматривая Октябрь как якобы совершившийся в результате заговора небольшой группы большевиков во главе с Лениным, эсеры оценивали красный террор не как вынужденную меру для защиты революционных завоеваний от поползновений внутренней и мировой контрреволюции, а как средство удержания власти в руках большевиков, якобы не имевших серьезной опоры в стране и «оторванных» от народа. С. Маслов вынужден был признать право Советской власти «на самооборону и защиту» после убийства Мирбаха, мятежа левых эсеров, покушений на В. Володарского, М. С. Урицкого, В. И. Ленина, заговоров и мятежей¹⁴⁴. Однако ответные меры, по мнению Маслова, не должны были носить «жестокый» и репрессивный характер. Согласно логике эсеров, революция для защиты должна была использовать лишь «мягкие», «не крайние» средства, чтобы не терять своего «демократического» и «гуманистического» характера¹⁴⁵.

Репрессивные меры Советской власти против контрреволюции эсеры изображали как никому не пужный, кроме большевиков, террор, а его жертвы — как невинно пострадавших за «демократию» и «свободу». В письме к английским рабочим В. И. Ленин отмечал: «Настоящие виновники террора — империалисты Англии и их „союзники“, которые проводили и проводят белый террор в Финляндии и Венгрии, в Индии и в Ирландии, поддерживали и поддерживают Юденича, Колчака, Деникина, Пилсудского, Врангеля. Наш красный террор есть защи-

та рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров, на сторону которых становятся эсеры, меньшевики, ничтожное число меньшевистских рабочих»¹⁴⁶.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что наибольшим нападкам со стороны белогвардейской прессы подвергаются чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и что в подобных нападках отражается стремление ликвидировать эти важные органы защиты революционных завоеваний¹⁴⁷. Между тем иногда на страницах эсеровских изданий появлялись признания, что без чрезвычайных комиссий Советская власть могла бы погибнуть, а их ликвидация облегчила бы борьбу против диктатуры пролетариата¹⁴⁸.

Во введении чрезвычайных мер по борьбе против контрреволюции, в закрытии контрреволюционной печати, в ограничении избирательного права эксплуататорских классов эсеровские историки усматривали нарушение демократии, свободы, равенства¹⁴⁹. Даже представители левого крыла эсеровской эмиграции (И. Штейнберг, А. Шрейдер и др.), признававшие социалистический характер Октябрьской революции и советскую систему организации государственной власти¹⁵⁰, выступали с обвинениями большевиков в ненужных и опасных «крайностях», объявляли себя сторонниками «исправления этих ошибок» Советской власти¹⁵¹.

Бывшие левые эсеры признавали в мероприятиях Советской власти осуществление той демократической программы (мир, социализация земли, рабочий контроль), которую не смогла выполнить Февральская революция¹⁵². Как и другие течения эсеровской эмиграции, они делали ставку на трудовое крестьянство (включив в него и кулака), которое, по их мнению, являлось основной силой, способной вывести страну из кризиса, хотя они и не отрицали революционных возможностей пролетариата, как это делали Вишняк, Чернов, Маслов и др. Левые нередко полемизировали с представителями крайне правого течения по вопросу о сущности Октябрьской революции, выступали против обвинений в адрес большевиков, якобы разрушивших народное хозяйство страны, признавали значение Советов как формы организации государства¹⁵³. Однако на этом их признание Октябрьской революции и заканчивалось, ибо они не хотели и не могли понять необходимость диктатуры пролетариата. Они выдвигали требование замены диктатуры про-

летариата диктатурой пролетариата и трудового крестьянства и лишь на этих условиях соглашались признать Советскую власть и сотрудничать с большевиками ¹⁵⁴. Следует при этом отметить, что левый фланг эсеровской эмиграции не был многочисленным и влиятельным, а в теоретическом отношении его представители занимали крайне реакционные позиции, увлекшись проблемами этики революции, философией «гнева и ненависти», «души и рока», «массового психоза».

Обращает на себя внимание постановка на страницах эсеровских изданий такой проблемы, как последствия Октябрьской революции и политики Советской власти в области классовых отношений. Так, в работах С. Маслова явно под влиянием марксизма, против которого он рьяно боролся, рассматривалась дореволюционная социальная структура России и ее изменение в начале 20-х годов. В число основных классов российского общества до революции Маслов зачислял помещиков-землевладельцев, буржуазию, интеллигенцию, пролетариат, крестьянство. Он отмечал, что под влиянием революции социальный состав населения России, удельный вес и роль различных классов значительно изменились. Так, был ликвидирован класс помещиков и в итоге «из русской жизни исчез... самый влиятельный класс недавнего прошлого — класс, который стоял у руля государственного корабля» ¹⁵⁵.

В результате политики Советской власти, справедливо отмечал далее Маслов, значительно ослабли позиции буржуазии. Тем не менее именно с классом буржуазии, с возрождением его былой силы Маслов связывал восстановление разрушенного народного хозяйства России. «Ее положительная творческая работа еще не сыграна,— писал Маслов о буржуазии,— она только начата. Будущее у нее есть, но день сегодняшний не ее». При этом особая надежда возлагалась на помощь «заграничного собрата», поскольку, по мнению Маслова, без заграничных капиталов «хозяйственное восстановление России невозможно».

Не понимая сущности новой экономической политики, вызвавшей временное оживление буржуазии, а отнюдь не ее социально-экономическую реставрацию как класса, эсеры приветствовали нэп как начало возрождения капитализма в России ¹⁵⁶. Поэтому «социалисты» типа Маслова, выдавая желаемое за действительное, с восторгом писали в начале 20-х годов: «Прежняя роль русской буржуазии быстро восстанавливается» ¹⁵⁷. В этой оценке

в полной мере проявилась классовая сущность эсеров как идеологов и политических деятелей, окончательно порвавших даже с теми примитивными социалистическими иллюзиями, которые они отстаивали раньше.

Как утверждал С. Маслов, после революции значительно упала роль интеллигенции. «Она выбита, вымерла, ее ряды поредели», «ее социальный вес уменьшился». В два раза, по подсчетам Маслова, сократилась и численность пролетариата, «исчез» квалифицированный рабочий, «носитель гордости и чести», а новые рабочие «менее развиты, менее активны, менее способны действовать организованно», их «общественная роль резко упала»¹⁵⁸. Идеологи эсеров в эмиграции не хотели видеть того, что из революции и гражданской войны авангард рабочего класса вышел еще более сознательным, организованным и закаленным, в полной мере раскрывшим свои безграничные творческие возможности.

Главным в теоретических и исторических построениях эсеров стало доказательство того, что в стране нет иных социальных сил, кроме новой буржуазии и крестьянства, способных «вывести» Россию из состояния разрухи и обеспечить ее социальный и культурный прогресс. Эта идея эсеровской историографии по-разному аргументировалась Черновым, Масловым, Штейнбергом, однако все они усиленно доказывали, что будущее России связано с крестьянством. Оно, по мнению Маслова, менее всего пострадало от разрухи. Этот класс «сохранил свою прежнюю организованность в виде сельского и волостного сходов и земельной общины, он усилился по качественному составу благодаря приливу горожан, военнопленных и солдат с фронта», за время войны и революции крестьянство «расширило свой кругозор и свою активность». Из этой характеристики крестьянства делался нужный для эсеров вывод: «Фигура крестьянина сейчас на авансцене общественной жизни России... Неясное близкое будущее России лежит в загадочной крестьянской душе»¹⁵⁹.

Таким образом, идеологи эсеров приветствовали реставрацию капитализма, усиление роли зажиточных аграриев в общинных и кооперативных организациях, связывая с ними надежды на дальнейшее развитие сельского хозяйства России. В политической области ставка делалась не на свержение Советской власти, как это было в 1918—1920 гг., а на ее автоматический крах, ликвидацию «изнутри», постепенное перерождение. С откровенным цинизмом писали эсеры о своей надежде на гибель

революции и советского строя в результате внутрипартийной борьбы¹⁶⁰.

Однако надежды эсеров-эмигрантов не оправдались. Как отмечалось на XV съезде ВКП(б), итоги «истекшего со дня Октябрьской революции десятилетия раскрывают огромное международное значение этой революции как составной части великого международно-революционного процесса, преобразующего капиталистическое общество в общество социалистическое»¹⁶¹. Успешно развивалась внешнеполитическая деятельность Советского государства, что привело к признанию СССР крупнейшими странами мира.

Коренные социальные преобразования, происходившие в стране в 20—30-е годы, индустриализация и техническая реконструкция народного хозяйства, ликвидация неграмотности, рост культуры, успехи советской науки, литературы, искусства — все это способствовало росту авторитета СССР. Вторая мировая война преврала созидательный труд советского народа, заставила его сплотить все силы для борьбы с фашистской агрессией. В этих условиях в настроениях русских эмигрантов стали происходить серьезные изменения, связанные с переоценкой фактов прошлого под влиянием осознания серьезной опасности фашизма для всех народов Европы. Эти изменения в настроениях и поведении коснулись и эсеров-эмигрантов. По-разному отнеслись русские эмигранты к происходившим в Европе событиям¹⁶². Такие, как М. Вишняк, стали поддерживать фашизм, надеясь на разгром СССР и гибель социализма. Другие проклинали и осуждали фашизм, искренне желали победы советскому народу, третьи участвовали или помогали движению Сопротивления. Некоторые из эсеров-эмигрантов стали организаторами сбора средств для оказания помощи Красной Армии и советскому народу, подверглись преследованиям и гонению со стороны фашистов (С. С. Маслов), погибли в газовых камерах в Освенциме (И. И. Бунаков-Фундаминский).

Разгром фашизма, успешное восстановление разрушенного войной хозяйства, рост международного престижа и влияния Советского Союза — все это повлияло на настроения и характер деятельности всей русской эмиграции, включая и эсеровскую. Численность эмигрантов неуклонно сокращалась, а их деятельность потеряла прежние масштабы и формы.

В условиях, когда сама жизнь убедительно опровергала «пророчества» и «предсказания» эсеров, им пришлось пересмотреть главную цель своих трудов — доказательство бесперспективности и обреченности социалистической революции в России. Для эсеровских работ 50—60-х годов характерен отказ от рассмотрения конкретного хода событий 1917 г., движущих сил и предпосылок Октябрьской революции даже в том примитивном виде, в каком это делалось в предшествующий период. Главное внимание эсеры сосредоточили на социологических проблемах революции и освещении событий, связанных с Февралем. История Февральской революции рассматривалась ими весьма обстоятельно¹⁶³, а события, связанные с победой пролетарской революции, характеризовались, как правило, в нескольких тенденциозных абзацах. Типичными в этом отношении были описания Октября в мемуарах М. Вишняка, вышедших в Америке в середине 50-х годов. Октябрь он оценивал как поражение Февральской революции, объясняя его «упадком воли и бессилием демократии»¹⁶⁴. В этих мемуарах нет места ни борьбе трудящихся масс, ни классам и партиям, возглавлявшим эту борьбу, ни Октябрьскому вооруженному восстанию. Вся история величайшей революции XX в. сведена к перечню ряда второстепенных фактов, ни в коей мере не отражавших процесс ее развития и историческое значения¹⁶⁵. Столь же примитивным было объяснение причин победы Октябрьской революции: «Октябрь одержал победу именно потому, что ни в какой мере не считался с мнением тех, кто за большевиками не хотел идти»¹⁶⁶.

Признав Октябрь революцией, Вишняк доказывал, что он ничего не дал ни России, ни миру. Эта идея стала главной в последний период существования эсеровской историографии в эмиграции. Октябрь трактовался как революция без социально-экономических, политических и моральных последствий, без влияния и значения¹⁶⁷.

*

Для правильной оценки эволюции и краха эсеровской концепции Октября первостепенное методологическое значение имеют ленинские характеристики партии эсеров, ее участия в событиях 1917—1920 гг. В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» В. И. Ленин писал: «Меньшевики и эсеры в России (как и все вожди

II Интернационала во всем мире в 1914—1920 годах) начали с предательства, оправдывая прямо или косвенно „защиту отечества“, т. е. защиту *своей* грабительской буржуазии. Они продолжили предательство, вступая в коалицию с буржуазией *своей* страны и борясь вместе со *своей* буржуазией против революционного пролетариата своей страны. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком и Деникиным в России, как и блок их заграничных единомышленников с буржуазией *их* стран, был переходом на сторону буржуазии против пролетариата. *Их* компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя *соучастниками* империалистского бандитизма»¹⁶⁸.

Враждебное отношение к социалистической революции превратило бывших мелкобуржуазных демократов и социалистов сначала в соглашателей, затем в контрреволюционеров и пособников белогвардейцев, а позднее в эмигрантов, оказавшихся вдали от Родины и ее народа. Этот финал усилил их ненависть к Октябрьской революции и партии большевиков, с которыми эсеры, как и прежде, продолжали бороться всеми доступными им средствами. Только в свержении Советской власти эсеры-эмигранты видели возможность своего возвращения в Россию. Сами эсеры не раз откровенно признавались, что их ненависть к большевикам нередко лишала их чувства здравого смысла¹⁶⁹.

Поэтому в эсеровском освещении истории Октябрьской революции преобладали эмоционально-публицистический настрой, глубокая ненависть и враждебность, при которых нет места для взвешенного анализа. Ни в чем, пожалуй, не проявились в такой степени мелкобуржуазная неуравновешенность эсеров, их неспособность трезво взглянуть в лицо исторической правде, разумно оценить события прошлого, как в освещении истории Октября и его значения. Поэтому об эсеровской историографии Октябрьской революции можно говорить весьма условно, ибо понятие «историография» неприменимо к тем злобным выводам, враждебному брюзжанию, извращенному толкованию фактов и событий, относившихся к пролетарской революции и последовавшим за ней событиям, которыми буквально пронизаны труды эсеров об Октябре.

Тем не менее эмигрантская эсеровская литература об Октябрьской революции представляет определенный интерес, ибо дает достаточно полное представление о гибели одного из влиятельных идейных течений мелкобур-

жуазного типа — народнически-эсеровской идеологии, сошедшей в эмиграции с исторической арены. Историография стала для эсеров средством самореабилитации перед своими классовыми союзниками за рубежом. Антисоветскую направленность эсеровских писаний об Октябрьской революции буржуазия империалистических стран использовала как одну из форм борьбы с первой в мире страной социализма, против ее влияния на широкие трудящиеся массы. В этом проявилась важнейшая социальная функция эсеровской историографии Октябрьской революции.

Эсеровская историография — это в большей степени злобная антисоветская публицистика, нежели история революции, написанная хотя бы и ее врагами, но людьми, пытавшимися дать свое объяснение причин, хода и итогов революции, как это делал, например, П. Н. Милюков. Не случайно, сравнивая эсеров с Милюковым, В. И. Ленин писал в 1921 г.: «Конечно, не трудно быть умнее таких самовлюбленных дурачков, как Чернов, герой мелкобуржуазной фразы, или как Мартов, рыцарь подделанного „под марксизм“ мещанского реформизма. Не в том собственно и дело, что Милюков, как личность, умнее, а в том, что партийный вождь крупной буржуазии яснее видит, лучше понимает классовую суть дела и политические взаимоотношения в силу своего классового положения, чем вожди мелкой буржуазии, Черновы и Мартовы»¹⁷⁰. В подходе к истории революции, как и в политике, линия Милюкова оказалась более цельной и последовательной, чем оценки мелкобуржуазных идеологов, которые плелись в хвосте у буржуазии. «Этих мещанских Нарциссов — меньшевиков и эсеров, беспартийных — настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах, — писал В. И. Ленин. — Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать»¹⁷¹.

При наличии известных расхождений в трактовке различных вопросов и отдельных фактов истории революций 1917 г. все содержание эсеровской историографии эмигрантского периода определялось классовой природой этого идейного и политического течения. Ее можно свести к следующим основным положениям: отрицание значения Октября как социалистической революции; враждебное отношение к диктатуре пролетариата даже при оценке некоторыми эсерами (левыми) Советов как при-

емлемой формы государственной организации в условиях России; отрицание каких-либо предпосылок для социалистической революции в России, прежде всего идейно-психологических, которые эсеры рассматривали как главное условие осуществления социализма; рассмотрение Октября как шага назад по сравнению с завоеваниями революции, осуществленной «трудовым народом» в феврале 1917 г. При таком подходе большевики рассматривались не как революционная партия, а как противники Февраля, в то время как мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков изображались последовательными борцами за демократию и социализм в и 1917 г., и позднее, в эмиграции.

Для всех представителей эмигрантской историографии была характерна оценка Советской власти как временной и непрочной, а проводимых ею мероприятий как не имевших ничего общего с социализмом и демократией. Главную тенденцию развития советского строя эсеры усматривали в углублявшемся якобы разрыве между народом и правительством, которое, как они считали, вынуждено будет уйти, очистив место для реставрации завоеваний Февраля. Октябрьская революция интересовала эсеров не как историческое событие, открывшее новую эру в истории человечества. Они пытались использовать опыт прошлого для борьбы против Советской власти, для выработки программы и тактики, направленных против большевиков и марксизма-ленинизма¹⁷². Естественно, что при подобном подходе оценки конкретных событий и фактов приобретали весьма своеобразное звучание. Они не исследовались, а «подгонялись» под заранее созданную схему, призванную оправдать все формы и средства борьбы против диктатуры пролетариата и марксизма-ленинизма.

Вместе с тем следует отметить, что конкретное изучение эсеровской литературы о революциях 1917 г. показывает, что при общности целей и идейной платформы в оценке отдельных вопросов у эсеров не было единства, причем расхождения носили порой весьма серьезный характер. Они приводили к спорам, столкновениям, взаимным обвинениям. В докладе «О международном и внутреннем положении Советской республики» (март 1922 г.) В. И. Ленин отметил выступления Керенского против Чернова в журнале¹⁷³.

Как идейное течение белой эмиграции эсеровская историография прекратила свое существование в 60-е годы.

Теоретическая и методологическая несостоятельность мелкобуржуазной историографии проявилась в неспособности представителей этого течения правильно сформулировать основные проблемы: задачи и характер революций 1917 г., борьба классов и партий, роль широких народных масс, историческое значение Февраля и Октября. Несмотря на появление ряда новых черт (усиление внимания к проблемам социологии революции, пересмотр ряда положений), классовая сущность эсеровской литературы не менялась. Эсеровская историография Октября в эмиграции оставалась главным элементом мелкобуржуазной контрреволюционной идеологии, которую реакционная буржуазия Запада активно использовала и продолжает использовать в борьбе против теории научного коммунизма и реального социализма. Идеиный и политический крах мелкобуржуазных демократов и социалистов, враждебно встретивших победу социалистической революции и вставших на путь борьбы против нового общественного строя, их бесславный конец в эмиграции были закономерным и исторически неизбежным итогом.

**БОРЬБА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
ПО РАЗОБЛАЧЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ
И ПОЛИТИКИ ЭСЕРОВ
(1917 — начало 20-х годов)**

В сентябре 1917 г. в статье «Из дневника публициста» В. И. Ленин подчеркивал, что главными в борьбе русских марксистов против эсеров всегда были критика мелкобуржуазных иллюзий, противопоставление мелкобуржуазно-утопическому взгляду на социализм революционно-пролетарского пути к социализму¹. Характеризуя эсеров как проводников соглашательской политики с буржуазией, В. И. Ленин поставил вопрос о необходимости изменения направления критики эсеров в связи с новой исторической обстановкой, сложившейся к осени 1917 г. «Нельзя только по-старому агитировать против эсеров, только так, как мы это делали в 1902—1903 годах и в 1905—1907 годах. Нельзя ограничиваться теоретическими разоблачениями мелкобуржуазных иллюзий „социализации земли“, „уравнительного землепользования“, „недопущения наемного труда“ и т. п.»² Центр тяжести в пропаганде и агитации против эсеров, указывал В. И. Ленин, следует перенести на объяснение крестьянам того, что эсеры им изменили, что эта партия встала на сторону злейших врагов революции — кадетов, что единственный путь решения аграрного вопроса в интересах всего народа — это социалистическая революция пролетариата, которую должны поддерживать крестьяне³. Главным вопросом работы среди крестьянства В. И. Ленин считал пропаганду идей социалистической революции, гегемонии пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства как необходимого условия завоевания социализма⁴. Эти ленинские указания имели практически-политическое значение для борьбы партии большевиков за массы в условиях приближения социалистической революции.

В процессе подготовки социалистической революции партия большевиков во главе с В. И. Лениным провела титаническую по масштабам и трудности работу, мобилизовав все теоретические силы партии, пропагандистов и агитаторов, все средства воздействия на массовое общественное сознание с целью разъяснения процессов, происходивших в стране в 1917 г. На страницах большевистской прессы систематически освещались такие вопросы, как характер и движущие силы Февральской революции, сущность двоевластия, внутренняя и внешняя политика Временного правительства, позиция буржуазии и ее вождей, соглашательская, предательская деятельность лидеров мелкой буржуазии, включая эсеров Керенского, Чернова, Авксентьева, Руднева и др.⁵

Большевистская печать ставила и решала большой круг проблем, связанных с оценкой деятельности мелкобуржуазных демократов и социалистов в период победы социалистической революции и первых шагов ее утверждения. В связи с этим поднимались вопросы отношения различных групп эсеров (правых и левых) к событиям, связанным с вооруженным восстанием, с переходом власти в руки пролетариата, к первым мероприятиям Советской власти, решению земельного вопроса, аграрному движению, прекращению войны⁶.

Особый интерес для нас представляют статьи, ставившие такие проблемы, как уровень экономического развития России накануне революции, крах мелкобуржуазных иллюзий относительно общенародного характера Февральской революции, борьба по вопросам перспектив дальнейшего развития революционного процесса.

Ш. Дволайцкий посвятил специальную статью финансовому капиталу и развитию монополий в России накануне 1917 г. Он оценивал явления концентрации и централизации производства как предпосылки перехода страны к социалистической системе ведения хозяйства⁷.

Рассматривая ход революционного процесса за шесть месяцев после Февраля, В. Волгин убедительно доказывал несостоятельность эсеровских оценок Февральской революции. Он писал, что «утопическая мечта об „общенациональной“ революции изжита до конца», главные задачи Февральской революции не решены и необходимо собирать силы для новой революции⁸.

Вскрывая причины Февральской революции, И. Ходоровский указывал, что она «была вызвана не войной,

а теми глубокими социально-экономическими причинами, которые породили октябрьскую революцию 1905 г. Война только ускорила процесс разложения старого государственного аппарата». Ходоровский убедительно показывал, что различные классы населения принимали участие в событиях февраля — марта 1917 г. «по разным позициям и с разными целями». Однако этот «общенациональный лик» революция сохраняла недолго. Народ не получил от Февраля того, за что боролся, поэтому нужна новая революция⁹.

К сожалению, проблемы имевшей место в 1917 г. идейной борьбы по вопросам революции и социализма остаются почти неизученными, хотя советские исследователи располагают обширной источниковой базой в виде центральных и местных газет, брошюр, листовок, издававшихся в 1917 — начале 1918 г. А между тем политическая и публицистическая литература периода революции при всех ее недостатках (наличии ошибок и неточностей, поверхностности освещения некоторых вопросов, трудности установления авторства статей) широко использовалась в идейной борьбе последующих лет. Так, статьи В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, И. В. Сталина вошли в сборник «Октябрь» (М.; Л., 1925). Статьи Н. И. Бухарина, опубликованные в большевистских изданиях в 1917 г., вышли в 1926 г. в виде сборника «На подступах к Октябрю». Подобные издания, освещавшие широкий круг проблем Октябрьской революции, в том числе борьбу с эсерами и меньшевиками, стали важным средством разоблачения троцкистских фальсификаций и извращений истории пролетарской революции, роли Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, деятельности В. И. Ленина как вождя российского пролетариата, выдающегося теоретика и практика революционной борьбы XX в.

Октябрь убедительно продемонстрировал, что успешная подготовка пролетарской партии к революции невозможна без непримиримой борьбы против псевдосоциалистических учений и мелкобуржуазных иллюзий относительно путей и средств достижения социализма. «Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к

победе в революции», — писал В. И. Ленин в сентябре 1917 г.¹⁰ Октябрьская революция показала, насколько дальновидной была политика партии большевиков по отношению к мелкобуржуазным демократам, их теоретическим платформам и практическим действиям. Опыт, накопленный Коммунистической партией Советского Союза в этой области, имеет непреходящее значение для всего рабочего и коммунистического движения.

После победы Октября, в обстановке ожесточенных классовых столкновений, важнейшим направлением деятельности Коммунистической партии и рабоче-крестьянского государства стала организация защиты революции. При этом использовался широкий арсенал средств, включавший экономические, политические, дипломатические, военные меры, которые обеспечили победу Советской Республики над силами внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. В ленинской стратегии защиты революционных завоеваний, их упрочения и дальнейшего развития важное место занимала организация идейной защиты Октября от лживых, клеветнических измышлений, превратного толкования его итогов и значения противниками пролетариата из буржуазного и мелкобуржуазного лагерей. Она осуществлялась на основе дальнейшего развития и пропаганды теории марксизма-ленинизма, путем обобщения и распространения опыта борьбы 1917 г. Мобилизация идеологических кадров позволила Коммунистической партии организовать активное наступление на идейные позиции противников революции, включая эсеров и меньшевиков, разоблачать антимарксистские трактовки Октябрьской революции, их классовую направленность.

Опасность мелкобуржуазной идеологии, в том числе эсеровских концепций, состояла в том, что ее контрреволюционная сущность скрывалась за псевдореволюционной фразеологией, лозунгами борьбы за «чистую демократию», «народовластие», которые были особенно популярны в мелкобуржуазной среде. Летом 1919 г. в письме ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!» В. И. Ленин отмечал, что в такой стране, как Россия, питательная среда для контрреволюционной идеологии весьма значительна. «Это среда буржуазии, буржуазной интеллигенции, в деревнях кулаков, повсюду — „беспартийной“ публики, затем эсеров и меньшевиков. Надо утроить и удесятерить надзор за этой средой. Надо удесятерить бдительность, ибо контрреволюционные поползновения с этой

стороны абсолютно неизбежны в настоящий именно момент и в ближайшем будущем»¹¹.

Ленинский подход сочетал последовательное разоблачение враждебной сущности теории, политики, тактики партии эсеров с работой по убеждению и привлечению на сторону Советской власти колебавшихся слоев населения, увидевших на опыте Комуца, Колчака и Деникина, что они несут восстановление господства помещиков и буржуазии. В. И. Ленин неоднократно указывал на важность учета происходивших в мелкобуржуазном лагере сдвигов, на необходимость сделать «известный шаг навстречу с своей стороны». «Этой своей политики,— писал В. И. Ленин,— мы ни в каком случае не изменим, и число „перелетов“ от меньшевизма и эсеровщины, тянущихся к Колчаку и Деникину, на сторону меньшевизма и эсеровщины, тянущихся к Советской власти, несомненно, будет, вообще говоря, расти»¹². Эту важную тенденцию — распад мелкобуржуазных партий и отход от них масс — большевики постоянно учитывали в своей практической деятельности, в организации всей идеологической работы.

Успех борьбы Коммунистической партии на идеологическом фронте обеспечивался тем, что она базировалась на объективном, классовом подходе к анализу и оценке сложившейся после Октябрьской революции обстановки, изменений в соотношении социальных сил в пользу пролетариата, пришедшего к власти. В этом состояло громадное преимущество большевиков перед другими политическими партиями, в том числе и эсерами, которое вынуждены были признавать даже противники марксизма-ленинизма. Они отмечали, что к революции большевики подготовились лучше эсеров, оказавшихся неспособными разобраться в бурно развивавшихся событиях. Эсеры же не разрабатывали серьезно теоретические проблемы революции и сделали своим главным занятием критику большевизма и марксизма¹³. Некоторые левые эсеры, не появив истинных причин краха, этими же обстоятельствами объясняли поражение своей партии, провал ее программы и тактики¹⁴.

Наступление на позиции эсеровской идеологии Коммунистическая партия вела по следующим важнейшим направлениям: 1) критический анализ всей эсеровской литературы, объяснение смысла их выступлений против большевиков и Советской власти, сущности враждебных эсеровских идеологических акций; 2) ликвидация очагов

антисоветской пропаганды, закрытие издательств, газет изъятие контрреволюционной литературы; 3) издание различных материалов, разоблачавших поведение эсеров в 1917 г.; 4) массовая публикация материалов о контрреволюционной деятельности правых и левых эсеров в 1918—1922 гг., направленной на ликвидацию завоеваний социалистической революции; 5) разоблачение политической демагогии эсеров, их стремления завоевать популярность и поддержку мелкобуржуазных слоев города и деревни путем спекуляции на экономических трудностях и разрухе.

Критика правоэсеровских фальсификаций характера и движущих сил Октябрьской революции, сущности диктатуры пролетариата и политики Советской власти было продолжением той борьбы против мелкобуржуазной идеологии, которую партия большевиков вела до 1917 г. В первые послереволюционные годы эта борьба приобрела международное значение. Такие политические понятия, как «керенщина», «савинковщина», становятся нарицательными при оценке предательства и авантюризма лидеров мелкой буржуазии, так называемых демократов и социалистов, изменивших интересам народа и вступивших в сговор с буржуазией с целью предотвращения, а затем и подавления революции¹⁵ и свержения рабоче-крестьянской власти.

Одним из основных направлений теоретической деятельности большевиков стало критическое осмысление эсеровских, меньшевистских и каутскианских оценок революции 1917 г. В. И. Ленин постоянно обращал внимание на неспособность идеологов мелкобуржуазных партий разобраться в сложных вопросах теории революции, критически проанализировать ее опыт. Правые эсеры освещали факты 1917 г. с позиций той части мелкой буржуазии, которая исчерпала свою революционность в Феврале, тогда как левых эсеров В. И. Ленин относил к тем «литературным группам», «члены которых, помимо всего прочего, сугубо обижены их полным политическим крахом», что, естественно, проявлялось и в их оценках революции и Советской власти¹⁶.

Историческая закономерность и необходимость социалистической революции в России, роль пролетариата как ее гегемона, позиции политических партий, выражавших интересы различных классов и социальных групп, исторические последствия победы пролетариата в Октябре 1917 г.— все эти вопросы были в центре идей-

ных столкновений послереволюционного времени. В этих условиях ленинская критика теоретических основ мелкобуржуазных трактовок Октябрьской революции, охватывавшая важнейшие вопросы идейной борьбы, приобретала всеобъемлющее значение. К какому бы мелкобуржуазному теоретику или течению она ни относилась, затрагиваемые вопросы были столь значительны, что любое из выступлений В. И. Ленина играло важную роль в борьбе против всей мелкобуржуазной идеологии. В статье «В лакейской», написанной летом 1919 г. и впервые опубликованной в 1925 г., он дал объективную оценку статьям меньшевиков и эсеров о революции и гражданской войне в России. «Образованные интеллигенты,— писал В. И. Ленин,— мнящие и называющие себя социалистами, насквозь пропитанные буржуазными предрассудками и лакействующие перед буржуазией,— такова, в сущности, вся эта писательская компания. Оттенков среди этой публики очень много, но они никакого серьезного значения, с политической точки зрения, не имеют, ибо сводятся к тому, насколько лицемерно или искренне, грубо или тонко, аляповато или искусно исполняют они свои лакейские обязанности по отношению к буржуазии»¹⁷. Эсеровских авторов Вишняка и Бунакова, стоявших на крайне правом фланге народничества, В. И. Ленин называл выдающимися сотрудниками антисоветских изданий¹⁸.

В выступлениях отдельных идеологов В. И. Ленин всегда видел отражение позиций определенных классов и социальных групп, их отношения к революции и диктатуре пролетариата. Для ленинской критики эсеровских воззрений на Октябрьскую революцию характерны всесторонний подход к рассмотрению и оценке важнейших, коренных их положений, их увязка с практической деятельностью эсеров, направленной на ликвидацию завоеваний социалистической революции. Всестороннему анализу В. И. Ленин подверг эсеровские трактовки социализма, характера эпохи, предпосылок революции, роли различных классов и партий в развитии событий 1917 г. Первостепенное значение для борьбы против эсеровщины имели ленинские характеристики взглядов эсеров на Февральскую революцию, развитие событий в феврале — октябре 1917 г. В. И. Ленин постоянно подчеркивал непонимание эсерами Октября как социалистической и пролетарской революции, совершенной в интересах эксплуатируемых масс города и деревни, способной последовательно провести радикальные преобразования во всех

областях общественной жизни. Такой широкий подход к анализу и оценке этого мелкобуржуазного идеологического течения позволял В. И. Ленину раскрыть классовую направленность эсеровских теорий, определить ведущие тенденции их дальнейшей эволюции.

На основе анализа мелкобуржуазных взглядов на Октябрьскую революцию и Советскую власть В. И. Ленин сделал глубокий вывод о дальнейших перспективах развития меньшевиков и эсеров. В докладе на Московской конференции РКП(б) (1919 г.) В. И. Ленин говорил: «Очень может быть, что литературные группы меньшевиков и эсеров так и умрут, ничего не поняв в нашей революции, и долго еще, как попугаи, будут твердить, что у них была бы самая лучшая в мире власть — без гражданской войны, истинно социалистическая и истинно демократическая, если бы не Колчак и не большевики»¹⁹. Ленинский прогноз подтвердился в полной мере всем последующим развитием эсеровской историографии Октября.

Несмотря на сложные условия гражданской войны и интервенции, молодая советская периодическая печать под руководством Коммунистической партии смогла организовать систематическое и целенаправленное наступление на позиции мелкобуржуазной идеологии. Главное внимание уделялось разъяснению массам объективной роли эсеров в происходившей классовой борьбе. На страницах газет «Правда», «Беднота», «Петроградская правда», «Красная газета», «Известия ВЦИК» и др. систематически публиковались материалы об антисоветской деятельности эсеров, в том числе и в области идеологии, об их попытках в союзе с монархической и буржуазной контрреволюцией свергнуть Советскую власть и реставрировать капиталистические порядки. По этим вопросам выступали видные деятели Советского государства и Коммунистической партии, историки, журналисты. В редакционных статьях²⁰, в очерках Е. М. Ярославского²¹, В. А. Карпинского²², В. А. Быстрянского²³, И. И. Ходоровского²⁴, Н. Л. Мещерякова, Ю. М. Стеклова и др. разоблачалась контрреволюционная сущность политики и идеологии эсеров. Журналист Л. С. Сосновский, например, писал: «Так орудут наемники буржуазии. У них отняли винтовки, пулеметы, револьверы, разоружили их юнкеров, офицеров и белую гвардию. Теперь вступает в бой другая белогвардейская шайка, вооруженная лживыми наемными перьями, готовая на всякую ложь, лишь бы повредить революции»²⁵.

Активно участвуя в идейной борьбе с враждебной пропагандой, изображавшей меньшевиков и эсеров борцами за демократию, советская печать освещала большой круг вопросов. Раскрывалась деятельность партии эсеров в апреле — октябре 1917 г., когда они вступили на путь измены революции, поддерживая Временное правительство и его политику, широко освещались вопросы, связанные с превращением эсеров в контрреволюционную силу, с их участием в заговорах Корнилова, Каледина, Дутова²⁶.

В условиях гражданской войны и интервенции актуальное значение приобретало разъяснение массам связей эсеров с международным империализмом. Как писал Н. Глебов (Н. П. Авилов) в статье «Друг союзников», цель Керенского и его партии — реставрация капитализма. Поскольку русская контрреволюция не могла добиться этого своими средствами, она обратилась к мировой буржуазии с просьбой о помощи. Автор показывал, что эсеры ведут предательскую политику по отношению к рабочему классу, победившей революции, своей стране: «Бессильные и раздавленные, они хотят с помощью английских и французских штыков уничтожить ненавистную им Республику Советов рабочих и крестьян»²⁷.

Летом 1918 г. в связи с убийством Мирбаха и попыткой левых эсеров сорвать Брестский мир была проведена большая разъяснительная кампания, направленная на разоблачение партии левых эсеров, вставших на путь вооруженной борьбы против Советской власти. Конкретные факты о деятельности левых эсеров, приводившиеся на страницах советской печати, убедительно показывали превращение этой партии сначала в оппозиционную, а затем и в контрреволюционную силу, вернувшуюся к тактике заговоров и террора²⁸. Важное политическое значение имело разъяснение псевдореволюционного характера выдвинутого эсерами лозунга «Не война, но восстание», призывавшего к организации восстаний в пограничных с немцами зонах и на захваченной ими территории с целью срыва Брестского мира. «Правда» убедительно разъясняла, что эсеровские экстремистские установки ведут не к дальнейшему развитию революции, а к ее гибели²⁹.

Приводившиеся советской печатью документы вскрывали антинародный характер «демократических правительств» на Урале, в Поволжье, Сибири, на Украине, где правые эсеры действовали совместно с буржуазно-поме-

пичьей контрреволюцией с целью ликвидации революционных завоеваний и восстановления старых порядков вплоть до возвращения помещикам их земли³⁰. Это позволяло объяснить широким массам подлинный смысл эсеровских лозунгов о народовластии и демократии, прикрывавших действия, направленные на ликвидацию завоеваний Октябрьской революции и диктатуры пролетариата³¹.

Советская печать вела активное наступление на пропагандировавшиеся эсерами идеи о неизбежности гибели Октябрьской революции. Она разъясняла массам, что источником голода и разрухи в стране являются империалистическая война, антинародная политика царизма и Временного правительства, ничего не сделавшего для того, чтобы дать народу мир, хлеб и землю. При этом подчеркивалось, что клевета и обман, которые распространяют эсеры, направлены на срыв важнейших мероприятий Советской власти, разрушение союза пролетариата и крестьянства, подрыв доверия масс к партии большевиков и политике пролетарского государства³².

В литературе об эсерах одно из центральных мест занимала проблема краха мелкобуржуазной демократии и ее идеологии. Партия эсеров рассматривалась с точки зрения потери ею классовой базы, ограниченности ее социальной программы, включая социализацию земли, предательства революции в результате заключения соглашения с буржуазией в 1917 г., перехода правых эсеров в лагерь контрреволюции после победы Октября³³.

Важное политическое значение имел показ несостоятельности эсеровской концепции «трудового крестьянства». «„Трудовое“ крестьянство,— писал И. Ходоровский,— расплодилось по швам, и теперь средние и мелкие собственники, как огня боящиеся социалистической революции, уже не пуждаются в радикализме „левых“ социалистов-революционеров, их сердцу ближе „правые“ социалисты-революционеры, эти откровенные и непримиримые враги советского строя и рабочей революции и решительные защитники частной собственности»³⁴.

Участие в агитационной и пропагандистской работе видных деятелей Коммунистической партии, историков, писателей, журналистов и поэтов придавало кампании, организованной против эсеров, широкий размах, но и возможность охвата различных категорий населения. При этом использовались самые разнообразные средства, на страницах газет и журналов систематически публи-

ковались статьи, очерки, памфлеты, хроникальная информация о связях эсеров с внутренней и международной контрреволюцией, а также басни, пародии, куплеты, карикатуры, фельетоны³⁵.

Брались на вооружение и выступления бывших эсеров, порвавших со своей партией и вставших на путь сотрудничества с Советской властью. И хотя они порой содержали ошибочные характеристики и неверные оценки³⁶, тем не менее эту литературу успешно привлекали к массовой агитационно-пропагандистской работе, так как в ней содержались правдивые факты о деятельности партии эсеров. Так, Г. Устинов разоблачал соглашательскую политику правых эсеров, их измену лозунгу «Земля и воля». «Земельные министры из эсеровской партии, С. Маслов, а затем В. Чернов,— писал он,— открыли с буржуазией позорнейший торг, предавая и продавая ей интересы крестьян, за которые умирали в петле самодержавия старые социалисты-революционеры. Партия социалистов-революционеров умерла в тот момент, когда Керенский и Чернов, забыв ее историческую роль, отошли от революции и примкнули к буржуазной реакции»³⁷. В обстановке ожесточенной гражданской войны факты сотрудничества правых эсеров и меньшевиков с буржуазно-монархической контрреволюцией, их участия в заговорах, экспроприации народных средств, поддержке спекулянтов, подстрекательстве населения к восстаниям, распространении лжи и клеветы о революции, предательских связях с зарубежными противниками революции³⁸ помогали объяснить массам истинные цели контрреволюции, открыть глаза тем рядовым членам партии эсеров, которые еще не понимали, за кем они шли и кого поддерживали. Подобного рода разоблачения успешно использовались в идейном разгроме эсеровщины и в последующие годы, ибо были самыми убедительными свидетельствами предательства эсерами революции и совершившего ее народа.

Наиболее важной в идейном отношении была литература, созданная историками-марксистами. В ней разоблачающие факты органически сочетались с классовым анализом мелкобуржуазной природы эсеровщины. В этом отношении примечательна брошюра В. А. Быстрянского, посвященная эсерам и меньшевиками в революционных событиях 1917 г. На основе оценок роли мелкой буржуазии в революциях XIX в., данных К. Марксом, Быстрянский рассматривал эсеровский социализм как социализм

крестьянский, утопический, неизбежность краха которого марксисты предвидели задолго до 1917 г. В. А. Быстрянский первым в советской исторической литературе попытался определить важнейшие черты мелкобуржуазных партий на примере эсеров и меньшевиков: отсутствие последовательности в теории и политике, беспринципность, отрицание важности организационного единства, крепкой дисциплины³⁹. В социальной неоднородности партии эсеров В. А. Быстрянский видел причину ее кризиса, организационных расколов, появления в ней различных идейных течений.

Больше внимания, чем другие авторы того времени, Быстрянский уделил критическому анализу эсеровской идеологии. Хотя сами эсеры постоянно твердили, что они являются наследниками семидесятников, однако в действительности в их идеологии были лишь отдельные элементы революционного народничества, переплетавшиеся с воззрениями либеральных народников.

Всестороннее изучение идейных основ эсеровщины позволило В. А. Быстрянскому в целом правильно раскрыть сущность этой мелкобуржуазной теоретической доктрины, показать буржуазно-демократический характер эсеровской аграрной программы, идеализацию «трудового крестьянства», в котором эсеры усматривали «преобладающую силу в грядущей освобожденной России»⁴⁰.

Объективно оценивая роль эсеров в Февральской революции, главную заслугу в осуществлении которой лидеры этой партии приписывали себе, В. А. Быстрянский делал вывод о том, что «полнокровие эсеровской партии оказалось мнимым, ее поразительные успехи не предотвратили крушения ее силы и влияния — чуть ли не миллионная партия лопнула как мыльный пузырь»⁴¹. В период Октябрьской революции завершился крах эсеров как политической партии: из соглашательской она стала контрреволюционной⁴².

Разоблачение теоретической и практической деятельности эсеров в послеоктябрьский период Быстрянский связывал с развенчанием их концепции «третьей силы», «третьего пути» в революции. Он писал: «Эсеры пытались наметить какую-то среднюю линию, организовать мифическую „третью силу“, которую они хотели противопоставить зараз и буржуазно-помещичьей контрреволюции, и пролетарско-крестьянской революции. Эсеровская демократия должна была, по мнению ее идеологов, выйти победительницей из борьбы на два фронта: и против бе-

лых генералов, и против красной диктатуры пролетариата. Однако ход русской революции беспощадно разоблачил иллюзорность этих надежд, показав, что в схватке основных сил современного общества, двух враждующих классов — буржуазии и пролетариата — нет места для какой бы то ни было третьей силы...⁴³» Быстрянский подробно описывал контрреволюционную сущность всех акций эсеров — от резолюций и деклараций до конкретных практических действий, направленных на ликвидацию завоеваний революции⁴⁴.

Принципиальное значение имела попытка В. А. Быстрянского показать, как из партии, отражавшей интересы всей крестьянской демократии, эсеры превратились в организацию, социальной базой которой стало кулачество⁴⁵.

Уже в работах 1918—1920 гг. историки-марксисты предприняли попытку раскрыть сущность эсеровской эмиграции, ярко выраженный антисоветский характер идейно-политической платформы, на которой основывались ее практические действия. Так, Н. Л. Мещеряков в серии выступлений показал, что буржуазия постоянно прибегала к помощи эсеров и меньшевиков в борьбе с революцией. «Перьями продавшихся ей меньшевиков и эсеров она начинает грязную травлю Советской власти в русской и заграничной буржуазной и социал-предательской печати. Целью этой кампании является внушить западноевропейской демократии, что Советская власть не имеет никакой опоры в стране, что это кучка узурпаторов... Западноевропейский империализм с радостью хватается за эту агитацию»⁴⁶.

В. А. Быстрянский, продолжая эту линию, обратил внимание на изменения в идейных позициях эмиграции, в частности на отказ эсеров от оценки Октября как военного заговора⁴⁷. Однако это не меняло сути эсеровского мировоззрения, ибо «эсеры ничего не забыли и ничему не научились, 4 года русской революции прошли для них даром»⁴⁸.

И хотя работы В. А. Быстрянского не содержали большого фактического материала, в них давались глубокие марксистские оценки роли мелкой буржуазии и ее политических партий в период борьбы за победу пролетарской революции и в условиях диктатуры пролетариата. Появление подобного рода трудов было весьма примечательным явлением раннего этапа развития советской исторической науки, свидетельством ее тесной связи

с идейной борьбой Коммунистической партии против мелкобуржуазной контрреволюции.

Ожесточенная идейная борьба, развернувшаяся вокруг истории Октябрьской революции, с особой остротой поставила перед марксистами задачу систематического и целенаправленного изучения Октябрьской революции с позиций марксизма-ленинизма. Успех этой важной в научном, идеологическом и общественно-политическом отношениях работы зависел прежде всего от создания фундаментальной источниковой базы. Только на такой основе можно было приступить к серьезному изучению истории подготовки и проведения социалистической революции, отношения к ней различных классов и партий, руководящей роли пролетариата во главе с Коммунистической партией. Уже в мае 1918 г. было опубликовано обращение Секретариата ЦК РКП(б) «Ко всем партийным организациям» с призывом собирать материалы по истории партии и революции. «Для будущего историка Великой Российской революции,— говорилось в обращении,— каждая газета, каждое воззвание самой мелкой организации будет драгоценным материалом. Этот исторический материал не должен пропадать. Присылайте его нам»⁴⁹. Вслед за этим 1 июня 1918 г. был принят декрет СНК «О реорганизации и централизации архивного дела», опубликованный за подписью В. И. Ленина⁵⁰.

В условиях гражданской войны непросто было проводить систематическую организационную работу по сбору и хранению исторических материалов. Тем не менее Коммунистическая партия постоянно заботилась об этом участке идеологической работы⁵¹. Газета «Правда» систематически публиковала различного рода исторические материалы об Октябре. Оценивая издания, которые в извращенном виде преподносили факты, относившиеся к истории революции 1917 г., «Правда» отмечала, что идеологи враждебного лагеря сознательно фальсифицируют исторические события. О меньшевистских и эсеровских сборниках «Материалы Великой революции» и «Социалисты о текущем моменте (1917 г.)» «Правда» писала: «Получается великолепный букет социал-оборонческих и просто обывательских настроений, которые должны обработать читателя». Газета делала вывод о необходимости немедленно приступить к публикации материалов по истории революционных событий 1917—1918 гг.⁵²

В 1919 г. на страницах «Правды» был поставлен вопрос о создании архива исторических материалов по

истории революции и Коммунистической партии⁵³. «Правда» неоднократно отмечала важность пропаганды и популяризации правдивых исторических знаний об Октябрьской революции и ее подготовке, освещения роли народа как подлинного творца истории⁵⁴. С призывами к участникам Октябрьской революции присылать свои воспоминания о событиях 1917 г. обращались «Красная газета»⁵⁵, другие советские издания.

VIII съезд РКП(б) поставил вопрос о необходимости предотвращения влияния враждебной идеологии на массы и принятия эффективных мер против попыток, парализующих усилия коммунистической пропаганды⁵⁶. В связи с этим в резолюции о коммунистической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне отмечалась важность создания популярных очерков и учебников по истории Октября⁵⁷. В материалах VIII съезда партии было опубликовано упоминавшееся обращение Секретариата ЦК РКП(б) «Ко всем партийным организациям»⁵⁸.

Вновь этот вопрос был поставлен на IX партийной конференции в выступлениях известных историков-марксистов М. С. Ольминского и М. Н. Покровского. Отметив большую активность идеологов контрреволюционного лагеря, в том числе и эсеров, в области истории Октябрьской революции, их стремление в извращенном виде представить события 1917 г. и роль пролетарской партии, историки-большевики обратились к коммунистам с призывом активно включиться в разработку актуальных проблем истории Февраля и Октября, а также партии большевиков. Главным направлением этой работы они считали собирание документальных и мемуарных материалов активных участников событий, создание научной истории революции и партии, необходимой как для борьбы против враждебной идеологии, так и для ведения агитационной и пропагандистской работы среди широких масс трудящихся, для воспитания коммунистов⁵⁹.

На основе указаний В. И. Ленина осенью 1920 г. при Наркомпросе была создана Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт)⁶⁰. Постановление об организации Истпарта было подписано В. И. Лениным⁶¹. Сам факт основания учреждения подобного рода, а затем превращения его (с 1921 г.) в отдел ЦК РКП(б) свидетельствовал о том большом внимании, какое партия и

В. И. Ленин уделяли изучению революций 1917 г. и пропаганде исторических знаний среди населения. Комиссия, в состав которой вошли видные историки-марксисты, организовала собрание, изучение, публикацию материалов по различным проблемам истории Коммунистической партии и Октябрьской революции, в том числе деятельности эсеров и меньшевиков в 1917 г.

Разоблачение меньшевистско-эсеровских трактовок революций 1917 г. стало одним из важнейших направлений работы комиссии, ее печатного органа журнала «Пролетарская революция». Деятельность Истпарта являлась одним из необходимых условий успешной борьбы историков-марксистов против эсеровской историографии Октябрьской революции, гражданской войны и начального этапа социалистического строительства.

Разгром внутренней контрреволюции и иностранной интервенции позволил советскому народу перейти к мирному труду, восстановлению разрушенного хозяйства, систематической работе по строительству социализма.

Проиграв сражение в открытом бою, остатки внутренней контрреволюции не расстались с замыслами уничтожения Советской власти. Они перешли к новой тактике борьбы, в которой главная ставка делалась на мелкобуржуазную стихию, кулацкие восстания, политический бабдитизм, срыв социалистического строительства. Эсеры и меньшевики пытались использовать в своих целях экономические трудности, недовольство крестьян продразверсткой. Анализируя сложившуюся в стране обстановку, В. И. Ленин указывал на X съезде РКП(б), что «мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство»⁶². В. И. Ленин особенно подчеркивал опасность лозунгов «равенства, свободы, учредилки», под которыми выступала мелкобуржуазная контрреволюция, за которой шла белогвардейщина⁶³.

Переход Коммунистической партии к новой экономической политике позволял ликвидировать последствия гражданской войны, укрепить союз рабочего класса и крестьянства, перейти к новым методам хозяйствования, рассчитанным на упрочение социализма как общественной системы. Вместе с тем нэп был связан с оживлением буржуазных и мелкобуржуазных элементов как в экономике, так и в идеологии⁶⁴. Именно поэтому, решая на X съезде проблему перехода к нэпу, Коммунистическая

партия обратила особое внимание на борьбу с мелкобуржуазной стихией и идеологией эсеровской буржуазии и мещанства. В резолюции X съезда РКП(б) указывалось, что он поручает всем агитационно-пропагандистским органам партии и Главполитпросвету развить самую усиленную агитацию в связи с новой полосой революции и задачами борьбы с мелкобуржуазной контрреволюцией⁶⁵. Важное значение имели указания съезда на факты активизации идеологической деятельности эсеров, их участия в организации Кронштадтского и других мятежей, тесной связи мелкобуржуазной контрреволюции с эсеровской эмиграцией. Обращалось внимание на распад народнических основ эсеровской идеологии, на «робкие шаги» левых эсеров в сторону сближения с платформой РКП(б), на важность воспитания тех членов партии, которые пришли в РКП(б) после распада мелкобуржуазных партий⁶⁶.

К тому времени партия правых эсеров превратилась в небольшие политические и литературные группы, находившиеся на нелегальном положении. За активное ведение контрреволюционных действий против советского строя, пособничество буржуазно-монархической контрреволюции и интервенции в 1918—1921 гг. организации эсеров были запрещены Советской властью. Потеряв прежнюю социальную базу, превратившись в активных пособников контрреволюции, отдельные группировки правых и левых эсеров отражали настроения и чаяния контрреволюционных слоев мелкой буржуазии города и деревни. Они продолжали вести борьбу против диктатуры пролетариата различными средствами — от организации контрреволюционных мятежей и политического бандинизма до распространения клеветнических измышлений об Октябрьской революции, политике Советской власти и Коммунистической партии. Правые эсеры выступали с призывами активизировать идеологическое наступление на Советскую власть с целью ее моральной дискредитации и подготовки условий для последующей ликвидации⁶⁷. Эсеры создавали подпольные органы, издавали нелегальные газеты, листовки, журналы. Однако это направление их деятельности не могло получить широкий размах, поскольку Советское государство предприняло эффективные меры по предотвращению контрреволюционной пропаганды эсеров⁶⁸.

Как уже отмечалось, эмигрировавшие за границу лидеры и теоретики эсеровской партии создали разветвлен-

ную сеть периодической печати, которая стала средством активной контрреволюционной пропаганды. Лидеры эсеровской эмиграции ставили себе в заслугу активные антисоветские акции идеологического характера⁶⁹. Зарубежные издательства, существовавшие на средства правительств крупнейших буржуазных стран, превратились в основных поставщиков антисоветской эсеровской литературы. Нелегальные организации эсеров, находившиеся в Советской Республике, пытались распространять эту литературу среди населения⁷⁰. Наряду с этим эсеры стремились использовать для ведения антисоветской пропаганды различные беспартийные конференции, профессиональные организации, кооперацию, кафедры высших учебных заведений и др. На эти факты указывалось на XI съезде РКП(б) в выступлениях видных деятелей Советского государства и Коммунистической партии.

В Отчете ЦК РКП(б) XI съезду партии отмечалось, что Советская власть принимает самые решительные меры против врагов нового строя, в том числе тех, которые выступают под масками «благодетелей» рабочего класса. «За последнее время, — говорилось в Отчете, — появились документы, которые должны сослужить большую службу разоблачению подлинной физиономии партии эсеров. Опубликованные теперь старым бывшим эсером-боевиком Семеновым⁷¹, а затем старой эсеркой Коноплевой данные о боевой, в частности террористической, работе „эсеровской партии“ и ее ЦК в 1918 г. являются одним из выдающихся изобличительных документов против этой партии. Эти документы выжигают клеймо предателей рабочего класса на знамени когда-то бывшей революционной партии, именующей себя партией социалистов-революционеров. Эти документы вместе с тем обнаруживают наступающее отрезвление бывших сторонников этой партии»⁷². Съезд отметил факты выхода из партии эсеров ряда ее видных деятелей, «признание ими правильности основной политики нашей партии, признание Советской власти»⁷³.

Намеченные съездом пути наступления на позиции враждебной идеологии были органически связаны с борьбой «за марксистскую идеологию и идейное влияние партии в массах»⁷⁴.

Состоявшаяся в августе 1922 г. XII партийная конференция обстоятельно проанализировала процессы, которые происходили в антисоветском лагере под влиянием различных факторов, в том числе борьбы, которая

велась Коммунистической партией и Советским государством. Выводы конференции имели важное практически-политическое значение для организации идеологической работы в стране. В принятой конференцией резолюции указывалось на изменение тактики антисоветских группировок в связи с новой полосой революции, на ускорение процесса распада антисоветского лагеря, что свидетельствовало о его ослаблении и упрочении позиций марксизма и социализма. Вместе с тем отмечалось, что в связи с новой экономической политикой антисоветские партии и течения стали изменять тактику, «пытаются использовать советскую легальность в своих контрреволюционных интересах и держат курс на „врастание“ в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению»⁷⁵. В резолюции обращалось внимание на то, что контрреволюционная работа меньшевиков и эсеров, а также политиканствующей верхушки мнимобеспартийной интеллигенции изменяет свои формы. Это проявилось в том, что «верхи меньшевиков и эсеров заняли позицию крикливой „непримиримости“ и пытаются организовать движение против Советской власти, критикуя ее с точки зрения лозунгов и надежд самой Октябрьской революции, фальшиво изображая свои партии как единственные в нынешний момент организации, готовые бороться за реальное проведение требований, выдвинутых массами в годы высочайшего подъема пролетарской революции»⁷⁶. Конференция отметила, что эта агитация не имеет и не может иметь успеха в массах, что она является косвенной данью идеям большевизма, показывая громадную популярность его лозунгов среди народа.

Важное практическое значение имело указание конференции на тесную связь эсеров и меньшевиков со смеповеховцами в понимании путей реставрации капитализма, на усиление их связи с международной реакцией. «Они меняют тактику и, приспособляясь к новым условиям, стремятся, опираясь на европейскую капиталистическую реакцию, обойти Советскую власть с тыла»⁷⁷.

Успешное наступление на позиции мелкобуржуазной идеологии партия связывала с претворением в жизнь намеченного плана возрождения страны, с ускорением практической реализации «положительной программы Октябрьской революции», что помогало массам понять предательскую роль меньшевиков и эсеров, мешавших

претворению этой программы в жизнь⁷⁸. Конференция подчеркнула важность дифференцированного подхода к различным течениям и группировкам в мелкобуржуазном лагере, необходимость гибкой тактики, использования всех форм борьбы с целью завоевания колеблющихся слоев на сторону диктатуры пролетариата.

Указания партийных форумов имели первостепенное значение для организации и успешного ведения борьбы против враждебных идеологических течений, включая эсеровщину. Принятые Коммунистической партией меры способствовали повышению качества всей пропагандистской и идейно-воспитательной работы, которая занимала в 20-е годы одно из важнейших мест в общем наступлении на идеологические позиции враждебного лагеря.

Центральной проблемой идейной борьбы, как и в 1917—1920 гг., по-прежнему оставались история Октябрьской революции и перспективы развития страны, т. е. возможность построения социализма в СССР. Путем грубой фальсификации истории Октября, социальной политики Советской власти, авангардной роли партии большевиков эсеры пытались подорвать идейно-политическую сплоченность рабочего класса, его союз с крестьянством, укрепившийся в ходе гражданской войны, посеять сомнения в правильности избранного народом пути к социализму. Новая экономическая политика оценивалась как путь к реставрации капитализма и частной собственности, извращались сущность аграрных преобразований, пути развития различных форм кооперации в условиях Советской России. Идеологи эсеров пытались доказать беспочвенность социализма в России, ненужность Октябрьской революции и диктатуры пролетариата, неизбежность гибели Советской власти и восстановления капитализма.

Борьбу Коммунистической партии с эсеровско-народническим течением, особенно опасным в условиях России, следует рассматривать не в качестве суммы разного рода мер, как это делают некоторые исследователи истории борьбы на идеологическом фронте, а как целую систему мероприятий. Разгром и ликвидация антисоветских идейных течений осуществлялись на основе позитивной работы партии по утверждению во всех сферах общественного сознания идеологии марксизма-ленинизма.

Первостепенное теоретическое и методологическое значение имели труды В. И. Ленина «Детская болезнь

„левизны“ в коммунизме», «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», «О значении воинствующего материализма», «О нашей революции» и др., выходявшие массовыми тиражами в начале 20-х годов. Ленинские работы являются прекрасным образцом органического соединения разработки теории, истории и практики пролетарской революции с борьбой против ее явных и скрытых идейных противников, включая эсеров и меньшевиков. В. И. Ленин постоянно подчеркивал международное значение опыта большевиков, накопленного в борьбе против мелкобуржуазной революционности. «Неустойчивость такой революционности,— писал В. И. Ленин в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме»,— бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в „бешеное“ увлечение тем или иным буржуазным „модным“ течением — все это общеизвестно»⁷⁹. Более всего, отмечал В. И. Ленин, эти тенденции выражала партия социалистов-революционеров, с которой большевики вели борьбу по трем главным вопросам: отрицание эсерами марксизма, непонимание необходимости «строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношения перед всяким политическим действием»; признание эсерами индивидуального террора как проявления «революционности» и «левизны», что марксисты всегда решительно отвергали; заимствование эсерами из западноевропейского оппортунизма трактовки вопросов о диктатуре пролетариата, аграрного и др. в сочетании с непониманием сущности истинно революционной партии, которая нужна пролетариату для его победы⁸⁰. В. И. Ленин подчеркивал закономерный характер идейной эволюции эсеров и меньшевиков, как и всех вождей II Интернационала, начавших свой путь с оправдания империалистической войны, а завершивших его предательством революции и пособничеством империалистическому бандитизму⁸¹.

В. И. Ленин постоянно указывал на важность использования всех форм борьбы против враждебных политических и идейных течений. В записке в Политбюро ЦК РКП(б) (1922 г.) В. И. Ленин писал, что советская и партийная пресса должна вскрывать факты «связи между с.-р. и меньшевиками, правым крылом обеих этих партий, и международной буржуазной». С этой целью В. И. Ленин предлагал ускорить издание «на всех европейских языках брошюры Савинкова „Борьба с большевиками“ и брошюры Ст. Ивановича „Сумерки русской

социал-демократии“, с подробным пояснением того, как обе эти брошюры доказали реальную связь правого крыла меньшевиков и с.-р. с международной реакцией»⁸². Подобного рода меры способствовали разоблачению не только в нашей стране, но и за ее пределами предательской сущности меньшевиков и эсеров, помогали разъяснить массам тождество «наших меньшевиков и эсеров с вождями II и II 1/2 Интернационалов»⁸³.

Важнейшим участком борьбы Коммунистической партии против эсеровщины оставалась критика идейно-теоретических основ этого течения. Первостепенное значение имела работа В. И. Ленина «О значении воиствующего материализма», в которой была сформулирована главная задача всех общественных наук, включая и историю,— борьба за исторический материализм и диалектические методы познания общественных процессов и явлений. Это ленинское указание имело прямое отношение к борьбе против эсеровской идеологии, поскольку это идейное течение было носителем наиболее реакционных форм идеализма — субъективизма.

Огромное значение для правильного понимания классовой природы идеологии, политики и тактики эсеров, объяснения неизбежности их краха в условиях развития пролетарской революции имело издание ленинских работ дооктябрьского периода. Они стали систематически публиковаться в советской печати в связи с начавшейся работой по изданию Собрания сочинений В. И. Ленина. В 20-е годы впервые увидели свет ленинские работы «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?», «Этапы, направления и перспективы революций», планы статей «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм», «Аграрная программа либералов», «Победоносная революция», «О смешении политики с педагогикой», «Революционная армия и революционное правительство», планы брошюры «О продовольственном налоге» и др.

Активная антисоветская деятельность эсеров внутри страны и за рубежом, в том числе и на идеологическом фронте, заставила Советское государство пойти на организацию в 1922 г. открытого политического процесса над ЦК партии эсеров, чтобы объяснить трудящимся нашей страны и всего мира подлинную сущность контрреволюционной деятельности эсеров в 1918—1921 гг.

Накануне процесса В. И. Ленин тщательно изучал материалы о деятельности эсеров, участвовал в работе

Политбюро, где обсуждался вопрос о привлечении к суду эсеров за активную контрреволюционную деятельность, внимательно следил за ходом процесса⁸⁴.

В углубленном и всестороннем исследовании нуждаются все вопросы истории процесса 1922 г.: условия, в которых он проводился, подготовка и ход процесса, выступления обвинителей (А. В. Луначарского, М. Н. Покровского, Н. И. Крыленко), подсудимых, защитников (Н. И. Бухарина и др.)⁸⁵. В нашу задачу не входит рассмотрение юридической стороны процесса, его значения и итогов.

Однако же нельзя пройти мимо обнаруженной в ходе процесса тесной связи практической деятельности эсеров с их теоретической доктриной, политическими акциями против Советской власти. Членов ЦК партии социалистов-революционеров и группу бывших террористов судили не за взгляды, не с целью расправиться с партией эсеров как с политическими противниками, как это нередко изображается в современной буржуазной литературе. Находившимся у власти большевикам в условиях преобладания в стране крестьянского населения выгоднее было иметь в лице крестьянских партий типа эсеров союзников революции (как это было в Болгарии с Земледельческим народным союзом, с «народниками-коммунистами» в нашей стране), а не ее врагов. Думается, что советским историкам предстоит изучить эту проблему на конкретном материале, четко разграничить позиции лидеров и идеологов эсеров, изменивших революции, и рядовых членов этой партии, порвавших со своим руководством, о чем убедительно свидетельствовал процесс 1922 г. Для нас этот процесс интересен тем, что в ходе его встали все основные вопросы многолетнего идейного противоборства марксизма с народничеством, вновь столкнулись две концепции общественного развития, на этот раз на последнем, заключительном этапе борьбы.

В речах как обвиняемых, так и общественных обвинителей (Луначарского, Покровского, Цеткин), защитника (Бухарина) рассматривались все важнейшие проблемы идейных столкновений: социальная природа партии эсеров, состав, классовая база, идейные предшественники и идейная трансформация, идеологический плюрализм, отношение эсеров к классовой борьбе и революции, к рабочему классу и крестьянству, перспекти-

вам строительства социализма, Октябрьской революции. Обсуждались соглашательская деятельность партии эсеров в 1917 г., их переход на контрреволюционные позиции после октября 1917 г. и активная контрреволюционная деятельность, в том числе идеологическая, в 1918—1921 гг.

Выступавшие на процессе А. В. Луначарский и М. Н. Покровский обращали особое внимание на то, что на процессе вновь столкнулись два противоположных взгляда на Октябрьскую революцию и ее историческое значение⁸⁶. К. Цеткин отметила, что эсеры «пытались подорвать у русского пролетариата веру в торжество социалистической революции и этим они наносили колоссальный вред мировому пролетарскому движению». Эту задачу, говорила К. Цеткин, эсеры решали с помощью организации идейного похода против Октябрьской революции и партии большевиков, которую они обвиняли в измене социализму. Эсеры отрицали социалистический характер Октябрьской революции, извращали социальную политику Советской власти, якобы уводящую страну в сторону от социализма и не отражавшую интересы народов России⁸⁷.

Как отмечалось в Отчете ЦК XII съезду РКП(б), процесс 1922 г. способствовал окончательному падению авторитета партии правых эсеров в глазах тех ее рядовых членов, которые еще в какой-то мере верили лидерам этой партии, вставшей на путь борьбы с пролетарской революцией и Советской властью⁸⁸.

Издание марксистских работ, особенно популярного характера, способствовало разоблачению контрреволюционной деятельности партии правых эсеров в глазах широких народных масс и мировой общественности. На страницах советских газет и журналов систематически публиковались материалы, разоблачавшие деятельность партии эсеров с момента ее возникновения до 1921 г. Была подготовлена специальная общественно-политическая литература, посвященная партии эсеров. Особое внимание в ней уделялось показу ее деятельности, направленной на свержение Советской власти⁸⁹. Публиковались различные документы, воспоминания, свидетельства очевидцев и участников событий, бывших членов партии правых эсеров, раскаявшихся в своей деятельности против Советской власти, архивные документы о деятельности эсеровской эмиграции⁹⁰.

18—20 марта 1923 г. в Москве проходил Всероссийский съезд, представлявший 864 члена партии социалистов-революционеров. Съезд объявил о роспуске партии эсеров, о лишении полномочий ЦК, изменившего делу революции, и выступил с призывом к бывшим социалистам-революционерам о вступлении в РКП(б)⁹¹. Этот съезд показал «полный отказ пролетарских элементов партии от их прежней идеологии и руководителей»⁹², продемонстрировал внутреннее разложение когда-то огромной партии. «Наша задача,— говорилось в Отчете ЦК РКП(б) XII съезду партии,— раскрыть на это глаза рабочим и в особенности крестьянским массам, где могли еще сохраниться пережитки старых, эсеровских влияний»⁹³.

Работы А. В. Луначарского, М. Н. Покровского и др., появившиеся в начале 20-х годов, были первым шагом историков-марксистов, в области создания научной историографии мелкобуржуазных партий. Несмотря на публицистичность, эти издания имели и научное значение. В них впервые в систематизированном виде излагалась история партии эсеров, давались оценки основным событиям, показывался процесс превращения эсеров в контрреволюционную силу⁹⁴. На конкретных фактах вскрывалось, как партия правых эсеров, потерпев идейный, организационный и политический крах, превратилась в группу политических авантюристов. Эти издания широко использовались Коммунистической партией в идейно-воспитательной работе.

Говоря о недостатках первых работ об эсерах, современный исследователь мог бы указать на вызванное условиями острой идейной борьбы 20-х годов отрицание всякой, даже мелкобуржуазной, революционности и демократизма партии эсеров, присущих им до 1917 г.⁹⁵ Подобные взгляды противоречили историческим фактам и оценкам В. И. Ленина, отмечавшего демократизм и революционность партии эсеров наряду с их ограниченностью по сравнению с пролетарской революционностью. В работах того времени не уделялось внимания левым течениям, представители которых порвали с эсеровщиной и пошли на сближение с партией большевиков. Это тоже не было случайным явлением, ибо многие из марксистов тех лет слишком однозначно подходили к оценке сложного процесса распада мелкобуржуазной демократии, не поняв важности ленинских указаний о необходимости борьбы

за колебавшихся и тяготевших к Советской власти рядовых членов эсеровской партии. В целом же литература о партии эсеров, несмотря на ее недостатки, стала одним из важнейших средств борьбы против влияния идеологии эсеров на различные слои населения.

Заметное место в произведениях историков-марксистов 20-х годов занимали критика теоретических основ эсеровского идейного течения, показ его эволюции в условиях диктатуры пролетариата. С обстоятельным анализом эсеровской теоретической платформы выступали В. А. Карпинский, В. Мещеряков, В. И. Невский, Б. И. Горев и др.⁹⁶ Они убедительно раскрыли крах народнической концепции общественного развития, который в полной мере проявился в непонимании социалистической революции и исторической необходимости диктатуры пролетариата, руководящей роли пролетариата и его партии в борьбе за социализм.

Эсеровские историки и теоретики не смогли разобраться в сущности и историческом значении происшедших в России событий, стали идеологами мелкобуржуазной кулацкой контрреволюции, боровшейся за восстановление капиталистических порядков⁹⁷. Отмечались также глубокий идейный распад, охвативший мелкобуржуазный лагерь, связь эсеров с кадетами как внутри страны, так и за рубежом.

В тесной связи с победой Октября рассматривалась эволюция эсеровского социализма. При этом подчеркивалось, что социализм Чернова неприемлем для кадетов, вступивших в блок с теми эсерами (Авксентьев, Вишняк), которые полностью отказались от идей социализма. При активном «содействии» П. Милюкова, писал Полянский, «процесс ликвидации социализма у меньшевиков и особенно у эсеров идет более безболезненно. Особенно он (Милюков.— Г. А.) старается и заботится об эсерах»⁹⁸.

Марксисты 20-х годов верно отмечали, что теоретическая «работа» эсеров шла по линии «расправы» с революцией. Поэтому господствующее место в их концепции заняли реформизм и эволюционизм, который они сделали средством опровержения учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата.

Большое внимание уделялось разоблачению мелкобуржуазной природы эсеровской проповеди индивидуализма, мистицизма, религии, которые после 1917 г. стали

неотъемлемым элементом эсеровских воззрений на развитие общества ⁹⁹.

Для организации успешной борьбы против мелкобуржуазной идеологии важное практически-политическое значение имело изучение степени распространения и влияния эсеровщины на различные социальные группы населения. Как отмечал А. Х. Митрофанов, наибольшую популярность эсеровские идеи имели среди сельской интеллигенции: учителей, врачей, агрономов, работников кооперации ¹⁰⁰. Знание этих фактов позволяло Коммунистической партии конкретно определить направления идейно-воспитательной работы среди тех слоев населения, которые были подвержены наибольшему влиянию мелкобуржуазной народническо-эсеровской идеологии ¹⁰¹.

Серьезное внимание уделялось критике фальсификаторских приемов эсеровской историографии, извращавшей события Февраля и Октября. В рецензиях и обзорах литературы разоблачалась социальная направленность измышлений эсеровских авторов, выступавших с многочисленными мемуарами, статьями, очерками о событиях 1917 г. Конкретный подход к этой литературе позволял показать подлинное лицо эсеровских деятелей как изменников революции, испугавшихся революционной активности масс и пошедших на сговор с буржуазией. Марксистские авторы убедительно раскрывали, что в эсеровской историографии революций 1917 г. не ставилась задача правдивого освещения событий Февраля и Октября. Главной целью этих писаний были реабилитация политики эсеров, потерпевших полное поражение и перешедших в лагерь контрреволюции, стремление опорочить в глазах широких трудящихся масс пролетарскую революцию и партию большевиков. Выдавая себя за поборников «чистой демократии», «народовластия», «защитников интересов народа», эсеры стремились к восстановлению своего влияния на массы с целью организации борьбы против политики Советской власти ¹⁰².

Важное значение для разоблачения мелкобуржуазной идеологии имела публикация материалов активных деятелей эсеровщины. Обвиняя друг друга в ошибках и неудачах, они излагали факты, свидетельствовавшие о предательстве интересов революции и народа. Так, Савинков разоблачал участие Керенского в заговоре Корнилова; Керенский обвинял Чернова в отказе от решения аграрного вопроса; Вишняк уличал Чернова в нерадивости и бес-

принципности; Буревой, Семенов, Ракитников разоблачали лидеров партии эсеров, скрывавших даже от членов ЦК свои цели и авантюристические связи с буржуазно-монархической контрреволюцией, подготовку террористических актов против деятелей Советского государства¹⁰³; Быховский показывал неспособность эсеров провести в жизнь свою аграрную программу, активное противодействие революционной борьбе крестьянства за землю¹⁰⁴ и т. д. Эти писания из эсеровского лагеря позволяли историкам-марксистам убедительно показывать подлинное лицо эсеровских деятелей как типичных представителей мелкобуржуазной демократии, их колебания между пролетариатом и буржуазией, завершившиеся изменой делу революции¹⁰⁵.

Окончание гражданской войны позволило расширить и укрепить советский идеологический аппарат, улучшить работу всех его звеньев. Наряду с существовавшими ранее общественно-политическими и литературными журналами была создана научная периодическая печать, в том числе и историческая, которая стала пропагандистом марксистско-ленинского мировоззрения по всем проблемам общественного развития, в том числе и истории революций 1917 г. В начале 20-х годов начали выходить исторические журналы «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Летопись революции», «Красный архив», а также «Вестник Социалистической (затем Коммунистической) академии», «Под знаменем марксизма», «Большевик», критико-библиографические и литературные издания «Красная новь», «Сибирские огни», «Печать и революция» и др. На их страницах систематически публиковались статьи идейно-теоретического характера, посвященные анализу эсеровской идеологии, обзоры литературы и рецензии на эсеровские издания по истории Февральской и Октябрьской революций, документы и мемуары, разоблачавшие деятельность эсеров в период революций 1917 г. и гражданской войны. Одной из важнейших особенностей исторических изданий 20-х годов было разнообразие жанров, которые историки-марксисты предлагали читателям различного уровня подготовки и образованности. Нам хотелось бы обратить внимание на одну примечательную черту того времени — обращение историков к жанру политической биографии, политического портрета, причем не только выдающихся мыслителей, революционеров, писателей, ученых, но и

деятелей типа Г. Гапона, Г. Носаря-Хрусталева, А. Керенского, о которых Д. Сверчков писал: «Буржуазия и мещанство провозгласили их как героев»¹⁰⁶.

Три издания выдержала в 20-е годы политическая биография эсера А. Ф. Керенского, написанная Д. Сверчковым — членом Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, активным участником революции 1905—1907 гг., членом партии большевиков с 1920 г. Отмечая большую популярность Керенского в 1917 г. не только у нас в стране, но и за рубежом, Сверчков спрашивал: что представлял собой адвокат, появившийся «яркой звездой» на русском небосклоне в течение нескольких месяцев 1917 г.? Говоря о причинах популярности Керенского, Сверчков писал, что в 1917 г. его фигура представлялась «многому множеству российских обывателей, на которых неожиданно свалилась революция, героической, перед Керенским млели в восторге все те, кто привык смотреть на исторические события как на пьесу, разыгрываемую отдельным лицом или руководимую одним „героем“, кто не замечал единственного героя революционной борьбы — рабочего класса, а сосредоточивал свое внимание на выносимых наверх волнами отдельных личностях, забывая о том, что в бурю выше всего поднимается ветром и всякий сор...»¹⁰⁷.

Используя большое количество самых различных источников (труды Милюкова, Суханова, Дана, мемуары американского посла Д. Френсиса, воспоминания контрреволюционеров, сочинения самого Керенского), Сверчков создал талантливую, художественно написанную книгу об одном из видных деятелей мелкобуржуазного лагеря эпохи революции. На громадном фактическом материале бурного 1917 г. автор убедительно раскрыл все важнейшие черты характера и деятельности лидера мелкобуржуазного толка: властолюбие и карьеризм, политиканство и блестящие способности к интригантству, двоедушие и беспринципность, прикрытые яркой фразой и театральной позой, а главное — непонимание хода революционного процесса и его главной закономерности — неизбежности самоотверженной борьбы народа под руководством большевиков, уверенно приближавших победу социалистической революции. Даже российская контрреволюция, весьма неразборчивая в средствах борьбы против партии пролетариата, отказалась использовать Керенского, признав его совершенно негод-

ным «даже в виде приманки „для известного сорта рыбы“»¹⁰⁸.

Сверчков завершил свою блестящую характеристику этого случайного героя великих революционных событий словами: «Керенский канул в вечность. Не стоит труда останавливаться на его заграничных попытках задушить Октябрьскую революцию, не стоит рассказывать о тесном союзе с Милюковым, князем Львовым и прочими его друзьями. Самовлюбленный адвокат выкинут был на поверхность взбунтовавшегося революционного моря, поблестел всеми цветами радуги на солнце и лопнул при первом порыве бури Октябрьской революции»¹⁰⁹. Образ Керенского, созданный Сверчковым, весьма заметно отличается от наших современных представлений об этом деятеле партии эсеров, в которых преобладают примитивные трактовки этой личности, весьма преуспевшей в борьбе за власть, которая была для него главной целью жизни.

В конце 20-х — 30-е годы появились исследовательские работы В. Владимировой, П. Лисовского, А. Шестакова, Е. Ярославского и других советских историков, посвященные партии социалистов-революционеров, ее контрреволюционной деятельности на различных этапах пролетарской революции, связи эсеров с международной реакцией. Большое внимание уделялось разоблачению песосоятельности эсеровской концепции «третьей силы»¹¹⁰.

*

Изучение деятельности Коммунистической партии по разоблачению контрреволюционной идеологии и политики эсеров позволяет выделить следующие этапы борьбы, имевшие определенные особенности.

1. 1917 г. Идеиные столкновения происходили по важнейшим вопросам приближавшейся революции: характер классовой борьбы, место рабочего и крестьянского движения в революционном процессе, политика различных политических партий, отношение к войне и миру, к массовым выступлениям, разоблачение соглашательской политики эсеров, пытавшихся предотвратить дальнейшее развитие революционного процесса и победу пролетарской революции. В ходе этой борьбы выявились основные вопросы идейного противоборства, реальные

классовые позиции, средства и формы идейных столкновений, из которых большевики вышли победителями, превратившись в правящую партию.

2. Октябрь 1917—1920 гг. В центр идейной борьбы стала сама социалистическая революция, ее предпосылки и неизбежность, причины, характер и итоги, роль партии большевиков и эсеров в событиях 1917 г., причины победы партии пролетариата, вопросы диктатуры пролетариата и социалистической демократии. Это был период особенно острых столкновений, когда эсеры, потерпев поражение в ходе Октябрьской революции, превратили идейные нападки на Октябрь в средство борьбы против Советской власти и партии большевиков. Идеологические кадры партии большевиков дали решительный бой по всем важнейшим вопросам фальсификации истории Октября, раскрыли полный политический и идейный крах эсеров, превратившихся в контрреволюционную силу. К тому времени относится зарождение советской историографии Октябрьской революции и появление первых работ историков-марксистов о партии эсеров и ее крахе¹¹.

3. 1921—1923 гг. В то время шел быстрый процесс разложения эсеровщины, эсеры фактически перестали быть политической партией, превратившись в разрозненные группировки, существовавшие внутри страны и за рубежом.

Прошедший летом 1922 г. процесс над ЦК партии эсеров показал, что главными причинами политического и идейного краха этой партии стали переход в лагерь врагов революции, активная борьба против Советской власти. Благодаря большой группе мероприятий идеологического характера, проведенных Коммунистической партией, был нанесен сокрушительный удар по идеологии эсеров, существовавшей в нашей стране и за рубежом. Эти меры заметно способствовали сокращению влияния мелкобуржуазной идеологии народнического толка. На этом этапе в идейную борьбу по вопросам Октябрьской революции и социалистического строительства активно включились историки-марксисты, которые своими трудами способствовали окончательному разгрому эсеровщины внутри страны, а также разоблачению деятельности эсеров за рубежом как активной антисоветской силы.

4. С середины 20-х годов «эсеровская» проблематика органически вошла в исследования историков-марксистов и стала освещаться как историческая тема при разработке различных вопросов: истории революции 1905 —

1907 г., Февраля и Октября, гражданской войны и интервенции, истории социалистического строительства. Нередко историки обращались к критике эмигрантской литературы, однако она не была столь активной, как в предшествующие годы, поэтому ее эффективность была меньшей, чем могла бы быть. Но это уже тема иного исследования, которое еще предстоит осуществить советским историкам, восстановив малоизвестные страницы истории мелкобуржуазной демократии, ее идейной эволюции и краха в условиях переходного периода и утверждения марксизма-ленинизма — идеологии социалистического общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала XX в. В. И. Ленин, большевики постоянно и неослабно критиковали теоретические воззрения, программные и тактические установки эсеров. Объективная оценка этой партии позволила большевикам правильно определить ее классовую природу, раскрыть ненаучное содержание эсеровской идеологии, ее опасность для борьбы пролетариата за победу социалистической революции. В. И. Ленин убедительно показал полную несостоятельность историко-социологической и экономической доктрины эсеров, ограниченность их программы и вред террористической тактики, утопичность кооперативного, общинного, нравственно-этического социализма. Первостепенное теоретическое и практическое значение имел углубленный анализ Лениным оппортунистической сущности рассуждений эсеров о классовой борьбе и революции, их попыток подменить революционный путь борьбы за социализм культурничеством и реформизмом.

Критика эсеровских воззрений была неотъемлемой составной частью идеологической деятельности партии большевиков в период подготовки пролетарской революции. Она способствовала воспитанию у членов партии и передовых рабочих научного мировоззрения, правильного понимания целей, путей и средств борьбы, разъяснению ограниченности политики эсеров, сводивших все задачи революции к радикальным буржуазно-демократическим преобразованиям.

Мелкобуржуазная природа и неоднородность социальной базы и состава явились главными причинами организационного и политического развала партии социалистов-революционеров. Научная несостоятельность идейно-теоретической платформы эсеров обусловила их идейный крах, который стал закономерным следствием эволюции мелкобуржуазной демократии в условиях победы пролетарской революции. Идейный, организационный, политический развал партии эсеров проявился в образовании

самостоятельных партий правых и левых эсеров, «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов», в попытках их идеологов и лидеров сформулировать свое понимание Октябрьской революции и отношение к политике Советской власти. Поэтому эсеровская концепция Октября, как и вся мелкобуржуазная идеология, никогда не представляла собой единого целого. В ней сосуществовали и переплетались различные течения, представители которых по-разному объясняли и оценивали события 1917 г.

Неоднородность эсеровского течения, соединение в нем либеральных и революционно-демократических тенденций (левонародничество) проявились в поведении эсеров в период острой классовой борьбы 1917 г., а затем в трактовке ими событий, связанных с победой Февральской и Октябрьской революций. Несостоятельная в научном отношении теоретическая и политическая доктрина эсеров стала идейной основой мелкобуржуазной историографии Октября, предопределив ее содержание, эволюцию и неизбежную гибель. Это особенно ярко отразилось в позициях правых эсеров, идеологи которых оказались такими же банкротами в освещении исторических событий революционной борьбы, какими неудачными политиками они оказались в 1917 г.

Изученные нами материалы, отражающие идейные позиции лидеров и теоретиков различных течений эсеровщины по отношению к важнейшему событию XX в.— Великой Октябрьской социалистической революции, свидетельствуют о том, что при наличии существенных расхождений, колебаний и изменений в оценках Октября все важнейшие составные элементы эсеровской доктрины были органически связаны друг с другом. Субъективный идеализм, социологический плюрализм, крестьянский утопический социализм, оппортунистическое понимание классовой борьбы, отрицательное отношение к диктатуре пролетариата, определявшие содержание эсеровских воззрений на революцию и социализм, проявились и в объяснениях эсерами всех важнейших проблем революционного процесса в России в 1917 г. К какой бы проблеме ни обращались идеологи народничества, будь то предпосылки революции, значение Февраля и Октября, перспективы развития мирового революционного процесса XX в. и его движущие силы,— все они рассматривались с позиций мелкобуржуазного понимания социалистической революции. Все содержание эсеровской концепции Октябрьской рево-

люции определялось классовой природой этого идейного течения, лидеры которого защищали интересы мелких собственников, боровшихся за победу лишь радикальной буржуазно-демократической революции.

Некоторые современные историки склонны объяснять распад партии эсеров на различные группировки и течения лишь теми различиями, которые выявились в понимании хода и итогов революций 1917 г., итогов и перспектив классовой борьбы. При этом не учитывается главное: все идейные расхождения были обусловлены прежде всего классовой неоднородностью мелкой буржуазии, обострением социальных антагонизмов между кулаком и беднотой, кулаком и середняком в ходе развития революционного процесса. В идейной и политической эволюции эсеров подтвердилось предвидение Ф. Энгельса о том, что «в классовой борьбе средние слои никогда, надо полагать, не объединятся все без исключения вокруг пролетариата»¹. Это проявилось в идейных позициях представителей различных течений мелкой буржуазии, в их оценках Октябрьской революции, политики Советской власти. Они колебались от признания социалистического характера и всемирно-исторического значения Октября левыми течениями эсеровщины до полного отрицания правыми эсерами революционного содержания, народного характера и широкой социальной базы революции, совершенной пролетариатом России во главе с большевиками. В содержании эсеровской концепции Октябрьской революции, в идейной эволюции различных представителей эсеровщины проявился окончательный крах народнической доктрины крестьянского утопического социализма, попыток его идеологов в той или иной форме «увековечить не только мелкого крестьянина-собственника, но и мелкого арендатора, эксплуатирующего чужой труд»².

В признании идеологами левого течения эсеровщины социалистического характера Октябрьской революции и социальной программы Советской власти отразились позиции и настроения той части средних слоев, которая понимала необходимость совместной с пролетариатом борьбы против попыток контрреволюции реставрировать власть помещиков и буржуазии. В большинстве своем это было среднее крестьянство, которое при всех колебаниях и противоречиях встало в конце концов на сторону пролетарской революции и социалистического строительства.

Опыт Октября, политическая и идейная эволюция представителей левых групп народничества в условиях

диктатуры пролетариата убедительно подтверждают известное марксистское положение о том, что, если мелкобуржуазные социалисты хотят действительно стать активными участниками борьбы за демократию и социализм, они должны переходить на позиции пролетариата, честной и искренней поддержки социалистической революции, признания Коммунистической партии ее вождем, всемерного содействия радикальным социально-экономическим преобразованиям. Иного выбора, как показала история партии эсеров в России, быть не может, ибо все попытки найти «третий путь» кончатся соглашением с контрреволюционной буржуазией и предательством революции.

Оценки Октября 1917 г. правыми эсерами носили открыто враждебный характер. Концепция правых эсеров явилась отражением контрреволюционных настроений наиболее правой части мелкой буржуазии города и деревни, ее полного неприятия победы социалистической революции и радикального характера социальных преобразований рабоче-крестьянской власти. Она стала теоретической платформой политики правых эсеров в условиях диктатуры пролетариата, средством идейного обоснования и оправдания их контрреволюционных действий.

Борьба широких трудящихся масс за социальное и национальное освобождение, бурно развивавшийся в городе и деревне революционный процесс, завершившийся в 1917 г. свержением власти буржуазии и установлением диктатуры пролетариата в форме Республики Советов,— все это игнорировалось правозэсеровскими историками и теоретиками, взявшимися за освещение исторических событий 1917 г. Свои основные усилия они сосредоточили на рассуждениях о том, что в России якобы отсутствовали объективные и субъективные предпосылки социализма, что Октябрь — это «заговор», «авантюра», «переворот», лишенный широкой социальной базы. Они утверждали, что победа большевиков явилась якобы результатом случайного стечения непредвиденных обстоятельств и ошибок Временного правительства. О подобном подходе к истории Ф. Энгельс писал: «Это те самые люди, которые хотят втиснуть историю в рамки своего обывательского кругозора, но с которыми история никогда не считается и идет своей дорогой»³.

С враждебных позиций, в крайне искаженном виде изображались правыми эсерами все мероприятия Советской власти, направленные на ликвидацию частной собст-

вечности, решение аграрного вопроса, демократизацию страпы. Настойчивое утверждение идеи о неизбежности гибели Советской власти стало основной посылкой и конечным выводом всех правоэсеровских описаний Октября. В этом проявилась истинная социальная суть правоэсеровской концепции, которая стала идеологическим оправданием мятежей, восстаний, террористических актов, направленных на свержение диктатуры пролетариата. Опасность этого идейного течения эсеровщины состояла в том, что его лидеры выдавали себя за борцов за «свободу», «демократию», «интересы народов России». Лозунги мелкой буржуазии, сформулированные эсерами и меньшевиками, требовавшими свободы частного предпринимательства, всеобщего избирательного права, Учредительного собрания и т. п., стали прикрытием для всей российской реакции. Только под такими лозунгами, популярными в мелкобуржуазных слоях населения, не разбившихся в законах классовой борьбы, могла выступить российская контрреволюция.

Жизнь заставляла идеологов эсеров вносить поправки в трактовки истории Февраля и Октября, в объяснение перспектив развития мировой революции и борьбы за социализм. Одни из них пытались развивать концепции крестьянской революции и перенесения центра мирового революционного движения в аграрные страны Азии (Штейнберг, Трутовский), другие, отрекаясь от народнического социализма и теории социальной революции, обратились к фашизму как силе, способной якобы предотвратить пролетарскую революцию (Савинков, Вишняк). Однако социальная сущность и классовая направленность эсеровской историографии оставались неизменными. С первых шагов со всей очевидностью проявилась ее важнейшая черта — ненаучный характер, враждебное отношение к марксизму и революции. Отсутствие научно обоснованной концепции первой в истории победоносной социалистической революции, неспособность дать глубокий, всесторонний анализ и оценку как процесса развития революции в целом, так и отдельных его сторон стали определяющей чертой всего этого течения до его окончательной гибели сначала в СССР, а затем в эмиграции.

С первых лет Советской власти Коммунистическая партия, В. И. Ленин вели непримиримую борьбу против эсеровских искажений истории Октября, их клеветнических выступлений против Советской власти и партии

большевиков, против свершившего революцию народа. Партия рассматривала эту борьбу как необходимое условие разгрома мелкобуржуазной контрреволюционной идеологии, которую поддерживала русская и мировая буржуазия.

В борьбе против эсеровской идеологии и историографии Октября, ее влияния на сознание трудящихся Коммунистическая партия использовала самые различные средства и формы, включая и репрессивные меры, — закрытие контрреволюционных издательств, выпускавших антисоветскую литературу, высылку за границу активных врагов Советской власти, выступавших с пропагандой контрреволюционных идей (П. Сорокин и др.). Однако наибольшее значение имели политико-воспитательные средства, разъяснение широким массам, включая средние слои города и деревни, классовой сущности клеветнических измышлений эсеров об Октябре и Советской власти. Эта работа систематически проводилась советской прессой, центральными и местными издательствами. Активное наступление марксистов на идеологическом фронте обеспечило развенчание данных мелкобуржуазных воззрений, способствовало гибели эсеров в СССР не только как политической партии, но и как идейного течения. Эта борьба была составной частью утверждения марксизма-ленинизма, научной концепции Октябрьской революции и ее понимания широкими массами населения.

История возникновения и краха эсеровской концепции Октябрьской революции со всей убедительностью показывает, что создание научной теории и истории революции вообще, а социалистической в особенности, невозможно с позиций мелкобуржуазных концепций общественного развития. Эсеровская историография Октября оказалась бесперспективным, обреченным на гибель идейно-политическим течением, как и сама партия эсеров, вставшая на путь борьбы с властью трудящихся. И хотя эсеры довольно продолжительное время (20—60-е годы) выступали в эмиграции с работами о революциях 1917 г., их деятельность за границей вылилась в функционирование разрозненных политических группировок, существовавших только благодаря поддержке империалистической буржуазии, использовавшей эсеров в борьбе против Советской власти и марксизма-ленинизма.

Прекратив свое существование как политическая партия, эсеры в эмиграции по мере физического старения ухо-

дили с исторической арены. Отдельные деятели эсеров, выступавшие с мемуарами в 50—60-е годы (Керенский, Вишняк), были уже эмигрантами-одиночками, а не представителями политического и идейного течения, которого к тому времени уже не существовало. Эмиграция лишь оттянула на какое-то время предсмертную агонию эсеров, но не могла спасти их от неизбежной гибели.

Гибель эсеровской идеологии и ее важнейшей составной части — историографии Октября предопределялась успешным строительством социализма в СССР в 20-е годы, изменением социальной структуры, утверждением марксизма-ленинизма во всех областях общественного сознания. Эти изменения лишали эсеровскую идеологию в России реальной социальной базы, которая ее порождала и питала.

Ликвидация влияния эсеровской идеологии была ускорена наступательной идейной борьбой, которую организовала и последовательно проводила в жизнь Коммунистическая партия, ее идеологические кадры, советские обществоведы. Активное участие в разъяснении классовой сущности, теоретической несостоятельности, фальсификаторских приемов эсеров принимали историки-марксисты. Своей исследовательской работой в области истории Февраля и Октября они содействовали распаду эсеровской историографии, утверждению в советской исторической науке ленинской концепции, распространению научных представлений о событиях 1917 г. в сознании широких масс трудящихся.

Сравнительный анализ изображения революционных событий 1917 г. эсерами и представителями буржуазной историографии 60—70-х годов показывает, что эсеровские положения получили весьма широкое распространение на Западе. Буржуазные историки пользовались литературой эсеров не только как источником информации о событиях 1917 г. в России, но и заимствовали у эсеров многие идеи и аргументацию. Вслед за эсерами они изображали Октябрь революцией, якобы не имевшей никакой социальной базы и победившей в силу экономической и культурной отсталости России. Особенно интенсивно эксплуатировались эсеровские оценки революции как «заговора» и «авантюры» большевиков, следствия ошибок Временного правительства и революционной демократии, т. е. меньшевиков и эсеров. Реакционная буржуазная историография стала единственным приемником того «идей-

ного наследия», которое оставили после себя правые эсеры. Воспроизведение и повторение эсеровских идей свидетельствуют о том, насколько слабы позиции реакционной историографии, как бесплодны идеологи буржуазии в поисках аргументов для борьбы против Октябрьской революции и марксизма-ленинизма.

Идейно-теоретический крах, а затем и гибель эсеров как идейного и политического течения со всей убедительностью показывают, что с победой пролетарской революции одной из важнейших закономерностей общественного развития становится упрочение позиций марксизма-ленинизма как последовательно научной теории общественного развития, с позиций которой только и возможно создание научной истории пролетарской революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 124.
- 2 Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987. С. 5.
- 3 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 124.
- 4 К советскому народу: Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза // Правда. 1987. 14 марта.
- 5 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 76.
- 6 Зародов К. И. Экономика и политика в революции. М., 1980. С. 42—43.
- 7 Там же. С. 45; Виммер Э. Ленинизм и перспективы нашей борьбы // Пробл. мира и социализма. 1978. № 9. С. 16—17; Он же. Идеология «новых социальных движений» // Там же. 1985. № 7.
- 8 Левковский А. И. Мелкая буржуазия: Облик и судьбы класса. М., 1978. С. 21—22, 155—157, 183—184; Средние слои: С кем они? // Пробл. мира и социализма. 1982. № 12. С. 67—72.
- 9 Боффи А., Сорани Л. Терроризм в Западной Европе // Пробл. мира и социализма. 1978. № 12. С. 88—90.
- 10 Зародов К. И. Указ. соч. С. 13—15; Борьба идей в современном мире. М., 1975. Т. 1. С. 115—118.
- 11 Баталов Э. Я. Философия бунта: Критика идеологии левого радикализма. М., 1973. С. 4, 219 и др.
- 12 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 87.
- 13 Там же. ¹⁴ Там же. ¹⁵ Там же. С. 99.
- 16 Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975. С. 20—31; Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. Л., 1977. С. 12—15.
- 17 Соболев Г. Л. Октябрьская революция и американская историография. Л., 1979. С. 44, 46 и др.
- 18 Гусев К. В. Указ. соч.; Пролетарские партии в России: Урок истории. М., 1984. С. 17—18 и др.
- 19 Гусев К. В. Указ. соч. С. 7—9; Петров А. П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977. С. 286—315.

- ²⁰ Петров А. П. Указ. соч. С. 319, 321, 392 и др.
- ²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 215.
- ²² Черных А. Г. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969; Городецкий Е. Н. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970; и др.
- ²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 114—117; Т. 41. С. 425.
- ²⁴ Там же. Т. 12. С. 40.
- ²⁵ См.: Там же. Т. 17. С. 350.
- ²⁶ Там же. Т. 35. С. 188.
- ²⁷ См.: Там же. С. 191—194, 259—290, 343—353, 393—397.
- ²⁸ См.: Там же. Т. 41. С. 14—16.
- ²⁹ Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма. М., 1966; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — XX вв. Л., 1969; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Саушкин Н. М. Критика В. И. Лениным программы и тактики партии эсеров. М., 1976; и др.
- ³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 392—393.
- ³¹ Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; Гусев К. В., Ерицын Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Соболева П. И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; Спириг Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973; Гусев К. В. Указ. соч.; Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.; Он же. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902—1914 гг. Л., 1983; Непролетарские партии России: Урок истории; и др.
- ³² Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. С. 32, 34.
- ³³ Там же. С. 29.
- ³⁴ Гусев К. В. Крах левых эсеров. М., 1963; Шестаков Ю. И. Тактика большевиков по отношению к партии левых эсеров и отколовшимся от нее партиям «революционных коммунистов» и народников-коммунистов. М., 1971; Он же. РКП(б) и партия «революционного коммунизма» // Вопр. истории КПСС. 1972. № 2; Спириг Л. М. Крах одной авантюры. М., 1971; Сивохина Т. А. Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973; Голуб П. А. О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября // Вопр. истории КПСС. 1971. № 9; Тумаринсон В. Х. К вопросу о соглашении большевиков с левыми социалистами-революционерами // Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917—1922 гг.: Сб. науч. тр. М., 1977. Ч. 1; Разгон А. И. К вопросу о складывании блока большевиков и левых эсеров в октябре 1917 — январе 1918 г. // Там же; Ионкина Т. Д. Фракции мелкобуржуазных партий на Всероссийских съездах Советов (1917—1920 гг.) // Там же; Шагин Э. М. Блок большевиков с левыми эсерами на советском Дальнем Востоке (1917—1918 гг.) // Там же. М., 1977. Ч. 2; Непролетарские партии в России: Урок истории. С. 355—364; и др.

- ³⁵ *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. С. 19.
- ³⁶ *Осинова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974; *Щагин Э. М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России, лето 1917 — лето 1918 г. М., 1974; *Смирнов А. С.* Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976; и др.
- ³⁷ *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Он же.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Он же.* Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979; *Барихновский Г. Ф.* Идейно-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.). Л., 1978; *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1981; *Мухачев Ю. В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; и др.
- ³⁸ Подробнее см.: *Барихновский Г. Ф.* История краха белой эмиграции в советской исторической литературе // Великий Октябрь и непролетарские партии: Материалы конф. М., 1982. С. 161—169.
- ³⁹ *Мухачев Ю. В.* Указ. соч. С. 205.
- ⁴⁰ *Шкаренков Л. К.* Указ. соч. С. 43.
- ⁴¹ *Городецкий Е. Н.* Указ. соч.; *Черных А. Г.* Указ. соч.
- ⁴² *Тумаринсон В. Х.* Разоблачение В. И. Лениным меньшевистско-эсеровской фальсификации характера Октябрьской революции // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореца. 1968. № 48; *Панова Е. П.* Разоблачение В. И. Лениным меньшевистско-эсеровской фальсификации вопроса о роли большевистской партии в Великой Октябрьской социалистической революции // Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунизма. М., 1971.
- ⁴³ *Алексеева Г. Д.* Критика В. И. Лениным мелкобуржуазной историографии Октября: (Методологический аспект проблемы) // XXV съезд КПСС и задачи изучения исторической науки. Калинин, 1978. Ч. 2.
- ⁴⁴ *Марыгин М. М.* Борьба В. И. Ленина против идеалистической теории культа сильной личности народников и эсеров. М., 1957; Очерки по истории философии в России. М., 1960; История философии. М., 1961. Т. 5; *Шестаков М. Г.* Борьба В. И. Ленина против идеалистической социологии эсеров. М., 1975; Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX в. Л., 1978; *Чагин Б. А.* В. И. Ленин о диалектике объективного и субъективного в историческом процессе. Л., 1985.
- ⁴⁵ История русской экономической мысли. М., 1966. Т. 3, ч. 1; *Камушкина М. В., Куприянов П. М.* Критика экономических теорий идеологов мелкой буржуазии в эпоху империализма. М., 1966; *Спирина М. В.* Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987.
- ⁴⁶ История русской экономической мысли. Т. 3, ч. 1. С. 30.
- ⁴⁷ *Гармиза В. В., Жумаева Л. С.* Партия эсеров в современной буржуазной историографии // История СССР. 1968. № 2;

- Ильящук Г. И., Спириин Л. М.* В кривом зеркале «советологии» // Пробл. мира и социализма. 1980. № 8; *Ильящук Г. И.* История партии эсеров в современной французской буржуазной историографии // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конф. М., 1982; *Канищева Н. И.* Буржуазные историки ФРГ о крахе партии эсеров в 1917 г.: Критика советологических концепций // Там же; и др.
- ⁴⁸ *Никитин В. А.* Критика идеологии «демократического социализма». М., 1978; *Гернс В., Штайгервальд Р., Вайс Г.* Оппортунизм сегодня. М., 1977. С. 40—91; и др.
- ⁴⁹ *Ваупас J.* Les socialistes-revolutionnaires des mars 1881 a mars 1917. P. 1979. Критический анализ. см.: *Ильящук Г. И.* Указ. соч. С. 183—186.
- ⁵⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 658; Ленинский сб. Т. 36. С. 101—102; Т. 24. С. 291—292; Пролетарская революция. 1930. № 7/8. С. 138.
- ⁵¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 660—662. Подробнее см. пятую главу.
- ⁵² Там же. Т. 30. С. 113.
- ⁵³ Там же. Т. 6. С. 378.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 379.
- ⁵⁵ Подробнее см.: *Гармиза В. В.* Октябрьская революция и гражданская война в кривом зеркале эсеровских мемуаров // Великий Октябрь и непролетарские партии: Материалы конф.
- ⁵⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 630; Дело. 1918. № 1. 5 февр.; Дело народа. 1919. 20 марта.

Глава первая

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 312.
- ² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 124.
- ³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 438.
- ⁴ См.: Там же. Т. 31. С. 193—206.
- ⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9 е изд. М., 1983. Т. 1. С. 250—251. (Далее: КПСС в резолюциях...).
- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 21.
- ⁷ См.: Там же. Т. 12. С. 42.
- ⁸ См.: Там же. Т. 6. С. 377; Т. 7. С. 51.
- ⁹ См.: КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 60—61.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 353—354.
- ¹¹ См.: Там же. Т. 6. С. 372—376.
- ¹² См.: Там же. С. 373—376; Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1970. Т. 1. С. 397.
- ¹³ См.: Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 1. С. 407, 435—437; М., 1971. Т. 2. С. 379; Ленинский сб. Т. 19. С. 315—316.
- ¹⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 231—232; Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 1. С. 415.
- ¹⁵ См.: Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 1. С. 442; Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1969. Т. 2. С. 89—90.
- ¹⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 241; Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 1. С. 421.

- ¹⁷ См.: Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 2. С. 200—202.
- ¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 138—147, 339—353; Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 2. С. 443, 530; Ленинский сб. Т. 25. С. 193—202.
- ¹⁹ Вряд ли можно согласиться с А. Д. Степанским, ограничивающим мелкобуржуазную революционность эсеров лишь такими качествами, как «сочетание личного мужества с нечеткостью идейных взглядов». См.: Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 28.
- ²⁰ Наша программа // Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 4—7; Неотложная задача // Революционная Россия. 1902. № 3; Стихийная революция и сознательные революционеры // Там же. № 4. С. 2—3.
- ²¹ Революционная Россия. 1902. № 3. С. 7.
- ²² Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 4.
- ²³ Русанов Н. С. Эволюция русской социалистической мысли. Б. м., 1902. С. 32.
- ²⁴ Чернов В. М. Марксизм и аграрный вопрос. СПб., 1906. С. 132—172; Он же. Маркс и Энгельс о крестьянстве. М., 1906; и др.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 144.
- ²⁶ См.: Там же. Т. 2. С. 439; Т. 7. С. 54; 349—350; Т. 8. С. 462—463; Т. 14. С. 298; Т. 15. С. 49, 52; Т. 17. С. 140.
- ²⁷ Чернов В. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель, 1917. С. 9.
- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 396.
- ²⁹ См.: Там же. Т. 7. С. 355.
- ³⁰ Там же. Т. 6. С. 372.
- ³¹ Там же. Т. 21. С. 169.
- ³² См.: Там же. Т. 14. С. 182—183; Т. 17. С. 413.
- ³³ Там же. Т. 7. С. 59.
- ³⁴ Там же. Т. 12. С. 40.
- ³⁵ См.: Там же. Т. 6. С. 378; Т. 6. С. 51, 68, 351; Т. 12. С. 233.
- ³⁶ Там же. Т. 7. С. 389.
- ³⁷ КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 71—72, 131, 186—187, 250—252 и др.
- ³⁸ Там же. С. 187.
- ³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 285.
- ⁴⁰ Чернов В. Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 5—6.
- ⁴¹ Брешковская Е. К сельской интеллигенции // Революционная Россия. 1903. № 26. С. 7.
- ⁴² Комов А. [Юделевский Я. Л.]. Исторические зигзаги // Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 202.
- ⁴³ Там же. С. 1—2.
- ⁴⁴ Революционная Россия. 1902. № 4. С. 10.
- ⁴⁵ Устинов Е. [Лозинский Е. У.]. Что такое социалистическая правдивость? // Вестн. русской революции. 1905. № 4. С. 138.
- ⁴⁶ Там же. 1901. № 1. С. 193—194, 250—251; Русанов Н. С. Эволюция русской социалистической мысли. С. 34—35.
- ⁴⁷ Левицкий А. [Гоц М. Р.]. Беглые заметки // Вестн. русской революции. 1903. № 3. С. 243—244.
- ⁴⁸ Комов А. К вопросу о теоретических основах социалистической программы. СПб., 1907. С. 6.

- ⁴⁹ Там же. С. 7, 10, 12—13 и др.
- ⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 285.
- ⁵¹ Чернов В. Философские и социологические этюды. С. 5.
- ⁵² Чернов В. Социалистические этюды. М., 1908. С. 8—12, 47, 49, 65—67, 306—308; Кожов А. К вопросу о теоретических основах социалистической программы. С. 3.
- ⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 379.
- ⁵⁴ Наша программа // Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 2—8; Устинов Е. Какова должна быть программа русской революции? Женева, 1905; и др.
- ⁵⁵ Корень Б. [Бабин Б. В.]. Сущность учения социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 9—10.
- ⁵⁶ Авксентьев Н. Д. Сверхчеловек: Культурно-этический идеал Ницше. СПб., 1906. С. 11.
- ⁵⁷ Там же. С. 139—140, 143, 156—157.
- ⁵⁸ Там же. С. 114.
- ⁵⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 347.
- ⁶⁰ См.: Там же. Т. 24. С. 335.
- ⁶¹ Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 28.
- ⁶² Программа партии социалистов-революционеров // Программы русских политических партий перед Учредительным собранием. М., 1917. С. 7.
- ⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 97.
- ⁶⁴ Социологическая мысль в России: Очерки немарксистской социологии последней трети XIX—начала XX в. Л., 1978. С. 145—187, 388 и др.
- ⁶⁵ Воронов Б. Г. [Лебедев Б. И.]. К вопросу об основах рабочей программы // Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 130.
- ⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 149.
- ⁶⁷ Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 68.
- ⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 165.
- ⁶⁹ См.: Революционная Россия. 1902. № 7. С. 3—4.
- ⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 452.
- ⁷¹ Сорокин П. Теория факторов М. Ковалевского // Максим Ковалевский, 1851—1916. Пг., 1918. С. 181—194.
- ⁷² Корень Б. Сущность учения социалистов-революционеров. С. 20.
- ⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137.
- ⁷⁴ Воронов Б. Г. Указ. соч. С. 141, 150.
- ⁷⁵ Сорокин П. Указ. соч. С. 194.
- ⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 191.
- ⁷⁷ Чернов В. Социалистические этюды. С. 14.
- ⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 388.
- ⁷⁹ Крестьянское движение // Революционная Россия. 1902. № 3. С. 3.
- ⁸⁰ Русанов Н. С. Эволюция русской социалистической мысли. С. 9, 10, 34.
- ⁸¹ 1 Мая // Революционная Россия. 1902. № 4. С. 2.
- ⁸² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 381.
- ⁸³ Кожов К. Вопросы миросозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903. С. 2—3; Колосов Е. Михайловский и русская революция // Социалист-революционер. 1910. № 1. С. 77; Он же. Н. К. Михайловский и переход от народничества к терроризму // Там же. 1911. № 3. С. 51, 73.

- ⁸⁴ [Русанов Н. С.]. Мировой рост и кризис социализма // Вестн. русской революции. 1902. № 2. С. 73.
- ⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 347.
- ⁸⁶ Устинов Е. Какова должна быть программа русской революции? С. 7—10.
- ⁸⁷ Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 193.
- ⁸⁸ Устинов Е. Что такое социалистическая нравственность? С. 137.
- ⁸⁹ Там же. С. 139—140.
- ⁹⁰ Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 127—158, 250—251; 1902. № 2. С. 48—49.
- ⁹¹ Русанов Н. С. Эволюция русской социалистической мысли. С. 26, 28 и др.
- ⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 371.
- ⁹³ Там же. Т. 7. С. 58.
- ⁹⁴ См.: Там же. С. 58—59.
- ⁹⁵ Там же. С. 60.
- ⁹⁶ Там же. С. 60—61.
- ⁹⁷ См.: Там же. С. 62.
- ⁹⁸ См.: Там же. С. 127.
- ⁹⁹ Там же. С. 128.
- ¹⁰⁰ См.: Там же. С. 122.
- ¹⁰¹ См.: Там же. Т. 9. С. 192—195; Т. 17. С. 267—288; Т. 24. С. 60—61, 334.
- ¹⁰² Чернов В. Социалистические этюды. С. 51—54, 79.
- ¹⁰³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 227.
- ¹⁰⁴ Чернов В. Социалистические этюды. С. 53, 61, 65; Знамя труда. 1912. № 48. С. 2.
- ¹⁰⁵ Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 2—3, 252—254; 1902. № 2. С. 226.
- ¹⁰⁶ Чернов В. Социалистические этюды. С. 55—56, 58—60, 76—80.
- ¹⁰⁷ Программа партии социалистов-революционеров. С. 8.
- ¹⁰⁸ Кожов А. К вопросу о теоретических основах социалистической программы. С. 17.
- ¹⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 192.
- ¹¹⁰ Быховский Н. Я. Русская община и земельная реформа. М., 1917. С. 5.
- ¹¹¹ Чернов В. Социалистические этюды. С. 114.
- ¹¹² История русской экономической мысли. М., 1966. Т. 3, ч. 1. С. 393.
- ¹¹³ Чернов В. Социалистические этюды. С. 115.
- ¹¹⁴ Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 3; Революционная Россия. 1904. № 1. С. 8.
- ¹¹⁵ Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 2—4.
- ¹¹⁶ История русской экономической мысли. Т. 3, ч. 1. С. 389, 394.
- ¹¹⁷ Чернов В. Социалистические этюды. С. 59, 65—66.
- ¹¹⁸ Камушкина М. В., Куприянов П. М. Критика экономических теорий мелкой буржуазии в эпоху империализма. М., 1966. С. 15—35.
- ¹¹⁹ Гинев В. П. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в 1917 г. Л., 1977. С. 24.
- ¹²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 458.
- ¹²¹ Социалисты-революционеры и кооперация // Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 258—263.
- ¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 397—398.
- ¹²³ См.: Там же. Т. 24. С. 60.
- ¹²⁴ Подробнее см.: Камушкина М. В., Куприянов П. М. Указ. соч. С. 15—35.
- ¹²⁵ Гинев В. Н. Указ. соч. С. 25
- ¹²⁶ Камушкина М. В., Куприянов П. М. Указ. соч. С. 24—26

- 127 *Крупнов Н.* [Потанов А. И.] По поводу одной брошюры // Вестн. русской революции. 1903. № 3. С. 286.
- 128 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 366.
- 129 История русской экономической мысли. Т. 3, ч. 1. С. 391.
- 130 История русской экономической мысли. Т. 3, ч. 1. С. 420—428; *Камушкина М. В., Куприянов П. М.* Указ. соч. С. 87—89.
- 131 Протоколы III съезда партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 68—69.
- 132 *Чернов В.* Интернационал и война. Пг., 1917. С. 65.
- 133 Социал-демократы и социалисты-революционеры // Революционная Россия. 1903. № 16. С. 4.
- 134 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 394.
- 135 Там же. Т. 9. С. 191.
- 136 *Щипанов И. Я.* Философия и социология русского народничества. М., 1983. С. 55, 62, 72, 77 и др.
- 137—138 *Чернов В.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 10.
- 139 *Русанов Н. С.* Эволюция русской социалистической мысли. С. 28—29.
- 140 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 99—101.
- 141 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 427.
- 142 *Кожов А.* Исторические зигзаги. С. 194; *Чернов В.* К теории классовой борьбы. Б. м., 1906. С. 22, 26.
- 143 Классовая борьба в деревне // Революционная Россия. 1902. № 11. С. 7.
- 144 *Чернов В.* К теории классовой борьбы. С. 23, 26—27, 30—31 и др.
- 145 Там же. С. 23. См. также: Классовая борьба в деревне. С. 7.
- 146 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 44.
- 147 См.: Там же. С. 44.
- 148 *Чернов В.* К теории классовой борьбы // Революционная Россия. 1903. № 34. С. 5.
- 149 Русское богатство. 1909. № 5. С. 151, 153, 167.
- 150 Максим Ковалевский, 1851—1916. С. 185.
- 151 Русское богатство. 1909. № 5. С. 167.
- 152 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 458.
- 153 *Чернов В.* Программные вопросы: К теории классовой борьбы // Революционная Россия. 1903. № 26. С. 7—9.
- 154 Программа партии социалистов-революционеров. С. 11.
- 155 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 389.
- 156 Вестн. русской революции. 1903. № 3. С. 285.
- 157 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 392; Т. 12. С. 42—43, 47.
- 158 Вестн. русской революции. 1903. № 3. С. 285.
- 159 Там же. С. 219, 225.
- 160 *Кожов А.* К вопросу о теоретических основах социалистической программы. С. 19.
- 161 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 450.
- 162 Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 128.
- 163 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 41, 47, 138. Подробнее см.: *Гинев В. В.* Указ. соч. С. 23—39.
- 164 *Орешкин В. В.* Аграрный вопрос в трудах соратников В. И. Ленина. М., 1970. С. 133—139.
- 165 Вестн. русской революции. 1901. № 1. С. 3.
- 166 Революционная Россия. 1902. № 11. С. 7—9.
- 167 *Чернов В.* Крестьянин и рабочий класс как экономическая категория. Пг., 1906. С. 6—7; *Он же.* К теории классовой

- борьбы. С. 33—40; *Быховский Н. Я.* Русская община и земельная реформа. С. 3; *Он же.* Советы крестьянских депутатов. Пг., 1917. С. 6.
- 178 *Новобранцев П.* [*Пешехонов А. В.*]. Основные вопросы русской революционной программы // *Революционная Россия.* 1903. № 33. С. 18.
- 179 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 392.
- 170 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 450.
- 171 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 392.
- 172 *Нечетный С.* [*Слетов С. Н.*]. Очерки по истории партии с.-р. // *Социалист-революционер.* 1912. № 4. С. 62—63.
- 173 *Чернов В.* Социалистические этюды. С. 209.
- 174 Программа партии социалистов-революционеров. С. 15, 16—18; Программные вопросы // *Революционная Россия.* 1902. № 12. С. 5.
- 175 *Кожов А.* К вопросу о теоретических основах социалистической программы. С. 20—23.
- 176 *Революционная Россия,* 1902. № 6. С. 1—2.
- 177 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 42—43.
- 178 Там же. Т. 6. С. 398.
- 179 Программа партии социалистов-революционеров. С. 11—13.
- 180 *Брешковская Е.* К сельской интеллигенции. С. 6.
- 181 Рабочее движение и интеллигенция // *Вестн. русской революции.* 1902. № 2. С. 211—212; 1903. № 3. С. 248, 285.
- 182 Там же. 1903. № 3. С. 285.
- 183 *Чернов В.* Социалистические этюды. С. 137, 138.
- 184 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 389.
- 185 *Чернов В.* Социалистические этюды. С. 211—215.
- 186 *Брешковская Е.* К национальному вопросу // *Революционная Россия.* 1903. № 36. С. 5.
- 187 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 397.
- 188 Там же. Т. 7. С. 353.
- 189 *Чернов В.* Война и «третья сила». Пг., 1917. С. 20.
- 190 Там же. С. 4, 25—26.
- 191 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 348.
- 192 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 34.
- 193 Программа партии социалистов-революционеров. С. 11.
- 194 *Революционная Россия.* 1903. № 2. С. 6; № 4. С. 2.
- 195 *Кожов А.* Исторические зигзаги. С. 191.
- 196 Неотложная задача // *Революционная Россия.* 1902. № 3. С. 6.
- 197 *Левицкий А.* Беглые заметки // *Вестн. русской революции.* 1902. № 2. С. 127.
- 198 *Брешковская Е.* К сельской интеллигенции. С. 7.
- 199 Крестьянское движение // *Революционная Россия.* 1902. № 8. С. 4.
- 200 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 524.
- 201 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 392—393.
- 202 *Революционная Россия.* 1902. № 8. С. 3—4.
- 203 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 41, 47—48.
- 204 *Социалист-революционер.* 1912. № 4. С. 131.
- 205 Там же. С. 160—175.
- 206 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 392—393.
- 207 См.: Там же. Т. 9. С. 131—132.
- 208 Там же. Т. 8. С. 459, 463.
- 209 Там же. Т. 11. С. 35.

- 210 Там же. С. 284.
- 211 *Чернов В.* Социалистические этюды. С. 210. См. также. *Гоц М. Р.* Социализация земли. Одесса, 1906. С. 4.
- 212 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 389.
- 213 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 459.
- 214 *Шестаков М. Р.* Борьба В. И. Ленина против идеалистической социологии эсеров. М., 1975. С. 17—25, 84—95 и др.
- 215 Рабочее движение и наши тактические задачи // *Революционная Россия*. 1902. № 10; Террор и массовое движение // Там же. 1903. № 24; Еще о критиках террористической тактики // Там же. № 26; и др.
- 216 Рабочее движение и наши тактические задачи. С. 3—6.
- 217 По поводу Ростовских событий // *Революционная Россия*. 1902. № 15. С. 1—3.
- 218 Там же. С. 3.
- 219 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 458.
- 220 Там же. Т. 12. С. 65.
- 221 *Революционная мысль*. 1908. № 1. С. 1.
- 222 *Евгеньев [Сталинский Е.]*. Движущие силы русской революции // *Социалист-революционер*. 1912. № 4. С. 130—131.
- 223 Там же. С. 131—132.
- 224 *Чернов В.* Философские и социологические этюды. С. 11—25.
- 225 Среди реакционной философской литературы В. И. Ленин назвал и книгу В. Чернова «Философские и социологические этюды». См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 13.
- 226 Там же. С. 97. ²²⁹ Там же. С. 333.
- 227 Там же. С. 97, 100—101. ²³⁰ См.: Там же. С. 348—349.
- 228 Там же. С. 101, 103.
- 231 Об организации и идейно-политической платформе этих партий см.: *Жуков А. Ф.* Идейно-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.
- 232 *Революционная мысль*. 1908. № 1. С. 1, 7—8 и др.
- 233 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 142.
- 234 См.: Там же. С. 143.
- 235 Там же.
- 236 Там же. С. 140.
- 237 См.: Там же. С. 140—142; См. также: *Волин А.* [Юделевский Я. Л.]. Вопросы революции // *Революционная мысль*. 1908. № 1. С. 4—6; № 2. С. 1; и др.
- 238 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 142—143.
- 239 *Сиверский [Агафонов В. К.]*. Философия и террор // *Революционная мысль*. 1908. № 2. С. 2.
- 240 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 141.
- 241 См.: Там же. С. 142, 143. ²⁴⁴ См.: Там же. Т. 22. С. 364.
- 242 Там же. С. 145. ²⁴⁵ Там же. С. 306.
- 243 Там же. С. 143. ²⁴⁶ Там же. С. 366.
- 247 *Бах А.* Самодержавие и революция // *Народное дело*. 1909. № 1. С. 32.
- 248 *Социалист-революционер*. 1912. № 4. С. 141—142, 153.
- 249 Там же. С. 142.
- 250 Там же. С. 160.
- 251 *Кудрин Н. Е.* [Русанов П. С.]. Уроки истории: Исторические аналогии и контрасты // *Русское богатство*. 1907. № 12. С. 35—41; *Бах А.* Самодержавие и революция. С. 32; *Социалист-революционер*. 1912. № 4. С. 141—142, 153, 160; и др.

- 252 Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 169, 171—172, 174.
 253 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 409.
 254 Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 161—164; Народное дело. 1909. № 1. С. 32—34, 36.
 255 Чернов В. Социалистические этюды. С. 23.
 256 Там же. С. 17—18.
 257 Социалист-революционер. 1911. № 3. С. 238.
 258 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 380.
 259 Там же. С. 386.
 260 Н. М. [Ракитников Н. И.]. Из общественной жизни // Знамя труда. 1912. № 38. С. 9—10; Еще о терроре // Там же. № 39. С. 6—8.
 261 Колосов Е. Михайловский и русская революция // Социалист-революционер. 1910. № 1; 1911. № 3; Б. А. П. Л. Лавров: К 10-летию смерти // Знамя труда. 1910. № 26.
 262 Социалист-революционер. 1910. № 1. С. 81.
 263 Там же. № 3. С. 51.
 264 Там же. С. 72—73.
 265 Революционная мысль. 1908. № 2. С. 7; Знамя труда. 1912. № 39. С. 8.
 266 Н. Д. Задачи партии в связи с переживаемым моментом // Знамя труда. 1910. № 27. С. 14—21; Ригина Ин. Еще раз о партии социалистов-революционеров // Там же. № 37. С. 14—16; Еще о терроре // Там же. № 38. С. 9—10.
 267 Документы по истории партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. 1910. № 1. С. 1—53.
 268 Там же. С. 8.
 269 Там же. № 2. С. 8, 15, 17.
 270 Там же. № 1. С. 50.
 271 Ович С. К вопросу — что делать? // Знамя труда. 1912. № 39. С. 15—16.
 272 Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 204.
 273 Знамя труда. 1912. С. 16; Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 36—37, 45.
 274 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 351.
 275 Там же. Т. 34. С. 193.
 276 Гармиза В. В. Эсеры // Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т. 16.
 277 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 97—98, 100—101.

Глава вторая

- ¹ Буревои К. [Сопляков К. С.]. Распад. М., 1923. С. 84.
² Там же. С. 121.
³ См.: Там же. С. 100, 102; Лункевич В. На своем посту // Дело. Одесса, 1919. № 1. С. 1; Зензинов В. Диктатура или народовластие // Народовластие. 1918. № 2. С. 21.
⁴ Известия Всероссийского комитета спасения родины и революции. 1917. № 1. С. 4.
⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 244; Т. 39. С. 56; Из истории ВЧК, 1917—1921: Сб. документов. М., 1958. С. 87—88, 121—124, 140, 354, 357—359.
⁶ Семенов Г. [Васильев]. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922.
⁷ Там же. С. 5, 34—38, 40, 42.

- ⁸ См.: Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1977. Т. 8. С. 300.
- ⁹ *Ильяшук Г. И.* История партии эсеров в современной буржуазной французской историографии // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конф. М., 1982. С. 182—184.
- ¹⁰ Год русской революции, 1917—1918: Сб. ст. М., 1918. С. 3.
- ¹¹ *Вишняк М.* Организация власти в ходе русской революции // Там же. С. 67; *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 5, 8—9.
- ¹² Социалист-революционер. 1918. Сб. 1. С. 3.
- ¹³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 145.
- ¹⁴ Там же. Т. 39. С. 169.
- ¹⁵ *Кудрин Н.* [*Русанов Н. С.*]. Февральская революция и Октябрьский переворот // Из недавнего прошлого. Пг., 1919. С. 198.
- ¹⁶ *Черных А. Г.* Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969. С. 9—12.
- ¹⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 118, 403; Владимир Ильич Ленин: Биохроника. Т. 8. С. 230.
- ¹⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 139—145.
- ¹⁹ См.: Там же. Т. 40. С. 1—24.
- ²⁰ *Лункевич В.* О наших днях // Из недавнего прошлого. С. 171.
- ²¹ Воля народа. 1917. 2 мая; *Чернов В.* Охлос и демос // Из недавнего прошлого. С. 223.
- ²² *Чернов В.* Сквозь туман грядущего Пг., 1917. С. 8, 11—12; *Он же.* Война и «третья сила». Пг., 1917. С. 27, 31; *Он же.* Империалистические мечтания и действительность. Пг., 1917. С. 30.
- ²³ *Чернов В.* Империалистические мечтания и действительность. С. 8.
- ²⁴ Там же. С. 15.
- ²⁵ Там же. С. 28, 30, 37, 40.
- ²⁶ Там же. С. 30—31.
- ²⁷ *Бах А.* Революция и социализм // Год русской революции. С. 15.
- ²⁸ *Камков Б.* Две тактики. М., 1918. С. 8.
- ²⁹ Из недавнего прошлого. С. 211—212, 214.
- ³⁰ *Сорокин П.* О причинах войны, империализме и многом другом // Воля народа. 1917. 20 мая. С аналогичными взглядами выступал на Всероссийском съезде крестьянских депутатов И. Бупаков (И. И. Фундаминский). См.: Там же. 14 мая.
- ³¹ Год русской революции. С. 10, 13, 15, 221; Большевики у власти: Социально-экономические итоги Октябрьского переворота: Сб. ст. М., 1919. С. 274—277.
- ³² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192.
- ³³ См.: Там же. С. 193.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Гизетти А.* Борьба со старым правительством и переворот 27 февраля 1917 года. Пг., 1917. С. 3—8, 14.
- ³⁶ *Штейнберг И.* «Народная воля» и революция 1917 г. // Воля народа. 1917. 29 апр.
- ³⁷ *Русанов Н. С.* Крестьяне в программах русских социалистов после 19 февраля // Мысль. 1918. № 1. С. 142—169.
- ³⁸ Год русской революции. С. 18; Из недавнего прошлого. С. 174.

- ³⁹ См.: *Гизетти А.* Указ. соч. С. 23—25 и др. Как показал Ю. И. Игрицкий подобный подход к освещению предпосылок и причин Февральской революции характерен для ряда представителей современной буржуазной историографии. См.: *Игрицкий Ю. И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974. С. 84 и др.
- ⁴⁰ *Гендельман М. Я.* Большевики и диктатура рабочего класса // Большевики у власти. С. 269.
- ⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 193.
- ⁴² *Розенблюм Д. С.* Социально психологические основы большевизма // Большевики у власти. С. 6—9; *Вишняк М.* Возможно ли соглашение с большевиками? // *Грядущий день.* 1919. № 1. С. 10.
- ⁴³ На перевале // *Грядущий день.* 1919. № 1. С. 1—2; *Лункевич В.* О наших днях // *Мысль.* 1918. № 1. С. 173, 180 и др.
- ⁴⁴ Большевики у власти. С. 275, 276.
- ⁴⁵ *Мысль.* 1918. № 1. С. 215.
- ⁴⁶ Там же. С. 215—217.
- ⁴⁷ *Лункевич В. В.* Большевизм и интеллигенция // Большевики у власти. С. 145—152; *Революционное дело.* 1922. № 1. С. 6.
- ⁴⁸ Большевики у власти. С. 267, 280—283; *Аргунов А.* Россия не с ними // *Воля народа.* 1917. 27 окт.; *Революционное дело.* 1922. № 1. С. 3.
- ⁴⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 654.
- ⁵⁰ Там же. С. 380. ⁵³ Там же. С. 381.
- ⁵¹ См.: Там же. С. 378—379. ⁵⁴ См.: Там же. Т. 40. С. 5—7.
- ⁵² Там же. С. 380. ⁵⁵ Там же. Т. 45. С. 51.
- ⁵⁵ См., однако: *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 217.
- ⁵⁷ Большевики у власти. С. 5—13, 269, 274—276 и др. О борьбе В. И. Ленина против теории отсталости России в 1917 г. см.: *Астрахан Х. М.* Указ. соч. С. 217—220, 245—246.
- ⁵⁸ *Игрицкий Ю. И.* Указ. соч. С. 35, 80—84, 97—100.
- ⁵⁹ Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971. С. 113—135; *Петров А. П.* Критика фальсификаций аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977. С. 275, 278, 281 и др.; *Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977. Гл. 4; *Иоффе Г. З.* Великий Октябрь: трансформация советологических концепций и ее классово-политическая суть // *Вопр. истории КПСС.* 1985. № 6; *Наумов Н. В.* «Новая» концепция революции — старые аптисоветские мифы // *Великий Октябрь и укрепление единства советского общества: Вопросы методологии истории и исторической науки.* М., 1987. Вып. 5.
- ⁶⁰ *Зародов К. И.* Экономика и политика в революции: Некоторые современные проблемы в свете исторической практики. М., 1980. С. 32—45.
- ⁶¹ *Чернов В.* Война и «третья сила». С. 23—26.
- ⁶² *Революционное дело.* 1922. № 4. С. 1.
- ⁶³ Из недавнего прошлого. С. 182, 197.
- ⁶⁴ *Революционное дело.* 1922. № 4. С. 1.
- ⁶⁵ Подробнее о ленинской концепции Февральской революции см.: *Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции.* М., 1979. С. 12—45.
- ⁶⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11.

- ⁶⁷ Там же. С. 13.
- ⁶⁸ Революционное дело. 1922. № 4. С. 5; Обвинительное заключение по делу ЦК и отдельных членов иных организаций партии социалистов революционеров. М., 1922. С. 4; *Лункевич В.* О наших днях. С. 171.
- ⁶⁹ Мысль. Пг., 1918. Вып. 1. С. 182.
- ⁷⁰ Там же. С. 184—185; *Бах А.* Революция и социализм. С. 15—16.
- ⁷¹ *Быстрянский В.* Из исповеди контрреволюционера // Книга и революция. 1921. № 12. С. 1.
- ⁷² *Chernov V.* The great Russian Revolution. N. Y., 1966; *Kerensky A.* Russia and History's turning point. L., 1966.
- ⁷³ Из недавнего прошлого. С. 196.
- ⁷⁴ Год русской революции. С. 15.
- ⁷⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 30.
- ⁷⁶ Штейнберг считал, что «застрельщиком» и главным фактором Февральской революции была армия. См.: Воля народа. 1917. 18 июня.
- ⁷⁷ Воля народа. 1917. 30 авг.; Год русской революции. С. 75.
- ⁷⁸ Год русской революции. С. 22—23, 83 и др.
- ⁷⁹ *Вишняк М.* Организация власти в ходе русской революции. С. 70.
- ⁸⁰ Мысль. 1918. № 1. С. 252—253, 257—258 и др. Отдельные представители современной буржуазной историографии также усматривают в «нерешительности» эсеров и меньшевиков главную причину их поражения в 1917 г. См.: *Игрицкий Ю. И.* Указ соч. С. 110—111.
- ⁸¹ Воля народа. 1917. 13 апр., 26 мая. Позднее эта идея была заимствована белоэмигрантскими авторами. См.: *Graevenitz P.* From Autocracy to Bolshevism. L., 1918. P. 51; *Игрицкий Ю. И.* Указ. соч. С. 34—35. Та же мысль получила отражение и в реакционной американской литературе, о чем свидетельствует книга Булларда «Русский маятник», появившаяся в 1919 г. См. также: *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция в американской историографии. Л., 1979. С. 43—44.
- ⁸² Воля народа. 1917. 14 мая.
- ⁸³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200.
- ⁸⁴ Мысль. 1918. № 1. С. 183; Воля народа. 1917. 3 мая.
- ⁸⁵ Год русской революции. С. 16; Из недавнего прошлого. С. 182.
- ⁸⁶ Из недавнего прошлого. С. 183.
- ⁸⁷ Дело народа. 1918. 26 марта.
- ⁸⁸ Три полосы // Дело народа. 1917. 1 авг.; *Чернов В.* Из политического дневника // Из недавнего прошлого. С. 253—254, 262—267.
- ⁸⁹ Год русской революции. С. 57, 61—63, 71 и др.
- ⁹⁰ Там же. С. 76.
- ⁹¹ *Васюков В. С., Салов В. И.* Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы // Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972. С. 36—37; *Игрицкий Ю. И.* Указ. соч. С. 114—125.
- ⁹² Год русской революции. С. 84 и др.
- ⁹³ *Быховский Н. Я.* Всероссийский Совет крестьянских депутатов. 1917 г. М., 1929. С. 19, 49 и др.
- ⁹⁴ *Бах А.* Революция и социализм // С. 9—10. В. Лункевич усматривал основную ошибку эсеров в «многоговорении». См.: Мысль. Вып. 1. С. 173; Из недавнего прошлого. С. 171, 174.

- ⁹⁵ *Розенблюм Д.* Революция и рабочее движение // Год русской революции. С. 188—189.
- ⁹⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133.
- ⁹⁷ Большевики у власти. С. 285.
- ⁹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 385.
- ⁹⁹ *Горев Б. И.* На идеологическом фронте борьбы: Сб. ст. М.; Пг., 1923. С. 73.
- ¹⁰⁰ Обвинительное заключение по делу ЦК и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров. С. 5.
- ¹⁰¹ Из недавнего прошлого. С. 179; Большевики у власти. С. 87.
- ¹⁰² Подробнее см. третью главу.
- ¹⁰³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 311—313.
- ¹⁰⁴ Мысль. Вып. 1. С. 217—219; Год русской революции. С. 13—15; Большевики у власти. С. 162, 285.
- ¹⁰⁵ Большевики у власти. С. 86; Год русской революции, С. 23, 70; Мысль. Вып. 1. С. 211—214.
- ¹⁰⁶ Из недавнего прошлого. С. 210—211.
- ¹⁰⁷ *Вершинин А.* Диктатура пролетариата // Страна. 1918. 3 мая.
- ¹⁰⁸ Из недавнего прошлого. С. 211.
- ¹⁰⁹ Большевики у власти. С. 103, 153, 161; Воля страны. 1918. 6 февр.
- ¹¹⁰ Из недавнего прошлого. С. 201.
- ¹¹¹ *Игрицкий Ю. И.* Аллергия к исторической истине // Вопр. истории КПСС. 1987. № 4. С. 119—123.
- ¹¹² *Авксентьев Н.* Задачи России // Дело народа. 1917. 27 апр.; *Зензинов В.* Чудеса революции // Там же. 10 окт.; Революционный народ. 1917. 15 июля.
- ¹¹³ Год русской революции. С. 6.
- ¹¹⁴ Там же. С. 179.
- ¹¹⁵ *Чернов В.* К теории классовой борьбы. Б. м., 1906. С. 20—23.
- ¹¹⁶ *Святыцкий Н. В.* Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Год русской революции.
- ¹¹⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 1.
- ¹¹⁸ Год русской революции. С. 119.
- ¹¹⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 18.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ *Городецкий Е. Н.* Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970. С. 280—283.
- ¹²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 19.
- ¹²³ Год русской революции. С. 24.
- ¹²⁴ *Покровский М. Н.* Идеология эсеров за два последних года (1921—1922) // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией: Сб. ст. М., 1923. С. 132, 149—150; Год русской революции. С. 218—222.
- ¹²⁵ Воля народа. 1918. № 2. С. 4—5.
- ¹²⁶ Большевики у власти. С. 5, 89, 153, 285—286; Год русской революции. С. 12.
- ¹²⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 81.
- ¹²⁸ Там же. Т. 35. С. 239.
- ¹²⁹ Мысль. Вып. 1. С. 173; Год русской революции. С. 206; Большевики у власти. С. 12.
- ¹³⁰ Социалист-революционер. 1918. Сб. 1. С. 8. Год русской революции. С. 25—26.
- ¹³¹ Мысль. Вып. 1. С. 181.
- ¹³² *Быховский Н. Я.* Указ. соч. С. 5.

- 133 *Вишняк М.* Организация власти в ходе русской революции. С. 77.
- 134 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 158.
- 135 Страна. 1918. 3 мая; Большевики у власти. С. 6—7.
- 136 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 262.
- 137 Воля народа. 1917. 13 нояб.; Страна. 1918. 3 мая; Большевики у власти. С. 100; *Ракитников Н.* Советская власть и крестьянство // Дело народа. 1919. 20 марта; *Чернов В.* Ленин против Каутского // Там же. 21 марта.
- 138 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 271.
- 139 Там же. С. 266.
- 140 См.: Там же.
- 141 Там же. Т. 38. С. 189.
- 142 См.: Там же. С. 188—189, 345, 356.
- 143 См.: Там же. Т. 37. С. 273.
- 144 Известия Совета крестьянских депутатов. 1917. 8, 11 нояб.
- 145 Социалист-революционер. 1918. № 1. С. 4—5; Мысль. Вып. 1. С. 189, 211; Год русской революции. С. 65.
- 146 Грядущий день. 1919. № 1. С. 5—6; Мысль. Вып. 1. С. 179, 211.
- 147 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 199.
- 148 Большевики у власти. С. 107—108, 115.
- 149 *Быховский Н. Я.* Указ. соч. С. 280—283, 286.
- 150 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 232.
- 151 Там же. С. 236.
- 152 Там же. С. 238.
- 153 См.: Там же. С. 235.
- 154 Подробнее см.: *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к конрреволюции. М., 1975. Гл. 7.
- 155 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 242.
- 156 Знамя труда. 1918. 20 нояб.
- 157 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 156—157.
- 158 Там же. С. 157.
- 159 Там же.
- 160 Там же. Т. 36. С. 246.
- 161 Воля народа. 1917. 12 дек.; Год русской революции. С. 13—14.
- 162 *Каутский К.* На другой день после социальной революции. Пг., 1917.
- 163 Воля страны. 1918. № 1. С. 16.
- 164 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 295.
- 165 Мысль. Вып. 1. С. 192; Год русской революции. С. 10—12.
- 166 Воля народа. 1917. 13 дек.; Мысль. Вып. 1. С. 191—192, 223; Год русской революции. С. 163, 216, 221.
- 167 *Кондратьев Н. Д.* Год революции с экономической точки зрения // Год русской революции. С. 207; Воля страны. 1918. № 1. С. 16; Грядущий день. 1919. № 1. С. 11.
- 168 Социалист-революционер. 1918. № 3. С. 3—4.
- 169 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 57.
- 170 Социалист-революционер. 1918. № 3. С. 15. См. также: Год русской революции. С. 15.
- 171 Год русской революции. С. 221.
- 172 Народовластие. 1918. № 2. С. 42—43.
- 173 Большевики у власти. С. 285; Дело народа. 1919. 20 марта.
- 174 Народовластие. 1918. № 2. С. 44.
- 175 Большевики у власти. С. 285—288.

- ¹⁷⁶ Год русской революции. С. 179—190. 222, См. также: *Бызовский Н. Я.* Указ. соч. С. 37.
- ¹⁷⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 208.
- ¹⁷⁸ *Бызовский Н. Я.* Указ. соч. С. 102—103.
- ¹⁷⁹ Народовластие. 1918. № 2. С. 44.
- ¹⁸⁰ *Трифонов И. Я.* Конец мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров // Учен. зап. ЛГУ. 1959. Вып. 30; *Гусев К. В.* Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1956; *Он же.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Спириин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; *Чежерисский И. А.* Эсеровская группа «Народ» и ее распад (1919—1923) // Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917—1922 гг. М., 1977. Ч. 2; *Шестаков Ю. И.* Большевики и эсеровская группа «Народ»: (О взаимоотношении РКП(б) с меньшинством партии социалистов-революционеров) // Вопр. истории КПСС. 1978. № 8; *Петров М. Н.* Возникновение и распад меньшинства партии эсеров // Вопр. истории. 1979. № 7.
- ¹⁸¹ *Петров М. Н.* Советская историография возникновения и краха меньшинства партии эсеров // Великий Октябрь и непролетарские партии: Материалы конф. М., 1982. С. 55.
- ¹⁸² Вопр. истории КПСС. 1978. № 8. С. 96.
- ¹⁸³ См.: *Владимир Ильич Ленин: Биохроника.* Т. 8. С. 4, 31, 95, 340; М., 1978. Т. 9. С. 577; Ленин и ВЧК: Сб. документов. С. 349—350.
- ¹⁸⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 190—193.
- ¹⁸⁵ *Литвин А. Л.* Основные итоги изучения краха мелкобуржуазных партий в Поволжье (1918—1922 гг.) // Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917—1922 гг. Ч. 2; *Сергеев В. Н.* О банкротстве политики «третьего мира» в революции // Там же.
- ¹⁸⁶ *Буревои К.* Распад. С. 40.
- ¹⁸⁷ Некоторые историки считают, что группа «Народ» прекратила свое существование в 1923 г. См.: Вопр. истории КПСС. 1978. № 8. С. 105.
- ¹⁸⁸ *Буревои К.* Колчаковщина. М., 1919. С. 7—8; *Он же.* Распад. С. 17.
- ¹⁸⁹ *Буревои К.* Реакция и крестьянство // Что несет реакция? М., 1920. Вып. 1. С. 14—17.
- ¹⁹⁰ *Буревои К.* Распад. С. 16.
- ¹⁹¹ Там же. С. 77—78; *Святицкий Н. В.* Реакция и народовластие: Очерк событий на востоке России. М., 1920. С. 19.
- ¹⁹² *Святицкий Н.* Объединение или общая гибель // Объединение. 1919. № 1. С. 3—4.
- ¹⁹³ Там же. С. 3.
- ¹⁹⁴ Что несет реакция? Вып. 1.
- ¹⁹⁵ Объединение. 1919. № 1. С. 1.
- ¹⁹⁶ *Буревои К.* Распад. С. 20.
- ¹⁹⁷ *Буревои К.* Колчаковщина. С. 8.
- ¹⁹⁸ *Буревои К.* Распад. С. 20.
- ¹⁹⁹ *Буревои К.* Колчаковщина; *Он же.* Распад; *Святицкий Н.* Реакция и народовластие; Что несет реакция? Вып. 1; и др.
- ²⁰⁰ *Святицкий Н.* Реакция и народовластие. С. 7.
- ²⁰¹ Объединение. 1919. № 1. С. 3.
- ²⁰² *Буревои К.* Распад. С. 41.

- 203 Там же. С. 63. 208 Там же. С. 123.
 204 Там же. С. 68, 71. 209 Там же. С. 124.
 205 Там же. С. 95. 210 Там же. С. 127.
 206 Там же. С. 122—123 и др. 211 Там же. С. 128.
 207 Там же. С. 121.
 212 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 214.
 213 Бухарин Н. И. Классовая борьба и революция в России. М., 1917. С. 151—154.
 214 Подробнее см.: Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. С. 370—373. Историографии проблемы посвящена глава «Крах партии эсеров в Советской России» в кн.: Борьба Коммунистической партии против непролетарских партий, групп и течений: Послеоктябрьский период. Л., 1982. С. 58—94.

Глава третья

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 130.
² Там же. С. 301.
³ Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963. С. 81.
⁴ Подробнее см.: Там же. С. 81—90.
⁵ Камков Б. Кто такие левые социалисты-революционеры? М., 1918. С. 10.
⁶ Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. С. 235.
⁷ Подробнее см.: Там же. С. 86—90.
⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 152. Об этом не раз заявляли и деятели партии левых эсеров. См.: Голубовский Л. К пересмотру партийной программы // Голос трудового народа. 1918. 17 апр.
⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 326.
¹⁰ Знамя труда. 1918. 30 марта, 16 апр.
¹¹ Прошьян П. Российская революция и Карл Маркс // Знамя борьбы. 1918. 6 мая. См. также: Трутовский В. Кулаки, беднота и трудовое крестьянство. М., 1918. С. 7—10 и др.
¹² Трутовский В. Переходный период: Между капитализмом и социализмом. Пг., 1918. С. 8.
¹³ Там же. ¹⁶ Там же. С. 21, 19, 25.
¹⁴ См.: Там же. С. 12, 14. ¹⁷ Там же. С. 23—25.
¹⁵ Там же. С. 20—21.
¹⁸ Трутовский В. Программа максимум и построение общественного идеала // Знамя труда. 1918. 30 марта.
¹⁹ Голубовский Л. К пересмотру партийной программы // Там же. 16 апр.
²⁰ Трутовский В. Вульгаризация марксизма // Там же. 20 янв.
²¹ Там же. 16 апр.
²² Трутовский В. Переходный период. С. 8.
²³ Трутовский В. Крестьянство и империализм // Наш путь. 1918. № 2. С. 242—248 и др.
²⁴ Магеровский Д. Революционное строительство России // Земля. 1918. № 7/8. С. 10.
²⁵ Магеровский Д. Проект вводной части политической программы // Знамя труда. 1918. 16 апр.; Полянский Н. А. К пересмотру партийной программы // Там же. 28 июня; Камков Б. Кто такие левые социалисты-революционеры? С. 3, 5; Устинов А. Интернационал и война. М., 1917. С. 5, 9, 11.

- 26 Камков Б. Две тактики. М., 1918. С. 26.
- 27 Трутовский В. Размежевание // Знамя труда. 1917. 30 нояб.
- 28 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 384.
- 29 Там же. С. 385.
- 30 См.: Там же. С. 35.
- 31 См.: Там же. С. 384—385.
- 32 Там же. Т. 36. С. 540.
- 33 Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1917. С. 27.
- 34 Карелин В. Борьба с голодом. М., 1918. С. 4.
- 35 Камков Б. Две тактики. С. 8.
- 36 Карелин В. Борьба с голодом. С. 5—8. См. также: Мстиславский С. Не война, но восстание. М., 1918. С. 5—6.
- 37 Карелин В. Борьба с голодом. С. 9—10, 14; Мстиславский С. Бунт или революция? // Знамя труда. 1918. 13 февр.; Рудаков С. Организация крестьян в 1917 г. // Там же. 3 янв.
- 38 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 192—195.
- 39 Карелин В. Борьба с голодом. С. 15—17.
- 40 Камков Б. Кто такие левые социалисты-революционеры? С. 11.
- 41 Там же. С. 11; Иванов-Разумник Р. В. Год русской революции. Пг., 1918. С. 32.
- 42 Камков Б. Кто такие левые социалисты-революционеры? С. 12.
- 43 Там же.
- 44 Иванов-Разумник Р. В. Свое лицо. Берлин, [Б. г.]. С. 7—8, 11, 17.
- 45 Магеровский Д. Революционное строительство в России. С. 10—11.
- 46 Левин В. М. Фабрично заводские комитеты рабочих. Пг., 1917. С. 7; Устинов А. Интернационал и война. С. 11—12, 16.
- 47 Камков Б. Две тактики. С. 7.
- 48 Иванов-Разумник Р. В. Свое лицо. С. 11.
- 49 Иванов-Разумник Р. В. Год русской революции. С. 3, 11.
- 50 Мстиславский С. Бунт или революция?
- 51 Рудаков С. Организация крестьян в 1917 г. // Знамя труда. 1918. 3 янв.
- 52 Трутовский В. Силы революции // Там же. 27 июня.
- 53 Левин В. М. Эволюция советских организаций // Наш путь. 1918. № 2. С. 226.
- 54 Мстиславский С. От Февральского переворота до Учредительного собрания // Знамя труда. 1918. 5 янв.
- 55 Там же; Камков Б. Две тактики. С. 7 и др; Устинов А. Интернационал и война. С. 11.
- 56 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 343.
- 57 Карелин В. Борьба с голодом. С. 9, 14, 17; Он же. Перспективы революции // Знамя труда. 1918. № 1. С. 2—3; Устинов А. Интернационал и война. С. 3—5.
- 58 Рудаков С. Организация крестьян в 1917 г.
- 59 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 345.
- 60 Камков Б. Две тактики. С. 3.
- 61 Там же. С. 10, 23—24.
- 62 Камков Б. Кто такие левые социалисты-революционеры? С. 9.
- 63 Иванов-Разумник Р. В. Год русской революции. С. 81—82.
- 64 Там же. С. 79; Он же. Свое лицо. С. 7—8.
- 65 Иванов-Разумник Р. В. Год русской революции. С. 55.
- 66 Знамя труда. 1918. 27 февр.
- 67 Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). С. 51, 86; А. М. Мировая буржуазия и русская революция // Знамя борьбы. Одесса, 1919.

- 4 мая; *Н. К. Пути революции //* *Голос трудового крестьянства.* 1918. 28 июня.
- ⁶⁸ *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. С. 91—108.
- ⁶⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 100—101.
- ⁷⁰ Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). С. 35.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Камков Б.* Кто такие левые социалисты-революционеры? С. 10—11.
- ⁷³ Там же. С. 12—13.
- ⁷⁴ *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. С. 95; *Знамя труда.* 1917. 14, 22 окт.; *Известия Чрезвычайного Всероссийского крестьянского съезда.* 1917. 22 нояб.
- ⁷⁵ *Закс Г.* Мои воспоминания // *Знамя трудовой коммуны.* 1918. 6 нояб.
- ⁷⁶ *Знамя труда.* 1918. 3 янв.
- ⁷⁷ Из речи М. Натансона на II съезде партии левых эсеров // *Знамя борьбы.* 1918. 26 апр.
- ⁷⁸ *Мстиславский С.* Пути борьбы // *Знамя труда.* 1917. 22 окт., 30 нояб.; *Трутовский В.* Вульгаризация марксизма.
- ⁷⁹ Там же. 1918. 3 янв., 27 июня.
- ⁸⁰ *Штейнберг И. З.* Почему мы против Брестского мира. Пг., 1918. С. 5.
- ⁸¹ *Знамя труда.* 1918. 3 янв.
- ⁸² *Штейнберг И.* О третьей революции // Там же. 9 мая; *Трутовский В.* Социализация земли и беднейшее крестьянство // Там же. 15 июня; *Он же.* Кулаки, беднота и трудовое крестьянство. С. 9—10.
- ⁸³ *Знамя труда.* 1918. 3 мая.
- ⁸⁴ *Трутовский В.* Переходный период. С. 3, 36.
- ⁸⁵ Там же. С. 5.
- ⁸⁶ Там же. С. 12.
- ⁸⁷ Там же. С. 17.
- ⁸⁸ *Трутовский В.* Силы революции.
- ⁸⁹ *Трутовский В.* Переходный период. С. 19.
- ⁹⁰ Там же. С. 18, 23 и др.
- ⁹¹ *Камков Б.* Кто такие левые социалисты-революционеры? С. 14.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Иванов-Разумник Р. В.* Год русской революции. С. 3, 11 и др.
- ⁹⁴ См., напр.: *Трутовский В.* Крестьяне и рабочие // *Знамя труда.* 1917. 14 авг.
- ⁹⁵ Там же. 16 апр.
- ⁹⁶ *Рудаков С.* Крестьянство и партия социального переворота // Там же. 11 апр.
- ⁹⁷ *Трутовский В.* Пролетариат или пролетарско-крестьянская партия // Там же. 16 апр.
- ⁹⁸ *Камков Б.* Две тактики. С. 8.
- ⁹⁹ Там же. С. 11.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 12.
- ¹⁰¹ Там же. С. 12, 14, 15—17.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. С. 16.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 18, 20, 24; См. также: *Карелин В.* Борьба с голодом. С. 30.
- ¹⁰⁵ *Знамя борьбы.* 1918. 7 июня.
- ¹⁰⁶ *Штейнберг И. З.* О третьей революции.

- 107 Знамя борьбы. 1918, 24 июня; Знамя труда. 1918. 31 окт.
108 Знамя труда. 1918. 27 июня.
109 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 315.
110 Знамя труда. 1918. 16 апр.
111 Там же. 11 янв.
112 Там же. 1917. 24 сент.
113 Там же. 28 дек.
114 Подробнее см.: Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. С. 123—124, 131—132; Он же. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., С. 203—205.
115 Ленин В. М. Фабрично-заводские комитеты рабочих. С. 13.
116 Знамя труда. 1918. 27 марта; Знамя борьбы. 1918. 7 апр.
117 Знамя труда. 1917. 2, 19 дек.
118 Знамя борьбы. 1918. 5 апр.
119 См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 371—374.
120 Свобода совести и отделение церкви от государства. Пг., 1918. С. 8.
121 Там же. С. 12—16.
122 Камков Б. Две тактики. С. 19.
123 См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 24—25, 43—44.
124 Иванов-Разумник Р. В. Год русской революции. С. 79.
125 См.: Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 18—20.
126 Штейнберг И. З. Почему мы против Брестского мира. С. 13—16.
Мстиславский С. Не война, но восстание. С. 19.
127 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 207.
128 Знамя труда. 1918. 27 июня.
129 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 117—121. Подробнее см.: Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. С. 146—170.
130 Мстиславский С. Не война, но восстание. С. 19; см. также: Карелин В. Борьба с голодом. С. 17.
131 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 518.
132 См.: Там же. С. 100.
133 Там же. С. 101.
134 См.: Там же. С. 101—104, 118.
135 Там же. С. 114.
136 Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. С. 232—234.
137 Мстиславский С. Не война, но восстание. С. 30.
138 Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. С. 152—156.
139 Мстиславский С. Порочный круг // Знамя труда. 1918. № 1. С. 9—10.
140 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 113.
141 Там же. С. 207.
142 Там же. С. 335.
143 Там же. С. 246. См. также: Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. С. 166.
144 Карелин В. Борьба с голодом. С. 4—8, 15, 17.
145 Там же. С. 21.
146 Там же. С. 19—20.
147 Подробнее см.: Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. С. 175—178.
148 Карелин В. Борьба с голодом. С. 21, 24—25.
149 Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. С. 179—181.
150 Там же. С. 197.
151 Карелин В. Борьба с голодом. С. 30.
152 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200.

- 153 *Спирин Л. М.* Крах одной авантюры. М., 1971. С. 87; *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. С. 202—214; 228—231; Из истории ВЧК, 1917—1921 гг.: Сб. документов. М., 1958. С. 146—151, 159—161, 250, 265, 357—360 и др.
- 154 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 518.
- 155 Следует отметить, что в дальнейшей теоретической и конкретно-исторической разработке нуждается проблема «вожди — партия — класс — массы» применительно к мелкобуржуазной демократии, что позволит более обстоятельно исследовать историю краха и гибели мелкобуржуазных партий в России, показать неправомерность отождествления мелкобуржуазных партий типа эсеров с крестьянством, интересы различных слоев которого не всегда получали адекватное выражение в теории и практике народнических партий.
- 156 *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. С. 238.
- 157 Там же. С. 225—228, 255—256; *Шестак Ю. И.* РКП(б) и партия революционного коммунизма // *Вопр. истории КПСС.* 1972. № 2.
- 158 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 307—308.
- 159 *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. С. 225—228, 255—256; *Шестак Ю. И.* Указ. соч.: *Спирина М. В.* Народники-коммунисты о крахе партии правых эсеров // *Великий Октябрь и непролетарские партии: Материалы конф.* М., 1982.
- 160 Манифест партии народников коммунистов // *Знамя трудовой коммуны.* 1918. 21 авг.; *Полянский Н.* Задачи революционного народничества // Там же. 18 сент.; *Воля труда.* 1918. 29 дек.; *Знамя революции.* 1919. № 1; *Революционный социализм.* 1919. 22 июля.
- 161 *Наумова Е.* Наша партия и партия левых эсеров // Там же. 21 авг.; *Закс Г.* О левых эсерах // Там же. 5 нояб.
- 162 *Закс Г.* Левые социалисты-революционеры и народничество // Там же. 6 нояб.
- 163 Там же. 14 сент.; *Закс Г.* Наша задача // Там же. 18 сент.; I Всероссийский съезд партии народников-коммунистов // Там же. 24 сент.
- 164 Там же. 6 нояб.
- 165 Там же. 12 нояб.
- 166 Там же. 18 сент.
- 167 Там же. 27 авг.
- 168 Там же. 27 авг., 3 сент.
- 169 *Наумова Е.* Рабочие и крестьяне // Там же. 20 авг.; *Оборин А.* К Всероссийской конференции народников коммунистов // Там же. 17, 18 сент.; Там же. 3, 18 сент.
- 170 Там же. 2 авг., 1, 3 сент.
- 171 Там же. 21 янв.
- 172 Там же. 23 авг.
- 173 Там же. 18 сент.
- 174 Там же. 3, 4, 9, 12 нояб.
- 175 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 27.
- 176 Программные заметки // *Воля труда.* 1920. № 16/17. С. 5.
- 177 Там же. С. 6.
- 178 *Бельский П.* Теория революционного марксизма о государстве и ее противоречия // Там же. С. 10.
- 179 Программные заметки. С. 5, 9—10.
- 180 Взгляды о близости теории общественно-экономических формаций концепции Н. К. Михайловского об общественных формах

- разделяют некоторые советские философы, утверждая, что Михайловский видел поступательный ход истории. «Рабовладельческое общество, феодальное, буржуазное были для него последовательными фазами, закономерно и необходимо сменяющимися друг друга, ступенями движения к прогрессу» (Чикин Б. Н. Н. К. Михайловский и революция // Проблемы теории социальной революции. М., 1976. С. 97).
- 181 Воля труда. 1920. № 16/17, С. 10; Сапожников П. Пролетарская революция и борьба за индивидуальность // Там же. № 14. С. 3—4; Знамя революции. Саратов, 1919. № 1.
- 182 Воля труда. 1920. № 14. С. 4.
- 183 Красное знамя. Уфа, 1919, 12, 16 янв.; Программа партии революционного коммунизма: (В популярном изложении Н. Ковальской). М., 1920. С. 14.
- 184 Воля труда. 1920. № 18. С. 5—8; № 19. С. 1.
- 185 Там же. № 18. С. 9; Знамя революции. 1919. № 2. С. 3.
- 186 Воля труда. 1920. № 14. С. 4.
- 187 Там же. С. 5.
- 188 Там же.
- 189 Знамя революции. 1919. № 2.
- 190 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 190.
- 191 Там же. С. 191.
- 192 Там же. С. 189.

Глава четвертая

- ¹ Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975. С. 359, 371.
- ² Буревой К. Распад. М., 1923. С. 81.
- ³ Вишняк М. Большевизм и демократия // Большевики у власти. М., 1918. С. 90—91.
- ⁴ Работа эсеров за границей: Из материалов Пражского архива. М., 1922. С. 1.
- ⁵ В стане контрреволюции // Известия ВЦИК. 1922. 9 июля; Слоном М. Студенчество за рубежом // Воля России. 1922. № 7. С. 51; Савинков Б. В. Накануне новой революции: Сб. ст. Варшава, 1921. С. 34; Буревой К. Распад. С. 81—82.
- ⁶ Аргунов А. Объединенная эмиграция // Крестьянская Россия. Прага, 1923. Т. 2/3. С. 199; Вардин П. Реакционная демократия // Красная повесть. 1921. № 2. С. 260.
- ⁷ Попов Н. На службе империализма и контрреволюции // Вестн. агитации и пропаганды. 1922. № 4/5. С. 12.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 5.
- ⁹ См.: Там же. Т. 43. С. 138, 141.
- ¹⁰ Там же. Т. 44. С. 11.
- ¹¹ Там же. Т. 43. С. 49.
- ¹² См.: Там же. С. 36—37, 91.
- ¹³ Там же. С. 90.
- ¹⁴ Крестьянская Россия. Т. 2/3. С. 198, 197.
- ¹⁵ Там же. С. 199.
- ¹⁶ Там же. С. 200.
- ¹⁷ Вишняк М. Возрождение // Современные зап. Париж, 1925. Т. 25. С. 392—415; Сталинский Е. Критика эсеров // Воля России. Прага, 1924. № 1/2. С. 186—189.
- ¹⁸ Мухачев Ю. В. О некоторых особенностях классовой борьбы в СССР в начале пэпа // Вопросы историографии и истории крестьянства. Калинин, 1976. С. 120—121; Он же. «Новая так-

- тика» российской контрреволюции и ее провал в 1920—1922 гг. // Ист. зап. 1977. Т. 99. С. 79; *Мухачев Ю. В., Шкаренков Л. К.* Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. М., 1980; и др.
- ¹⁹ Знамя. Берлин, 1921. № 2. С. 19.
- ²⁰ *Александровский Б. Н.* Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С. 142—144; *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. Ч. 1. С. 83—84, 86.
- ²¹ Работа эсеров за границей. С. 35—56 и др.
- ²² Из истории ВЧК, 1917—1921 гг.: Сб. документов. М., 1958. С. 431—436, 460 и др.; *Мухачев Ю. В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 121, 133.
- ²³ *Мухачев Ю. В., Шкаренков Л. К.* Указ. соч. С. 25—26.
- ²⁴ См.: *Ленин В. И.* Полп. собр. соч. Т. 42. С. 97, 129, 355.
- ²⁵ См.: Вестн. агитации и пропаганды. 1922. № 4/5. С. 6—7.
- ²⁶ *Ленин В. И.* Полп. собр. соч. Т. 43. С. 304—305. См. также: Вестн. агитации и пропаганды. 1921. № 16/17. С. 34.
- ²⁷ *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 17—18, 186—192.
- ²⁸ *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция и американская историография. Л., 1979. С. 20—21,
- ²⁹ Правда. 1922. 8, 29 июля.
- ³⁰ Финансовый базис эсеровской работы // Работа эсеров за границей. С. 25—30.
- ³¹ *Ленин В. И.* Полп. собр. соч. Т. 44. С. 53.
- ³² Современные зап. Париж. 1923. Т. 15. С. 245.
- ³³ *Полянский В.* Контрреволюция под флагом защиты крестьянства // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией: Сб. ст. М., 1923. С. 37.
- ³⁴ Подробнее см. пятую главу.
- ³⁵ Рабочий суд над авангардом контрреволюции // Правда. 1922. 20 июня.
- ³⁶ *Sorokin P.* The sociology of revolution. Philadelphia; L., 1925; *Idem.* Contemporary sociological theories. N. Y.; L., 1928; *Idem.* Comment la civilisation se transforme. P., 1964.
- ³⁷ *Штейнберг И. З.* Нравственный лик революции. Берлин, 1923; *Шрейдер А.* Очерки философии народничества. Берлин, 1923; и др.
- ³⁸ *Чернов В.* Конструктивный социализм. Прага, 1925.
- ³⁹ *Kerensky A. F.* The prelude to bolshevism: The Kornilov rebellion. L., 1919; *Idem.* The crucifixion of liberty. N. Y., 1934; *Idem.* Russia and history's turning point. L., 1966; etc.
- ⁴⁰ Воля России. 1922. № 5. С. 37.
- ⁴¹ *Шрейдер А.* Очерки философии народничества. С. 15.
- ⁴² *Керенский А.* Издалека. Париж. 1922. С. 47.
- ⁴³ *Шрейдер А.* Догма ненависти и философия гнева // Знамя. Берлин, 1921. № 1. С. 31.
- ⁴⁴ *Херасков И. М.* Революция: (Социологический очерк) // Современные зап. 1923. Т. 14. С. 227, 233.
- ⁴⁵ Там же. С. 230—231.
- ⁴⁶ *Kerensky A.* Soviet Russia in the autumn of 1919. L., 1920. P. 5—6, 10—11; *Idem.* La Russie des soviets d'après les bolcheviks eux-mêmes. P., 1920. P. 11—13, 17—19, 25—26.

- 47 Современные зап. 1923. Т. 14. С. 234, 250; *Чернов В.* Рождение революционной России. Нью Йорк, 1936. С. 35, 51.
- 48 Современные зап. 1923. Т. 14. С. 236, 242, 246.
- 49 *Чернов В.* Рождение революционной России. С. 7—11.
- 50 *Вишняк М. В.* Два пути: Февраль и Октябрь. Париж, 1931. С. 257.
- 51 *Чернов В.* Рождение революционной России. С. 19.
- 52 Там же. С. 29—30.
- 53 Современные зап. 1923. Т. 14. С. 246, 251—253.
- 54 *Кочаровский К. Р.* Трудовая демократия // Современные проблемы. Париж, [1922]. С. 100.
- 55 Там же. С. 103.
- 56 Там же. С. 119.
- 57 *Савинков В. В.* Накануне новой революции. С. 32—34.
- 58 Современные проблемы. С. 122, 123—126; *Маслов С.* Возрождение России и крестьянство // Крестьянская Россия. Т. 2/3. С. 63, 75.
- 59 *Маслов С.* Возрождение России и крестьянство. С. 86—87.
- 60 Современные проблемы. С. 124, 127—128.
- 61 *Сорокин П.* Население, класс, партия // Крестьянская Россия. 1923. Т. 5/6. С. 86.
- 62 *Кочаровский К. Р.* Указ. соч. С. 101.
- 63 *Зензинов В.* Железный скрежет. Париж, 1927. С. 263; Современные зап. 1927. Т. 31. С. 467.
- 64 *Чернов В.* Конструктивный социализм. Прага, 1925. Т. 1. С. 15.
- 65 Там же. С. 12.
- 66 Там же. С. 4, 8.
- 67 *Зайдель Г.* Конструктивное убожество // Воинствующий материалист. М., 1925. Т. 3. С. 256.
- 68 *Чернов В.* Конструктивный социализм. Т. 1. С. 15.
- 69 Там же. С. 21, 24.
- 70 *Зайдель Г.* Указ. соч. С. 257, 264.
- 71 *Чернов В.* Конструктивный социализм. Т. 1. С. 52.
- 72 Современные зап., 1925. Т. 23. С. 379.
- 73 *Чернов В.* Конструктивный социализм. Т. 1. С. 92—93.
- 74 *Митрофанов А.* Об идеологическом фронте в деревне // Коммунистическая революция. 1923. № 7. С. 38.
- 75 Современные проблемы. С. 101.
- 76 *Чернов В.* Конструктивный социализм. Т. 1. С. 133.
- 77 *Зайдель Г.* Указ. соч. С. 267.
- 78 Современные проблемы. С. 82—84, 89.
- 79 Воля России. 1923. № 2. С. 12—15.
- 80 *Штейнберг И. З.* Нравственный лик революции. С. 9.
- 81 Там же. С. 9, 14. 83 Там же. С. 11, 13, 25, 27.
- 82 Там же. С. 33. 84 Там же. С. 50.
- 85 *Сорокин П.* Население, класс, партия. С. 87.
- 86 Там же. С. 88. 89 Там же.
- 87 Там же. С. 89. 90 Там же. С. 90.
- 88 Там же. 91 Там же. С. 91.
- 92 *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Киев, 1919. Т. 1; *Суханов Н.* Записки о революции. Берлин, 1922—1923. Кн. 1—7.
- 93 *Керенский А.* Издалека; *Chernov V.* The Great russian revolution. N. Y., 1936; *Вишняк М.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; *Kerensky A.* Russia and history's turning point; и др.
- 94 *Вишняк М.* Два пути.

- 95 Чернов В. Рождение революционной России. С. 31.
- 96 Там же. С. 33, 48 и др.; *Он же*. The Great russian revolution. P. 141, 435, 436.
- 97 Вишняк М. Февральская революция // Современные зап. 1927. Т. 31. С. 308, 307.
- 98 Чернов В. Рождение революционной России. С. 31, 42—45.
- 99 Chernov V. The Great russian revolution. P. 127, 141.
- 100 Чернов В. Рождение революционной России. С. 52—53.
- 101 Там же. С. 75.
- 102 Вишняк М. Падение русского абсолютизма // Современные зап. 1924. Т. 18. С. 235.
- 103 Kerensky A. F. The prelude to bolshevism: The Kornilov rebellion.
- 104 Вишняк М. Дань прошлому. С. 305; Чернов В. Рождение революционной России. С. 317.
- 105 Керенский А. Февраль и Октябрь // Современные зап. 1922. Т. 9. С. 229—230, 239.
- 106 Там же. С. 229—230.
- 107 Там же. С. 235.
- 108 Керенский А. Издалека. С. 176—177; *Он же*. Февраль и Октябрь С. 239—240.
- 109 Керенский А. Срыв России // Дни. 1927. 6 нояб.
- 110 Чернов В. Рождение революционной России. С. 157—158, 165.
- 111 Там же. С. 183—188.
- 112 Там же. С. 183.
- 113 Там же. С. 173—276, 280.
- 114 Вишняк М. Февральская революция. С. 316.
- 115 Чернов В. Конструктивный социализм. С. 189.
- 116 Современные зап. 1927. Т. 31. С. 315.
- 117 Чернов В. Рождение революционной России. С. 213—215; *Он же*. The Great russian revolution. P. 127.
- 118 Чернов В. Рождение революционной России. С. 304.
- 119 Там же. С. 305.
- 120 Там же. С. 309—315.
- 121 Там же. С. 328.
- 122 Современные зап. 1927. Т. 31. С. 311.
- 123 Керенский А. Издалека. С. 40.
- 124 Вишняк М. Два пути. С. 247.
- 125 Современные зап. 1924. Т. 18. С. 236.
- 126 Вишняк М. Два пути. С. 242, 250—251, 258.
- 127 Вишняк М. Февральская революция. С. 317—319, 327.
- 128 Чернов В. Рождение революционной России. С. 405. См. также: Вишняк М. Два пути. С. 245.
- 129 Вишняк М. Дань прошлому. С. 317.
- 130 Там же. С. 387.
- 131 Там же. С. 304—305.
- 132 Дни. 1927. 7 нояб.
- 133 Chernov V. The Great russian revolution. P. 142.
- 134 Чернов В. Рождение революционной России. С. 408; Вишняк М. Два пути. С. 388—389.
- 135 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 240; Т. 41. С. 13, 184—185, 187, 189, 384.
- 136 Социалист-революционер. Париж, 1923. № 17. С. 24.
- 137 Вишняк М. Дань прошлому. С. 321—322.
- 138 Чернов В. Ленин // Воля России. 1924. № 3. С. 36.
- 139 Там же. С. 31—32.

- ¹⁴⁰ *Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции. Париж, 1922. Ч. 1. С. 81, 85.
- ¹⁴¹ *Kerensky A.* La Russie des soviets. P. 17—19, 25—26.
- ¹⁴² Дело народа. 1917. 15 авг.
- ¹⁴³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 57.
- ¹⁴⁴ *Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции. Ч. 1. С. 94—95.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 102.
- ¹⁴⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 127.
- ¹⁴⁷ См.: Там же. Т. 37. С. 173—174.
- ¹⁴⁸ *Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции. Ч. 1. С. 95—96, 99—102 и др.
- ¹⁴⁹ Воля России. Прага, 1922. № 29. С. 9—21.
- ¹⁵⁰ *Штейнберг И.* От февраля по октябрь 1917 г. // Проблемы русской революции. Берлин; Милан. Б. г. Вып. 1. С. 127—129.
- ¹⁵¹ Знамя. 1921. № 2. С. 12.
- ¹⁵² *Штейнберг И.* От февраля по октябрь 1917 г. С. 127.
- ¹⁵³ Там же. С. 129.
- ¹⁵⁴ Знамя. 1921. № 1. С. 19.
- ¹⁵⁵ *Маслов С.* Россия после четырех лет революции. Ч. 1. С. 26.
- ¹⁵⁶ *Чернов В.* Конструктивный социализм. С. 309; *Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции. Ч. 1. С. 102 и др.
- ¹⁵⁷ *Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции. Ч. 1. С. 2.
- ¹⁵⁸ Там же. Ч. 1. С. 28—29.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 29.
- ¹⁶⁰ *Алданов М. А.* Проблема исторического прогноза // Современные проблемы. Париж, [1922]. С. 198—199, 201 и др.
- ¹⁶¹ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 274.
- ¹⁶² *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 208—233.
- ¹⁶³ *Вишняк М.* Дань прошлому; *Kerensky A.* Russia and history's turning point. См. также публикации документов под ред. А. Керенского и Р. Браудера: The Russian provisional government, 1917: Documents. Stanford, 1961. Vol. 1—3.
- ¹⁶⁴ *Вишняк М.* Дань прошлому. С. 317.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 318—319.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 320.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 312.
- ¹⁶⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 21—22.
- ¹⁶⁹ Революционная Россия. Прага; Берлин, 1924. № 37/38. С. 6.
- ¹⁷⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 238.
- ¹⁷¹ Там же. С. 239.
- ¹⁷² *Керенский А.* Издалека. С. 1; Революционная Россия. 1923. № 32. С. 30; 1924, № 37/38. С. 5—7 и др.
- ¹⁷³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 9, 498. В. И. Ленин имел в виду статью Керенского «Февраль и Октябрь» (Современные зап. 1922. Т. 9).

Глава пятая

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 112.

² Там же. С. 113.

³ См.: Там же. С. 114—115.

⁴ См.: Там же. С. 115—116.

⁵ Подготовка контрреволюции // Социал-демократ. 1917. 22 марта; Крестьянское движение и революция // Там же. 13 апр.;

- Где царские капиталы? // Там же. 30 апр.; Временное правительство и революционная демократия // Там же. 6 мая; Антонов Н. [Н. М. Лукин]. Буржуазия мобилизует силы // Там же. 10 мая; Бухарин Н. И. Российская революция и ее судьбы // Spartak. 1917. 20 мая; Он же. Где контрреволюция? // Социал-демократ. 1917. 14 июня; Он же. Вперед! // Spartak. 1917. 6 июня; Ходоровский И. Что же дальше? // Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 31 авг.; Он же. На грани // Там же. 8 сент.; Волгин В. Полгода революции // Там же. 9 сент.; Он же. Предательство // Там же. 11 сент.; Сталин И. Мы требуем // Рабочий. 1917. 10 сент.; Он же. Заговор против революции: (Корниловщина) // Рабочий путь. 1917. 17, 18, 20 окт., и др.
- ⁶ О земле // Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 нояб.; Мещеряков Н. Свобода и демократия // Там же. 13 нояб.; Степанов И. Об отношении к «перевороту» // Там же. 14 нояб.; Он же. Революция укрепляется // Там же. 1 дек.; Он же. Кадетско-эсеровская комедия // Там же. 13 дек.; Мещеряков Н. Свиное сердце // Там же; Сибиряков Н. Трогательное объединение // Там же. 22 дек.; и др.
- ⁷ Дволаицкий Ш. Предпосылки господства финансового капитализма в России // Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 окт.
- ⁸ Волгин В. Полгода революции // Там же. 9 сент.
- ⁹ Ходоровский И. Основные этапы революции // Там же.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133.
- ¹¹ Там же. Т. 39. С. 59.
- ¹² Там же.
- ¹³ Закс Г. Наша задача // Знамя трудовой коммуны. 1918. 21 авг.
- ¹⁴ Оборин А. Коммунисты на пути к народничеству // Там же. 3 сент.
- ¹⁵ Кун Б. Венгерская керенщина // Правда. 1918. 31 окт.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 60.
- ¹⁷ Там же. С. 139.
- ¹⁸ См.: Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 87.
- ²⁰ Роль эсеров // Правда. 1918. 22 мая; Михаил Романов и Александр Керенский // Там же. 2 июля; Самарское и Челябинское Учредительное собрание // Там же. 18 июня; Керенский в Лондоне: Предательство революции // Беднота. 1918. 2 июля; В царстве «Учредилки» // Там же. 7 авг.; Разложение у наших врагов и наши победы // Там же. 9 окт.; Агитация эсеров // Там же. 24 нояб.; и др.
- ²¹ Ярославский Е. Буржуазия, правые эсеры, меньшевики и немцы // Беднота. 1918. 4 апр.; Он же. Триумф Керенского // Правда. 1918. 5 июля; Он же. Каинам революции // Там же. 10 авг.; Он же. Что говорят о нас враги // Там же. 25 сент.; Он же. История Самарского переворота // Там же. 26 сент.; Он же. Друзьям Марии Спиридоновой // Там же. 19 дек.; и др.
- ²² Карпинский В. Враги открытые и враги скрытые // Беднота. 1918. 4 апр.; Он же. Кто и как организует деревню // Правда. 1918. 12 июля; Он же. Зачем идут на Россию войска союзных капиталистов // Беднота. 1918. 20 нояб.; Он же. Всяк сверчок знай свой шесток: (О соглашателях) // Там же. 17 дек.;

- Он же. Вот она, демократическая республика // Беднота. 1918. 29 дек.; и др.
- ²³ Быстрянский В. А. Мировое значение русской революции // Правда, 1918. 6 янв.; Он же. Бытие и сознание наших «социалистов» // Там же. 19 янв.; Он же. Пролетариат и мелкобуржуазная демократия в эпоху революции // Там же. 24 янв.; Он же. Рабоче-крестьянская революция и единство России // Там же. 1 марта.
- ²⁴ Ходоровский И. Диктатура пролетариата и филистеры социализма // Там же. 18 сент.
- ²⁵ Сосновский Л. Газетные белогвардейцы // Беднота. 1918. 30 апр.
- ²⁶ См. статьи Ю. Стеклова, опубликованные в 1918 г. в газете «Известия», «Фапатики гражданской войны», «Винювники гражданской войны», «Докатились!», «Белый террор», «Последний ход назад» в кн.: Год борьбы за социальную революцию. М., 1919. Ч. 2; Он же. Підбрехачи // Правда. 1918. 27 апр. См. также: Сергеев А. И. Разоблачение большевистской печатью контрреволюционной деятельности эсеров в 1918 г. // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне: Материалы конф. М., 1980. С. 260—264.
- ²⁷ Беднота. 1918. 4 июля.
- ²⁸ Ярославский Е. Под откос // Правда. 1918. 3 июля; Волин Б. Не война, но восстание // Там же. 6 июля; Он же. После тяжелой болезни // Там же. 27 июля; Сосновский Л. Два июля // Там же. 10 июля; Он же. Две души у партии левых эсеров // Там же. 17 июля; Ходоровский И. Крах заговорчества // Там же. 16 июля; Мещеряков Н. Новый левозеро-ровский поход против большевиков // Там же. 13, 27 окт.; Левые социалисты-революционеры и чехословаки // Беднота. 1918. 10 сент. См. также статьи Ю. Стеклова «Опасная „опозиция“», «По наклонной плоскости», «Провокация», «Единство революционного фронта», «Урок событий» и др. в кн.: Год борьбы за социальную революцию. Ч. 2.
- ²⁹ Волин Б. Не война, но восстание.
- ³⁰ Ярославский Е. История Самарского переворота.
- ³¹ Ходоровский И. Диктатура пролетариата и филистеры социализма.
- ³² Мещеряков Вл. Очередная эсеровская кляуза про Центральный комиссариат земледелия // Там же. 7 июля; Карпинский В. Кто и как организует деревню // Там же. 12 июля.
- ³³ В. К. [Карпинский В.]. Враги открытые и враги скрытые // Беднота. 1918. 4 апр.; Ярославский Е. Фарисеи нашего времени // Там же. 30 апр. Роль эсеров // Правда. 1918. 22 мая; Волин Б. После тяжелой болезни // Там же. 27 июля; Сосновский Л. Две души в партии левых эсеров // Там же. 1918. 17 июля; Мещеряков Вл. Новый левозеро-ровский поход против большевиков; Сосновский Л. Бароны и левые эсеры // Беднота. 1918. 21 дек.
- ³⁴ Ходоровский И. Крах заговорчества // Правда. 1918. 16 июля.
- ³⁵ Там же. 1922. 4, 22 марта, 2 апр., 23 мая и др.
- ³⁶ Так, бывший эсер Г. Устинов — автор брошюры «Меньшевики, правые эсеры и контрреволюция» (М., 1918) видел главную причину гибели партии эсеров в том, что ее погубила «мещанско-обывательская масса» (Устинов Г. Указ. соч. С. 5).

- 37 Там же. С. 6.
- 38 Там же. С. 14—15, 21—22 и др.
- 39 *Быстрянский В.* *Меньшевики и эсеры в русской революции.* Пг., 1921. С. 5—7, 18, 21.
- 40 Там же. С. 28.
- 41 Там же. С. 31.
- 42 Там же. С. 32—33.
- 43 Там же. С. 37, 50.
- 44 Там же. С. 38—39.
- 45 Там же. С. 43, 44, 49.
- 46 *Мещеряков Н.* *Первый год пролетарской революции* // *Правда.* 1918. 3 нояб.
- 47 *Быстрянский В.* *Меньшевики и эсеры в русской революции.* С. 46.
- 48 Там же. С. 49, 51. См. также: *Книга и революция.* 1920. № 5. С. 34—35, 73 и др.
- 49 *Правда.* 1918. 5 мая.
- 50 См.: *Декреты Советской власти.* М., 1959. Т. 2. С. 383—385.
- 51 См.: *Ленин В. И.* *Полн. собр. соч.* Т. 51. С. 118.
- 52 *Правда.* 1918. 9 окт.
- 53 Там же. 1919. 1, 22 февр.
- 54 Там же. 10 июля.
- 55 *Красная газета.* 1918. 12 окт.
- 56 *Восьмой съезд РКП(б): Протоколы.* М., 1959. С. 434.
- 57 Там же. С. 433.
- 58 Там же. С. 513.
- 59 *Девятая конференция РКП(б): Протоколы.* М., 1972. С. 97—102.
- 60 Подробнее см.: *Комаров Н. С.* *Создание и деятельность Истпарта ЦК ВКП(б), 1920—1928 гг.* // *Вопр. истории КПСС.* 1958. № 5. С. 154—155.
- 61 См.: *Декреты Советской власти.* М., 1980. Т. 10. С. 200—201.
- 62 *Ленин В. И.* *Полн. собр. соч.* Т. 43. С. 24.
- 63 См.: Там же. С. 25.
- 64 См.: *Десятый съезд РКП(б).* М., 1933. С. 175—178 и др.
- 65 Там же. С. 573.
- 66 Там же. С. 48—49, 238, 240—241.
- 67 *Революционное дело.* 1922. № 3. С. 7; № 4, С. 4—6.
- 68 *Подбологов П. А.* *Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции.* Л., 1975. С. 17—19.
- 69 *Современные зап.* 1922. Т. 9. С. 125.
- 70 *Подбологов П. А.* *Указ. соч.* С. 19.
- 71 *Речь идет о книге бывшего эсера-террориста Г. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.»* (М., 1922).
- 72 *Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет.* М., 1961. С. 642.
- 73 Там же.
- 74 Там же. С. 574.
- 75 *КПСС в резолюциях...* М., 1983. Т. 2. С. 588.
- 76 Там же. С. 589.
- 77 Там же. С. 591.
- 78 Там же. С. 589.
- 79 *Ленин В. И.* *Полн. собр. соч.* Т. 41. С. 14—15.
- 80 См.: Там же. С. 15—16.
- 81 См.: Там же. С. 21—22.
- 82 Там же. Т. 45. С. 145.
- 83 Там же. С. 149.
- 84 См.: *Владимир Ильич Ленин: Биохроника.* М., 1982. Т. 12. С. 170—171, 174, 240, 276, 284, 322, 333, 342, 344, 355, 357.
- 85 *Процесс партии социалистов-революционеров.* М., 1922. Вып. 1, 2.
- 86 *Судебные речи советских обвинителей.* М., 1965. С. 36.
- 87 Там же. С. 75.

- ⁸⁸ Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1968. С. 785.
- ⁸⁹ В связи с процессом ЦК партии правых эсеров были опубликованы работы: *Луначарский А. В.* Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. М., 1922; *Покровский М.* Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров. М., 1922; *Платонов А.* Страничка из истории эсеровской контрреволюции. М., 1923; *Казаков А.* Партия социалистов-революционеров в Тамбовском восстании, 1920—1921. Б. м., [1922]; Тезисы для агитаторов по вопросу о борьбе с мелкобуржуазными партиями // Справочник петроградского агитатора. 1921. № 5. С. 9—14; *Рожицын В.* Крушение мелкобуржуазной идеологии // Октябрьская революция. Харьков, 1922. С. 199—236.
- ⁹⁰ Правда. 1922. 28 июля; Работа эсеров за границей: По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922.
- ⁹¹ Непролетарские партии в России: Урок истории. М., 1984. С. 579—580; *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 370—373.
- ⁹² Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 785.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Партия социалистов-революционеров. Тамбов, 1921. С. 11—12, 20 и др.
- ⁹⁵ *Луначарский А. В.* Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров.
- ⁹⁶ *Карпинский В.* Как объясняют эсеры свое поражение // Беднота. 1922. 2 июля; *Глебов Н.* Кадеты с бомбой // Красная газета. 1922. 14 мая; *Вардин И.* О плохой революции и «социальном распаде» // Правда. 1923. 7 нояб. *Павлович М.* Ленин как разрушитель народничества // Под знаменем марксизма. 1923. № 4/5; *Он же.* Ленин и эсеры // Там же. № 10; *Он же.* Профессор-идеалист на великом историческом перепутье // Печать и революция. 1923. № 3; *Мещеряков Н.* Распад // Красная новь. 1922. № 1; *Невский В.* Реставрация идеализма и борьба с новой буржуазией // Под знаменем марксизма. 1922. № 7/8; *Иорданский Н.* Между историей и политикой // Красная новь. 1923. № 3; *Полянский В.* Контрреволюция под флагом защиты крестьянства // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией: Сб. ст. М., 1923; *Горев Б.* На идеологическом фронте: Сб. ст. М.; Пг., 1923; и др.
- ⁹⁷ На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. С. 55—56.
- ⁹⁸ Там же. С. 45.
- ⁹⁹ Там же. С. 49, 51—52, 56 и др.
- ¹⁰⁰ Коммунистическая революция. 1923. № 2. С. 16.
- ¹⁰¹ *Воронский А.* Советская литература и белая эмиграция // Литературно-критические статьи. М., 1965. С. 361—362.
- ¹⁰² *Быстрянский В. А.* Из исповеди контрреволюционера. Вл. Зензинов. Из жизни революционера. Париж, 1919 // Книга и революция. 1921. № 12. С. 1—4; *Пионтковский С. С.* Мстиславский. Пять дней: Начало и конец Февральской революции. 1922 // Печать и революция. 1922. № 2. С. 290—295; *Он же.* А. Ф. Керенский. Гатчина. М., 1922. // Там же. № 6. С. 246—247; *Казмин Н.* Эмигрантские газеты // Там же. 1923. № 4. С. 65—70; *Авдеев Н. Е.* Колосов. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923 // Пролетарская революция. 1923. № 6/7. С. 302—315; *Ольминский М. А.* Аргунов. Между двумя большевиками. Париж, 1919 // Там же. 1922. № 3, и др.
- ¹⁰³ *Савинков Б.* Воспоминания террориста. Харьков, 1922; *Семе-*

- нов Г. Указ. соч.; Буревой К. Распад. М., 1923; Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923; и др.
- ¹⁰⁴ Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917 г. М., 1929.
- ¹⁰⁵ Вардин И. Политические партии и русская революция. М., 1922. С. 15; Мещеряков Вл. Партия социалистов-революционеров. М., 1922. Ч. 1. С. 4—5; Воронский А. Из человеческих документов // Красная новь. 1922. С. 339—348.
- ¹⁰⁶ Сверчков Д. Три метеора. Л., 1926. С. 3.
- ¹⁰⁷ Сверчков Д. Керенский. 2-е изд. Л., 1927. С. 3.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 133.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам: Очерки из истории эсеро-меньшевистской контрреволюции в 1918 г. М.; Л., 1927; Она же. Левые эсеры в 1917—1918 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 4; Шестаков А. В. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М., 1927; Он же. Блок с левыми эсерами // Историк-марксист. 1927. № 6; Он же. Советы крестьянских депутатов в 1917—1918 гг. М., 1929; Лисовский П. На службе капитала: Эсеро-меньшевистская контрреволюция. Л., 1928; Парфенов В. Ликвидация мятежа левых эсеров в Москве в июле 1918 г. // Ист. журн. 1938. № 6; Ярославский Е. Третья сила. М., 1932. Оценку этой литературы см.: Гусев К. В. Советские историки о крахе партии эсеров // Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971. С. 81—83.
- ¹¹¹ Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968. С. 163, 193 и др.; Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября, 1917—середина 30-х годов: Очерки. М., 1981. С. 166—170; и др.

Заключение

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 542—543.
- ² Там же. С. 500.
- ³ Там же. Т. 19. С. 173.

- Авдеев Н. Н. 206
 Авенариус Р. 41, 80
 Авксентьев Н. Д. 23, 41, 90, 195, 219, 225, 263, 283, 292
 Агафонов В. К. 287
 Алаторцева А. И. 26
 Алданов М. А. 304
 Александр II 202
 Александров Б. Н. 301
 Алексеева Г. Д. 280, 309
 Антонов Н. см. Лукни Н. М.
 Аргунов А. А. 194, 290, 300, 308
 Астрахан Х. М. 13, 279, 290

 Бабин Б. В. 40, 283
 Балмашов С. В. 49
 Баталов Э. И. 278
 Барихновский Г. Ф. 15, 280
 Бах А. Н. 40, 82, 101, 118, 123, 287, 289, 291
 Белова Н. В. 26
 Бельский П. см. Сапожников П. Ф.
 Бенак Ж. 279
 Бергсон А. 41
 Бердяев А. Н. 52
 Бернштейн Э. 84
 Благоев Д. 27
 Боффи А. 278
 Брешковская К. (Брешко-Брешковская Е. К.) 66, 68, 282, 286
 Бунаков И. см. Фундаминский И. И.
 Буревой К. (Сопляков К. С.) 25, 92, 140, 141, 142, 143, 144, 265, 288, 294, 295, 300, 309

 Бухарин Н. И. 145, 240, 260, 295, 305
 Быстрянский В. А. 22, 27, 185, 245, 248, 249, 250, 280, 291, 306, 307, 308
 Быховский Н. Я. 118, 265, 286, 291, 292, 294, 309

 Вишняк М. В. 25, 39, 94, 96, 97, 116, 120, 122, 195, 197, 202, 207, 208, 216, 218, 220, 222, 223, 225, 229, 232, 233, 244, 263, 264, 274, 276, 289, 290, 291, 293, 300, 302, 303
 Владимирова В. М. 267, 309
 Волгин В. П. 239, 305
 Волни А. см. Юделевский Я. Л.
 Волни (Фрадкин) Б. М. 306
 Володарский В. (Гольдштейн М. М.) 93, 228
 Волощенко З. М. 26
 Вольский В. К. 140
 Воропов Б. Г. см. Лебедев Б. И.
 Воронский А. К. 308, 309

 Гапон Г. А. 266
 Гармиза В. В. 280, 281, 288
 Гегель Г. 80
 Гендельман М. Я. 96, 104, 105, 290
 Герис В. 279
 Герцен А. И. 40, 103
 Гизетти А. А. 289, 290
 Гинев В. Н. 13, 14, 55, 278, 279, 284, 285
 Глебов (Авиллов) Н. П. 246, 308

- Голянков Д. А. 301
 Голуб П. А. 279
 Голубовский Л. 295
 Гусев К. В. 13, 15, 147, 148,
 278, 279, 294, 295, 297, 298,
 299, 300, 308, 309
 Гучков А. И. 219
 Дан Ф. И. 266
 Дволайцкий Ш. М. 239, 305
 Деникин А. И. 95, 139, 234, 241,
 242, 253
 Джемс (Джеймс) У. 41
 Дзержинский Ф. Э. 93
 Дюринг Е. 42
 Евгенийев См. Сталипский Е.
 Ерицяп Х. А. 13, 279
 Ерофеев Н. Д. 287
 Желябов А. И. 183
 Жуков А. Ф. 287
 Жумаева Л. С. 280
 Зайдель Г. С. 208, 209, 211, 302
 Закс Г. Д. 148, 149 180, 181, 297,
 299, 305
 Зародов К. И. 278, 290
 Зензинов В. М. 288, 292, 302,
 306
 Зиммель Г. 41
 Зигта В. О. 185, 187
 Ивапов-Разумпик Р. В. 148, 157,
 160, 161, 162, 296, 297, 298
 Иванович Ст. (Португейс С. И.)
 258
 Игрицкий Ю. И. 290, 291, 292
 Ильящук Г. И. 280, 281, 289
 Ионкина Т. Д. 279
 Иорданский И. Н. 308
 Иоффе Г. З. 290
 Казаков А. С. 308
 Казмин Н. 308
 Каляев И. П. 181
 Камков (Кац) Б. Д. 147, 148,
 151, 156, 160, 169, 170, 171,
 172, 289, 295, 296, 297, 298
 Камушкин М. В. См. Спири-
 на М. В.
 Канпцева Н. И. 281
 Кант Э. 41, 80
 Кареев Н. И. 45
 Карелип В. А. 148, 154, 155,
 177, 296, 297, 298
 Карпинский В. А. 22, 245, 263,
 305, 306, 308
 Каутский К. 10, 21, 97, 100, 130,
 149, 291
 Кашеп М. 196
 Керенский А. Ф. 25, 97, 195,
 197, 199, 218, 219, 222, 224,
 234, 246, 266, 276 291, 301,
 302, 303, 305, 308
 Ключевский В. О. 216
 Ковалевский М. М. 44, 285
 Ковальская Н. 185, 300
 Колосов Е. Е. 23, 85, 86, 283,
 288, 308, 309
 Колчак А. В. 95, 139, 234, 242,
 245, 253, 308, 309
 Комаров Н. С. 307
 Комип В. В. 15, 279, 280, 301
 Комов А. См. Юделевский Я. Л.
 Кондратьев Н. Д. 293
 Коноплянников З. В. 181
 Корешь Б. См. Бабин Б. В.
 Корнилов Л. Г. 264
 Кочаровский К. Р. 195, 204,
 205, 302
 Крупнов Н. См. Потапов А. И.
 Крылепко Н. И. 260
 Кудрин Н. См. Русанов Н. С.
 Кун Б. 303
 Куприянов П. М. 280, 284, 285
 Лавров П. Л. 35, 40, 43, 45, 73,
 85, 103, 151, 186, 199, 288
 Левпцкпй А. См. Гоц М. Р.
 Лебедев В. И. 181, 195
 Левпп В. М. 157, 171, 296, 298

- Левковский А. И. 276
- Лозинский Е. И. 282, 283, 284
- Ленин В. И. 4, 5, 9, 10, 11—13
16, 21—23, 27—31, 33—35,
38—40, 42, 43, 45—53, 55—60,
63, 66—71, 73—76, 78—81, 85,
87, 89, 93, 95—97, 99, 102, 104,
107—109, 111—113, 115, 118,
120, 124, 125, 127—137, 139,
144, 146—147, 149, 151 153,
154, 162, 163, 173—177, 179,
185, 190, 193, 194, 195, 197,
207, 227—229, 233, 235, 236,
238, 240—245, 251—253, 257—
259, 262, 270, 275, 278—301,
303—305, 307, 308
- Лесевач В. В. 40
- Лисовский П. А. 267, 309
- Литвин А. Л. 294
- Лукин Н. М. 305
- Луначарский А. В. 22, 23, 261,
262, 305
- Лункевич В. В. 39, 96, 122, 128,
170, 288, 289, 290, 291
- Магеровский Д. А. 295, 296
- Максимов Г. Н. См. Ракитни-
ков Н. И.
- Маркс К. 44, 47, 50, 58, 59, 60,
62, 69, 73, 74, 99, 101, 110,
187, 201, 213, 248, 282, 283,
285—287, 309
- Мартов Л. (Цадербаум Ю. О.)
147, 235
- Марушкин Б. П. 290
- Марыгин М. М. 280
- Маслов С. С. 198, 209, 228, 229,
230, 231, 232, 248, 302, 304
- Мах Э. 41
- Мещеряков Б. Н. 263, 306, 309
- Мещеряков Н. Л. 246, 305, 306,
308
- Милюков П. Н. 235, 263, 267,
302
- Минор О. С. 195
- Митрофапов А. Х. 264, 302
- Мирбах В. 177, 246
- Михайловский Н. К. 35, 36, 40,
42, 43, 45, 61, 73, 78, 85, 86, 103,
151, 186, 187, 188, 199, 283,
299, 300
- Мстиславский (Маслов-
ский) С. Д. 148, 157, 158, 162,
174, 175, 296, 297, 298, 308
- Мухачев Ю. В. 15, 16, 280, 300,
301
- Натансон М. А. 86, 148, 164,
297
- Наумов Н. В. 290
- Наумова Е. 299
- Невский В. И. 263, 308
- Нечетный С. См. Слетов С. Н.
- Никитин В. А. 281
- Ницше Ф. 41, 283
- Носарь Г. С. (Хрусталеv П. А.)
266
- Оборин А. 180, 305
- Овин С. 288
- Огановский Н. П. 137
- Ольпинский М. С. (Александр-
ров) 22, 252, 308
- Осипова Т. В. 26, 280
- Павлович М. (Вельтман М. Л.)
308
- Пайпс Р. 75
- Панова Е. П. 16, 280
- Парфенов В. Е. 309
- Пашков А. И. 17
- Перовская С. Л. 183
- Петр I 202
- Петров А. П. 276, 279, 290
- Петров М. Н. 138, 294
- Пешехонов А. В. 63, 286
- Пилсудский Ю. 248
- Пионтковский С. А. 308
- Платонов А. 308
- Плеханов В. Г. 27, 31
- Подболотов П. А. 13, 307

- Покровский М. Н. 22, 252, 260, 261, 262, 292, 308
 Поливанов А. А. 219
 Полянский В. 301, 308
 Полянский Н. А. 149, 180, 185, 295, 299
 Попов Н. Н. 22, 192, 300
 Потапов А. И. 285
 Прошьян П. П. 150, 153, 295
 Прудон П. 206
 Пуанкаре А. 41

 Разин С. 103
 Разгон А. И. 279
 Ракитников Н. И. 140, 265, 288, 293
 Рикардо Д. 59
 Риккерт Г. 41
 Риль А. 41
 Ритина И. 288
 Рожицын В. С. 308
 Роллан Р. 196
 Романов М. 305
 Ромаповы 80.
 Розенблюм Д. С. 96, 114, 123, 290, 292
 Ромаповский Н. В. 290
 Рубанович И. А. 43, 195
 Рудаков С. 40, 84, 296, 297
 Русанов Н. С. 23, 24, 31, 39, 96, 111, 113, 122, 195, 197, 219, 282, 283, 284, 285, 287, 289

 Савинков Б. В. 25, 219, 258, 264, 300, 302, 308
 Сазонов Е. С. 181
 Салов В. И. 289
 Сапожников П. Ф. 185, 186, 187, 299, 300
 Саушкин Н. М. 279
 Сверчков Д. Ф. 266, 267, 309
 Святницкий Н. Я. 25, 97, 124, 125, 292, 294
 Семенов Г. (Васпльев) 144, 265, 288, 307
 Сенчакова Л. Т. 26

 Сергеев А. И. 294
 Сергеев В. Н. 306
 Серова Е. А. 26
 Сибиряков Н. См. Мещеряков Н. Л.
 Сиверский См. Агафонов В. К.
 Сивохила Т. А. 279
 Скворцов-Степанов И. И. 305
 Слетов С. Н. 286
 Слопим М. Л. 195, 199, 300
 Смит А. 59
 Соболев Г. Л. 278, 279, 290, 301
 Соболева П. И. 277
 Сорокин П. А. 23, 44, 45, 46, 96, 102, 115, 120, 190, 206, 213, 214, 275, 276, 283, 286, 287, 301, 302
 Спиридонова М. А. 147, 148, 163, 177
 Спирин Л. М. 13, 279, 280, 294, 299
 Спирипа М. В. 26, 280, 284, 285, 299
 Сталин И. В. 240, 305
 Сталипский Е. А. 195, 287, 300
 Стеклов Ю. М. 245, 306
 Степанов И. См. Скворцов-Степанов И. И.
 Степанский А. Д. 282
 Стефанский И. 180
 Струве П. Б. 51, 52
 Сухапов Н. Н. (Гиммер Н. Н.) 107, 108, 195, 266, 302

 Тарасов Н. См. Русанов Н. С.
 Ткачев П. Н. 73
 Торез М. 280
 Трифонов И. Я. 294
 Трутовский В. Е. 150, 151, 152, 153, 166, 172, 295, 296, 297
 Туган-Барановский М. И. 52
 Тумаринсон В. X. 16, 279, 280
 Урицкий М. С. 93, 228
 Успенский Г. 40
 Устинов А. М. 149, 185, 248, 295, 296, 306

- Устинов Г. 248, 306
Устинов Е. См. Лозицкий Е. И.
- Федосеев Н. Е. 27
Фрапс А. 196
Френсис Д. 266
Фундаминский И. И. 97, 195,
232, 244, 289
- Херасков И. М. 301
Ходоровский И. И. 239, 240, 247,
305
Хорос В. Г. 42, 283
- Церетели И. Г. 175
Цеткин К. 260, 261
- Чагин Б. А. 280
Чекин Б. Н. 300
Чернов В. М. 9, 16, 23, 24, 25,
35, 38, 40, 45, 46, 52, 54, 55,
58, 59, 64, 67, 69, 78, 84, 86,
96, 97, 100, 101, 116, 122, 155,
175, 195, 198, 202, 203, 207,
208, 209, 210, 211, 215, 216—
221, 224, 227, 229, 231, 235,
236, 248, 263, 282, 283, 284,
285, 286, 287, 288, 289, 290,
291, 292, 293, 301, 302, 303,
304
Черных А. Г. 16, 279, 289
- Чернышевский Н. Г. 40, 42, 103
Шаццлло К. Ф. 26
Шестак Ю. И. 277, 294, 299
Шестаков А. В. 209, 309
Шестаков М. Р. 280, 287
Шиллер Ф. 41
Шкарепков Л. К. 15, 16, 280,
301, 304
Шмелев Н. А. 140
Шоу Б. 196
Шрейдер А. И. 195, 199, 206,
212, 299
Штайгервальд Р. 281
Штейнберг И. З. 148, 149, 165,
166, 171, 206, 229, 231, 285,
291, 297, 298, 301, 302, 304
- Щагин Э. М. 279, 280
Щипанов И. Я. 285
- Эпгельс Ф. 42, 44, 47, 58, 62, 69,
71, 73, 78, 99, 110, 273, 282,
283, 285—287, 309
- Юделевский Я. Л. 23, 36, 37, 39,
40, 53, 84, 282, 283, 285, 286,
287
Юденич Н. Н. 253
- Ярославский Е. М. 245, 267, 305,
306

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ К 1917 Г.	27
Социально-классовые основы партии эсеров и ее доктрины. Теоретические основы социологической концепции эсеров	29
Воззрения эсеров по проблемам капитализма, классовой борьбы и революции в России	50
Революция 1905—1907 гг. и кризис доктрины эсеров . .	77
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРАВЫЕ ЭСЕРЫ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	91
Правые эсеры о характере эпохи и предпосылках революций 1917 г. в России	99
Правые эсеры о Феврале и Октябре, социально-экономической политике Советской власти	109
Октябрьская революция в освещении группы «Народ» . .	138
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА	147
Февраль и Октябрь в оценках левых эсеров	154
«Народники-коммунисты» и «революционные коммунисты» об Октябрьской революции и диктатуре пролетариата . .	179
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ГИБЕЛЬ ЭСЕРОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЭМИГРАЦИИ	192
Изменения в социологической концепции эсеров	198
Февраль и Октябрь в изображении эсеров-эмигрантов . .	215
ГЛАВА ПЯТАЯ. БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПО РАЗОБЛАЧЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКИ ЭСЕРОВ (1917 — начало 20-х годов)	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	270
ПРИМЕЧАНИЯ	277
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	310

Алексеева Г. Д.

А47 Критика эсеровской концепции Октябрьской революции.— М.: Наука, 1989.— 317 с.
ISBN 5—02—008497—2

В книге раскрываются теоретические основы воззрений эсеров на важнейшие проблемы революции в России, показывается несостоятельность трактовок различными течениями эсеровской историографии (правыми и левыми социалистами-революционерами, группой «Народ», «народниками-коммунистами», «революционными коммунистами») событий 1917 г. и социально-экономической политики Советского государства, окончательный крах эсеровской концепции в эмиграции. Одна из ключевых тем работы — борьба В. И. Ленина, историков-марксистов против эсеровских фальсификаций истории Октября.

Для историков и всех интересующихся историей нашей Родины.

Научное издание

Алексеева Галина Дмитриевна

**КРИТИКА
ЭСЕРОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

**Утверждено к печати
Институтом истории СССР
АН СССР**

**Редактор издательства М. А. Васильев
Художник В. Д. Епанишников
Художественный редактор М. Л. Хрампов
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректоры Л. В. Ким, Л. И. Николаева**

ИБ № 39189

**Сдано в набор 05.08.88
Подписано к печати 13.12.88
А-10 666. Формат 84×108^{1/2}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 16,8 Уч.-изд. л. 19
Тираж 2500 экз. Тип. зак. 302
Цена 2 р. 80 к.**

**Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., 90
4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25**

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

„НАУКА“

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ, ЗАДАЧИ/Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1989 (III).— 18 л.

В книге представлены позиции историков, демографов и этнографов по дискуссионным проблемам исторической демографии, отражены достижения в изучении этой дисциплины в Советском Союзе, США, в странах Западной Европы, Азии и Латинской Америки, определены пути и задачи дальнейшего научного поиска.

Для историков, демографов.

Пушкарева И. М.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ. 1907—1910 гг./Ин-т истории СССР.— М.: Наука. 1989 (III).— 20 л.

В монографии рассматривается проблема сохранения революционных традиций рабочим классом России в период реакции, наступившей после поражения революции 1905—1907 гг. Статистические методы исследования в работе сочетаются с введением в научный оборот большого конкретно-исторического материала, позволившего представить картину рабочего движения в стране в целом и по отдельным ее регионам.

Для историков.

НЕПРОЛЕТАРСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ В ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЯХ/Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1989 (III).— 20 л.

В сборнике освещаются процесс возникновения и развития буржуазных и мелкобуржуазных партий России, их политика в годы революции 1905—1907 гг., в феврале 1917 г. и в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Завершают книгу материалы об углублении кризиса этих партий после победы Великого Октября.

Для историков.

*

Сенчакова Л. Т.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг./Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1989 (I).— 20 л.

В монографии на большом документальном материале анализируются ведущие формы крестьянского движения, их внутреннее развитие, история революционно-демократических крестьянских организаций, деятельность на селе революционных социал-демократов.

Для историков.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

Адреса магазинов «Академкнига»:

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга-почтой»);
370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга-почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга-почтой»);
320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга-почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга-почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга-почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга-почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга-почтой»);
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга-почтой»);
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга-почтой»);
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга-почтой»);
191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул. 7 («Книга-почтой»);
194064 Ленинград, Тихорецкий проспект, 4;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга-почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12 («Книга-почтой»);
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 («Книга-почтой»);
142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 Пущино Московской обл., МР, «В», 1 («Книга-почтой»);
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга-почтой»);
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга-почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
634050 Томск, Академический проспект, 5;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга-почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга-почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга-почтой»).